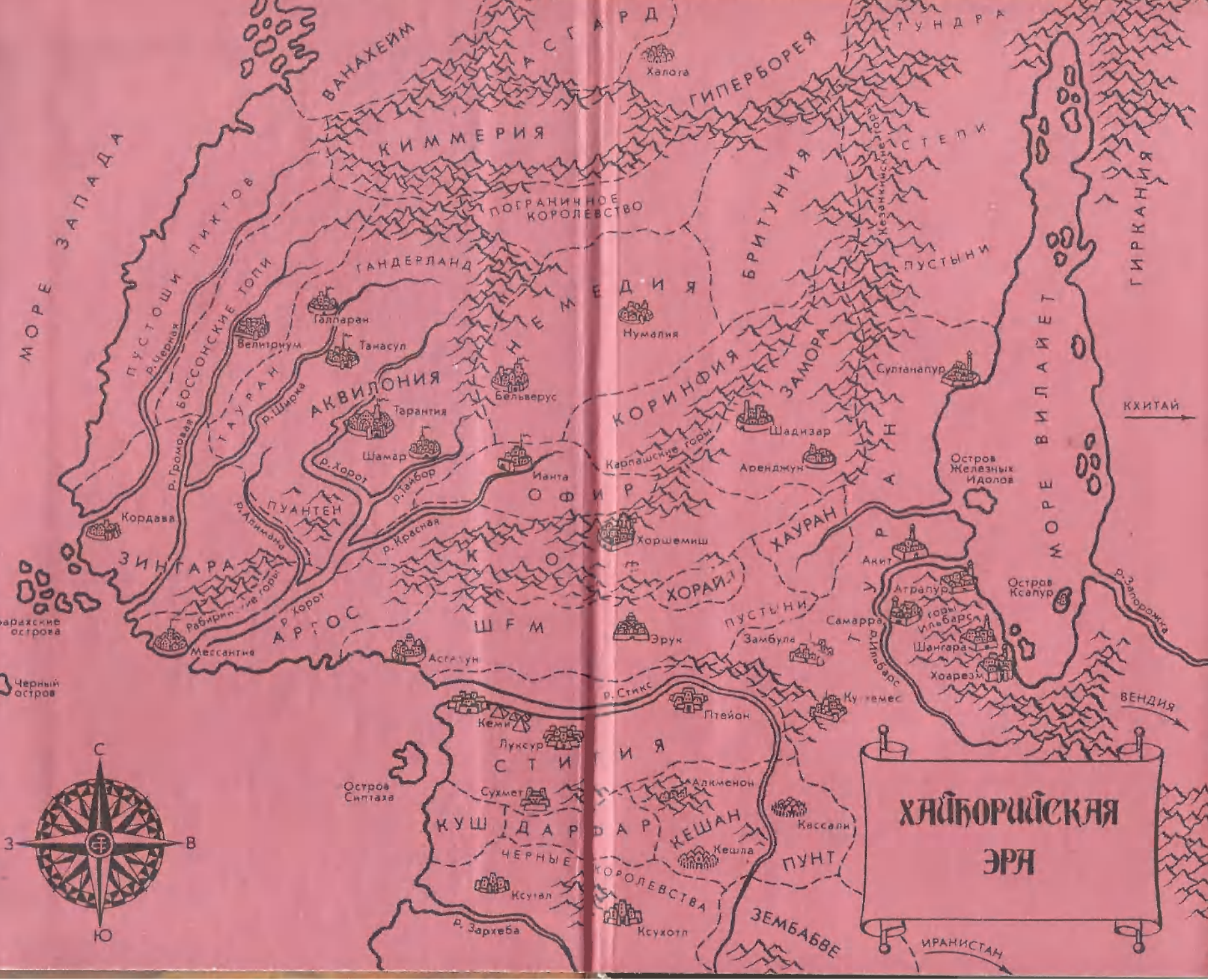

КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА

Северо-Знаг®

МОРЕ ЗАПАДА

ПУСТОШИ ПИКТОВ
БОССОНСКИЕ ТОПИ
ТАУРАН
ТАУРА

ВАНАХЕЙМ
КИММЕРИЯ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ТАНДЕРЛАНД

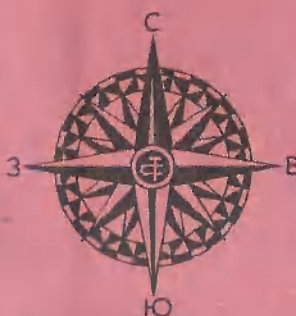
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
БРИТУНИЯ

ТУНДРА
ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ
МОРЕ ВИЛАЕТ

КХИТАЙ

Черный остров

КОРДАВА
ЗИНГАРА
РАБИРИН
МЕССАНТИЯ
Аргос

ПУАНТЕН
Р. Хорот
Р. Красная
ШФМ

ОФИР
ХОРШЕМИШ
ХОРАИ
ЭРУК

ХАУРАН
ПУСТЫНИ
ЗАМБУЛА
АКИТ

Остров Железных Идолов
Остров Ксапур
Р. Зорошас

Остров Сиптаха
КЕМИ
ЛУКСУР
СУХМЕТ

СТИГИЯ
КУШ
ДАРДАР
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
КЕШАН
КЕШЛА
КУХУЛ
КУХУЛ

САМАРРА
ГОРЫ ИЛЬБАРСА
ШАНГАРА
ХОАРЕЗМ
КУТЭМЕС

ВЕНДИЯ

Хайборийская эра
ИРАНИСТАН

Конан и Сердце Аримана. Романы / — СПб., «Троль»,
1996. — 448 с.

ISBN 5-87365-031-4

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части
в любой форме, в средствах массовой информации. Любые
попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном
порядке.

- © М.Мэнсон, 1996
- © Т.С.Стюарт, 1996
- © Т.Старшинова, перевод, 1996
- © А.Арискин, обложка, 1996
- © А.Ширкин, графика, 1996
- © «Троль», составление и подготовка текста
- © «Троль», «Путеводитель по Хайбории»
- © «Сверо-Запад», серийное оформление
обложки и форзаца

Вот краткая история деяний и подвигов Конана Киммерийца, короля великой Аквилонии.

В сорок лет он захватил тарантийский престол, свергнув власть Нумедидеса, племянника и наследника покойного аквилонского владыки Вилера, а затем укрепился на троне, подавив мятежи тауранских и гандерландских баронов, осмелившихся восстать против него.

В год Дракона, когда Конану исполнилось сорок пять зим, грянула Немедийская война. Повелитель Немедии Тараск со своими сообщниками, при поддержке древнего мага Ксальтотуна, вторгся в Аквилонию; войско Конана было разбито, столица захвачена, а сам киммериец попал в плен к колдуну. Ему удалось бежать; и, собрав силы, он нанес врагам сокрушительное поражение. После тех славных битв он обрел три сокровища: мир и покой в своей стране, могучий талисман, называвшийся Сердцем Аримана, и королеву, прекрасную Зенобию, подарившую ему вскоре сына, принца Конна.

Через восемь лет аквилонские армии под предводительством короля сокрушили мощь южных хайборийских держав, Офира и Кофа, Аргоса и Зингары; Аквилония получила выход к морю, и ее гарнизоны встали на границе Стигии. Спустя три-четыре года Конан предпринял поход в Гиперборею, уничтожив колдовской орден магов Белой Руки. Еще через пять-шесть лет, когда ему было уже за шестьдесят, он обрушился на Стигию, разбил ее войска, рассеял и перебил жрецов Сета, чародеев Черного Круга, а главу их Тот-Амона долго преследовал, пока не настиг в дебрях Черных Королевств и не убил.

Совершив сие, Великий Киммериец счел, что долг его перед богами и людьми исполнен. Оставив аквилонский престол своему сыну, он, в возрасте шестидесяти пяти лет, отправился в Западный Океан на поиски новых земель и приключений.

И более о нем не слышали ничего.

**Из Аквилонских Летописей, хранящихся в Королевском
Архиве в Тарантии.**

Кровавый шар тлел затаенным блеском в полумраке сокровищницы. Огонь его был сейчас незаметен, скрытый пологом заклинаний, хранивших сокровище от чужой и жадной руки, и камень казался обычным рубином — багровым, темного оттенка и изрядной величины, без малого с кулак.

Но в сундуках Конана, аквилонского владыки, нашлись бы рубины и побольше и поярче цветом, не говоря уж о редкостных алых алмазах, подобных сгусткам застывшего пламени. Были у него и другие красные камни, радующие глаз переливами утренней зари или тихим вечерним сиянием заката; были огненные опалы из Черных Королевств, были розовые жемчужины с островов Вендийского моря, был полупрозрачный багряный нефрит из далекого Кхитая. И другие камни хранились в сокровищнице, золотистые и белые, цвета солнца, луны и северных снегов, синие и голубые, оттенков моря и неба, темно-фиолетовые и прозрачные, цвета ночи и дня, серые с игристыми блестками и мрачно-черные, цвета драгоценной парчи и бархата, желто-коричневые и зеленые, напоминавшие тигриные и кошачьи глаза. Но красных самоцветов скопилось тут особенно много, ибо были они к лицу Зенобии, прекрасной королеве Конана.

Но все эти груды драгоценностей, включая и золото в слитках и монетах, лежали в ларчиках, ларцах и сундуках, в мешках и мешочках, в шкатулках и кошельках, тогда как багровому шару было отведено особое место: в дальнем конце помещения, в алькове под стрельчатыми сводами, на невысоком постаменте из черного мрамора.

И всякий гость, коего Конан приводил сюда — дабы наградить или внушить уважение и страх своим несметным богатством — мог любоваться багровым рубином беспрепятственно и думать о том, что камень сей

стоит дороже всех сокровищ земных. Не только лежавших здесь, в продолговатом длинном зале под тарантийским дворцом* владык Аквилонии, но и тех, что принадлежали прочим императорам и королям, князьям и нобилям, купцам и торговцам, сколько бы не насчитывалось их на Туранском материке** от западных до восточных морей.

Ибо этот тлеющий рубиновый шар был Сердцем Бога. Сердцем Аримана, источником космической силы, кровавым сердцем тьмы, пришедшим из самых глубин времени! Могучим и таинственным амулетом, хранителем Аквилонского королевства.

Двое стояли перед ним: огромный мускулистый мужчина в богатых одеждах, синеглазый, с темной гривой волос, и мальчик, гибкий и стройный, высокий не по возрасту, с такими же синими глазами и черными локонами, падавшими на плечи. Конан, король Аквилонии, величайший из хайборийских владык, и принц Конн, его единственный сын и наследник.

Конан был не молод, но годы не согнули его могучего стана, и лишь редкая седина в волосах да морщинки у глаз намекали, что повелителю Аквилонии уже за пятьдесят. Конну было семь, но выглядел он на все десять, ибо отцовская кровь в юном принце превозмогала материнскую: он обещал вырасти таким же гигантом с крепкими мышцами, и от хрупкой тоненькой Зенобии унаследовал лишь изящную форму пальцев, высокий лоб и длинные шелковые ресницы. Все остальное было отцовским — упрямый подбородок, широковатые скулы, смуглая кожа, глаза, гордый разворот плеч, рост и стать. Уже год, как юный принц покинул женские покои и, отданный в неласковые руки наставников-мужчин, обучался воинскому делу и прочим искусствам, необходимым правителю могучей державы.

* Тарантия — столица Аквилонии, расположенная на р.Хорот.

** Туранский материк — главный материк хайборийской эпохи, слитые воедино Европа, Азия и Африка.

В благородных аквилонских семействах мальчик считался юношей с двенадцати лет, но обычаи Киммерии были не такими мягкими; там уже на десятую весну мальчишкам вручалось копье, и каждый из них мог в одиночку справиться с волком. Для Конна и этот срок был сокращен — ведь он являлся принцем, а значит, ему полагалось раньше взрослеть и раньше взять в руки оружие. И не только оружие.

Задумчиво глядя на темный рубиновый шар, Коннан, король Аквилонии, произнес:

— Вот сердце нашей страны, сын мой. И ты должен держать его так же крепко, как меч, корону и щит. Корона — знак твоей власти и силы; меч сразит твоих врагов, щит прикроет в бою. Но если нет сердца, то нет ни власти, ни силы, чтоб удержать оружие. Вырви сердце у человека, и он погибнет. Так погибнет и страна, лишенная своего талисмана и покровительства богов. Земли ее придут в запустение, рухнут замки и башни, песок засыплет каналы, поля станут лесом или степью, женщины перестанут рождать детей, храбрость покинет мужчин... И тогда придет враг! Придет и завладеет всем, что еще осталось!

— Это правда, отец? Правда? — Синие глаза сына тревожно смотрели на короля.

Пожав плечами, он с неохотой признался:

— Правда, пока люди верят в эту правду и считают, что колдовские чары и сила талисмана на их стороне. Такая вера поддерживает их и ведет к победам... Может, не камень, а вера в него и в богов — истинная сила! Но я... — он остановился, будто признание давалось ему с трудом, — я, сынок, не слишком рассчитывал на амулеты, волшеббу и божественную милость. Я все взял сам: и власть, и богатство, и этот камень.

Взгляд юного Конна обратился к самоцвету, казавшемуся почти таким же темным, как постамент из черного мрамора. Он долго рассматривал его, и король не мешал сыну, не нарушая ни словом, ни жестом глубокую тишину подземного зала. На гладких каменных

стенах хранилища мерцали светильники, по сводчатому потолку скользили тени, а пол было трудно разглядеть, так как скрывался он под горами всякого добра. В самом низу стояли тут огромные сундуки из кедровых досок, обтянутые кожей; в них, в строгом порядке, хранились драгоценное оружие, сосуды из золота и серебра, хрустальные и металлические кубки и чаши, изукрашенные самоцветами, кувшины и подносы, разнообразная дорогая утварь и рулоны тканей — бархата, парчи и кхитайского шелка, что привозили с восточной оконечности земли. На сундуках громоздились сундучки и ларцы поменьше, с наголовными обручами и диадемами, браслетами, золотыми цепями и ожерельями, заколками для плащей, поясами и всем прочим, что украшает одежду знатных. Еще выше стояли шкатулки, деревянные и серебряные, инкрустированные перламутром, с тонкой чеканкой либо резьбой, набитые серьгами, кольцами и перстнями, а также иными редкостными изделиями небольшого размера. Противоположный алькову конец сокровищницы был до самого потолка завален прочными кожаными мешками, в коих хранились монеты пятидесяти стран, от Кхитая и Вендии до Стигии и Зингары. За мешками, в самом углу, высился штабель золотых брусков, каждый размером в ладонь и толщиной в два пальца.

Наконец юный принц оторвался от созерцания граненого багрового шара и поднял глаза на Коннана.

— Тусклый... — прошептал он. — Тусклый камень... В чем его магия, отец?

— Тусклый, — подтвердил король. — Защитные заклятья скрывают истинный его блеск. Их наложил Хадрат, жрец Асуры... но о том ты не должен говорить никому, сынок.

— Я не скажу. Но магия... в чем его магия? — повторил Конн, подняв к отцу серьезное личико с огромными синими глазами.

— Сначала не о магии камня, а о чарах Хадрата, —

произнес король. — Он сделал так, что лишь три человека в Аквилонии и во всем мире могут, прикоснувшись к камню, явить людям истинную его сущность. Первый — я, Конан, владыка Гандерланда и Пуантена, Боссона и Таурана, повелитель аквилонских земель. Вторая — наша госпожа, твоя мать и моя супруга. А третий... — Он сделал паузу и значительно посмотрел на сына.

— Третий — я? — спросил мальчик, вздрагивая. — Я, отец?

— Ты, — усмехнулся король. — Ты, Конн, мой сын и наследник. И сегодня камень впервые почувствует твою руку и признает тебя... тебя, будущего властителя Аквилонии... Возьми его! Не бойся!

— Я не боюсь, отец, — пробормотал Конн, однако пальцы юного принца, протянутые к камню, дрожали. Наконец он положил на талисман обе ладони, ибо в одной огромный камень не умещался, и поднес его к груди. В течение двух или трех вдохов самоцвет был темен, с едва заметной тлеющей в сердцевине искрой; но вот она начала разгораться, покраснела, налилась багровым, словно уголь, раздуваемый незримыми мехами, и вдруг вспыхнула павшей с неба звездой. Конн вскрикнул, но пальцы его не разжались. Теперь меж его маленьких ладоней пульсировал ослепительный свет, билось живое пламя, мерцало и трепетало подобно крохотному алому солнцу. Огонь этот, однако, не обжигал рук принца, и он, успокоившись, погрузил взгляд в бездонные сияющие глубины кристалла.

— Сердце Аримана... — услышал Конан его шепот.

— Сердце Аримана, — ясно и звучно повторил он. — Талисман, пришедший из глубины веков! Держи его крепче и помни: ты видишь камень таким, каким он становится в наших руках — моих, твоих или королевых, аквилонской владычицы, твоей матери.

— Это — первое чудо? — спросил Конн.

— Да, сынок. Но чудо Хадрата, жреца Асуры... Сам же камень обладает многими свойствами: может исце-

лять и убивать, может возвратить мертвых из царства Нергала, может обратиться несокрушимым щитом и разящим мечом, может предсказать грядущее... В нем равно заключены спасение и проклятие, и лишь повелителю его решать, на горе или радость людям обратит он силу камня... — Конан помолчал и добавил: — Но главное его свойство еще удивительней, чем власть над жизнью и смертью, сынок. Талисман вселяет в людские сердца отвагу и веру, а войско отважных и уверенных в себе бойцов непобедимо!

Некоторое время принц, нахмутив чистый лоб, размышлял над этой мыслью, потом в глазах его мелькнуло понимание. Черноволосая головка Конна склонилась, и он бережно положил камень на мраморную подставку. Самоцвет погас.

— Скажи, отец, а может ли чужой прикоснуться к нему?

— Может! Может, ибо чары Хадрата лишь скрывают его суть, но не охраняют от вора и грабителя. Для того есть у нас замки, дверь с наложенным на нее заклятьем, и надежная стража! — Сделав паузу, Конан положил широкую ладонь на плечо мальчика и прибавил: — Ты знаешь, сынок, что дважды в год, в дни весеннего и осеннего солнцестояния, мы выносим талисман к народу — я или твоя мать; выносим, чтобы люди видели его сияние и знали, что Сердца Аквилонии нетленно. В следующий раз, не этой осенью, а будущей весной, ты покажешь его тарантийцам... ты, мой сын...

— Весной? А почему не в день осеннего солнцестояния?

— Потому что скоро мы поедем на юг, к войску. На южные рубежи, где нас ждут Просперо и граф Пуантенский.

Глаза Конна радостно вспыхнули.

— И ты возьмешь меня с собой?

— Да. Клянусь Кромом, ты уже мужчина! Пора тебе привыкать к грохоту битв и виду крови! А солдаты пусть знают, кто поведет их в бой в грядущие года. На Сти-

тию и Туран, если я не успею завоевать их для тебя...

— А остальные страны? Их так много, отец! Но я уже запомнил: те, что на юге, зовутся Зингарой, Аргосом, Офиром и... и...

— Их время сочтено! — Конан опустил руку на тонкие плечи сына. — Сочтено, мой юный воин! Ты будешь не завоевывать их, а держать в покорности и страхе! И Зингару с Аргосом, и Офир с Кофом, и Коринфию, и Шем. Быть может, и пиктов... Посмотрим!

Они медленно шли по узкому проходу к дверям, окованным железом, и сундуки с сокровищами нависали над ними подобно стенам, сложенным из золота и драгоценных камней. Перед дверью Конн остановился и посмотрел в дальний конец зала, на черный постамент с багровым магическим шаром.

— Ты сказал, отец, что чужие руки не могут обнаружить его сущности... Выходит, не надо его стеречь? Никто не сумеет его похитить?

Густые брови Конана сошлись в линию, лоб прорезали морщины.

— Нет, сынок, ты неверно меня понял. Сказано было, что магия не охраняет камень от вора и грабителя, а потому нужно стеречь и беречь его. К тому же, осторожность никогда не помешает.

— Но чары Хадрата?..

— Да, чары... — кивнув, король медленно повторил: — Чары... Магия Хадрата, жреца Асуры, сильна, однако он — человек... всего лишь человек... А то, что сотворено одним человеком, может быть разрушено другим... И потому, сын мой, помни об осторожности!

Дверь отворилась, и они вышли в обширный покой, где застыли четыре рослых воина из Черных Драконов, отряда гвардейцев Паллантида, охранявших дворец. В шлемах с высокими гребнями, в стальных панцирях и поножах, они казались металлическими статуями, исполненными мощи и бдительного внимания; отблески факелов играли на их нагрудниках и щитах с бронзовым чеканным аквилонским львом. Но Конан знал,

что они — всего лишь люди, верные и храбрые, но подверженные всему, что угрожает смертной плоти и крови. Их нельзя было подкупить, но можно было убить — отравой, сталью, злым колдовством и сотней иных способов. А потому дверь, ведущую в сокровищницу, тоже охраняли заклятья и крепкий запор в придачу. Правда, и то, и другое сотворили человеческий разум и руки, а значит, другому разуму и другим рукам под силу справиться с защитой... Конан искренне надеялся, что таких рук и разума в Аквилонии не сыщется, но за Стигию, страну колдунов, и воровскую Замо-ру ручаться бы не рискнул.

По-прежнему обнимая сына за плечи, он направился мимо строя воинов к широкой гранитной лестнице, что вела наверх, к залам и коридорам огромного королевского дворца.

Глава 2. Власть

Конан, повелитель могущественнейшей из хайборийских держав, в зрелых годах выглядел мужем высокого роста, широкоплечим, с крепкими мышцами и грудью, на которой могла бы улечься пантера. Он одевался в шелк и бархат; золотые львы Аквилонии украшали его тунiku, и золотая цепь, словно пленившая их, свисала с мощной шеи. Поверх гривы черных, с едва заметной проседью волос сиял и переливался драгоценный венец, но длинный прямой меч у пояса подходил ему больше короны и всех остальных королевских регалий. Одежды и дорогое убранство не могли скрыть его телесной мощи; его смуглое лицо, отмеченное шрамами, было лицом воителя и полководца, коему подчиняются с первого слова, с единого взгляда и жеста.

Таким он был, когда, восседая на троне в парадном зале королевского дворца в Тарантии, своей столице, встречался с посланцами иных земель и стран, приносивших слова дружбы или ненависти, дары или вызов,

свидетельства мира или угрозу войны. Правда, после разгрома Немедии, случившегося восемь лет назад, в год Дракона, ненависть была опасливой и скрытой, вызов — неявным, а угроз не раздавалось вовсе. Кто мог соперничать с Аквилонией, с ее закованными в сталь рыцарями, с ее непревзойденной пехотой и лучниками, способными обрушить на врага железный град стрел? Разве что Туран или Стигия... Но с Тураном Конан пока воевать не собирался, а чтобы подобраться к Стигии, требовалось время.

Кроме тронного зала, были и другие места, где всякий мог лицезреть королевскую силу и власть. Например, на площади перед дворцом, когда король выходил к народу с сияющим талисманом в руках, со своей королевой и наследным принцем, со своими вельможами и соратниками, с гвардейцами в высоких гребнистых шлемах. Другим таким местом являлся эшафот перед Железной Башней, где казнили преступивших закон — воров, насильников и убийц, предателей и святотатцев, колдунов-чернокнижников и прочих злодеев, уличенных в мерзких деяниях. Король был справедлив, но суров; и такими же справедливыми, простыми и суровыми были законы, которые он дал Аквилонии. Убивший с умыслом расставался с головой, убивший в гневе платил выкуп, убивший в честном поединке наказанию не подлежал; вора́м усекали уши, носы и руки, насильников кастрировали, святотатцев лишали языка, предателей ослепляли, а творивших злые чары колдунов, живучих, как кошки, приходилось сжигать. Королю, однако, претило мучить казнимых, и потому колдунов закалывали перед сожжением.

Власть Конана была зрима и в государственном совете, где он сидел в окружении баронов, графов и князей, первых рыцарей своей державы; и в походах, когда его бархатную тунику сменяли стальные доспехи, корону — шлем с высоким султаном, а окружающих вельмож — конные и пешие воины; и на охоте, когда он мчался в лесах и полях на быстром скакуне, с копьем

у седла и луком за плечами; и в путешествиях, кои совершались им для развлечения или по делам королевства — на кораблях по быстрому и широкому Хороту, струившему воды от северных до южных аквилонских рубежей, либо конным порядком, а случалось, и пешком, если лошади вязли в боссонских тряси́нах или не могли взобраться на горы Гандерланда. Все эти места и занятия, где власть Конана была явной, грозной и неоспоримой, давно сделались ему привычными, ибо за дюжину лет правления он неплохо овладел своим королевским ремеслом; знал, где надо явить милость, где — твердость, а где — жестокость.

Но истинное место власти, самое главное и тайное, принадлежало только ему. Быть может еще трем-четырем людям, самым близким, таким, как Зенобия, его королева, как Паллантид, начальник стражи, как Троцero и Просперо, его полководцы. Только им, да еще доверенным служителям, разрешалось входить в обширный зал с высоким потолком и стенами из потемневших дубовых панелей, примыкавший к опочивальне Конана. Тут был огромный камин и огромный круглый стол, который, если поставить его на бок, как раз прикрыл бы зияющую пасть камина; тут лежал на полу туранский ковер песочного цвета, напоминавший Конану о восточных пустынях; тут стояли массивные дубовые кресла с сиденьями, обитыми кордавской кожей; тут находились шкафы с прочными дверцами, хранившие то, что король желал иметь под рукой; и тут, над камином и на остальных стенах, было развешано оружие. Вероятно, потому Конан называл эту комнату своей оружейной.

Некогда эти покои принадлежали Хагену, аквилонскому владыке, отцу Вилера и деду Нумедидеса, свергнутого Конаном. Апартаменты Вилера и Нумедидеса оставались до сих пор не занятыми, ибо напоминали о событиях кровавых и неприятных; что касается давно пустовавшего чертога Хагена, то новый король велел отделать его для себя. В огромном королевском дворце,

воздвигавшемся веками, хватало места и его семье, и сановникам и стражам, и многочисленным слугам, и чужеземным послам. Да, места хватало, и ни к чему было тревожить тени Вилера и Нумедидеса.

Временами, когда король бывал разгневан или огорчен, он приходил сюда, в оружейную, и подолгу рассматривал свои сокровища. Вид смертоносной стали успокаивал его; он любовался аквилонскими и немедийскими мечами, прямыми и длинными, с двуручными рукоятками, гибкими клинками из Зингары, чьи эфесы походили на металлическое кружево, кривыми туранскими ятаганами и булатными саблями из Иранистана, по лезвиям коих струились прихотливые узоры. Были здесь и асгардские секиры, и боевые молоты, и цепи; были кинжалы — длинные и узкие афгульские, короткие — стигийские, а также изогнутые, с серебряной насечкой — вендийские и камбуйские; были метательные ножи, звездочки и диски, коими пользовались в далеком Кхитае и на островах Лемурийского моря. Отдельно стояли и висели копыя и пики, рогатины и трезубцы, луки и арбалеты, и множество дротиков, с наконечниками в треть пальца, в палец или с огромными и широкими остриями; последнее оружие принадлежало чернокожим из Кешана, Пунта и Зембабве, которые ходили с ним на львов. Стену, противоположную камину, Конан отвел для всевозможных щитов, доспехов и шлемов, увенчанных шпильями, перьями, султанами и рогами, либо гладких и напоминавших видом половинку огромного яйца. На нижней полке, под рядом щитов, были разложены боевые перстни, пояса и шипастые браслеты.

Созерцание этой огромной коллекции не только успокаивало Конана, но и будило воспоминания. Он покинул родные очаги в пятнадцать лет бездомным нищим мальчишкой, а в сорок, достигнув зрелости и многое испытав, очутился на аквилонском престоле; четверть века — большой срок! — он странствовал по материку, по хайборийским землям и простирившимся

востоке гирканским степям, по ледяным пустыням Асгарда и Ванахейма, по джунглям Черных Королевств и дебрям Пиктской Пустоши, по горам и долинам Вендии Кхитая, Стигии и Гипербореи, Офира и Уттары, по морям, океанам и рекам, то широким, то узким, то обращавшимся в болотистые низины.

За это время в руках его перебивало всякое оружие; сотни клинков, секир и копий, которые он находил, отнимал, крал или покупал, коими он сражался и которые, в конце концов, терял. Теперь все это возвратилось к нему; пусть не то же самое оружие, помнившее тепло его ладоней, но подобное ему. В сем чудилась Конану некая справедливость судьбы, предначертание рока; перешагнув за половину жизни, он обрел все, о чем мечтал в юности.

И даже больше! Кроме богатств, земель, замков, власти и этого оружия, у него была королева, кладезь ума и красоты, у него был сын, у него был волшебный амулет, Сердце бога, хранившее его державу. Можно ли желать большего?

Но он желал, ибо желанья человеческие воистину необъятны.

Временами мысли о будущем заслонялись картинами прошлого.

Чаще всего они наплывали в сновидениях, по вечерам, когда он, утомленный дневными заботами, садился в большое кресло в своей оружейной и разглядывал сверкавшие на стенах клинки, вспоминая и погружаясь иногда в краткую дремоту. Сон всегда был один и тот же, и впервые Конан увидел его в долине Валькии, восемь лет назад, перед несчастливой битвой с немедийцами, когда его армия попала в ловушку, устроенную магом Ксальтотуном. День был плохим, а сон — хорошим, и король ожидал его возвращения с радостью и тихой грустью, ибо в том сне он снова был молодым.

Он вновь видел поле битвы, на котором был рожден — киммерийкой, женой воина и кузнеца, облаченной в домотканые одежды из козьей шерсти. Он видел

себя нагим мальчишкой, в одной набедренной повязке из шкуры пантеры; видел, как мечет он копье в волка, крадущегося к овечьему стаду. Он снова был шадизарским грабителем и вором, вилайетским контрабандистом, наемным солдатом в Туране, Офире, Немедии, Зингаре, атаманом разбойничьей мунганской шайки, корсаром — Амрой-Львом, грозой западного побережья, пиратом с Барахских островов, нашедшим и потерявшим божественный дар Митры, разведчиком на пиктских рубежах, в дебрях Конаджохары, вождем афгулов, горцев Химелии. Он видел, как юным шестнадцатилетним воином взбирается на стены Венариума, как поднимает парус на мачте «Тигрицы», как стоит у ее руля вместе с подругой своей, прекрасной Белит, как бьется с каменными воинами Калениуса, древнего зингарского владыки... Он был каждым из этих людей, воинов, странников и моряков, и каждый из них был им; все они проходили в его снах бесконечной чередой, безмолвно приветствуя своего короля подъятием рук и клинков.

Но сейчас, в тихий летний вечер, спускавшийся над Тарантией, аквилонской столицей, Конан не спал, не разглядывал свое оружие и не предавался воспоминаниям. Сегодня рука его сына впервые легла на багровый камень; талисман признал его, и это значило, что Конн сделался взрослым. Настолько взрослым, насколько доступно для семилетнего мальчугана; но отныне его игрушками будут не деревянные мечи и копья, а стальные, не куклы-солдатики, а живые воины, всадники, пехотинцы и стрелки. Мысли эти направили Конана к думам о грядущем, и он, достав из шкафа большую карту на пергаменте, расстелил ее поверх стола и погрузился в размышления.

* * *

Дверь в оружейную приоткрылась. Конан, не поворачивая головы, знал, что вошла Зенобия. Из всех, кто мог потревожить его в этот час, она, да еще Дамиун,

старый слуга, обладали привилегией не стучать и не объявлять о своем появлении через стражников, что застыли в коридоре, охраняя покой короля. Мог прийти Паллантид, но даже он, доверенный из доверенных, спросил бы разрешения; что касается Просперо, полководца, и Троцero, графа Пуантенского, то они были сейчас далеко от Тарантии, на южных аквилонских границах, с войсками.

Конан шагнул навстречу своей королеве. Она была прекрасна: точеные алебастровые руки и плечи, волна темных волос, сияющие черные глаза, алые губы и алое длинное платье, украшенное меж маленьких грудей розеткой из искристых рубинов. Его супруга, его женщина, его драгоценный приз, увенчавший победу над Немедией... Ради нее он пощадил Тараска; она стала тем выкупом, которым Бельверус* расплатился с Тарантией за поражение в войне.

Обняв королеву, Конан приник к ее губам. Она тихонько вскрикнула, расставив руки — в левой был кувшин с охлажденным вином, в правой — поднос с двумя серебряными кубками. Кувшин ей удалось удержать, но поднос полетел на пол, и, спустя некоторое время, Конан, усмехаясь, поднял его. Случалось, манеры короля оставляли желать лучшего, особенно в вечерние часы, когда варвар-киммериец просыпался в нем, вспоминая, что заветная дверь опочивальни вскоре приоткроется перед ним.

Зенобия налила ему вина, потом уселась, оправляя волосы и поглядывая на короля тоже с затаенной усмешкой. На щеках ее выступил слабый румянец.

— Ты показал ему, мой владыка? — негромко произнесла она.

— Да.

Багряное аргосское струей хлынуло в глотку Конана.

* Бельверус — столица Немедии.

— И?..

— Все в порядке, милая. Камень признал его. Моя кровь, мой сын, клянусь Кромом!

— А ты в этом сомневался?

— Нет. Никогда!

В чем он действительно не сомневался, так это в верности Зенобии. Она не одарила его богатством, землями или честью взять супругу из знатного рода, ибо восемь лет назад была всего лишь одной из многих девушек, полурабынь, полуналожниц, принадлежавших немедийскому владыке. К счастью, король Нимед, как и Тараск, сменивший Нимеда на троне в Бельверусе, ее не касались, и Зенобия взошла на ложе Конана непорочной. И хоть не было у бывшей невольницы ни богатства, ни знатности, всем прочим светлый Митра наделил ее с великой щедростью — и красотой, и умом, и отвагой. А кроме этих сокровищ, подарила она Конану свою любовь и верность. И он, знавший сотни женщин, позабыл о них. Так было, во всяком случае, последние восемь лет, когда знатные дамы лишь склонялись перед ним в поклонах, но юбок не задирали, а хорошенькие служанки тарантийского дворца стелили постель, но не прыгали в нее.

Зенобия вздохнула.

— Как летит время, мой повелитель! Наш сын становится взрослым! Иногда я жалею, что солнцеликий Митра не даровал нам еще одно дитя...

— Не жалея, — сказал Конан. — Меньше будет споров из-за наследства. Хаген отец Вилера, некогда раз-

* Хаген — король Аквилонии, поделивший страну между тремя наследниками — сыновьями Вилером и Серьеном и дочерью Фредегондой. У Серьены родился сын Нумедилес; у Фредегонды — Валерий. Вилер потомства не имел и был убит в результате заговора Нумедилеса, который затем был свергнут Конаном. Валерий, через пять лет после воцарения Конана, вторгся в Аквилонию с войсками немедийского короля Тараска, на время захватил престол, но был разбит и погиб. (см. К. Грент, Н. О'Найт «Скрижаль изгоев», Р. Говард «Час дракона».)

делил Аквилонию между своими потомками и едва не сгубил огромную и мощную державу.

— Это могла быть девочка, — Зенобия подняла взгляд кверху, задумчиво изучая темные дубовые балки потолка.

— Ха, девочка! Опасное дело! Добро бы, она уродилась в тебя, а если б в меня, как Конн? Взгляни сюда, моя красавица, — Конан, улыбнувшись, коснулся своих скул и щек, покрытых давними шрамами.

— Ты бы хотела, чтоб у нашей дочери было такое лицо?

— Ты очень красив, муж мой, — произнесла королева с глубоким убеждением в голосе. — Ты подобен льву среди мужчин!

— Но аквилонской принцессе подобает быть газелью, а не львицей. Мы — не звери, милая, и мужчина-лев предпочитает, чтоб его ласкала нежная рука, а не когтистая лапа.

Он окинул Зенобию откровенным взглядом, и та покраснела.

А потом решила сменить тему.

— Ты возьмешь нас с собой, меня и Конна?

— Да. Все мы слишком засиделись тут, во дворце... Конну пора услышать звуки боевых труб, а тебе — взглянуть на земли юга. Среди моих солдат вы оба будете в безопасности.

— И камень? Наш талисман?

— Разумеется. Моя палатка в лагере столь же надежна, как тарантийская сокровищница. Солдаты же, зная, что Сердце Аримана с ними, будут сражаться вдвое яростней.

— Ты прав, — Зенобия кивнула. — Но об этом знают и аргосцы, и офирцы, и шемиты, и жители Кофа... Знают, боятся и попробуют тебе помешать.

— У Просперо тридцать тысяч воинов, у графа Пуантенского — тридцать две, и еще шестнадцать стоят у слияния Тайбора с Хоротом. Армия наша огромна, талисман в сокровищнице... Кто сможет нам помешать?

— Армия — это люди, а люди смертны и склонны к измене; золото — вода, утекающая меж пальцев, а волшебные талисманы сегодня служат одному хозяину, а завтра — другому. Ты замыслил великое, муж мой, так будь же осторожен! И знай, что враги наши многочисленны и коварны, и они не дремлют! Им не сломить нас силой; значит, жди какой-то хитрости!

Конан, вспомнив, что сам толковал сыну об осторожности, согласно кивнул.

— Это так. Но солдаты мне не изменят, а украсть мешки с монетой из сокровищницы нелегко — тут понадобится целый верблюжий караван.

— Они не станут похищать золото, — сказала Зенобия. — Есть вещи и подороже.

— А! — Конан с удивлением уставился на нее. — Так ты полагаешь... Он нахмурил брови, потом задумчиво покачал головой. — Это невозможно, милая! Сердце Аримана под надежной защитой. Запоры, мечи моих гвардейцев и заклятья Хадрата — сделано все, что в человеческих силах! Хотя...

Ему опять припомнилось сказанное сыну — то, что сотворено людьми, ими же может быть и разрушено.

Разумеется, так!

И слова королевы мудры; к ним стоит прислушаться и позаботиться о том, чтобы ни чародейство, ни измена, ни кража не помешали осуществлению его планов, рожденных во благо державы.

Зенобия поднялась, широкий подол ее платья всколыхнулся.

— Завтра я хочу спуститься в сокровищницу, — сказала она. — Выберу красные камни для доспехов Конна. Они уже готовы — меч, щит, кинжал, панцирь и шлем. Оружейники закончили работу, и теперь мастера чеканки должны украсить доспехи золотыми львами Аквилонии. У львов будут рубиновые глаза и рубиновые когти... Мальчику понравится!

Король усмехнулся, отгоняя тревожные мысли. Еще бы не понравилось! Первый настоящий доспех и насто-

ящее оружие... Они с Зенобией готовили этот подарок для сына в глубокой тайне, и посвящены в нее были лишь несколько дворцовых кузнецов да Эвкад, воспитатель Конна и его наставник в боевых искусствах. Вскоре мальчик появится перед солдатами и будет выглядеть как воин — в броне и шлеме, с мечом в руках! Пусть аквилонцы видят, кто поведет их в бой через десять лет!

— Ты придешь? — спросила Зенобия, плеснула вино — не в свой кубок, а в чашу Конана — и отпила глоток. Щеки ее порозовели.

— Приду, моя красавица. Когда сядет солнце... — Король, по-прежнему улыбаясь, глядел на нее. — Выбери самые лучшие камни для Конна. Пусть в наверхии эфеса будет большой рубин, и я хочу, чтоб еще одним таким же украсили шлем. Цвет крови... аквилонский принц не должен его бояться!

— Будет так, как ты сказал, мой повелитель. Я прослежу.

Королева направилась к дверям.

Конан смотрел ей вслед и, хотя он не часто обращался к богам, сейчас губы его шептали благодарственную молитву Митре. Несомненно, сам светозарный Податель Жизни послал ему эту женщину! Провел через многие испытания, а потом одарил наградой!

Испытания же были нелегкими.

Восемь лет назад четверо заговорщиков — Ораст, бывший жрец Митры, барон Амальрик, Тараск, брат немедийского короля Нимеда, и Валерий, опальный принц Аквилонский, кузен свергнутого Конаном Немедидеса — вернули к жизни древнего мага Ксальтотуна, чья мумия три тысячи лет пылилась в стигийских подземельях. Мумию эту привезли в Бельверус, немедийскую столицу, по приказу Ораста; он же нанял заморанцев, опытных грабителей древних усыпальниц, поручив им украсть Сердце Аримана, скрытое в то время от людских глаз, затерянное и позабытое. Но Ораст выведал, что могущественный талисман, некогда похищенный у Ксальтотуна, хранится в Аквилонии, в

подземелье под тарантийским храмом Митры. Заморанцы сумели раздобыть камень, хотя отряд их, кроме одного человека, уничтожил демон, охранявший Сердце. Последний оставшийся в живых доставил камень Орасту, и чудодейственная сила талисмана вызвала древнего колдуна с Серых Равнин царства мертвых. Ксальтотун, владыка канувшего в вечность Ахерона, обладал великой силой — такой, что ни один из чародеев стигийского Черного Круга не мог сравниться с ним мощью. И страшная эта мощь обрушилась на Аквилонию в грозный Год Дракона.

Но перед тем случились иные дела.

Нимед, царствовавший в Бельверусе, внезапно скончался вместе с тремя своими сыновьями во время морового поветрия, и Тараск, его брат, воссел на немедийский трон. Затем новый король двинулся на запад во главе пятидесятитысячного войска — тяжеловооруженных рыцарей, пехотинцев в стальных касках и чешуйчатых кольчугах, арбалетчиков в кожаных куртках, копыеносцев и щитоносцев. Они с боем взяли приграничные аквилонские замки, спалили несколько деревень и встали в долине реки Валькии против армии Конана, сорока тысяч бойцов, цвета королевства. Вероятно, Конану удалось бы разбить захватчиков, но магия Ксальтотуна была сильнее оружия его солдат; и в тот несчастный день алый дракон немедийцев торжествовал победу над золотым львом Аквилонии.

Итак, Конан потерпел поражение и попался в руки колдуну.

Его отвезли во дворец Тараска в Бельверусе, где Ксальтотун заточил опасного пленника в темницу; не уничтожил сразу, не убил, ибо надеялся, что киммериец будет служить ему — так, как уже служили Ораст, Амальрик, Валерий и сам Тараск. Древний маг являлся уже не слугой ожививших его, но их тайным владыкой и повелителем, и мечтал возродить Ахерон, простиравшийся некогда на землях Немедии, Аквилонии, Коринфии и Офира. Пленник мог пригодиться Ксальтотуну;

великий воин стал бы его карающей десницей, более крепкой, чем слабые длани Тараска и Валерия.

Но Конан бежал; Зенобия, юная девушка из числа королевских наложниц, спасла его, отворила двери темницы, рискуя жизнью. Киммериец ушел, едва не прикончив по пути Тараска; а затем разыскал и вернул талисман, снова украденный у Ксальтотуна. Без этого сияющего огненного шара, тысячелетиями хранившего аквилонские земли, он не мог победить.

Таковы были пророчества, два предсказания, сделанных Хадратом, жрецом Асуры, и древней колдуньей, повстречавшейся Конану во время бегства.

Чтобы возвратить Сердце своей державы, ему пришлось отправиться в долгое странствие, ибо камень переходил из рук в руки, возбуждая алчность все новых и новых похитителей, и Конан гнался за ними по землям Пуантена, Зингары и Аргоса до самого океанского побережья.

Наконец, захватив пиратскую галеру, он добрался до устья Стикса, до Кеми, величайшего из стигийских городов — и там нашел свое сокровище.

Не просто нашел — отбил в бою, вырвал Сердце Аримана из когтей ожившей мумии стигийского жреца!

Дальнейшее было предопределено. Десять тысяч рыцарей Пуантена, знаменитая тяжелая пехота Гандерланда и непревзойденные боссонские лучники составили новое войско Конана. Он разбил немедийцев, а Хадрат, жрец Асуры Всевидающего, поразил Ксальтотуна, сжег лучом, испущенным из глубин огненного шара. Валерий и Амальрик погибли, но Тараска Конан пощадил — оставил в живых, ибо выкупом за него была Зенобия.

Сейчас, вспоминая минувшее, король думал о том, что в Год Дракона, за немногие месяцы войны с Немедией, огненный шар похищали десятков раз — сначала заморанцы выкрали его из пещеры под храмом Митры, затем Тараск, напуганный могуществом Ксальтотуна, украл у колдуна волшебный амулет, после чего к нему

прикасались многие жадные руки — случайных людей, разбойников, купцов и жрецов. Это должно было послужить предостережением! Особенно более теперь, когда во всем обитаемом мире знали, какая драгоценность хранится в сокровищнице тарантийского дворца.

Призвать Хадрата, чтоб он наложил чары покрепче? Усилить пост у дверей хранилища? Предупредить Паллантида, чтоб держал ухо востро? Навесить новые замки?

Конан дал себе слово, что займется всем этим. Завтра! Или послезавтра, в самое ближайшее время!

Но в нынешний вечер карта, расстеленная на столе, неудержимо влекла его. Он опять склонился над чертежом хайборийских земель, посмотрев перед тем в широкие окна, выходящие к городу. Солнце двигалось на закат, но висело еще локтем выше тарантийских стен, башен и крыш; значит, у него оставалось время, чтобы поразмышлять над планами южной кампании. Потом... Потом он отправится в опочивальню... Не в собственную, что находилась рядом с оружейной, а в покои королевы... В своей опочивальне он спал редко, в те ночи, когда, перебрав с вином, не хотел приходить к Зенобии пьяным. Но кувшин, принесенный ею сегодня, лишь разожжет аппетит...

Король глотнул аргосского, усмехнулся и снова обратил взгляд к карте.

* * *

В центре ее лежала Аквилония — обширная земля, пересеченная реками, устланная равнинами, украшенная городами. Три из них — Тарантия, Шамар и Танасул — находились в главном домене, чьи земли омывали широкий полноводный Хорот, Тайбор и Ширка. На севере лежал Гандерланд, а за ним Киммерия, и там все было спокойно — после гандерландского мятежа, случившегося лет десять назад, когда Конан только

начинал свое правление. Спокойно было и на востоке, где за горами лежала Немедия, разгромленная восемь лет назад, покоренная и связанная вассальным договором. На западе, за Ширкой, находился Тауран, а дальше, по берегам Громовой реки, простирались Боссонские топи, граничившие с Пустошью Пиктов. И Тауран, и Боссон играли роль аквилонского форпоста, защищавшего страну от набегов пиктов, и вполне справлялись с этой задачей. И даже более того! Боссонские поселенцы, люди инициативные, трудолюбивые и суровые, год за годом теснили пиктские племена, и сейчас рубеж проходил уже по реке Черной, самому западному из континентальных потоков.

Итак, север, запад и восток были прикрыты и защищены — до того времени, пока он, Конан, не решит, сокрушить ли пиктов либо ударить по Коринфии и Заморе, лежавшим восточнее Немедии.

Юг! Юг был клубком проблем, змеиным логовом, где давно требовалось навести порядок, и восемь лет он готовился к этому.

Южная граница Аквилонии была пестрой, как ковер; начиналась она за Тайбором, в двух днях пути от коего находился Офир со своей прекрасной столицей Иантой и золотоносными копьями, а затем шла вдоль реки Красной, левый берег которой принадлежал Кофу. За Кофом лежал Шем, а за ним — огромный поток Стикса и загадочная Стигия, страна черных магов и древних пирамид.

Но этим дело не кончалось.

В юго-западном углу аквилонских земель, меж реками Хоротом и Алиманой, боги воздвигли гористое плоскогорье — Пуантен, вотчину графа Троцера, граничившую с Аргосом и Зингарой. Эти страны отрезали Аквилонию от моря и морской торговли, а Рабирийский хребет, примыкавший к берегам Алиманы, являлся рассадником грабителей, торговцев людьми и прочих злодеев, место коим Конан определил давно — на плахе у Железной Башни.

Коф, Офир, Зингара и Аргос были странами гордыми и хищными, воинственными и непокорными; население их являло собой помесь хайборийцев-завоевателей, некогда пришедших с севера, и местных племен, остатков древних народов, уцелевших во время Великой Катастрофы. У них имелись свои особенности, свои обычаи и свои боги; объединяло же их одно — ненависть к Аквилонии.

Ненависть и страх, ибо уже тринадцать лет на аквилонском престоле сидел не кролик, не шакал, не волк, а лев, и рано или поздно его когтистая лапа должна была ударить с сокрушительной силой.

Аргос был невелик и небогат плодородными землями, зато владел отличным флотом; он не пытался противостоять Аквилонии и даже мог считаться союзником, как в прошлые времена, однако король-варвар на аквилонском престоле не вызывал доверия у аргосской знати. Позиция Зингары была более определенной: зингарские нобили, тщеславные и высокомерные, звенели клинками у южных аквилонских границ и, чтоб сокрушить северного соседа, не отказались бы даже от союза с Аргосом, давним своим соперником на море. Офир был богат своими золотоносными рудниками и, как все богатые державы, предпочитал подкупать, а не сражаться; впрочем, армия у него, как и у Кофа, была многочисленной и хорошо обученной. Коф представлял не меньшую опасность, чем чванливая Зингара; там правил Страбонус, тиран и деспот, и через его страну проходили важные торговые пути, которые Конан предпочитал держать под своим контролем. Что касается Шема, то он отличался от южных хайборийских королевств, причем в лучшую сторону — он был раздроблен на отдельные города-государства и в военном отношении опасности не представлял. Западная его часть, выходившая к океану, называлась Пелиштией, и ее владыка, сидевший в столице Асгалуне, считался правителем Шема, но лишь номинально; у каждого шемитского города было собственное войско, свои законы и свои

боги. Разумеется, у этого доскутного королевства имелись свои амбиции, но его населяли купцы да искусные ремесленники, и жили они торговлей. Им нужен был мир и защита от посягательств сопредельных Стигии и Кофа, а мир могло обеспечить лишь покровительство Аквилонии и надежный союз с ней. Как гласили древние легенды, народ шемитов в незапамятные времена пришел с востока и кровной связи с хайборийцами не имел. Некогда были они степными кочевниками, но та эпоха давно миновала, оставив на память песни да сказки, предприимчивость и несомненную храбрость, отличавшую и шемитских купцов, и шемитских солдат. Как водится, шемиты не упускали случая ограбить слабейшего, но с равным или более сильным противником предпочитали не ссориться, а дружить. Но даже им, хитрым, изворотливым, готовым заплатить и отступить, не обнажая оружия, не удавалось договориться со стигийцами.

Стигия! Стигия являлась истинной целью Конана. Не Офир и Аргос, даже не Коф и Зингара, и уж тем более не Шем... Стигия, страна колдунов, земля Сета, Змея Вечной Ночи!

И у нее были свои особенности, куда посерьезней, чем у южных хайборийских соседей или торговцев-шемитов. Взять хотя бы войска, морские и сухопутные... Кораблей в стигийских портах насчитывалось немного, куда меньше, чем в Кордаве, столице Зингары, в Мессантии, столице Аргоса, или в шемитском Асгалуне. Хотя у стигийцев и имелись боевые галеры и торговые суда, силу их составлял не флот, а сухопутная армия, многочисленная, прекрасно обученная и хорошо вооруженная. Эти войска стояли в лагерях близ стигийских городов и в крепостях, охранявших границы державы Сета. Что же касается кораблей, то они редко выходили в море, совершая, в основном, плавания по великой реке Стикс, тянувшейся от западного побережья на восток, а потом резко поворачивавшей к югу, к Кешану, Пунту, Зембабве и Черным Королевствам.

Сами же стигийцы являлись древним и загадочным народом, коего отличали мрачный нрав, жестокость и таинственное могущество. В минувшие времена рубежи их владений простирались к северу от Стикса, охватывая шемитские степи и благодатное аргосское побережье, нагорья Кофа и Офира, а также пустыни близ Замбулы, одного из великих туранских городов. В ту эпоху Стигия граничила с Ахероном — с Ахероном, где властвовал Ксальтотун, с Ахероном, который пал под натиском варварских племен хайборийцев, захвативших с течением лет, вместе с пришедшими с востока кочевниками, и Аргос, и Шем, и Коф с Офиром, и все земли между излучиной Стикса и морем Вилайет, принадлежавшие ныне Турану. И стигийцы никогда не забывали о том, по чьей милости их держава уменьшилась вдвое.

Но к самым горбоносым и смуглым стигийцам Конан не питал ни отвращения, ни ненависти. Держава их лежала слишком далеко от Аквилонии, и он не собирался присоединять Стигию к своим землям, не хотел уничтожить ее народ и сравнять с песками пустыни ее города, не жаждал навязывать мрачным обитателям долины Стикса иную веру; он даже не желал возвеличивать светозарного хайборийского Митру над стигийским Сетом. В конце концов, каждый народ верит в своих богов; его дело, его право! Сам Конан отдавал предпочтение Крому, божеству своей родины, Владыке Могильных Курганов; стоило ли требовать, чтоб стигийцы перестали поклоняться Сету?

Нет, этого он не желал, а хотел лишь сокрушить власть Черного Круга и главы его Тот-Амона, истинного владыки Стигии.

Большинство людей в Туране, Шеме и в хайборийских королевствах о Черном Круге не ведали ничего либо считали этот зловещий союз темных магов и жрецов Сета досужей выдумкой и страшной сказкой. Но Конан знал правду! Знал, сколь могущественны стигийские колдуны, сколь они злобны и властолюбивы; знал, что тайная их власть простирается ко всем престолом и

странам обитаемого мира — и в хайборийские земли, и на далекий север, в Ванахейм, Асгард и Гиперборею, и на восток, в Туран, Иранистан, Вендию, вплоть до самого Кхитая. В самых далеких краях были у них союзники — колдуны и ведьмы снежной Гипербореи, называвшие свой орден Белой Рукой, и маги Алого Кольца, державшие в страхе Кхитай, Кусан, Камбую и Уттару.

Временами Конан задумывался над тем, почему светлые чародеи не объединились в подобный же союз, чтобы дать отпор силам зла; быть может, причина заключалась в том, что светлых чародеев не существовало вовсе? Возможно, те, кого он привык считать светлыми магами, были таковыми лишь на темном стигийском фоне, и среди адептов магии и колдовства имелись только два оттенка — совсем черный и серый?

Если так, то он, Конан, послан в мир с такой же целью, как и тайные слуги — воители Митры: восстанавливать справедливость! Хранить Великое Равновесие между силами добра и зла, уничтожать демонов и колдунов с их темной мощью, разгромить Черный Круг, и Алое Кольцо, и Белую Руку! Затем боги и провели его через многие испытания, даровав в конце концов королевскую мощь, непобедимую армию и огненный амулет, сердце самого Аримана!

Долгое время готовился он к южному походу и, наконец, решил, что осуществит его в две стадии. Вначале следовало разобраться с Аргосом и Зингарой, Кофом и Офиром; привести их к покорности, посадить на их престолы надежных людей, связать договорами, занять крепости, поставив там аквилонские гарнизоны. Тогда его войско беспрепятственно пройдет через южные земли, а затем, имея надежный тыл, пополнения людьми, хлеб, вино и фураж, форсирует Стикс и обрушится на Стигию. План был хорош, и проблема заключалась лишь в том, откуда нанести первый удар: с востока, от берегов Тайбора на офирскую Ианту и дальше, на Хоршемиш, столицу Кофа, и шемитский Эрук, или с запада, на Зингару и Аргос. В каждом случае были свои

преимущества: восточная дорога позволяла прервать связи Стигии с Тураном, где обычно вербовались наемники, а, следуя западным путем, армии Конана выходили к морскому побережью, что открывало простор для флота. Не аквилонского, разумеется, а кораблей Зингары, Аргоса и Шема, которые будут у него в руках!

По зрелом размышлении Конан счел, что надо нанести два удара, ибо сил у него имелось предостаточно. Он разделил их на три части: две армии и вспомогательный корпус, стоявший у слияния Тайбора и Хорота. Под командой графа Пуантенского, занявшего позицию на берегу Алиманы, там, где смыкались рубежи Аквилонии, Аргоса и Зингары, было восемнадцать тысяч конных рыцарей, его собственных и пришедших из Таурана, а также десять тысяч пехотинцев и четыре тысячи боссонских лучников. Примерно такими же силами располагал и Просперо; его рыцари были набраны в королевском домене, в землях Шамара, Тарантии и Танасула, и пехотинцы были оттуда же. Ему были приданы две тысячи боссонцев и две тысячи арбалетчиков, составлявших ранее часть столичного гарнизона. Эта западная армия была сосредоточена на границе с Офиром и за пару дней могла добраться до стен Ианты.

Итак, одно войско нацелилось на Аргос и Зингару, а другое — на Офир и Коф; но властителям сих стран было ясно, что главный удар последует там, куда придет аквилонский король со своим огненным талисманом, дарующим победу. И не только с ним, но и с шестнадцатью тысячами гандерландских пехотинцев, поджидавших его у слияния Хорота с Тайбором.

Конан еще не решил, куда отправится, и время для раздумий у него пока имелось; он предполагал выехать из Тарантии не раньше, чем через двадцать дней. Лето истекало, и срок этот был подсказан самой природой и долгим опытом; оставалось выбрать лишь направление.

Сейчас, разглядывая карту, он вновь и вновь прикидывал все преимущества и недостатки каждой из дорог; левая рука его попирала океанский берег с бога-

тыми портовыми городами Аргоса и Зингары, правая левая скользила по офирским равнинам и горам Кофа.

Да, оставалось выбрать лишь направление! Ну, а время... Время было самым подходящим, ибо большую войну всегда начинают в конце лета.

А еще лучше — осенью, подумал Конан. Осенью, когда нивы убраны, зерно лежит в амбарах, плодовые деревья ломаются от фруктов, стада тучны, а в бочках играет молодое вино.

Глава 3. Послы

Конан, в полном королевском облачении, в мантии с золотыми аквилонскими львами, в короне, с мечом у пояса, стоял на широкой дворцовой лестнице, спускавшейся в сад. Кустарник, цветы и фруктовые деревья, уже отягощенные обильным урожаем, находились в сотне шагов от него, а между их зеленой стеной и гранитными ступенями простирался луг, где по праздникам ставили помосты и скамьи, дабы попить на воздухе без помех и без риска, что пьяные гости ненароком подожгут дворцовые постройки, изрубят мебель или испортят дорогие ковры и мозаики; на сей счет Зенобия отличалась редкостной осторожностью и бережливостью. Но так бывало по праздникам; а в обычные дни луг этот принадлежал юному принцу Конну и его наставнику, благородному рыцарю Эваду из рода Тересиев, потомственных тарантийских нобилей.

Был Эвад ровесником короля, умелым и доблестным воителем, знавшим толк и в грамоте, и в законах, и в обхождении с людьми любого звания; сражался он рядом с Конаном не в одной битве и преданность его не вызывала сомнений. Достойный воспитатель для наследника!

Юный принц важно прохаживался по траве в новых своих доспехах, приседал, подпрыгивал, стараясь не показать, что латы с непривычки тяжелы, а подшлемный

ремень жестоко натирает челюсть. Конан и доблестный рыцарь Эвкад следили за ним, стараясь сдержать горделивые улыбки: уж больно напоминал парнишка молодого орла, что разминает крылья да чистит перышки перед первым полетом. Неподалеку конюх держал под уздцы небольшую саврасую кобылку, любимицу принца, снаряженную по всем воинским правилам: высокое рыцарское седло, широкие стремяна, прочные поводья с бляхами, нагрудник со стальными шипами и кольчужная попона.

Мальчик медленно повернулся, позволяя осмотреть себя со всех сторон; синие его глаза сверкали счастьем в узкой прорези шлема. Шлем, как и весь доспех, вместе с наплечниками, налокотниками и набедренниками, был выкован и набран превосходно — из синеватой аквилонской стали, сверкавшей в лучах утреннего солнца. На груди грозили друг другу рубиновыми когтями два золотых льва; еще один лев, тоже отлитый из золота, распластался в прыжке над шлемом, сжимая в зубах рубиновый шар. Такие же шары, только побольше, украшали рукояти кинжала и меча. Кинжал, узкий, длиной в ладонь, показался Конану игрушкой, а вот меч был сделан как положено — три пальца в ширину, полтора локтя в длину, прямой и обоюдоострый.

Настоящее оружие, хоть рыцарю всего семь лет!

Щитом король остался недоволен. У пехотинцев были в ходу прямоугольные щиты из дубовых досок, обтянутых кожей и обитых бронзой или стальными полосами; копейщики и меченосцы центральных провинций предпочитали щит, прикрывавший от горла до середины бедра, тогда как у северян-гандеров, людей рослых и могучих, край щита спускался ниже колена. Всадники, разумеется, обходились небольшими щитами, круглыми или овальными, дабы не поранить коня острым углом, но и эти малые щиты были размером с тележное колесо, сплошь окованы металлом и весьма тяжелы. Такой кавалерийский щит и сделали Конну, опять-таки украсив его двумя чеканными золотыми львами и выпуклым заостренным рогом в центре. Красивая вещь, но слишком тяжелая для

детской руки, решил король; а лишняя тяжесть не позволит мальчугану овладеть приемами защиты.

Он кивнул Эвкаду Тересию.

— Щит тяжеловат, наставник. Как ты проглядел?

Старый вояка поморщился и поджал губы.

— Твоя королева велела сделать такой! И шип вернуть в середине величиной в два кулака! Женщина, одно слово!

Конан сдвинул на лоб свой королевский венец и почесал в затылке.

— Может, она думает, чем больше и тяжелей, тем надежней?

Однако панцирь и шлем собрали точно по размеру...

— Ну, если б не по размеру, так парнишка болтался бы в доспехе как усохшее ореховое ядрышко в скорлупе, — заметил рыцарь.

— А так в самый раз. На полгода хватит! Сын твой, владыка, растет быстро.

Конан кивнул, свистнул конюху, приказывая подвести лошадь ближе, и повернулся к сыну.

— Брось щит, парень, и покажи мне, сумеешь ли ты вскочить в доспехах на коня. Да так, чтоб ноги сразу были в стремянах!

Мальчик щит не бросил, а бережно положил в траву и выпрямился с улыбкой.

— Я смогу, отец! Смогу!

Однако задача эта казалась королю непосильной. Конн был рослым пареньком, лошадка, наоборот, не отличалась могучей статью, но все же юный принц с трудом мог дотянуться до седла. А уж вскочить в доспехах — тем более! Все-таки шлем, панцирь, меч и кинжал весили не меньше, чем треть самого Конна, а может, и поболее того.

Но принц выглядел уверенно, а на губах его играла лукавая усмешка.

Он разбежался, топча траву крепкими подошвами сапог. Конюх, не выпуская узды, внезапно пал на одно колено, выставив другое вперед; мальчик уперся в него носком, прыгнул, взвился в воздух и, лягнув сочленени-

ями доспеха, опустился в седло. Ноги его упирались в стремена, руки сжимали поводья, а саврасая лошадка даже не дрогнула. Эвкад и конюх расплылись в ухмылках от уха до уха; видно, фокус сей готовился заранее и был проверен не раз.

— Кром, — пробормотал Конан. — А что ты будешь делать, если не найдется ни конюха, ни оруженосца с коленом вместо скамьи?

Принц, молодецки гикнув, вырвал из ножен свой новый меч и взмахнул им, будто рассекая кого-то от плеча до пояса.

— Но враг-то найдется всегда, отец! Встану на его труп!

Конан с Эвкадом переглянулись, потом доблестный рыцарь развел руками и произнес:

— Твой сын, государь!

— Мой, — согласился Конан, раздумывая над тем, когда же его потомок в первый раз обагрит свой меч кровью. И чья будет та кровь?

Сам он взял волка в девять лет, пробив ему шею дротиком, а в шестнадцать отнял жизнь у человека. Словно в насмешку, то был аквилонец, солдат, защитник Венариума — крепости, построенной Хагеном на киммерийском рубеже. Тридцать семь лет прошло с тех пор, как орды киммерийцев сожгли ее, перебили гарнизон, сравняли стены с землей, а башни превратили в погребальные холмы над грудями трупов. В той войне получил боевое крещение будущий аквилонский король, коему трон достался от Хагена, через сына его Вилера и внука Нумедидеса.

Конну надоело красоваться в седле, и он, вырвав у конюха повод, принялся гарцевать перед лестницей. Лошадка слушалась его беспрекословно, и король с довольным видом похлопал Эвкада Тересия по литому плечу.

— Останешься с нами, государь? — спросил достойный рыцарь.

— Нет. Государственные дела, чтоб их нергаловы копыта растоптали!

Он сплюнул, повернулся к саду спиной и зашагал по

переходам и залам дворца, раздраженно хмурясь и злобно бормоча что-то сквозь зубы. Утро началось хорошо, с Конна и его новых доспехов, но дальше ничего приятного он не предвидел. Какое удовольствие взирать на хитрые рожи послов, слушать их речи и вопросы да увильгивать от прямых ответов?

Посланники южных королевств давно настаивали на встрече; сперва требовали ее, потом просили и, наконец, принялись умолять. Переход от требований к просьбам и мольбам совершался по мере того, как росла численность войск, сосредотачиваемых на границах Офира и Аргоса с Зингарой. Гадючник всполошился; властители всех сопредельных стран желали проведать о намерениях грозного северного соседа и слали в Тарантию письма и гонцов. Конан, сколько мог, уворачивался от встречи, но сейчас армии его были готовы к вторжению, и он соизволил назначить аудиенцию послам. Не всем, разумеется; вельможи из Бритунии, Коринфии, Заморы и Турана приглашены не были, так как их южные дела не касались. Правда, Минь Сао, кхитайский посланец, испросил разрешения присутствовать, и Конан согласился; эта держава была так далека, что ни помощь ее, ни противодействие аквилонского короля не волновали. Однако кхитаец был человеком непростым; поговаривали, что он, невзирая на преклонный возраст и щуплое сложение, владеет приемами кхиу-та и отличается редкостной скрытностью и познаниями в тайных искусствах. Само по себе это не являлось преступлением, но если Минь Сао связан с Алым Кольцом...

Тогда он отправится к Нергалу, и кхиу-та не поможет, думал Конан, размахисто шагая по изразцовым и паркетным полам, попирая драгоценные мозаики и ковры, пинком распахивая двери.

Как обычно, он шел один, без телохранителей, так как никто из них, ни вдвоем, ни вчетвером, не сумел бы лучше защитить его, чем висевший у пояса тяжелый меч. Королевское одеяние Конана, шелка и бархат, драгоценная корона, золотая цепь и вытканная золотой нитью львы

являлись знаками его сана, дорогими игрушками, что тешат самолюбие владык, но клинок в окованных серебром ножнах был боевым. И весил он куда больше, чем корона, королевская мантия и трон.

Так, в одиночестве, Конан и появился в приемном зале, в десять гигантских шагов пересек его и опустился в огромное кресло на резных львиных лапах, утвердив меч меж колен. Послы уже ждали; прием был деловым, без особой пышности, и потому, кроме посланников, находились здесь несколько стражей со своим десятником Альбаном, генерал Паллантид, доверенный советник и командир Черных Драконов, а также Хрис, рослый мужчина в темном плаще с надвинутым на лицо капюшоном. Хрис был палачом, мастером пыточных дел, и присутствовал здесь на всякий случай.

Стиснув могучими пальцами подлокотники, Конан огляделся.

Все было в порядке; Альбан и его Черные Драконы стояли навтыжку с каменными лицами, Паллантид засыл слева от трона, Хрис жался в дальнем углу, а послы, все шестеро, трепетали посреди зала. Каждый трепетал на свой манер, в соответствии со своим характером, расчетами, страхами или надеждами, которые мнились их государям; скажем, трепет Минь Сао, хрупкого сухоощавого кхитайца, был исполнен почтительности, а трепет Хаша-ми Хата, дородного шемитского посла — восторга. Видать, он представлял уже, как стальные аквилонские легионы катятся через Шем к стигийской границе, дабы истребить в державе Сета все живое, не исключая крокодилов в водах Стикса, слонов в джунглях и страусов в песках.

Месьор Марциан, кофийский посланник, походивший на тощую крысу, трепетал вроде бы от ужаса, но его маленькие водянистые глазки хитро поблескивали. Был он, по мнению Конана, глуп и приташил с собой такую же глупую супругу, набожную до судорог, но жадную ко всякому добру; оставалось лишь удивляться, что в Хоршемише не нашлось людей поумнее. Возможно, ковар-

ный Страбонус, деспот Кофа, послал месьора Марциана для отвода глаз или выбрал его за умение одеваться с великой пышностью, совать нос в любую щелку и болтать от восхода до заката, не сказав при том ничего дельного.

Остальные трое, месьор Алонзо из Аргоса, месьор Винчет Каборра из Зингары и офирец месьор Мантий Кроат трепетали разом от гнева, возмущения, гордости и страха. Алонзо был щеголеватым, невысоким и изнеженным; Каборра был довольно высок для зингарца, поджар, со смуглым хищным лицом и черными прямыми волосами. Алонзо имел черты тонкие и благородные, Каборра выглядел попроще, не таким красавцем; щеки у него слегка отвисали, а нос лиловел, что намекало на давнюю страсть к аргосскому вину и знойным южным красоткам. Но было известно, что зингарец — опытный воин, никому не спускающий обид; он считал себя рыцарем и настоящим мужчиной и хватался за меч по десять раз на дню. Что касается офирца Мантия Кроата, то этот посланец был невысок ростом, изысканно бледен и носил черные локоны до плеч, шитый золотом хитон, короткую шелковую накидку и пояс с драгоценным кинжалом; в движениях его, как и у зингарца, ощущалась, однако, военная выправка, которую не могли скрыть ни кудри, ни пышная одежда.

Все эти четыре мерзавца, включая в список и кофийскую крысу Марциана, не вызывали у Конана ни малейшей симпатии, не говоря уж о доверии. Он считал их лазутчиками, шпионами и соглядатаями, по которым скоковались темницы в Железной Башне; и лишь хрупкий мир на границе да верительные грамоты южных владык спасали этих нобилей от строгого дознания у мастера Хриса. Что касается шемита, то он, как возможный союзник, не вызывал у Конана особой неприязни, но и восторга тоже.

Конечно, и он являлся шпионом, ловкачом и продажной бестией, но стигийские жрецы были для него страшней аквилонских всадников и пехотинцев. О кхитайце, человеке скрытном, Конан пока не составил оп-

ределенного мнения; тот в основном кланялся да шипел, шипел да кланялся. Шипел почтительно, кланялся ниже всех, но раскосые его глаза оставались ледяными, как заснеженные пики киммерийских гор.

Вот и сейчас пять посланцев поклонились, встав на одно колено, а Минь Сао опустил на оба, переломился в пояснице и трижды ударил лбом об пол. Впрочем, эту небывалую в западных странах вежливость Конан всерьез не принимал, памятуя, что у всякого жителя востока по три лица — для общения с высшими, равными и низшими. У хитроумного же кхитайского посла могло оказаться не три физиономии, а много больше.

Послы замерли в почтительных позах; у каждого с шеи свисал медальон на оранжево-красной ленте с изображением аквилонского льва — знак их неприкосновенности и королевского покровительства. Король осмотрел согнутые спины и кивнул.

— Дозволяю встать! — произнес он, пристукнув ножами меча.

Послы поднялись, и Конан, не спуская с них грозного ока, добавил:

— Вы просили о встрече, почтенные. Ну, вот вы здесь, передо мной! Говорите!

Каборра, зингарец, высокомерно приосанился.

— Долго же нам пришлось просить тебя, король! Державы наши столь же древние и могущественные, как Аквилония, и ты мог бы уважать нас больше и принять побыстрее, как сделал бы владыка любого из хайборийских королевств. Или при аквилонском дворе уже забыли о вежливости и приняли обычаи диких киммерийцев?

— Что ж, — сказал Конан, — раз ты помянул диких киммерийцев, я и поступлю с тобой, как киммериец. Выбирай: либо будешь молчать до конца нашей встречи, либо побеседуешь с моим палачом, мастером Хрисом. А до того я сорву с твоей шеи этот знак!

Он показал на посольский медальон и мрачно шевельнул бровями.

Несколько мгновений Каборра, побелев от ярости,

переводил взгляд с лица короля на фигуру мастера Хриса, небрежно игравшего плетью, затем поклонился и отступил за спины остальных послов. Те вытолкнули вперед офирца. Язык у него был подвешен лучше, чем у остальных, и отличался он большим самообладанием — еще один признак, говоривший о том, что Мантий Кроат побывал не в одной битве.

— Великий государь! — начал он. — Тринадцать лет прошло, как ты отнял власть у недостойного и воцарился на престоле в Тарантии, славной и прекрасной столице могучей державы. Ты, подобно солнцу, взошел над аквилонскими нивами и городами; ты освещаешь и согреваешь их своими милостями, ты хранишь мир, закон и справедливость, и всякий в этой стране и за ее пределами знает, сколь тяжела твоя карающая рука и стремителен меч. И потому аквилонцы и соседи их наслаждаются благословенным покоем, ибо ты прекратил войны, искоренил разбой и позволил людям благородного звания править своими уделами, купцам — торговать, крестьянам — трудиться на земле, и всем прочим добывать хлеб свой мирным ремеслом, в соответствии с их умением и прилежанием.

И все сопредельные державы, на севере и на юге, на западе и востоке, благословляют тебя, ибо на границах великой твоей страны тоже наступили мир и покой. Ты — светоч, вспыхнувший во мраке, ты — факел справедливости, рассеявший тьму беззакония, ты...

Конан прервал велеречивого офирца, вновь стукнув ножами о пол. Затем он взглянул на стоявшего слева командира гвардейцев.

— Пышные слова, клянусь Кромом! Что скажешь, Паллантин?

— Есть три вида лжи, господин мой: простая ложь, гнусная ложь и хитроумные речи послов. Они — самые лживые, ибо в них ложь искусно смешана с истиной.

Мантий раскрыл было рот, намереваясь возразить, но король с грозным видом глянул на него и поманил к себе Альбана, десятника Черных Драконов.

— А ты что скажешь, Альбан?

Десятник выпучил глаза. Мнение Альбана спрашивали редко, так как отличался он больше силой, чем разумом, и потому пребывал в невысоких чинах. Однако на сей раз Паллантид, командир Черных Драконов, уже дал совет королю, что облегчало дело.

— Согласен с доблестным Паллантидом! — рявкнул Альбан. — Самая гнусная ложь — хитроумные речи по слов!

— Вот видишь, — произнес Конан, поворачиваясь к опешившему Мантию Кроату, — даже Альбан, простой воин, усмотрел лживость твоих речей. Может, теперь спросим у палача? — Он оглянулся на мастера Хриса, затаившегося в углу.

Посланцы содрогнулись, а офирец, вскинув вверх руки, в панике возопил:

— О Митра! Что же я сказал лживого, государь?

— Сейчас объясню. — Конан, скрывая усмешку, поправил свой королевский венец.

Он был доволен, ибо маленькое представление с Паллантидом и Альбаном лишило Кроата остатков спокойствия.

— Долгое время не было мира в моей державе, офирец, и о том тебе известно.

Были мятежи и битвы, были бунты в Тауране и Гандерланде и война с немедийцами, когда мне пришлось отдать Тарантию и бежать из аквилонских пределов... Не было мира, и нет его сейчас! Ибо на южных границах наших беспокойно, и шайки мерзавцев из Кофа и Офира, Аргоса и Зингары грабят моих подданных, жгут их дома и уводят людей в неволю. Такова твоя ложь, посол. Но еще совершил ты святотатство, сравнив меня с солнцем, оком пресветлого Митры. Я не буду тебя наказывать железом и огнем, но больше ты, как и зингарец, не скажешь ни слова. Стой и слушай! Пусть говорит он! — Рука Конана протянулась к аргосскому послу. — Речь твоя, месьор Алонзо, должна быть краткой. Скажи, что вам нужно, и не болтай лишнего!

Алонзо слегка побледнел и сглотнул слюну.

— Наши государи обеспокоены, — пробормотал он. — Войска твои, повелитель, стоят у наших границ, и нет им числа!

— Всех ли государей ваших терзает беспокойство? — спросил Конан, прищурившись.

— Всех, — после мгновенного колебания ответил Алонзо.

— Прости, владыка гнева, это не так! — Хашами, шемит, надув толстые щеки, демонстративно отодвинулся от аргосца. — Мой господин, восседающий на серебряном троне в Эруке и золотом — в Асгалуне, совсем не обеспокоен! Нет, не обеспокоен!

— И правильно. Пусть он сидит на своих тронах, а я подарю ему еще один, украшенный слоновой костью из Стигии — в знак дружбы моей и нашего будущего союза. Теперь о войсках, что стоят на границе... — Король помедлил, оглаживая рукоять меча. — Там — всадники в броне, с длинными копьями и клинками из доброй аквилонской стали, на сильных скакунах, что мчатся быстрее ветра; там — щитоносцы и мечники из Гандерланда, из-под Тарантии и Шамара; там — стрелки из Боссона, не знающие промаха... Их много, но сила войска не в одном лишь числе, но и в умении. А умение, коль нет войны, обретается в боевых играх. Так почему бы рыцарям и солдатам моим не поиграть, а?

— Только не у наших рубежей, — угрюмо буркнул месьор Алонзо.

— Страна твоя велика, повелитель, пусть играют в другом месте. Скажем, на севере.

— На юге теплей, — с усмешкой возразил Конан.

В приемном покое повисла мрачная тишина, которую нарушало только тяжелое дыхание насупившихся послов. Каборра и Мантий Кроат, коим было запрещено говорить, помрачнели; офирец нервно теребил свои длинные локоны, зингарец переглядывался с аргосцем, а придурковатый месьор Марциан вцепился в пышные кружева на груди да поглядывал на аквилонского короля с опасли-

вым любопытством. Наконец он поклонился и, не спуская с Конана водянистых зрачков, высоким писклявым голосом произнес:

— Говорят, что ты, великий и доблестный, собираешься сам отправиться к войску. Так ли это?

— Конечно. Клянусь Кромом! Должен я увидеть, чему за лето научились мои солдаты, или не должен?

Взгляд Конана обратился к Паллантиду, и тот сказал:

— Должен!

Месьор Марциан задал новый вопрос:

— Говорят, что ты, отважный и могучий, берешь с собой прекрасную королеву и наследника престола?

— Королева желает совершить путешествие и развлечься. А наследник мой уже не дитя, и пора ему поглядеть на военный лагерь и боевые игрища. Так или не так?

Конан подмигнул Альбану, десятник напыжился и рявкнул:

— Так, государь!

— Куда же ты поедешь, славный и мудрый — на запад, в Пуантен, или на восток, к Тайбору? — пропищал месьор Марциан, да так и замер с раскрытым ртом. Остальные послы застыли тоже; этот вопрос являлся для каждого из них первоочередным.

— Сперва, — неторопливо начал Конан, с любопытством наблюдая, как заостряются носы и отвисают губы — даже у Хашами Хата, шемитского посланника, — сперва я отправлюсь в одно место, а потом — в другое. Куда пожелает королева! Мне все равно.

Послы разом издали глухой стон. Затем кофеец, у коего, видно, имелось бесконечное количество вопросов, поинтересовался:

— Говорят, что ты, сильный и твердый, возьмешь с собой не только благословенную свою семью, но и некий камень, знак могущества, наделенный волшебной силой. И еще говорят, что сей талисман извлекается из твоей сокровищницы в дни войны, а не мира.

Вот мы и добрались до истины, подумал Конан. Вот что они хотят знать! Камень!

Он уставился на трепещущего месьора Марциана и рявкнул:

— Говорят! Кто говорит, кофеец? Базарные нищие и досужие пьянчуги в кабаках? Но ты год просидел в Тарантии, под моим кровом, и знаешь, что в дни солнцестояния, когда народ наш славит Митру, камень выносят из подземелья и показывают людям! Не для убийств и войны, а ради творимых им чудес. Ты видел сам, как талисман врачует больных и увечных, и как с его божественной помощью я могу отличить правого от виноватого — среди тех, кто ищет моего суда.

— Но сей рубиновый шар обладает многими таинственными свойствами, — пробормотал Марциан, опуская глаза. — Он может не только исцелять...

Это было верно. Об истинной природе Сердца Аримана никто из людей не мог вынести справедливого суждения, даже такие великие чародеи, как стигиец Тот-Амон, Дивиатрикс, верховный друид пиктов, Хадрат или Пелиас, белый маг, давний знакомец Конана. Одни мудрецы утверждали, что это подлинное сердце бога, каменно — твердое и несокрушимое, вечное, как мир; другие считали его звездой, павшей с неба много тысячелетий назад; третьи не сомневались, что сей кристалл изготовлен руками древних колдунов, живших еще до Катастрофы* и наполнен ими магической силой. Вероятней всего, Сердце Аримана попало в земные пределы из какой-то иной вселенной, полной огненного света и силы. Талисман мог служить добру или злу; в руках посвященного он обретал способность исцелять и защищать, даровать процветание и победы в боях, карать силы тьмы и даже предсказывать грядущее. Но он являлся обоюдоострым мечом, коим можно было поразить и доброго, и злого; он мог вернуть жизнь, но мог и отнять ее. Конан всегда помнил о том, что в руках Хадрата, жреца Асуры, камень

* Великая Катастрофа случилась за четыре или пять тысяч лет от эпохи Конана. Во время нее в Западном океане погибли острова пиктов и материк Атлантиды, а очертания Туранского континента значительно изменились. Память об этом страшном бедствии пережила тысячелетия.

обратился огненным клинком, поразившим Ксальтотуна, владыку древнего Ахерона.

Он ничего не ответил Марциану, а только глядел на него, насупив брови, и всякому было ясно, что аквилонский король не желает распространяться о свойствах своего загадочного талисмана.

Кофиец, вконец уstraшенный мрачным ликом повелителя, пробормотал:

— Прости, могучий и грозный, еще один вопрос... Все мы, как и посланцы иных далеких земель, обитаем сейчас в твоём прекрасном дворце, под твоим покровительством и защитой... — он коснулся своего посольского медальона. — Но что будет с нами, если случится война? Моя благочестивая супруга Аттузия... она так напугана...

— Обещаю, что твою благочестивую супругу проведут до Хоршемиша под конвоем всей моей армии, — сказал Конан. — Ну, а вам, почтенные, придется сменить мой прекрасный дворец на Железную Башню...

Он покосился на мастера Хриса, затаившегося в уголке и добавил: — Но тем, кто решится покинуть сейчас Тарантию, вреда чинить не будут. Уезжайте! Легкой вам дороги!

Слова его означали, фактически, объявление войны, что было ясно всем, даже глуповатому Марциану. Послы побледнели, Паллантис насмешливо усмехнулся, Альбан брякнул рукоятью меча о панцирь, а каменные лица Черных Драконов, подпиравших стены приемной, внезапно сделались хищными, как у волков, заведших добычу. Добрая половина из них была пуантенцами и шамарцами, не питавшими симпатий к Офиру, Кофу и Зингаре.

— Наши владыки не давали дозволения отбыть в родные пределы, мы, посланники — подневольные люди, — пробормотал месьор Алонзо, аргосец.

Конан пожал плечами.

— Дело ваше! Сегодня вы посланцы, коих я защищаю ради священных законов гостеприимства, установленных Митрой; но, случись война, и вы станете лазутчиками — как и мои люди в ваших державах.

— Ты повелел им вернуться, господин? — спросил Алонзо после недолгой паузы.

— Я повелел им беречь свои шкуры! — рявкнул Конан, утомленный затянувшейся аудиенцией. Потом он до половины вытащил меч, с лязгом загнал его обратно в ножны и уставился на послов. — Ну, что еще?

И тут раздался тихий шелестящий голос Минь Сао. Щуплый кхитаец стоял в почтительной позе, опустив взгляд и соединив руки перед грудью, но темные его зрачки поблескивали словно шарики, выточенные из агата. Конан не мог разобрать, что таилось в них: ненависть или насмешка, страх или любопытство. Морщинистая физиономия Минь Сао тоже была непроницаемой, но голос звучал уверенно и твердо.

— Многие люди, о Сын Северных Небес, говорили мне про великое твоё сокровище, про сердце мрака, в коем заключены спасение и проклятие, жизнь и смерть, свет и тьма, начала доброго и начала злого. Ведомо мне, что пришел сей могущественный амулет из самых глубин тысячелетий, и владел им некогда великий маг Ксальтотун, царствовавший в Пифоне, столице Ахерона... И было все это в незапамятные времена, когда земли востока принадлежали не моим предкам, а лемурийцам, приплывшим с материка Му. Еще ведомо мне, что талисман был похищен у Ксальтотуна колдуном северных варваров по имени Эпимитриус, коему и была дарована победа над Ахероном. Когда же Ахерон пал, камень скрылся от глаз людских на долгие века, а потом объявился в твоей державе, о Дракон Ледяных Гор! Прости мое ничтожное любопытство, величайший, но как это случилось?

Любопытство, даже ничтожное, не доводит до добра, подумал Конан, с внезапным интересом разглядывая кхитайца. О том, как Сердце бога объявилось в Аквилонии, знали лишь избранные; кое-кто из них уже странствовал по Серым Равнинам, а остальные, по большей части жрецы Митры, были связаны обетом молчания. Самому Конану историю талисмана поведал Хадрат, глава тарантийского святилища Асуры.

Когда Ахерон пал, Сердце в самом деле было сокрыто от глаз людских, но находилось в Аквилонии и за три тысячелетия стало душой великого королевства. Эпимитриус, вождь и шаман варварского хайборийского племени — тот, что похитил талисман и обратил против Ксальтотуна, — спрятал его в подземелье, наложив могучие охраняющие чары и призвав в помощь им демона — жуткое порождение тьмы, призрака с Серых Равнин.

Затем над пещерой воздвигли небольшое святилище Митры, которое с течением времен не раз перестраивалось и расширялось; место сие почитали священным, исполненным божественной благодати, но причина этого уже исчезла из памяти людей. Лишь в древних книгах и летописях, к которым были допущены немногие из жрецов Митры, удалось бы отыскать упоминание о том, что сокрыто в земле, под камнями старейшего из тарантийских храмов.

Затем, по велению Ораста, камень был похищен заморанскими грабителями усыпальниц. Из похитителей ушел лишь один, хоть были они людьми искусными и опытными, да и Ораст снабдил их колдовской защитой.

Но страж пещеры оказался жутким чудищем: хоть не уберег талисман, однако заморанцев перебил почти полностью. Вероятно, тварь эта до сих пор таилась под тарантийским храмом Митры, связанная древними заклятиями, не позволявшими ей ни убраться в царство Нергала, ни вырваться наружу. Дальнейшие события лишь подтверждали это.

Вскоре после кражи талисмана заморанцами верховный жрец Митры со своим учеником, движимые необходимостью, спустились в пещеру под стенами древнего храма — впервые за три тысячи лет. Там, глубоко под землей, в обширном квадратном зале, они увидели алтарь из черного мрамора, подобный алтарям Сета, но излучавший сияние и блеск.

На алтаре лежала шкатулка, драгоценное изделие из золота, имевшее форму двустворчатой раковины; она была раскрыта и пуста, ибо заморанские грабители, как гово-

рилось выше, успели побывать здесь до адептов Митры.

Старый жрец и его ученик принялись рассматривать шкатулку и размышлять о ее свойствах, но страж подземелья, демон тьмы, был, несомненно, жив и напал на пришельцев. Он смертельно ранил старика, но спутнику его, молодому магу, удалось справиться с жуткой тварью — если не изгнать навеки, то хотя бы защититься и дать злобному призраку отпор. Затем юноша вынес умирающего учителя к свету и солнцу и поведал своим собратьям о случившемся — о раскрытой шкатулке, об украденном талисмане, о страже пещеры и поединке с этим воплощением тьмы. Все сказанное было записано в хрониках и, по велению умирающего верховного жреца, сохранено в тайне. Но не было тайн среди людей, недоступных ушам и глазам адептов Асуры.

Такова была история талисмана, которым Конан впоследствии овладел, совершив путешествие в Стигию; но любознательному кхитайцу знать о том не полагалось. И король, мрачно ухмыльнувшись, произнес:

— Не пытайся, Минь Сао, выведать секрет, способный проложить тебе тропу на Серые Равнины. Но если ты хочешь узнать все в подробностях, то порасспроси демонов... верней, одного демона — того, который стерег талисман три тысячи лет.

Он с насмешкой поглядел на кхитайца, но морщинистое желтое лицо не дрогнуло.

— Спасибо, о Нефритовый Лев, — сказал Минь Сао, я расспрошу... обязательно расспрошу...

Конан вздрогнул, почувствовав, как под бархатной туникой и мантией спину его пробрал холод. Маг? — промелькнуло у него в голове. Все-таки маг? Явный посланец кхитайского владыки и тайный — Алого Кольца?

Он снова уставился на Минь Сао, однако физиономия кхитайца была по-прежнему непроницаемой. Конан кивнул Паллантиду. Тот хлопнул в ладоши и торжественно произнес, с трудом скрывая усмешку, затаившуюся в уголках губ.

— Аудиенция закончена! Послы могут удалиться!

Шесть посланцев начали пятиться к дверям, кланяясь на каждом шагу; Черные Драконы сопровождали их. Поклоны кхитайца, шемита и месьора Марциана были глубокими, аргосца Алонзо и офирца Кроата — в меру почтительными, но Винчет Каборра едва склонял шею.

На пороге он остановился и произнес:

— Мои речи не понравились королю, и я молчал да слушал. Могу ли я молвить слово в конце?

— Молви, — разрешил Конан.

Зингарский рыпач тряхнул черными волосами, и смуглые его щеки побагровели от прилившей крови.

— Скажу я вот что, владыка: не только ты любишь играть в боевые игры. Если солдаты твои двинутся к Мессантии, то встретят их достойно! Ибо там, на склонах Рабирийских гор, стоят наши всадники в броне, с длинными копьями и клинками, такими же острыми, как у твоих аквилонцев, на сильных скакунах, что мчатся быстрее ветра; там — щитоносцы и мечники, нанятые в Бритунии; там — конные стрелки с равнин Хаурана*, не знающие промаха... Приходи, поиграем!

Каборра горделиво выпрямился, коснулся рукой кинжала и вышел вон.

— Дерзок! — задумчиво произнес Конан.

— Дерзок, — поддакнул Паллантид. — Присмотреть за ним особо, мой господин?

Конан хмыкнул.

— Если за кем и присматривать, так за проклятым кхитайцем, — пробурчал он, поднимаясь и с облегчением сбрасывая мантию.

Однако не прошло и дня, как ему пришлось убедиться в своей ошибке.

* Хауран — королевство, юридически входящее в состав Кофа.

Густо рассыпанные по черному небу звезды сверкали и переливались, словно алмазы на темном бархате; где-то там, вдали, за невидимым сейчас горизонтом, высились прекрасные и мрачные горы, а за ними — Бельверус, немедийская столица. С этим городом у Зенобии были связаны давние и неприятные воспоминания. Рабыня! Одна из сотен королевских рабынь и наложниц! Хвала Митре, что руки Нимеда и Тараска не коснулись ее... Но остального пришлось хлебнуть с избытком! Унижения, издевательства, вечные страхи и ночные кошмары — вот что составляло тогда ее жизнь! До тех пор, пока...

Зенобия улыбнулась, припомнив, как и каким образом ее киммериец очутился в стенах Бельверуса. Впрочем, обстоятельства его появления там вряд ли давали повод для улыбки.

Точеные плечи королевы дрогнули, прекрасное лицо застыло, лишь глаза налились грустью. Ничего хорошего не вспомнишь о тех временах, разве только про молодость свою да любовь к киммерийцу, вспыхнувшую внезапно, как пламя, раздуваемое ветром... Но все это есть у нее и сейчас — и любовь, и молодость, и много больше...

Любимый супруг, лев среди людей, подаривший ей сына-львенка, богатые наряды, слуги и рабы, роскошные покои... Да, покои...

А покоя нет!

Смутная тревога давно томила ее, особенно в последние месяцы, когда ее король замыслил обрушить свои войска на южные страны. Это являлось великим начинанием, так как, хоть Зенобия и не была посвящена в дальние планы супруга, но догадывалась, что цель его — не Аргос и Зингара, не Офир с Кофом, но Стигия. Тайнственная и страшная Стигия, земля Великого Змея, держава колдунов! А как защититься от колдов-

ства? Только магией, могучей магией, более древней, чем все познания стигийцев! Магией Сердца Аримана, хранившего Аквилонию и ее короля!

Но огненный шар, их защиту, залог победы, могли украсть... Похитить, как случалось уже не раз! Враги могли овладеть им — силой, хитростью, коварством или волшебством!

И потому смутная тревога продолжала томить Зенобию, вторгаясь в ее сны, заставляя просыпаться среди ночи от неведомого мучительного чувства и долго потом лежать, уставившись в потолок и кусая губы от бессилия. Это было похоже на болезнь ума и сердца, от которой ни один целитель еще не придумал лекарства.

Но с недавних пор она стала спокойней. Сегодня, в тихий летний вечер, она стояла у окна, глядя в чудесное и спокойное звездное небо, и думала о том, какие новые испытания уготовлены судьбой ее супругу — а значит, и ей самой, и ее сыну. Конан рассказывал многое, но она чувствовала сердцем, как всякая любящая женщина, что обычное течение жизни нарушилось чем-то или кем-то, или вскоре нарушится, и вновь наступит странное время томления, беспокойства и недоговоренности.

И еще она чувствовала, что Конан войдет сейчас в ее опочивальню. Верно! Двери приоткрылись, и в проеме возникла огромная могучая фигура короля. Он сунул голову внутрь, вытянул шею, пытаясь, кажется, разглядеть ее ложе... Зенобия тихонько рассмеялась. Сейчас великий воин и властелин был похож на дитя, на их Конна, высматривающего на столе сладкое печенье.

— Ты не спишь, моя красавица? — мягкими шагами король приблизился к ней, бросил в кресло перевязь с мечом, прикоснулся легонько к лицу Зенобии шершавыми подушечками пальцев. — Кром! Ты не спишь, мечтаешь и ждешь меня... А то я боялся тебя разбудить!

Зенобия всем телом прижалась к нему.

— Посмотри, какая ночь, мой повелитель... Звезды, луна... Глаза владычицы Иштар, что смотрят на нас...

— Ночь как ночь, — бросив взгляд в окно, пожал плечами король. — Звезд многовато, это точно. Иштар, как все женщины, слишком любопытна, моя милая!

Она улыбнулась, приподнялась на цыпочки и заглянула ему в глаза. И в них Зенобия увидела тревогу, так похожую на ее собственную, что сердце королевы сжалось в крошечный комочек. Она редко спрашивала его о том, чего он не желал говорить, но сейчас слова вырвались сами собой:

— Что-то случилось, мой владыка? Ты встревожен?

Он сморщился.

— Кром! Как тебе сказать... Эти послы... Сегодня я принял их: глупца из Кофа, гордеца из Зингары, веле-речивую змею из Офира, аргосского щеголя, толстого шемита и тощего кхитайца. Долго же им пришлось стоять на ногах и выпытывать у меня, кто будет проглочен первым! Но они не узнали ничего! Впрочем, не это меня встревожило, нет... — Он резко повел рукой, словно отметая дневные заботы. — К Нергалу! Не хочу говорить об этих змеях и крысах! Я уже лег, но постель моя была холодной... Кром! Твоя теплее! И ты все равно не спишь, а?

Зенобия вздохнула: и облегчение, и сожаление были в этом вздохе. Она не узнала истинной причины его тревог, хоть догадывалась о ней, зато еще раз убедилась в его любви. Склонив голову на грудь мужа, королева несколько мгновений слушала мерный могучий стук его сердца. Казалось, он был совершенно спокоен, но Зенобия знала, что это не так; напротив, теперь она уверилась, что его гнетет какая-то тревога. Что было причиной этого беспокойства? Мысли о предстоящем походе? Думы о ней, о Конне, об их судьбе? Или он тревожился за свой амулет, хранимый чарами, замками и бдительной охраной?

И не только этим, сказала она себе, улыбнулась и плотней прижалась к груди супруга, словно желая таким образом принять на себя часть его забот. Потом тихо прошептала:

— Я люблю...

— Что? Что ты сказала? — наклонился к ней Конан. — Что-то насчет любви? Ну, так я готов, моя красавица!

Он легко подхватил ее на руки и понес на широкое ложе, устланное роскошными тканями, легким, как пух, кхитайским шелком, и полупрозрачным бритунским полотном, и гиперборейскими мехами.

И там, задыхаясь и кусая губы, она многократно повторила ему свое признание — в последний раз уже перед рассветом, в изнеможении, прикрывая потяжелевшие веки. В последний раз пробормотала она, что любит, и уснула — с улыбкой на устах, легко и крепко, впервые за многие ночи.

* * *

А Конан лежал без сна. Теперь, когда Зенобия неслышно дышала возле него в сладком забытии, темные брови короля сомкнулись, губы сжались, морщины изрезали низкий широкий лоб. Если бы Зенобия могла видеть сейчас своего супруга, от нее не ускользнул бы след тревоги на его суровом лице.

Он думал о своих армиях, о Просперо и графе Пуантенском, ожидавших только приказа, чтоб обрушиться на Зингару и Офир; он думал о том, как будет штурмовать Ианту и богатые прибрежные города, как захватит крепости и корабли, как поведет своих солдат на равнины Шема и дальше, к полноводному мрачному Стиксу; он мысленно высчитывал дни, которые понадобятся флоту, чтоб пройти от Кордавы и Мессантии к Асгалуну. Еще он думал об утренней аудиенции, о послахе и о своем волшебном камне.

Сердце Аримана! Великая мощь, великая сила и великая забота!

Береги его, говорил Хадрат; береги его, вторила королева... А как сберечь? Чары, замки и охрана — на что еще способен человек, даже обладающий королев-

ской властью? Разве призвать того демона, что три тысячи лет стерег сияющий шар? Но для этого надо опять же обратиться к помощи мага... такого, как Хадрат, как старый Пелиас или этот подозрительный кхитаец...

Заботы, заботы! Конан скривился, заворочался с бока на бок.

Все же в королевском ремесле есть свои недостатки... Разве думал он раньше о великих походах и завоеваниях, о многотысячном войске, о процветании державы и сохранении ее сокровищ? Все было просто, проще некуда... Хоть порой не имел он ни еды, ни питья, хоть ночевал полжизни под открытым небом, зато делал что хотел!

Король негромко рыкнул с досады, так ясно вспомнились ему былые дни, но вдруг во сне вздохнула рядом Зенобия, и он замер.

Нет, всему свое время! И нечего сожалеть о прошлом!

Внезапно острый слух киммерийца уловил какое-то тихое, едва слышное шуршание. Он приподнялся на локте, стараясь не разбудить Зенобию, осмотрел опочивальню, залитую мягким неярким светом раннего утра, потом взгляд его остановился на двери.

Дверь! Так и есть! Кто-то топчется за порогом, не решаясь вытащить короля из супружеской постели!

Конан спустил босые ноги на пол, покрытый пушистым туранским ковром, набросил тунику, встал и, осторожно ступая, направился к двери.

— Паллантин? Ты, старый пес?

Командир Черных Драконов переминался с ноги на ногу и страдальчески морщился. Он был уроженцем Гиркании, наемником, прослужившим аквилонским королям не один десяток лет, и лицо имел смуглое, властное, с резкими чертами и орлиным носом. Но сейчас щеки его покрылись бледностью, нос заострился, а густые брови беспомощно свисали над темными помутневшими глазами.

— Что с тобой? — буркнул Конан. — Что случилось?
— Заклинание... охранное заклинание... Проклятье!
Стукнуло, как секирой по башке!

Мгновенно сообразив, в чем дело, Конан бросился к постели, бесшумно натянул сапоги, схватил меч с перевязью и вновь выскочил в коридор.

— Кто там? — спросил он.

— Альбан, Пирим и с ними два десятка гвардейцев...
Внутрь не входили, мой господин, но оттуда мышь не проскользнет.

— А что с охранниками? С теми, кто стоял на страже?

— Лежат у стены, спят. Но живы! Вроде живы...

— Ненадолго. Шкуру спущу! — рявкнул король.

— Твоя воля. Но не так уж они и виноваты.

Генерал Паллантид, сморщившись, принялся на ходу растирать виски и темя. Командир Черных Драконов, отборной королевской гвардии, охранял весь огромный дворец, и ему же подчинялась городская стража.

Должность Паллантида была хлопотливой; он отвечал не только за порядок в стенах Тарантии, не только за жизнь королевы и наследника, но и за некие особые дела. К примеру, люди его стерегли тронный зал, где хранилась государственная печать и королевские регалии, архив с секретными указами и грамотами, что подтверждали права нобилей на земли и замки, помещения арсенала, дворцового зверинца и, разумеется, сокровищницу. Дверь ее была зачарована, но не смертоносными заклятиями, которые пришлось бы снимать и восстанавливать после каждого посещения; просто у Паллантида стреляло в голову, едва чужая нога касалась запретного порога. Но стреляло здорово, так как Хадрат, жрец Асуры, особой снисходительностью не отличался.

Король и его начальник стражи миновали коридор и лестницу, торопливо прошли через галереи и залы нижнего этажа и спустились вниз по широким гранит-

ным ступеням. Теперь перед ними было просторное квадратное помещение, куда Конан приводил сына четыре дня назад; здесь, у обитой железом двери с тяжелыми замками, стояли гвардейцы, оберегая самое ценное из сокровищ Аквилонии.

И сейчас тут находились солдаты в высоких гребнистых шлемах — целых два десятка, под командой Пирима и Альбана. Но те, кому полагалось стеречь заветную дверь, валялись у стены подобно недвижимым и блестящим металлическим статуям, небрежно сброшенным с пьедесталов. Шлемы с них уже успели снять, и взгляду короля предстали бледные лица, бескровные губы и закаченные под лоб глаза.

Ноздри Конана затрепетали; он сильно втянул воздух и буркнул:

— Черный Лотос, клянусь Кромом! Если эти парни не проснутся через день или два, можно раскладывать погребальный костер!

Пыльца Черного Лотоса была страшным средством; в небольших количествах она погружала в кошмарные сны, но тот, кто надышался ею в изрядной дозе, уходил на Серые Равнины, оставаясь в полном беспомощности. Противоядия от нее не существовало — даже у стигийских жрецов, нередко использовавших это снадобье.

Подскочил Пирим, начальник шестого десятка Черных Драконов, низкорослый широкогрудый воин лет сорока, со связкой ключей в руках.

— Пахло еще сильнее, повелитель. Я велел разогнать тут воздух плащами. Парней мы сейчас вынесем... может, очухаются...

Конан кивнул и принялся хмуро разглядывать замки, свисавшие с окованных железом створок. Замков, собственно, не было — одни ржавые обломки да рыжая пыль под ними на полу. Воистину, что сотворено людьми, люди же могут и сокрушить!

Он отстранил Пирима с его бесполезными ключами и пробормотал:

— Хотелось бы мне знать, каким проклятым зельем плеснули на запоры! Они выглядят так, словно дождь поливал их три сотни лет!

Паллантид, морщась и по-прежнему растирая висок, склонился над плечом короля.

— Магия, мой господин?

— Стигийская магия! Запах лотоса и проржавевшие замки... — Конан покачал головой и нахмурился; дурные предчувствия томили его.

— Возьми факел! — приказал он Паллантиду, потом подозвал Пирима: — Уснувших стражей отсюда убрать, а своих людей расставь не только в зале, но и на лестнице, и в коридоре. Вели, чтоб не болтали — ни слова никому, даже королеве! И чтоб не лезли к двери!

Слух о том, что кто-то сумел проникнуть в сокровищницу, полагалось пресечь немедленно. Впрочем, среди Черных Драконов не было болтунов; хоть не всем им Митра даровал светлый разум, повиноваться и держать рот на замке гвардейцы умели.

Толкнув дверь, Конан первым вошел в темное помещение; за ним, с факелом в одной руке и длинным мечом в другой, проскользнул Паллантид.

Они двинулись по проходу меж громоздившихся до потолка сундуков и ларцов. Паллантид, раскачивая факел, поджигал фитили ламп, висевших на стенах, вокруг метались тени, и трепетный огонь высвечивал то обитую бронзой крышку, то переливы перламутра на боках драгоценной шкатулки, то своды высокого потолка.

Из-за этих теней король сначала ничего не увидел, но, приглядевшись, уверился, что в дальнем углу, около ниши с черным пьедесталом, из-за огромного, почти в человеческий рост сундука, торчат чьи-то острые колени. Подойдя ближе, он с облегчением заметил, что рубиновый шар находится на своем обычном месте; значит, чужие руки не коснулись талисмана. Затем Конан уставился на скрюченную фигуру в роскошном одеянии, перепачканном копотью и воском, а также на валявши-

ся рядом свечу, раскрытую шкатулку и высыпанные из нее самоцветы. Свеча и шкатулка лежала спокойно, а человек прикрывал голову тонкими руками и жалобно поскуливал.

— Марциан! Марциан, кофийская крыса! — воскликнул король, наклонился и так хлопнул посла по плечу, что тот чуть не проткнул носом сундук. — Вот так встреча! Ты, видать, заблудился? Дворец мой велик, целый лабиринт, а глаза у тебя слабые, а?

— Да! — Посол поднял на Конана полный ужаса взгляд, с явной надеждой принимая его версию. — Я... я шел... шел по надобности... И вдруг оказался здесь, повелитель! Случайно, клянусь! О, владыка, как я счастлив, что ты освободил меня!

— Освободил? Ну уж нет, — в голосе короля послышались угрожающие нотки. — Кром, ты что же думаешь, крыса? Ты думаешь, что в Аквилонии одни глупцы, как в твоём Кофе, у проклятого Страбонуса? Ну, я отошлю ему твою голову, может, станет поумнее!

Паллантид поднял меч, и месьор Марциан поспешно пискнул:

— Я все расскажу, все, о могучий и блистательный!

Кофиец судорожно сглотнул слюну и зачастил, словно торговка рыбой на таратнийском рынке:

— Видишь ли, государь, есть у моей супруги одно простенькое ожерелье из алмазов... Совсем простенькое, из сорока вендийских камней, но самое любимое! Она так любит его, так любит! И вдруг... о, вдруг!.. — кофиец прикрыл физиономию ладонью, сквозь пальцы поглядывая на короля, и утробно замычал — похоже, в знак непреходящих страданий своей супруги. Конан отреагировал на это чувствительным пинком, и месьор Марциан, мгновенно справившись с печалью, продолжал: — В одно прекрасное утро... О, конечно, для нас оно было вовсе не прекрасным... В одно проклятое утро хищный ворон пал с небес на мою супругу и клюнул нитку алмазов! Они рассыпались! Рассыпались, государь! Мы начали собирать камни, и при этом так стонали, так

стенали... Особенно Аттузия, моя супруга! Увы! Один алмаз так и не нашелся! И вот я решил... решил...

— Ты решил, что моя сокровищница — ювелирная лавка! — прорычал король. Марциан повалился ему в ноги, стучаясь лбом об пол — точь-в-точь, как Минь Сао, кхитайский посол. Но речи кхитайца — по крайней мере, те, что доводилось слышать Конану, — были разумны, а это кофийское отродье несло всякую чушь. Конан снова пнул его ногой и склонился над Марцианом, всматриваясь в его потное лицо. — Ну, и какой же камень ты хотел взять? Говори, ублюдок!

— Од-дин... т-только од-дин кам-меш-шек... — заикаясь, пробормотал кофиец.

— Вот этот? — указал Конан на тускло поблескивавшее в полумраке Сердце Аримана.

— Во-он т-тот, — кивнул посол на раскрытую шкатулку и рассыпанные по полу самоцветы.

— Врешь! — мощной рукой король ухватил кофийца за шиворот.

— Ну-ка, покажи, что у тебя здесь!

Он с легкостью приподнял месьора Марциана и вытащил из-под его тощего зада сверток. Затем, отбросив кофийского посла под ноги Паллантиду, Конан развернул синюю шелковую ткань.

И содрогнулся!

На широкой его ладони лежал превосходный рубин, самый что ни на есть настоящий — это киммерийцу было ясно с первого взгляда. И с первого же взгляда он понял, что рубин сей — точная копия его талисмана. Все совпадало, все, до мельчайшей подробности и грани! Словно перед глазами мастера, вырезавшего этот багровый шар, сияло истинное Сердце бога, великое сокровище Аквилонии!

Все мысли разом вылетели у Конана из головы. Он собирался о многом порасспросить кофийца, и прежде всего — о Черном Лотосе и сломанных замках; он был уверен, что и без помощи Хриса, палача, добьется нужных ответов — ведь рядом стоял Паллантид с факелом

и мечом. Огонь и сталь выжмут из этого кофийского отродья правду! Истину, а не дурацкие сказки об ожерелье Аттузии, его супруги!

Но сейчас он позабыл и о лотосе, и о проржавевших запорах, и о глупых историях месьора Марциана; он глядел на камень, на подделанный амулет, и гнев огненной тучей вздымался в груди, а лицо наливалось кровью. Паллантид, не выпуская из рук клинка и факела, отступил на шаг — видно решил, что король выхватит сейчас меч и располосует кофийца от плеча до бедра. Но Конан лишь швырнул подделку в сторону и обеими руками вцепился в ворот посла.

— Говори! — заревел он, побагровев от ярости. — Говори, пес! Кто делал твою игрушку?

— Скажу! Я все скажу, грозный и славный! — визжал Марциан.

— Скажу, скажу! Только отпусти меня!

Конан снова приподнял кофийца, прижав его спиной к сундуку.

— Ну? Кто делал, пес?

— Один м-мастер... м-мастер... Я н-не з-знаю, кто он...

— Не знаешь? — с угрозой повторил король.

— Ег-го зовут Ф-фарнан... Я н-не з-знаю, где он живет...

Конан кивнул Паллантиду на факел, и волосы кофийца затрещали в огне. Он дико взвыл и дернулся, но король держал крепко.

— Ну, шакал? Где живет твой мастер?

— Возле храма Митры... На улице Божественного Ока...

— Я о нем слышал, — вдруг отозвался молчавший до сих пор Паллантид. — Отличный мастер, говорят. И честный!

— Отличный и честный... — пробормотал король, продолжая сжимать железными пальцами горло кофийца. — Куда ни глянь, повсюду одни отличные да честные парни... Откуда только берутся предатели?

Он посмотрел на бледное лицо пленника и поинтересовался: — Напомни-ка мне, Паллантид, какая казнь у нас положена изменникам?

— Ослепление, — быстро ответил командир Драконов. — Но думаю, Фарнану стоит явить милость. Все-таки он — один из лучших мастеров в Тарантии... Посидит немного в темнице, поймет свою вину и все расскажет.

— А с этим что делать? — Конан тряхнул кофийца, стукнув его затылком о сундук.

— А с этим поступить по закону, государь. Отдать Хрису для дознания и выколоть глаза на площади у Железной Башни.

Месьор Марциан взвыл от ужаса; капли пота катились по его бледной физиономии, походившей, как никогда прежде, на морду загнанной в капкан крысы. Не слушая бормотания кофийца, король подтолкнул его к Паллантиду.

— Сунуть в темницу, да похолоднее! Я с ним еще поговорю... потолкую раньше мастера Хрису... А Фарнана найти, и ко мне! Побейте! Пошли за ним Альбана да предупреди, чтоб никто рта не раскрывал!

Паллантид почтительно поклонился.

— На то они и Драконы, мой господин. Рот раскрывают, чтобы кусать, а не болтать.

Он сунул меч в ножны, ухватил помертвевшего месьора Марциана за пышный кружевной воротник и потащил к дверям. Кофиец дрыгал ногами, и тощий зад, обтянутый пунцовым бархатом штанов, тоже делал его похожим на крысу — лишь хвоста не хватало. Конан задумчиво поглядел ему вслед, наклонился, поднял рубиновый шар, изделие мастера Фарнана, завернул его в клочок синего шелка и спрятал за пояс. Потом он приблизился к пьедесталу из черного мрамора и некоторое время созерцал свой талисман.

Сокровищница была пуста, лампы горели ровно в недвижимом воздухе, и тени больше не металась по сундукам, шкатулкам, стенам и потолку. Сердце Аримана

тускло поблескивало, отражая свет, и казалось таким же багрово-красным, холодным и равнодушным, как всегда. Но что-то насторожило короля; ему почудилось, что затаенный огонек, сверкавший где-то в глубинах талисмана, исчез.

В самом деле потух? Или то была лишь игра воображения?

Он осторожно протянул руку и коснулся граненой поверхности, ожидая, что шар ответит ему, вспыхнет сейчас ярким огнем, испустит фонтан алого бесплотного пламени, загорится подобно небесной звезде...

Но камень остался мертвым и тусклым. Он не желал признавать своего повелителя.

* * *

Конан сидел в приемном покое, в кресле с точеными львиными лапами, и мрачно разглядывал два рубиновых шара. Они были совсем одинаковыми и различались лишь тем, что первый лежал на куске синего шелка, а второй покоился в шкатулке, прихваченной королем из сокровищницы. В ярком свете дня оба рубина уже не выглядели темными; они искрились и сверкали алыми искрами, но благородное их сияние казалось блеклым и жалким, не похожим на живой огонь истинного талисмана. Тлеющие угли в сравнении с буйным пламенем костра!

Мрачные думы одолевали аквилонского владыку. Теперь Конан окончательно уверился, что талисман похитили — украли в один из четырех дней, прошедших с того утра, когда он водил сына в сокровищницу. Значит, даром беспокойство и тревога томили его! И не зря волновалась Зенобия! Что он скажет ей? И что скажет народу Тарантии и своим солдатам, ожидающим на границе?..

Ничего; пока что — ничего. Пропажа камня должна остаться в тайне; во всяком случае, королевские глашатаи не должны трубить о ней на всех площадях и пере-

крестках. Быть может, камень удастся найти — и найти быстро; тогда слухи и волнения ни к чему. Но если поиски затянутся...

Мысли были невеселыми, но сам Конан оставался спокоен.

Жизнь его была пестрой, как узор полированной яшмы; полоска — темная, полоска — светлая, там — яркое пятно, тут — клочок мрака. Случалось, он крал, случалось, крали у него; однако, рано или поздно, он возвращал похищенное или снимал голову с похитителя. В нынешней проблеме не имелось ничего нового и усложняли ее лишь два обстоятельства: во-первых, пропажу надо было сыскать поскорей, так как он намеревался отправиться к войскам через половину луны; во-вторых, он был королем, а не бездомным бродягой, и не мог самолично рыскать по городу и своему дворцу в поисках утерянного талисмана.

По зрелом размышлении Конан решил, что в дело придется посвятить как минимум двух человек — Зенобию и Паллантида. Королеве он доверял всецело и надеялся, что она даст мудрый совет; что же касается начальника дворцовой стражи, то без него Конан не мог обойтись. Паллантид был его руками и глазами; к тому же, командир и так многое знал.

Теперь стоило призадуматься над тем, какие отдать распоряжения Паллантиду, но к этому вопросу король собирался вернуться после беседы с ювелиром и нанявшим его кофийцем. Безусловно, месьор Марциан, болтливый придурок, не крал камня — собирался, но не успел; кто-то более хитроумный обошел кофийского шакала, подставил его под королевский гнев и подозрение. Кто? Вероятно, человек, снабдивший крысу Марциана лотосовым порошком и снадобьем, от коего замки в одночасье осыпались ржавчиной... Не из простых мерзавцев! Либо опытейший местный вор, либо мастер из числа заморанских грабителей, либо маг, адепт Черного Круга... О последней возможности Конан думал с содроганием и яростью; он предпочел бы иметь дело

со всеми шадизарскими искусниками*, но не с магией и колдовством.

В дверях приемного покоя появилась приземистая фигура Альбана — в панцире, украшенном львиной головой, но без шлема. Он топтался в замешательстве, не решаясь нарушить размышления владыки.

— Государь... Смею ли я...

— Смеешь, — буркнул Конан, окинув воина хмурым взглядом.

— Ну, выкладывай! Что там у тебя?

— Фарнан, мой повелитель.

— Фарнан? Так чего ты ждешь? Тащи его сюда!

— Твоя воля, владыка! — Альбан поклонился и ринулся из зала.

— Стой!

Десятник замер, раскрыв рот и выжидательно уставившись на короля.

— Этого, месьора Марциана, тоже волокни... И пусть придет Паллантид!

— Слушаюсь, мой государь! — И десятник с грохотом выскочил за дверь.

Конан посмотрел ему вслед и покачал головой. Изящными манерами Альбан не отличался, зато был верен, крепок и силен.

В прежние времена, в эпоху правления Вилера и Нумедидеса, королевскую гвардию набирали сплошь из сыновей благородных аквилонских родов, опытных в обращении с оружием, но временами склонных к самовольству и даже прямому мятежу. Конан этот обычай изменил, как и многое другое, и теперь среди Черных Драконов и их старшин были преимущественно люди простого звания, тарантийцы, шамарцы и гандерландцы, воины искусные и верные. Если и попадался кто из рыцарского сословия, так непременно пуантенец; они

* Шадизар и Арэнджун — два крупнейших города Заморы, прославленных своими искусными ворами и грабителями. В юности Конан обучался там воровскому ремеслу.

славились преданностью, и за каждого такого бойца ручался граф Троцерио.

Но Альбан был из простых. Хороший парень этот десятник, размышлял Конан, верный и честный, но порой на него нападало что-то непонятное, вроде столбняка, и тогда Альбан замирал, выпучив глаза и приоткрыв рот, и только помахав перед его лицом рукой можно было вывести беднягу из такого состояния. В юности он лицедействовал — выступал на площадях с балаганом, изображая глупых мужей или неудачливых любовников, но потом собраты по ремеслу выгнали его: нередко посреди представления он словно обращался в камень, и партнерам приходилось отвлекать внимание публики, кривляясь, прыгая и подталкивая приятеля, чтоб привести его в себя. Вероятно, солдатское ремесло больше подходило Альбану; изгнанный с подмостков, он прослужил в армии лет десять и в битвах в столбняк не впадал.

Король не сожалел, что этот ветеран очутился среди гвардейцев; на него можно было положиться, да и подчиненные ему тарантийцы уважали своего десятника, хотя и посмеивались над его странностями — конечно, втайне; сам Альбан, обладавший немалой силой, любого согнул бы за насмешки в бараний рог.

Со вздохом спрятав в шкатулку оба рубина, Конан поставил ее затем на пол, под ноги. Тут, в приемном покое, обставленном, как и оружейная, по его вкусу, не было ничего лишнего: несколько жестких сидений у стен, большой камин да помост, на котором стояло его кресло. Тронный зал, убранный куда роскошнее, Конан не любил и появлялся там только в случае крайней необходимости. От прежних правителей там осталось изысканное великолепие — окна с синим, красным и зеленым стеклом, мозаичные панно на стенах, изображавшие охоты и пиры, сражения и коронации, богатая мебель, резные, покрытые золотом двери и мягкие толстые ковры с диковинными узорами. Вдоль стен тронного зала тянулись три ряда масляных ламп и свеч в пре-

красных бронзовых подсвечниках, и каждый ряд выступал чуть дальше предыдущего, образуя как бы ступеньки. А под ними висели знамена и гербы с золотыми львами, щиты со знаками благородных родов, драгоценные парчовые завесы и пергаменты, на коих искусные писцы увековечили важнейшие из королевских указов. Слишком пышно все это выглядело, слишком торжественно! Вдобавок прежние аквилонские владыки комфорта не чурались, и сиденье трона — огромного кресла, отделанного золотом, — сплошь устилали мягчайшие пуховые подушки. Конан утонул в них, ругая про себя изнеженные королевские задницы, но, увы, заменить не мог. В некоторых вопросах его аквилонцы отличались неодолимым консерватизмом; они не просто уважали, но почти боготворили все атрибуты королевской власти — в том числе, и эти проклятые подушки.

Альбан вернулся так быстро, словно не шагом шел, а мчался в своих тяжелых доспехах по длинным коридорам дворца. Он влетел в зал, почтительно поклонился и выкрикнул:

— Ювелир Фарнан, мой король!

Конан кивнул.

Два охранника ввели в зал невысокого хрупкого человечка зим тридцати с красивым бледным лицом. Его прямые русые волосы спадали на плечи, щуплые, как у ребенка; о тарантийском происхождении говорил большой, но благородной формы нос; длинные пальцы с ухоженными ногтями нервно теребили пояс, отделанный бронзовыми бляшками. Туника на нем была чистой, однако не новой; видно, мастер был небогат.

Вслед за ювелиром в приемный покой вступил Паллантид, быстро подошел к королевскому креслу, склонился к уху Конана и негромко произнес:

— Все сделано, повелитель. Люди предупреждены и будут молчать, ювелир перед тобой, а кофийскую крысу сейчас приведут.

И верно, Альбан выкрикнул:

— Месьор Марциан, посланец Кофа!

— Бывший посланец, — уточнил король, грозно поглядывая на перепуганного кофийца. Стражи швырнули его на пол, и теперь он, вывернув шею, с ужасом взирал на короля.

Конан взмахнул рукой, приказывая гвардейцам удалиться, и обратил взор на ювелира. Фарнан стоял с потерянным видом, но стоило королю взглянуть на него, как ювелир охнул, упал на колени и низко склонил голову.

Подождав несколько мгновений и видя, что тот не собирается подниматься и говорить, Конан фыркнул, выбрался из кресла и, ухватив Фарнана за ворот, отволок к стоявшим у стены табуретам. Паллантид, как верный пес, негромким рыком подогнал туда же кофийца, сам же встал за спиной короля.

Фарнан, направляемый королевской рукой, робко присел на край сиденья, крепко вцепившись в него побелевшими пальцами. Месьор Марциан остался на полу; Конан нависал над кофийцем, словно скала над гнилым древесным стволом.

— Хочу послушать тебя, Фарнан, — буркнул король, чувствуя, как волна гнева вновь начинает подниматься в груди. Разумеется, ему было ясно, что ювелир не от безделья сотворил копию талисмана, что были тому поводы и причины; однако он едва сдерживался, чтоб не схватить обоих преступников и не столкнуть их лбами. Лишь несчастный вид Фарнана, тусклые его глаза да дрожащие губы охладили киммерийца.

Он передернул плечами, словно освобождаясь от наваждения, и рыкнул:

— Говори! Говори, зачем подделал талисман! Кто подбил тебя на святотатство! А потом — потом! — я послушаю нашего дорогого гостя!

Ювелир побледнел и задрожал, а месьор Марциан скорчился на полу, будто громовой голос Конана предвещал лавину, готовую похоронить сей трухлявый ствол под градом камней. Но взгляд, который он бросил на несчастного Фарнана, был полон злобы и презрения.

— Государь, мне нечего скрывать, и вину свою я знаю, — пробормотал ювелир, еще больше бледнея. — У меня есть сын, единственное дитя, свет очей моих, радость жизни моей, дар пресветлого Митры... Хороший мальчик, добрый и трудолюбивый... он с пяти лет помогает мне, а сейчас ему десять, но без него я как без рук... и без сердца...

— Сын? При чем тут твой сын? — брезгливо сморщив нос, выдавил посол. — Вот моя супруга, благочестивая Аттузия...

— Я сказал, что с тобой потолкую потом! — оборвал его Конан, кивая ювелиру.

— Господин отлично знает, при чем тут мой сын, — исподлобья посмотрев на месьора Марциана, промолвил Фарнан. — Прошу, мой владыка, выслушай меня и накажи, но вели ему не перебивать.

Король кивнул Паллантиду, и тот, поставив ногу в сапоге на шею кофийца, придавил его к полу лицом. Месьор Марциан захрипел.

— Полегче, Паллантид, — сказал Конан и нетерпеливо махнул рукой.

— Продолжай, ювелир!

— Полторы луны назад мой сын заболел, повелитель. Что это за болезнь, никому из лекарей было неизвестно, но мальчик чах день ото дня. Он почти перестал говорить, ничего не ел, только пил и кашлял. Я созвал лучших целителей Тарантии, я заплатил им большие деньги — никто не помог. Они не смогли даже определить болезнь! Тогда я обратился к знахарям, чернокнижникам и колдунам, но и те только брали с меня плату да качали головами... О, Митра, светозарный! Я истратил все свое состояние, я взял в долг у ростовщика! На что мне деньги, если сын умрет? — так я думал... И вскоре деньги кончились, но дитю моему лучше не стало. Тогда ко мне пришел этот господин... — он кивнул в сторону присмирившего посланника — ... что был ласков со мной, так ласков и так участлив... Он сказал, что вылечить моего сына может только Сердце Аримана... О,

я знаю, как могуч этот талисман! И господин обещал принести мне сокровище, если я изготовлю подделку — из камня, который он дал мне... Принести только на время, клянусь Митрой! И я соблазнился, повелитель... Жизнь моего мальчика...

По лицу ювелира текли слезы, и рассказ его, как уверился Конан, был правдив — не то что история про благочестивую Аттузию и ворона, любителя брильянтов. К тому же все сказанное Фарнано было нетрудно проверить, и вряд ли он стал бы лгать перед своим государем.

Сыну его было десять, а принцу Конну — семь, и король понимал, что такое страх за жизнь единственного отпрыска. А потому, хлопнув Фарнана по спине, он произнес:

— Дважды в год я выношу талисман к народу, чтоб он врачевал моих подданных и даровал им здоровье и крепость тела. И не было случая, чтоб достойный исцеления не исцелился! Разве ты не мог подождать, ювелир? До дня осеннего солнцестояния?

Фарнан опустил глаза.

— Мой сын совсем плох, государь, и не протянет так долго... И потом... потом... Говорят, что ты вскоре отправишься на войну и заберешь камень с собой...

Король хмыкнул, не подтверждая и не опровергая эти слова.

Сейчас его интересовало другое.

— Ты огранил рубин кофийца так, что даже я не способен по виду отличить его от талисмана, — произнес он. — Скажи, как тебе это удалось?

Слезы текли по щекам Фарнана, но в глазах сверкнула гордость.

— Я — мастер, — тихо прошептал он. — Я — мастер из мастеров! Четырежды я видел камень в твоих руках, мой властелин... Этого достаточно.

Ярость Конана внезапно улеглась. Сидевший перед ним человек был виноват, но вину свою знал, в содеянном раскаивался и пощады не просил. Он ее и не

получит, решил король. Всякий проступок достоин наказания, а этот, граничивший с изменой и святотатством — тем более.

Отступив на шаг, Конан окинул ювелира суровым взглядом и произнес:

— Ты рассказал правду, Фарнан, и я не стану тебя ни судить, ни наказывать, не стану выкалывать глаза и отрубать руки. Пусть твоими судьями стану боги! Через половину луны ты придешь в мой дворец, Фарнан. Если сын твой будет жив еще к тому времени, ты придешь с ним, и мы испытаем целительную силу камня. Если нет... Если нет, считай, что тебя покарали боги, Митра и Ариман! — Он резко выдохнул и закончил: — Таков мой приговор! Иди!

— Ты справедлив и милостив, владыка... Благодарю тебя.

Поднявшись с табурета, ювелир склонил голову, затем, шаркая, пошел к дверям. Плечи его поникли, и казалось, что он тащит некий невидимый, но неподъемный груз; туника над худыми лопатками потемнела от пота.

— Лучше бы ты его ослепил, — вдруг произнес Паллантид, провожая Фарнана взглядом. — Или снял с него голову, мой повелитель. Можно сделать и то, и другое, исцелив сперва его сына. Я думаю, он бы не возражал.

Конан скосил глаз на посла, придавленного паллантидовым сапогом, и склонился к уху своего начальника стражи. Тот был высок, но даже рядом с ним король выглядел настоящим гигантом, так что наклониться ему пришлось пониже. Чуть шевеля губами, Конан прошептал: — Клянусь Кромом, сейчас я никого не могу исцелить. Камень, что был в сокровищнице, — тоже подделка. Кому-то не дает покоя старая история с фальшивыми талисманами короля Кулла. Зим десять назад эту историю можно было услышать от самого последнего пищего на тарантийских улочках. Видно, кто-то захотел повторить ту старую шутку!

Паллантид вздрогнул, смуглое лицо его потемнело от прилившей крови.

— Укра... — начал он, но король зажал ему рот огромной ладонью, продолжая нашептывать в ухо:

— Украли! Да, украли — может, нынешней ночью, а может, четырьмя днями раньше. Этого я не ведаю! Но знаю другое: мы должны вернуть талисман за половину луны. До моего отъезда к войску!

— Однако чары, охранные чары... — Паллантид машинально коснулся виска. — Я бы почувствовал, если б в подземелье вошел кто-то чужой... Как сегодня утром...

— Нергал с ними, с чарами! Чары можно наложить, а можно и снять! Но сделал это не кофийский слизняк, — Конан бросил взгляд на месьора Марциана, по-прежнему распростертого на полу. — Его опередили! Не знаю, кто... один из послов, нанятый грабитель или маг, кто угодно... Камня, однако, нет!

Теперь щеки Паллантида побледнели и запали, а гордый орлиный нос уныло свесился над сухими узкими губами. Выглядел он сейчас немногим лучше, чем утром, когда охранные заклятье Хадрата перетряхнуло ему мозги, устроив в голове колокольный звон. Причина этой внезапной трансформации Конану была ясна: за сохранность талисмана Паллантид отвечал жизнью.

— Я виноват... — пробормотал он. — Виноват, государь! Моя голова...

— Твоя голова мне еще пригодится, — буркнул Конан. — А теперь давай-ка допросим этого кофийского шакала.

Паллантид, наклонившись, вздернул месьора Марциана вверх.

Недолгое пребывание в темнице явно пошло кофийцу на пользу: выглядел он уstraшенным и, видимо, уже не собирался потчевать короля байками о вороне и ожерелье своей супруги. Его пышный кружевной воротник был разодран, щегольская туника покрылась пылью, а на спине, у шеи, отпечатался след сапога Паллантида.

Оглядев кофийского посла с ног до головы, Конан сказал: — К тебе, крыса, у меня только один вопрос. Не о ювелире и не о том, для чего ты забрался в мою сокровищницу; это я и так знаю. Скажи-ка мне, где ты раздобыл порошок черного лотоса и зелье, превратившее замки в ржавую пыль? Только подумай, подумай хорошенько... Я не поверю, что все это тебе принес ворон, в обмен на камешек из ожерелья твоей супруги. Попробуешь соврать, потеряешь голову.

Дрожь ужаса сотрясла шуплое тело Марциана.

— Черный колдун... — пробормотал он, — черный колдун, стигиец, дал мне порошок и зелье... Пощади, владыка! Пощади, милосердный! Я не лгу!

— Теперь, я думаю, не лжешь. Выходит, все, что нужно, ты получил от стигийца... Даром?

— Даром, повелитель! Он только хотел... хотел... чтобы ты лишился талисмана... Он обещал помочь мне отвезти камень в Коф, к моему господину Страбонусу...

— Не уверен, что ты добрался бы туда, глупец! — рявкнул Конан. — Ну, ладно... Как, ты говоришь, звали того колдуна?

— Нох-Хор, — пробормотал кофиец. — Нох-Хор, владыка. И видом походил он на жреца Сета...

— Где ты с ним встречался?

— У торговых рядов на главном базаре и на окраине Тарантии, за городскими воротами, вблизи Южного тракта... Он приходил сам... не знаю, где он прячется... Клянусь! Тощий, высокий, грязный, в черной хламиде... Страшный!

Конан переглянулся с Паллантидом. В приемном покое вдруг то ли повеяло ледяным дыханием ванахейских равнин, то ли пахло жаром стигийских песков, и свет, изливавшийся в широкие окна, будто померк; оба — и король, и его военачальник, ощутили знобящее прикосновение ужаса. За спиной месьора Марциана, глупца и болтуна, внезапно возникла фигура в черном — призрак далекой Стигии, смутный, но полный угрозы, предвещающий опасности и беды.

Король опомнился первым. Повернувшись к двери, он кликнул Альбана, велел отправить бывшего кофийского посла в подземелья Железной Башни и, когда воины вытащили подвывающего от страха месьора Марциана за порог, сказал:

— Ищи стигийца, Паллантид! Ищи и тех, кого он мог подкупить, соблазнить или запугать. Печень Крома! Я думаю, любой из посланников может стать его оружием... или уже стал...

— Надо обыскать их покои, — задумчиво произнес Паллантид. — Мы скажем, что кофийский шакал покушался на твою особу, пытался отравить тебя по наущению жрецов Сета. И еще скажем, что он запрятал отраву во дворце — быть может, в комнатах остальных послов.

— Хорошо, обыскивай. Но это половина дела! Нужно проверить весь темный люд в Тарантии, воров и грабителей, знахарей и колдунов, что таскаются по базарам. Вдруг они слышали о стигийце или о том, что кто-то покушается на королевскую сокровищницу...

— Может, какой-нибудь чернокнижник сумеет разыскать камень, — заметил Паллантид. — Не все же они жулики!

— Не все, — согласился Конан, — но большинство. Собери их! Завтра! Только не во дворце, а в сараях за конюшней — в том, что ближе к зверинцу. Я с ними поговорю. Гвардейцев поставь вокруг человек пятьдесят, и сам будь со мной. И мастера Хриса приведи. С плетью и веревкой!

Командир Черных Драконов поклонился.

— Все будет исполнено по твоей воле, государь! А что до мастера Хриса, так тот всегда ходит с плетью и веревкой.

Утро следующего дня выдалось на редкость солнечным; око Митры, поднявшись над широкой долиной Хорота, озарило опочивальню королевы чудным, каким-то бело-розовым светом. Блестели нити шелковых занавесей, сочные узоры ковров сливались в одно яркое многоцветное пятно, серебряные и бронзовые светильники на стенах сверкали яркими отблесками, а в хрустальных сосудах для омовения свет дробился на тысячу радужных бликов, подобный тонким клинкам Иранистана или кинжалам Вендии.

Зенобия открыла глаза, радостно улыбнулась наступающему дню и повернула черноволосую головку. Улыбка тут же сползла с ее лица — Конана рядом не было. Неясный страх на мгновение сжал сердце королевы; она вскочила, сама еще не зная, что будет делать, но вдруг дверь тихо отворилась.

— Уже встаешь, моя красавица?

Король вошел в опочивальню. На губах его тоже играла улыбка, не слишком радостная, но тревоги Зенобии вмиг улетучились. Она кинулась ему навстречу, но, не добежав полшага, замерла и склонила голову набок, разглядывая супруга.

— Что-то не так? — Конан оглядел свою тунику с золотым львом на груди, поправил свисавшую с могучей шеи цепь и пожал плечами. — Кром! Мне кажется, я в полном порядке.

— Ты в полном порядке, — подтвердила королева. — Но о себе я этого сказать не могу.

— Тебе приснился дурной сон? — Король нахмурил брови.

— Хвала Митре, нет! Мне приснился хороший сон. Но... но я вижу, ты снова обеспокоен. Чем, мой повелитель? Твои заботы тревожат мое сердце...

Конан отвел глаза.

— Ты видела принца?

— Да. Вчера он показывал мне, как умеет метать копьа и сражаться на мечах... и позавчера тоже... Весь день он не снимает панцирь, но Эвад сказал, что это хорошо — чем раньше мальчик привыкнет к тяжести доспехов, тем лучше.

— Эвад прав. И доспехи, что ты заказала Конну, достойны принца Аквилонии. Щит только великоват... под мужскую руку...

— И ты огорчен из-за этого?

— Нет. Разумеется, нет! — Король склонился к ней, и жесткие темные волосы зашевелились щеку Зенобии. — Я знаю, — негромко произнес он, — что ты, женщина, многое видишь яснее меня. Наверно, боги одарили душу твою предвидением, и я, не раз убедившись в том, готов прислушаться к твоему совету. И сейчас мне нужен совет... совет и твоя помощь.

Зенобия отпрянула, всматриваясь в хмурое лицо короля. Улыбка его исчезла, лоб изрезали морщины, и он будто бы разом постарел лет на десять.

— Что случилось, мой супруг? Почему ты спрашивал о Конне? Почему говорил о его доспехах и щите? Что с нашим мальчиком?

— Ничего... с ним ничего плохого... Если не считать, что с его наследством непорядок.

— С наследством? О каком наследстве ты говоришь?

— О камне, — пробормотал король сквозь зубы. — О талисмани, о Сердце бога, хранившем Аквилонию! Недавно ты предупреждала меня... предупреждала, но я был слеп и глух! Мне надо было поставить у сокровищницы сотню воинов, навесить сто замков и призвать Хадрата с Пелиасом, чтоб они наложили сто заклятий! Но я не успел... Камень украли!

Казалось, новость эта не поразила королеву. Словно в раздумье, она прикрыла шелковистыми ресницами глаза, и тонкие ее пальцы, утешая и успокаивая, легли на грудь Конана. Они стояли совсем рядом — исполин в синей бархатной тунике и хрупкая невысокая женщина, едва достававшая ему до ключицы. И король, глядя в

спокойное и прекрасное лицо своей супруги, творил безмолвную молитву — странное занятие, которое в прежние годы вызвало бы у него лишь презрительную усмешку. Но теперь, случалось, он молился и благодарил; молился за свою королеву и своего сына и благодарил Митру, пославшего ему это счастье. Теперь ему было с кем разделить тяжкий груз и у кого спросить совета.

— Камень украли, — тихо и печально повторила Зенобия. — Ну, что ж, все бывает, мой супруг! Я думаю, сотня воинов, и сто замков, и самые могучие чары не защитили бы его — ведь коварство людское безмерно! А против коварства есть только одно оружие — хитрость. Верней, хитроумие... искусство упредить врага и расставить ему ловушку.

— Поздно ставить ловушки, — сказал Конан. — Талисмана уже нет! Но о том известно лишь мне, тебе и Паллантиду. Мы будем искать, однако...

— ...однако, — подхватила королева, — я — всего лишь женщина, а вы с Паллантидом — воины. Для всякого же дела нужен свой мастер, ибо умеющий выковать меч и набрать кольчугу не сможет пошить плащ или огранить самоцвет. Тарантия — город великий и большой, и есть в нем разные люди, и оружейники, и портные, и ювелиры... Отчего ж не быть искуснику, помогающему в поисках утерянного?

— Таков твой совет? — произнес король.

— Да! Найди умельца, мастера розыска, и поручи ему это дело, — Зенобия слабо улыбнулась и погладила темную гриву супруга. — Не знаю, милый, одарена ли я предчувствием, как ты говоришь, но сейчас мне кажется, что все будет хорошо. Поищи надежного человека, и пусть он поможет нам — за деньги или ради чести послужить королю Аквилонии.

— Я велел Паллантиду собрать всех таких умельцев, что шныряют по тарантийским базарам и ворожат, помогая найти утерянное. Может, кто из них сгодится?

— Не думаю!

Зенобия покачала черноволосой головкой.

— Люди с базара никчемны. Тут нужно другое...

— Маг?

— Возможно, маг, или человек, равный магу в своем искусстве. Такой, который умеет следить, слушать и размышлять.

Конан потер старый рубец на щеке, след гирканской стрелы.

— Не навестить ли Хадрата? — пробормотал он. — Слушать и размышлять Хадрат умеет... да и следить тоже...

— Навести, — сказала Зенобия. — Хадрат умен, и однажды помог тебе. Но я думаю, что дело это — не для мага и не для жреца. Человек опытный и хитроумный справится с ним лучше.

Кивнув, король направился к двери. Зенобия проводила его взглядом, потом подошла к окну, посмотрела на солнце, висевшее над черепичными крышами Тарантии, на ослепительно-яркое небо, обитель Митры, и сотворила священный знак. Пусть Светозарный хранит ее короля, ее сына и ее любовь к ним! Все остальное неважно... Все остальное они сумеют преодолеть — силой оружия, силой разума, силой чар... Или хитроумия!

Щит, внезапно подумала она, щит и в самом деле тяжел для мальчишеских рук... Но Конану будет в самый раз!

* * *

Казалось, с желтого сморщенного лица кхитайца никогда не сходит вежливая улыбка. Зато узкие темные глаза под набрякшими веками смотрели на Паллантида холодно, даже угрюмо, пронизывая его насквозь. Несмотря на малый рост и хрупкое телосложение кхитаец был бы опасным противником даже для воина в броне и с мечом — в этом Паллантид не сомневался. Минь Сао хоть и был в преклонных годах, являлся мастером кхиу-та, жестокой и подлой борьбы, где

смертельным оружием мог оказаться и свернутый особым образом лист пергамента, и птичье перо, и нашейная цепь, и просто отточенный до небывалой остроты ноготь. А ногти у Минь Сао были острыми, очень острыми!

Конечно, Паллантид не боялся; в прошлом командиру Черных Драконов случалось встречать врагов и пострашнее. Но что-то в кхитайце настораживало его, наводило на размышления; он думал, что натурой своей, изворотливой, коварной и, вероятно, злобной, кхитайский посланец не уступает черным стигийским магам. Похоже, Минь Сао никогда и никому не говорил правды, и все его слова, хоть их и было немного, следовало пропускать мимо ушей и по возможности отвечать ему так же — вежливо и бессмысленно. Именно эту науку Паллантид и называл дипломатией и владел ею лучше своего короля.

Король был слишком нетерпеливым и не всегда мог сдерживать руку и спрятать горячий нрав под маской холодного равнодушия. Что касается самого Паллантида, то он умел разговаривать и с государями, и с послами, и с высокими вельможами. Он знал, когда можно пригрозить, когда действовать силой, а когда лучше соблюсти вежливость. Кхитаец пока что не был уличен в преступных умыслах, а значит, грозить ему не стоило; вполне хватит просьбы, подкрепленной повелением короля. И Паллантид, поклонившись и нацепив ухмылку — безразличную, ничуть не хуже кхитайской, — произнес:

— Волею владыки моего я обязан осмотреть твои покои, почтеннейший. Не держи обиды; государь не думает, что сам ты хоть в чем-либо нарушил наш закон или благопристойность. Но во дворце обнаружился злоумышленник, покушавшийся на короля и припрятавший где-то смертельный яд.

— Кто же он, достойный страж нефритового дворца? — ледяным голосом промолвил Минь Сао.

Паллантид с притворным огорчением развел руками.

— Месьор бывший кофийский посол!

— Во имя Яшмовых Небес! — Кхитаец повторил жест Паллантида.

— Какое злодеяние! Но разве ты, верный страж, не сумел дознаться, где спрятан яд? Этот Мар-Ци-Ан не выглядит умным и смелым человеком. Скорей он похож на трусливую крысу!

— Дознание уже ведется, — сказал Паллантид, оглядываясь на Драконов, нетерпеливо топтавших за его спиной. — Но яд такого свойства, что мы не можем медлить, ожидая, когда злоумышленник признается.

— Такого свойства? Что ты имеешь в виду, о старший над стражами?

Паллантид склонился к сморщенному уху кхитайца и прошептал:

— Пыльца Черного Лотоса, почтеннейший. Представь себе, что ты, по неведению, коснешься ее... И что будет?

— О! — Брови кхитайца взлетели вверх. — Черный Лотос! Теперь я понимаю!

— А раз понимаешь, то позволь, ради собственной безопасности, заглянуть в твои покои. Жизнь гостей короля драгоценна, и потому мы должны и обязаны проверить твою комнату — так же, как проверяем все комнаты во дворце. Считай, что это формальность, простая формальность, и не откажи в любезности, достопочтенный, присутствовать при осмотре. Люди мои опытни и все сделают быстро.

— С превеликим удовольствием, — поклонившись, ответил кхитаец и отступил в сторону.

Но от Паллантида не укрылся полыхнувший в темных узких глазах посла огонек насмешки — искра, что вспыхивала не раз, пока гвардейцы перетряхивали его добро, осматривали мебель и стены. Вероятно, Минь Сао не испытывал того удовольствия, о коем только что поведal! Впрочем, на чувства кхитайца Паллантиду было наплевать; главное, что тот согласился на обыск без крика и возражений.

Вещей у кхитайского посла оказалось немного — маленький сундучок с одеждой и еще один, побольше, в котором находились три десятка лакированных футляров со свитками, исписанными черными и красными иероглифами. Имелся среди них и странно пахнувший мешочек с какими-то засушенными травами, не похожими, разумеется, на Черный Лотос; их острый пряный аромат в сон не клонил, а, скорее, просветлял разум и память. Понюхав эти травы, Паллантид с прежней вежливой улыбкой пробормотал извинения и распорядился заканчивать осмотр.

Послы обитали в западном крыле огромного королевского дворца; флигель этот состоял как бы из ряда отдельных одинаковых построек, соединенных широким коридором с арками и дверьми. В городе, на постоянных дворах, чужеземным посланцам селиться запрещали, так как, с одной стороны, за каждым требовался догляд и присмотр, а с другой охранять и беречь их в дворцовых стенах было неизмеримо легче. Обычно двери под арками в коридоре оставались закрытыми, и каждый чужеземец входил и выходил из своих покоев со стороны сада, за которым располагались конюшни, зверинец и западные дворцовые врата. Но сейчас там стояла охрана, и у каждой распахнутой двери тоже высился солдат в блестящем панцире и высоком шлеме; сам же Паллантид, в сопровождении двух дюжин Черных Драконов, шествовал по коридору.

С офицером Мантием Кроатом и месьором Алонзо, аргосским послом, без криков не обошлось. Они не желали, чтоб кто-то ворошил их бумаги, написанные вполне понятным языком, а не кхитайскими иероглифами, так как в тех бумагах, возможно, обнаружилось бы нечто любопытное и не предназначенное для аквилонских глаз. Паллантид успокоил строптивцев; секретные зингарские да аргосские пергаменты его сейчас не интересовали, ибо искал он талисман либо лотосовый порошок, легко узнаваемый по запаху. Но ни кристалла, ни стигийского снадобья у Алонзо и Кроата не нашлось.

Зингарец Винчет Каборра раскрыл свои двери без лишних слов. Он лишь презрительно пожал плечами да отступил в сторону, пропуская Паллантиду в свое временное жилище. Каборра был высок, крепок и жилист; темные глаза его, горделивые и мрачные, полыхали бессилой яростью. Этот человек не тратил времени даром и признавал лишь одно право — право силы, право кпинка, право рыцарского своеволия. Из всех послов он был наиболее понятен Паллантиду, но неприятен не менее остальных.

Зингарец, одно слово! Высокомерный и коварный, из тех нобилей, что считают себя солью земли; такой и вправду мог подбить кофийского недоумка на любую глупость.

И потому его покой Паллантид обыскивал с особым тщанием.

Каборра, казалось, отлично догадывался о причине подобного недоверия. И сейчас, сидя в углу своей комнаты и взирая, как стражи копаются в его добре, он то кривил в усмешке тонкие губы, то наматывал на палец длинный черный локон, то пожимал плечами. Гнев, высокомерие и гордость не лишили его выдержки — привычной выдержки царедворца и солдата, побывавшего во многих сражениях. И только когда гвардейцы добрались до ларчиков с монетами и письмами, Винчет Каборра проявил первый и явный признак раздражения. Внезапно кулаки его сжались, зубы скрипнули — так, что Паллантид и люди его словно по команде подняли головы; затем зингарский рыцарь резко поднялся и, не обращая внимания на подозрительные взгляды Черных Драконов, вышел вон.

В покоях Хашами Хата начальника стражи ждал совсем иной прием. Толстозадый бородатый шемит с красным лицом, пыхтя и кланяясь, торопливо посторонился, пропуская солдат в свои комнаты. Выглядел он почтительным и подобострастным, однако в его маленьких глазках, глубоко упрятанных под черными нависшими бровями, нельзя было подметить истинного отноше-

ния к происходящему и к изложенной ему причине обыска. Паллантиду казалось, что в зрачках шемита скрывается мутная пелена, а что прячется за ней, он разобрать не мог.

Однако, когда осмотр был закончен, Хашами Хат склонился к нему и хрипло прошептал:

— Не знаю, мой господин, какие повеления ты получил от великого короля и что ты ищешь на самом деле. Но я готов дать тебе совет.

— Совет? — Брови Паллантида изогнулись, как два туранских ятагана.

— Во имя груди матери Ашторет, — прошелестел Хашами, — ты ведь не станешь подозревать меня в злом умысле? В том, что я собираюсь отравить блистательного владыку или похитить у него нечто бесценное? Не равняй меня с псами из Офира, Аргоса и Зингары и не считай глупцом вроде недоумка Марциана! Для них твой повелитель — враг, для нас — союзник и покровитель, защита от стигийского колдовства! И потому, что утеряно Аквилонией, утеряно и Шемом. Так?

— Возможно, — с вежливой улыбкой произнес Паллантид.

— Но утерянное можно найти, мой господин, если знать, как взяться за дело. Не с рвением простаков, как твои солдаты, а с умом и сноровкой... Слушай, — Хашами Хат придвинулся ближе к командиру Черных Драконов, обдавая его сочными запахами вина, баранины и лука, — слушай, доблестный: за городскими стенами, выше по течению Хорота, есть одна усадьба... Живет в ней некий Сирам, шемит, имеющий и многие другие имена... Очень умный и сноровистый человек! Почему бы не призвать его на помощь? Он работает за плату и — хвала Мардуку! — еще не было случая, чтоб он не сыскал утерянного.

— Я охраняю дворец и город, — сказал Паллантид, — и мне известны многие люди, очень многие. Почему ж я не слышал об этом умном и сноровистом шемите?

— Потому, что он такой умный и сноровистый, — отвечивал Хашами Хат. — Запомни, мой господин, и передай солнцеликому владыке: усадьба неподалеку от города, на речном берегу. Стены — белые, крыша — красная, над ней — голубятня, и у ворот — кусты жасмина. Только не пытайся притащить этого Сирама во дворец, он никуда не ездит.

— А почему?

Посол со вздохом сожаления осмотрел свой объемистый живот.

— Слишком он толстый, как многие из нас, шемитов. Я против него — ягненок против откормленного барана. Так что лучше, если милостивый король отправится к нему сам.

* * *

Паллантид доложил королю об усадьбе с кустами жасмина у ворот и обитавшем в ней шемите. Это, однако, не избавило генерала от неприятного занятия — объехать все базары да кабаки, притоны и значные места Тарантии. Шемит шемитом, но повелитель желал видеть и своих искусников, аквилонских; желал потолковать с ними и убедиться, кто из этих мерзавцев и жуликов может быть полезным.

Вот почему, едва солнце, светлый глаз Митры, перевалило за полдень, Паллантид, с полусотней помощников начал мотаться по городу, собирая во дворец всех тарантийских знахарей, предсказателей, чернокнижников, колдунов и магов, а заодно отлавливая главарей бандитских шаек. Приказ короля оказалось исполнить не так-то просто: самые умные из колдунов по базарам да постоянным дворам не шныряли, а сидели в своих домах, ни за что не желая оттуда вылезать — даже по любезному приглашению владыки. Пришлось выкуривать их: кого — угрозами, кого — лестью и всевозможными посулами. Что же касается бандитских главарей, то они никак не могли поверить, что их не собираются пытать

и казнить, а посему ругались, клялись, лили слезы и отпирались от всех своих грехов сразу, утверждая, что невинны, как новорожденные ягнята. Паллантид, усталый и раздраженный, то хватался за меч и плеть, то криво улыбался, беспрестанно вытирал о плащ вспотевшие ладони и снова начинал бранить, улещивать и запугивать. Наконец все нужные люди были отловлены, пересчитаны и отправлены под охраной во дворец.

Покачиваясь в седле, командир Черных Драконов ехал следом за носилками, в которых важно восседал самый злобный и самый знаменитый из аквилонских чернокнижников — Кабелин.

Родом он был то ли из Заморы, то ли из Коринфии, никто толком не знал; во всяком случае, в Тарантии он появился лет двадцать назад и пережил двух королей, Вилера и Нумедидеса, восстания и бунты, голод и мятежи, а также бедствия времен Немедийской войны, так что мог считаться настоящим тарантийцем. На чем основывалась его слава колдуна, никто не мог объяснить. Скорее всего, пришла из чужих краев за ним следом, ибо жители Тарантии настолько боялись его надменного и неприступного вида, что редко обращались к нему за помощью. «Лучше, — говорили они меж собой, — оказаться в клетке с тигром, чем один раз пройти мимо окна Кабелина». И в самом деле, вечно торчавший в окне маг, кашляя и плюясь, обругивал прохожих на разных языках и грозил жуткими карами им и их потомству — и все лишь потому, что они не поклонились низко или обошли его дом не с той стороны. Можно было подумать, что великий и могущественный колдун рехнулся на старости лет, но ведь всякому известно, что маги с ума не сходят. Они бывают капризными и мерзкими, но уж никак не чокнутыми!

И поэтому Кабелин сохранял свою славу и по сию пору, занимаясь по ночам неизвестно чем, а тарантийский люд постепенно проложил себе другую дорогу, далеко огибающую дом неуживчивого мага.

Вот этого-то хорька, вместе с тремя десятками крыс помельче, Паллантид и конвоировал под вечер в королевский дворец.

* * *

Конан, поджидая гостей, оставался в своей оружейной; раздраженно ходил из угла в угол, от камина к столу, топчя сапогами туранский ковер да поглядывая на клинки и панцири, развешанные по стенам. По правде говоря, ему не хотелось видеть тех, кого он велел свезти во дворец. Заранее представляя себе постные физиономии чародеев и разбойные рожи ночных искусников, облегчавших кошельки горожан, он скрипел зубами и сыпал проклятиями, поминая Нергала и всех его грязных прихвостней. Гораздо охотнее он потолковал бы с честными пиратами или с контрабандистами; те хоть и не щеголяли ученостью, зато отличались веселым нравом, душевной широтой и пристрастием к крепким напиткам.

В очередной раз продефилировав от стола к камину и обратно, король взял топорик, излюбленное оружие карпашских горцев, и несильно ударил о панцирь, висевший на стене и украшенный чеканкой и бронзовыми накладками. Оружейная наполнилась перезвоном, который весьма нравился Конану; звуки, отразившись от потолка, порождали в воздухе многократное эхо.

Звон еще не смолк, как в зале появился Дамиун, старый слуга в шерстяной тунике, подпоясанный широким ремнем. Он с выжиданием взглянул на повелителя, хмурого, как грозовая туча. Впрочем, ему было заранее известно, что прикажет король. Так и получилось.

— Вина! — буркнул Конан, усаживаясь в кресло.

Когда служитель возвратился с подносом, на котором стояли кубок и кувшин с красным вином, нахмуренные брови владыки разошлись, и на челе промелькнул намек на улыбку. Эта особенность короля была хорошо известна Дамиуну: временами государь

любил выпить, и пара чаш аргосского или офирского всегда повышала его настроение.

Отпустив слугу, Конан принялся за вино. В несколько глотков он ополовинил кубок, откинулся на спинку кресла и замер; его настроение все еще оставляло желать лучшего. Он размышлял о войсках, сосредоточенных на южной границе и готовых к походу, о похищенном камне и совете королевы, и мысли его были невеселыми. Правда, Зенобия сказала, что все обойдется... Но как? Разве что поможет один из умельцев, коих Паллантид собирал сейчас по всему городу... или тот сноровистый малый, о котором было рассказано шемитским послом...

Кувшин еще не показал дно, когда в дверь постучали, а вслед за стуком на пороге возникла рослая фигура командира Черных Драконов.

— Я привел их, владыка! — возвестил Паллантид, вытирая испарину со лба. — Гнать в сарай за конюшнями?

— Не сюда же, в мои покои! — Конан встал, с сожалением бросил взгляд на недопитый кубок, где искрилось ароматное вино, и двинулся к выходу. У самых дверей он вдруг застыл, пробормотал проклятье и вернулся к столу. Поднял чашу, медленно, с наслаждением, допил аргосское, чувствуя, как проникает внутрь теплая струя, посмотрел на свое отражение на дне кубка, затем поставил его и, не торопясь, вышел из оружейной.

Гости уже поджидали короля в большом сарае за конюшней, наполовину заваленном сеном — сброд, к которому Конан относился с давней неприязнью, не заслуживал лучшего приема. Бандитов и воров он бы еще мог пустить во дворец, но не чернокожики, занимавшихся подозрительным чародейством и приносивших больше вреда, чем пользы.

Стоя на пороге строения, оцепленного стражами под командой Пирима и Альбана, король прислушался, мрачно усмехаясь: глухое недовольное ворчание раздавалось из глубины сарая, факелы тускло мерцали, бросая

блики света на закованных в сталь Черных Драконов, а окруженная ими толпа ворочалась и смердела, как стая гирканских шакалов. Переколоть бы эту нечисть, подумал он, или отослать в Железную Башню, к мастеру Хрису... Впрочем, Хрис, как было велено, уже находился здесь и мог в любой момент приступить к своим обязанностям. Но не сейчас, решил Конан, не сейчас. Сейчас он нуждался в помощи этого сброда.

Раздраженно скривившись, король, сопровождаемый Паллантидом, мастером Хрисом и Альбаном, вошел внутрь.

— Ну, ублюдки, явились! — прорычал он, шагая к приготовленному для него месту — сидению, покрытому красным сукном. В ответ в толпе недовольно заголосили, но, тем не менее, головы у всех склонились низко, а шапки и колпаки подмели пол. Их было не меньше четырех дюжин, как определил Конан; пяток известных грабителей, еще не схваченных за руку и потому гулявших на свободе, а остальные — тарантийские колдуны, маги, чародеи да провидцы прошлого и будущего. Одни были облачены в длинные черные или пурпурные хламиды, другие — в мантии, расшитые символами их ремесла, третьи — в яркие туранские халаты с радужными полосами, что извивались при каждом движении будто змеи. Ни один из этих людей не был одет пристойно, как полагается жителю Аквилонии, что изобличало в них жажду видом своим, если не прочими достоинствами, отличаться среди добропорядочных тарантийцев.

Это и смешило, и раздражало короля; а пуще прочего ненавидел он застывшее на их лицах выражение, словно бы говорившее, что вокруг одни невежды и недоумки — ничто по сравнению с ним, всеведущим и мудрым! Жалкая плесень на дне прогнившего пивного бочонка!

Здесь были и старые и молодые, лысые и волосатые, бородатые и с бритыми подбородками, худые и толстые, жуликоватые и выглядевшие надменно — словом, подо-

зрительная мразь, собранная из всех щелей богатой и обширной Тарантии. Проходя меж ними и помахивая плетью, Паллантид как-то незаметно и ловко выстроил всех перед королем в одну линию, придирчиво осмотрел, как военачальник оглядывает свои войска, и встал за сиденьем повелителя. Рядом с ним пристроились Альбан, два стража с обнаженными клинками и мастер Хрис в своем неизменном плаще с капюшоном.

— Желаю услышать ваши имена, — мрачно произнес Конан и ткнул пальцем в первого попавшегося чародея. — Ты кто, нергалово отродье?

Высокий, ростом почти с короля, бородатый старик с темным злым лицом на мгновение презрительно скривил губы, будто не понимая, как можно его не узнать; затем сделал почтительную гримасу, совсем не подходящую к его утрюмому виду, и пробормотал:

— Кабелин, мой государь. Великий Кабелин, самый умелый, мудрый и могущественный маг Аквилонии. Каждое мое заклятье стоит мешка с золотом! — Он подумал немного и поклонился.

— А я-то считал, что самый мудрый аквилонский маг — Пелиас, который трудится бесплатно, — заметил Конан. — Правда, он не любит появляться в Тарантии, а значит, не может оспорить твои слова, бородач.

Со злобой, но тихо проворчав себе под нос что-то непотребное, Кабелин вскинул голову и отошел назад.

— Теперь ты! Подойди-ка ближе! — Уже забыв о самом умелом и могущественном маге, Конан протянул руку к маленькому человечку, тщедушному и бледному; казалось, его Митра сотворил одновременно с Кабелином, дабы соблюсти в мире равновесия. Крохотный чародей, до того пытавшийся скрыться за спинами остальных, побледнел больше прежнего, сделал шаг вперед, но... То ли силы его подвели, то ли устрасил вид королевского палача, то ли не вынес он счастья лицезреть самого грозного владыку, но вдруг ноги чернокнижника подкосились, и он упал, завалившись на левый бок. Толпа соперников и конкурентов загоготала:

негромко, не забывая о присутствии повелителя, но с такой нескрываемой радостью, что нахмурившийся было Паллантид махнул рукой и презрительно поморщился. Лишь Конан с прежним мрачноватым блеском в глазах взирал на собрание колдунов; одуревший от страха карлик валялся перед ним на грязном полу сарая.

— Всем заткнуть пасти, — вполголоса произнес король.

Его услышали. Физиономии колдунов разом обратились в маски, стали каменно-угрюмыми или бесстрастными, но ни единой ухмылки не увидел Конан, обведя взглядом всю толпу. Лишь слева, где сгруппировались бандитские главари, еще кто-то хихикал, но синие глаза короля грозно сверкнули, и смех умолк. С владыкой Аквилонии шутить было опасно, и грабители знали о том не хуже магов.

— Встань, тощий козел, — велел Конан. — И, клянусь Кромом, если под тобой окажется лужа, я прикажу... — Он оглянулся на мастера Хриса, намереваясь как следует пугнуть всю свору каким-нибудь жутким наказанием, он вдруг подумал, что карлик-таки напустил в штаны и угрозу придется выполнять, чего ему пока не хотелось. Поэтому он ограничился неприличным жестом, бытовавшим у вилайетских пиратов и означавшим скорую и жестокую смерть. Затем, увидев, что все его отлично поняли, сделал знак Паллантиду, и один из стражей оттащил карлика к стене.

— Все вы грязные псы, — произнес Конан, — и от ваших рож у меня пересохло в глотке. А посему, Паллантид, кликни кого-нибудь, и пусть принесут мне чашу и кувшин вина. Пока же я пью, каждый из этих ублюдков будет выходить на шаг вперед и называть свое имя и род занятий, в коем он достиг наибольшего искусства. Но пусть говорят быстро и кратко; когда я допью последний глоток, тех, кто не успел назвать себя, повесят. Ты готов, Хрис?

Он повернулся к палачу, и тот, кивнув, вытащил из-под плаща веревку.

Собрание загудело, словно пчелиный улей. Поморщившись, Конан поднял руку, и тут же наступила тишина. Черные, серые, зеленые глаза взирали на короля с выражением злобы и страха — или страха и злобы, смотря по тому, чего было больше. Эти люди походили сейчас на диких зверей, загнанных в железную клетку; они не могли вырваться на волю и не могли кусаться, не могли даже разъяренно шипеть и точить когти на забаву охотнику. Конана, впрочем, они не забавляли. Пока он держал речь, принесли вина; сделав огромный первый глоток, он зевнул, с удовлетворением отметив панику в рядах всей своры, и знаком пригласил самого крайнего, по виду бандита, начинать представление.

— Э-э... — выступил вперед тучный волосатый гигант, — я, великий король, промышляю метанием ножицков... Горго меня зовут... Горго из Галпарана...

Голос у него был на удивление тонкий, как у евнуха в гареме туранского владыки.

— Наслышан о тебе, Горго, — сказал король между двумя глотками. — Гляди!.. Попадешь клинком не туда, и будет нечем ножики метать. Понял?

— Понял, государь, — промычал гигант.

Конан кивнул, вызывая следующего, и Горго с облегчением скрылся в полумраке.

На смену ему вышел высокий худой человек с мрачной физиономией, столь бледной, будто ее нарочно набелили мелом. Он принял важную позу — откинул голову назад, подбоченился и отставил правую ногу, а затем широко открыл рот, словно намереваясь запеть. Но, слава Митре, этого не произошло.

— Меня, мой владыка и господин, зовут Амитакий. Живу я у Западных врат Тарантии и законов не нарушаю. Я простой человек, совсем простой, повелитель. Я всего лишь непревзойденный мастер лозы, коему равных нет во всей Аквилонии. Мое искусство стоит десять золотых в день и...

— Эй, мешок с дерьмом! — возмущенно выкрикнули из толпы. — Поторопись! Шевели языком получше!

— Закрой свою гадючью пасть, — важно произнес Амиталий, не оглянувшись. — Так вот, мой господин, я продолжаю. Дай мне в руки лозу и десять золотых, и я найду тебе все, что пожелаешь! Воду, рудные жилы, золото, серебро либо место, где пролилась кровь невинного или виноватого! Только скажи, что тебе нужно! А еще я умею...

— Хватит, — буркнул Конан. — Следующий!

Оттолкнув Амиталия, перед ним возник кругленький розовый человечек в синем халате, расшитом звездами. Он дважды подпрыгнул на месте, крутанулся, взвивая полы своего одеяния, и зачастил говорком, свойственным жителям южных провинций:

— Я Хайрум, повелитель, Хайрум из Шамара! Звездочет, способный узреть и провидеть волю небес! Мной восторгались в землях Турана и Бритунии, Кешана и Пунта, Заморы и Зингары! Черные дикари Зембабве носили меня на руках и со слезами умоляли не покидать их; иранистанские девушки днями стояли у моих дверей, ожидая, когда я дарую им утешение. О, владыка, если тебе что-то нужно, прикажи! Прикажи, и я сделаю все! Все, что в моих скромных силах! Без всякой благодарности! Мне надо лишь немного золота для опытов — два-три кошелька величиной с баранью голову, больше я не попрошу...

— Вперед ничего не получишь, — хмуро отозвался Конан. — Сделаешь дело, тогда и поглядим... Следующий!

— Я Маим, владыка...

— Верулий из Таурана...

— Сулен, мой повелитель...

— Иафан по прозвищу Кровавая Пятка...

— Адигус, мой господин...

— Елига Желтый Змей...

В ушах Конана звенели имена и прозвища, а лица слились в одно — в одну мерзкую рожу, перед коей маячила ладонь с жадно растопыренными пальцами, просившими, требовавшими, молившими — дай... дай... дай... Увы, пока среди этого сброда он не увидел ниче-

го стоящего, никого, кому бы стоило дать потертую медную монету, не говоря уж о кошельках с золотом величиной с голову барана. Даже великий Кабелин, стоявший с обиженно поджатыми губами, не произвел на короля впечатления. Про себя он давно уже решил, что предоставит кое-кому возможность показать себя в деле, но сильно сомневался, что кто-нибудь из этой братии отыщет драгоценный талисман. Похоже, все эти колдуны, звездочеты, знахари и чернокнижники были жульем — таким же жульем, как те ублюдки, что лечили несчастного мальчишку, сына ювелира Фарнана.

Король допил последние капли вина и поднял руку, повелев очередному колдуну заткнуться; трое оставшихся замерли, в ужасе взирая на молчаливого мастера Хриса, игравшего веревкой. Конан, будто позабыв про обещанную кару, сказал:

— Теперь глядите на меня, блевотина Нергала! Я постараюсь забыть тот бред, что выслушал сегодня, и даже вознагражу достойных за их умение и усердие. Мне надо, чтоб вы пошастали по дворцовым залам, в саду и у садовых стен, поискали со всем тщанием, поразнюхали там и тут — не запрятано ли где ядовитое зелье, не скрыто ли в тайном месте нечто магическое, не заметны ли следы колдовства или чего-то необычного, что простым глазом не различишь. А ночные мастера, умельцы кидать ножики, пусть скажут о тех же вещах, если слышали чего и есть им о чем сказать. Каждого я награжу по заслугам: одному достанется золото, другому — мое королевское прощение за вины и грехи, а самому удачливому — и то, и другое. Ну, а не найдете ничего, разговор будет иной. Паллантид!

— Слушаю, мой повелитель!

— Как думаешь, украсят ли ворота Тарантии головы этих красавцев? Мошенников, что дурачат своего короля?

— Нет, государь. Больно уж неприглядны и страшолюдны... Верблюды шарахаться станут! Лучше сгноить их всех в Железной Башне.

— Быть по сему! — Конан кивнул мастеру Хрису и рывкнул колдунам:

— Ну, что вы медлите? Солнце скоро сядет! Отправляйтесь во дворец!

Давясь и толкаясь, пестрая толпа высыпала из сарая и ринулась к дворцовым стенам. Конан переглянулся Паллантидом.

— Пустая затея, сдастся мне... Им не найти даже кусок ослиного дерьма на базаре.

— Может, что и получится, — неуверенно пробормотал генерал Паллантид. — Подождем, мой государь, посмотрим... К тому же, у нас есть еще тот искусник, про которого говорил Хашами Хат.

— К нему я наведуюсь утром, — произнес Конан, вставая. Паллантид невольно отметил, как изменился за минувший день владыка: широкие плечи будто бы сгорбились, лицо помрачнело, морщины прорезали широкий лоб. Король перехватил этот взгляд, посмотрел на своего рыцаря полными тоски глазами, криво ухмыльнулся и вышел вон.

* * *

Дворец гудел, словно улей, переполненный пчелами — или, верней, трутнями, от коих не стоило ждать ни меда, ни воска. Маги расползлись по лестницам и коридорам, по роскошным парадным залам и темным кладовым, по кухням и конюшням, по саду, казармам стражи и флигелю, где находились посольские покои. Они совали свои любопытные носы во все двери и щели, приставали с вопросами к прислуге, особенно выделяя молоденьких и хорошеньких девушек; поначалу встречались среди них и разбойники, решившие попользоваться милостивым приглашением короля. Эти, под шумок, уже начали тащить все, что попадалось под руку, но тут бдительные стражи уличили их, тотчас же согнали во двор, пересчитали, всыпали, не жалея, плетей и выбросили за ворота.

Что касается колдунов, то те старались вовсю: кто грозил магическим посохом, кто размахивал зачарованной лозой, кто драл волосы из бороды, тряс полами одежд и бормотал жуткие заклятья.

Широким величественным шагом мерил дворцовые переходы Кабелин. На лице его была написана отрешенность от мира живых; то и дело маг останавливался, выпускал тяжелый вздох, похожий на стон призрака, затем оглушительно сморкался, обтирал пальцы о край своего плаща и шествовал дальше. О Кабелине дворцовая прислуга была понаслышана и теперь взирала на него с любопытством и опаской. Его манипуляции с чиханьем и плащом тут же обросли слухами и истолковывались как некое магическое действие, призванное отогнать всех злобных демонов — а, может, и призвать их на помощь. Спрашивать самого Кабелина об этих тонкостях никто не решался, и тот бродил по дворцу до поздней ночи, пока Паллантид, уверившись в бесполезности розысков, не препроводил его в руки мастера Хриса и его подручных.

Амиталий, виляя задом как собака хвостом, разгуливал по дворцу подобно тени с Серых Равнин. Глаза так и сверкали на его бледном мрачном лице; магическая лоза упруго подрагивала в руках, тонкие губы кривились в ухмылке. Прислуга шарахалась от него, как от смрадной гиены, а знахарь заигрывал с юными пажами, с учеником садовника и с самим садовником, с охраной, где были рослые и красивые парни, и даже с Альбаном, от такой наглости потерявшим дар речи. Это позволило Амиталию смутиться в темный проход и продолжать свои поиски. Интересовался он только юношами, а на пригожих девушек и женщин, коих во дворце было с избытком, смотрел с отвращением. Они, само собой, этого не заслужили, но природа Амиталия не предполагала раздвоенности; человек он был цельный, прямой, искавший сочувствия и понимания лишь среди сильного пола. В конце концов он его нашел — в опытных руках мастера Хриса.

Хайрум, звездочет и провидец из Шамара, мячиком катался по дворцовым коридорам. Его неутомонный нрав быстро утомил прислугу, но обаятельная улыбка, с которой он выпрашивал у всех пару золотых на пропитание и астрологические опыты, умиляла — и сердобольные люди подавали Хайруму где медную монету, где кусок хлеба, где необглоданную до конца кость или глоток вчерашнего пива. Но бесплодные его поиски завершились там же, где и у всех остальных искусников и умельцев — в фургоне с плотным полотняным тентом, на козлах которого восседал мастер Хрис. И когда над крышами Тарантии взошел острый серп полумесяца, эта переполненная повозка двинулась по притихшим улицам и площадям прямо к Железной Башне.

Король своих обещаний не забывал и был готов вознаградить всякого по усердию, умению и достоинству. Правда, сам он, справедливый и пекущийся о благе Аквилонии, остался в тот день без награды, ибо ни воинам его, обыскавшим покои чужеземных послов, ни магам и чернокнижникам, истоптавшим дворцовые ковры, волшебный талиман найти не удалось. И это погрузило владыку в печаль, развеять которую сумели не пьянящие напитки, а лишь губы его королевы.

Завтра поеду к шемиту, подумал он, засыпая в ее объятиях.

Глава 6. Шемит

Копыта вороного жеребца звонко цокали по мощеной камнем дороге, тянувшейся вдоль левого берега Хорота. Солнце едва поднялось, но утро наступало жаркое, и Конан, сняв шерстяной плащ, пристроил его сзади на седле. Теперь он остался в одной лишь кожаной безрукавке да замшевых штанах, заправленных в высокие сапоги, и видом походил на бывалого ветерана-наемника, изведавшего и гиперборей-

ские холода, и пекло туранских пустынь, и влажную жару кушитских джунглей. Жеребец шел ровной иноходью, висевшие на широком поясе кошель и меч терлись о бедро короля, налетавший с реки свежий ветер играл прядями его черных волос.

Все это напоминало Конану молодость, и он невольно подумал, что тайная его прогулка в равной мере связана и с делом, и с удовольствием. Конечно, чтоб там не говорил шемитский посол, он мог приказать, и этого Сирама доставили бы к нему во дворец; но было так приятно проехаться ранним утром по берегу Хорота и вспомнить прошлое...

Впрочем, настоящее не позволяло ему предаваться воспоминаниям о былом. Невеселые мысли бродили у него в голове; он представлял последствия, связанные с кражей талисмана, и мрачнел тем больше, чем выше поднималось над горизонтом солнце.

Кром! Если его солдаты не увидят магический камень, их боевой дух падет, но это окажется лишь самой малой из неприятностей. Талисман уплыл в чужие руки и, рано или поздно, явит свою мощь — либо в Офире, либо на западном побережье, либо в Стигии, если в похищении замешаны стигийцы... Кто знает, откуда ждать беды? И какой? Землетрясения, что разрушит Тарантию и прочие города королевства, молний, павших с неба, или сокрушительной бури, способной уничтожить аквилонские армии?

Чтобы отвлечься от этих неприятных дум, Конан начал снова размышлять о направлении главного удара. Он склонялся к тому, чтобы начать с Офира и, усилив войско Просперо гандерладской пехотой, двинуться к Ианте. Захват побережья можно было вполне поручить графу Пуантенскому, полководцу искушенному и опытному, который не станет зря жечь и разрушать, и сохранит то, что надо сохранить.

Главное, флот и порты! Их на западе не так уж много, и каждый корабль, каждая гавань с прибрежным поселением при ней являлись огромной ценностью.

Временами Конана поражало, сколь огромен Западный океан и сколь неизведан он мореходами. Вероятно, из-за того, что на западе располагались лишь четыре цивилизованные державы, и две из них, Стигия и Шем, не стремились открывать новые континенты и острова. Аргосцы и зингарцы, вечные соперники на море и на суше, а также пираты с Барахского архипелага, были гораздо предприимчивей, но и они не рисковали удаляться от берегов дальше двух-трех дней корабельного хода при попутном ветре. Северней Зингары тянулись до самого ледяного Ванахейма пиктские пустоши, перекрывая Аквилонии выход к морю, а южней Стигии лежали земли черных, и плавание вблизи тех мест грозило путникам немалыми опасностями.

Восток, по мнению Конана, обеспечивал куда больше простора для дальних морских экспедиций. Отправившись из иранистанских портов, можно было приплыть в Вендию, где было великое множество богатых княжеств и государств — взять ту же благословенную Уттару; в Лемурийское море и, наконец, в великий Восточный океан, омывавший берега Кхитая и тысячи островов, непрерывной цепью тянувшихся вдоль побережья. Путь этот десятикратно превышал расстояние от Кордавы до границ черного Куша, но, если не считать бурь, ветров и морских чудищ, казался безопаснее, ибо опасаться приходилось лишь кхитайских пиратов.

Мерно раскачиваясь в седле, Конан размышлял об экспедиции на юг, о мощном флоте, которому удалось бы обогнуть Черные Земли, а затем подняться к Зембабве и Иранистану, выйти к Вендии.

Поистине, это было бы великим деянием! Если граф Троцерио устрасит Аргос и Зингару силой оружия, если удастся связать их, вместе с Шемом, союзными договорами, то сей морской поход станет не пустыми мечтами, а реальностью. Но раньше надо сокрушить стигийскую мощь, уничтожить проклятых колдунов... Уже, быть может, завладевших Сердцем Аримана!

Вспомнив о талисмани, король опять помрачнел, но вскоре брови его разгладились, а взор преисполнился надежды: у низкого речного берега, слева от дороги, зазеленел огороженный высокой белой стеной сад, а над ним поднялись черепичные кровли жилых строений и соломенные — сараев. В стене, как и описывал шемитский посол, были ворота, полускрытые жасминовыми кустами; их створки, собранные из крашенных охрой досок, были приоткрыты. Конан свернул с дороги, въехал внутрь и спрыгнул с седла.

Узкая аллея, тоже заросшая жасмином и шиповником, тянулась к дому — одноэтажному, но весьма просторному, с голубятней над крышей, где ворковали посыльные голуби, с широоченной верандой, устланной коврами, и темной аркой входа. Кроме дорожки и части веранды, находившихся прямо перед ним, Конан не видел ничего; густые кусты скрывали двор и сад, так что гость мог полагаться лишь на обоняние и слух, но не на глаза. Однако нос и уши могли сообщить немного; пахло здесь зеленью, цветами и аппетитными ароматами, доносившимися, видимо, с кухни, а других звуков, кроме плеска воды, король не различил.

Не услышал он и поступи кушита, проскользнувшего сквозь зеленую стену зарослей подобно тени. Огромный и черный, с лоснящимся лицом, с ятаганом и небольшим щитом в могучих руках, он заступил Конану путь и уставился на незваного гостя темными подозрительными глазами. Три вздоха они молча взирали один на другого, потом Конан сказал:

— Ну, нагляделся, парень? Теперь прими коня и веди к хозяину. Да поживее!

— Хозяина не беспокоить. Хозяина кушать и чесать пятки. Твоя приходить, когда солнце стоять вот так! — Не выпуская ятагана и щита, кушит отмерил руками пару локтей.

— Моя приходить, когда хотеть! — рывкнул король и мощным ударом сбил охранника на колени. Кривой меч полетел в одну сторону, щит — в другую, а сам

чернокожий страж от неожиданности закатил глаза и уперся в землю огромными кулаками.

— О! — гулким басом произнес он. — Твоя сразу драться! Значит, твоя большой человек! Очень большой! Хочешь видеть хозяина? Ну, пойдем! Хозяина звать мой, Салем, звать Хабиб, звать Тульпа, и велеть вешать тебя над лужей с крокодилом. Крокодил кусать — и ты уже не такой большой человек! Покороче!

Кушит оглушительно расхохотался, подобрал свое оружие и раздвинул кусты.

За ними открылась дорожка, и Конан решительно двинулся по ней, не оглядываясь на своего проводника. Кусты расступились; теперь перед ним была просторная площадка с двумя бассейнами, усыпанная песком и примыкавшая к веранде. В дальнем ее конце на четырех столбах высилась железная клетка, и еще одно такое же сооружение торчало над большим из бассейнов; в меньшем, по грудь в воде, сидел чернобородый смуглый мужчина лет пятидесяти, нагой, если не считать полотняной повязки вокруг бедер. Бассейн был овальным, длиной в пятнадцать локтей и шириной в десять, но чудилось, что чернобородый занимает его полностью — так он был огромен, толст и велик. Живот, подобный армейскому котлу на двадцать воинов, подпирал могучую грудь; плечи казались двумя подушками, заплывшие жиром руки и бедра не уступали величиной конечностям вендийского носорога, а шею, толстую, как древесный пень, вряд ли сумел бы перерубить даже мастер Хрис. Во всяком случае, не с одного удара!

Голова вполне подходила к этим гигантским телесам. Кроме бороды и темной курчавой гривы, лицо сидевшего в бассейне украшал огромный нос, отвислый и сизый; щеки, достававшие до плеч; широкий рот с пухлыми шемитскими губами и глаза с тяжелыми приспущенными веками, что придавали ему сонное выражение. Но маленькие черные зрачки поблескивали пронзительно и остро, а лоб был высоким, с двумя шишками у висков, напоминавшими непрорезавшиеся рога.

Обозревая это чудо, Конан не сразу заметил, что великана-шемита окружает множество слуг, едва ли не дюжина. Две хорошенькие нагие девушки, сидя в бассейне, чесали ему пятки; еще две разминали плечи и шею, а светловолосый парень с хитрыми глазами, по виду — чистокровный аквилонец, держал перед хозяином поднос. Еще шесть или семь слугителей, смуглых и светлокожих, с блюдами и кувшинами в руках, выстроились в ряд; и того, что находилось на этих блюдах и в этих кувшинах, хватило бы на прокорм троице аквилонских рыцарей и всем их голодным оруженосцам.

Гигант, не обращая внимания на суетившихся вокруг девушек, мерно двигал челюстями, перемалывая дымившихся на подносе цыплят; один из слуг, находившийся ближе прочих, держал наготове чашу размером с бычий череп.

Внезапно великан прекратил жевать и во все глаза уставился на Конана. Рот его приоткрылся.

— Хрр... Урр... Рост — шесть локтей, две ладони и два пальца, вес — четыре барана, волосы — черные, глаза — синие, нос — прямой, средний, лоб — низкий, широкий, уши — приплюснутые, вид — властный... Хрр... Еще — шрамы да рубцы... — Хозяин обратил строгий взгляд на чернокожего охранника: — Ты был вежлив с этим гостем, Салем, сын мой? Ты преклонил свою глупую голову? Ты встал перед ним на колени?

— Моя встать, — сказал кушит. — Встать, когда он ударит мой в брюхо.

— Встань еще раз, — велел гигант. — И вы все тоже, дети мои!

Он взмахнул рукой, и слуги повалились на колени, не исключая и девушек, задравших кверху хорошенькие личики; вода доходила им до подбородков. Хитроглазый парень поставил поднос на голову, а остальные протянули кувшины и блюда гостю, будто предлагая ему отведать угощения.

— Хорошие у тебя рабы, — усмехнулся Конан, — послушные!

— Рабов не держу, владыка. Разве можно доверять рабам? Все мои люди свободны и служат у меня по доброй воле и за приличные деньги... — Он мигнул парню, державшему огромный кубок. — Подушку для повелителя, Хартар! Помягче! И чашу с вином!

— Я не люблю мягких подушек, — скрестив ноги, Конан присел на край бассейна. — Откуда ты меня знаешь, Сирам? Ты меня видел?

— Чтоб узнать человека, не обязательно его видеть. Вот Альяс, — шемит ткнул пальцем в хитроглазого, — вот Хартар, Хабиб, Тульпа и другие... Они — мои глаза и уши! А сам я никуда не езжу и не хожу, ибо слишком толст и неповоротлив. Прости, господин, что не могу приветствовать тебя как подобает... Но если я опущусь перед тобой на колени, то даже благой Мардук меня не подымет.

Конан милостиво кивнул, чувствуя, что начинает испытывать симпатию к этому толстяку.

— Сиди, где сидишь! И можешь есть! Человек твоего роста и веса должен подкрепляться почаще.

— Семь — священное число, а потому я вкушаю пищу семь раз на дню, — произнес Сирам, протягивая огромную лапищу к блюду. — Это — первая трапеза, и приготовлены для нее молодые каплуны по-агалунски, фаршированные орехами голуби, бок косули под чесночным соусом, лепешки из белой муки и нежная рыба, доставленная живьем с вилайетских берегов... Не желаешь ли отведать, повелитель? Мои повара не уступят твоим!

— Я сыт. Но от вина не откажусь.

Расторопный Хартар уже протягивал ему кубок. Эта хрустальная чаша, сотворенная из света звезд и дыхания луноликой Иштар, была поистине достойна короля. Вино тоже оказалось отличным — охлажденный золотистый напиток из лучших офирских сортов. Конан единым махом опрокинул его в глотку.

— Неплохо, Сирам! Вижу, ты не бедствуешь.

— Грр... — Шемит прожевал цыпленка и принялся

за жаркое из косули. — Я помогаю людям, владыка, а люди помогают мне. Немного... Мои потребности так скромны! Хорошая еда, хорошее питье, несколько верных слуг, охраняющих мой покой... Вот и все!

Блюдо с жарким он опустошил со сказочной скоростью и теперь поедал голубей, оборачивая каждую птицу в сдобную лепешку и заглатывая ее в два приема. Челюсти его работали как мельничные жернова, огромное брюхо колыхалось под водой. Хартар снова наполнил офирским кубок короля.

— Если ты поможешь мне, — сказал Конан, — то и я помогу тебе. Хватит на еду и питье до конца дней твоих.

— А покой, повелитель? Будет ли мне покой? Я, знаешь ли, скромен и предпочитаю не вмешиваться в дела государей... Слишком они опасны для маленького человека.

— Кром! Ты человек не маленький, а умный и сноровистый — так сказал о тебе Хашами Хат.

— А, этот худышка? Воистину, шемит шемита видит издали...

Сирам доел голубей и теперь обглаживал рыбу, вилайетского осетра в два локтя длиной, возлежавшего на серебряном блюде. Блюдо держал перед ним светло-волосый Альяс, заботливо следивший, чтоб хозяин не подавился рыбьими костями.

Наконец Сирам довольно рыгнул, полузакрыв глаза и со вздохом откинулся на стенку бассейна.

— Верно сказано: лучше идти, чем бежать, лучше сидеть, чем идти, лучше лежать, чем сидеть, — сообщил он. — Покой, государь, я ценю больше денег. Когда я был молод и не так толст, пришлось мне постраивать по разным землям, где знали меня под разными именами — Сирам или Авортиан, Чандра или Паландарус. Всякие земли встречались, богатые и бедные, но покоя не было нигде... нигде, кроме твоей благословенной державы, в которой я живу пять последних лет. Здесь нет самовластья городов, что вечно грызутся друг с

другом, здесь нет стигийцев и кофийцев, совершающих набеги, здесь покой и порядок. Вдобавок здесь прохладней, чем в Шеме, что для человека моей комплекции немаловажно.

Конан отпил из хрустального кубка.

— Покой державы хранят мой меч, мои воины и Сердце Аримана. Слышал о нем?

— Слышал, — маленькие глазки шемита сверкнули. — Меч, я вижу, при тебе, государь, воинов твоих не украдешь, значит... — Веки его опустились, огромная голова упала на грудь, из горла вырвалось сипенье. — Хрр... хрр... Значит, ты намекаешь на божественный талисман, а? С ним что-то случилось? Печально, печально... Придется старому Сираму опять поработать... придется, хоть он и не любит влезать в дела сильных мира сего... Воистину сказано: гость в дом, тревоги в дом!

— Я тебе не гость, — буркнул Конан, допивая офирское, — я твой король, раз живешь ты в прохладной Аквилонии, а не в жарком Шеме. Так что повинуйся моей воле и сыщи утерянное. Понял, о чем речь?

— Я не из тех людей, коим надо повторять дважды, — произнес Сирам Авортиан Чандра Паландарус и повернулся к слугам. — Ну, дети мои, я сыт, доволен и освежился после ночи. Поднимайте!

На это стоило посмотреть: четыре служителя, спустившись в бассейн, подпирали хозяина снизу, еще четверо, и в их числе чернокожий Салем, тянули его наверх. Действовали они с завидной сноровкой, и вскоре шемит был извлечен из воды. Две полуголые девушки обтерли его огромную тушу мягким полотном, третья красotka причесала бороду и волосы, а четвертая набросила на плечи серую хламиду. Сирам походил в ней на округлый гранитный валун, у подножия коего суетятся юркие ящерки. Даже Салем, ростом едва ли уступавший Конану, доставал шемиту лишь до плеча.

Подпираемый слугами, хозяин взошел на веранду и опустился на подушки. Пол под ними жалобно скрипнул.

— Ни одно кресло меня не держит, — пожаловался он. — Боюсь провалиться прямо к Нергалу!

— Упав на Нергала, ты сломаешь ему шею, — сказал Конан.

— Нет, владыка. Если уж я отправлюсь на Серые Равнины, то стану легким, как тень, и буду избавлен от страданий, причиняемых грузом плоти.

— Зато, сделавшись тенью, ты не сможешь есть и пить.

— Это так. Вот почему, когда я думаю о смерти, у меня разыгрывается аппетит. — Сирам с унылым видом забрал в кулак свой огромный нос, посматривая, как толкнутся у бассейна слуги, прибиравшие остатки трапезы. — Ладно, когда солнце поднимется на локоть, можно будет перекусить... А сейчас, владыка, назови мне несколько имен. Тех, кого ты подозреваешь.

— Марциан, посол Кофа. Его поймали вчера в моей сокровищнице.

— Пять локтей и ладонь. Волос светлый, глаза мутные, нос острый, похож на крысу. Глуп и жаден!

— Ты его видел?

— Я же сказал, повелитель, что никуда не езжу и не хожу. Его видел Альяс, и этого довольно. Ну, чьи имена ты еще назовешь?

Конан поглядел на усыпанную песком площадку с бассейнами и зеленую стену кустарника за ней. В большом бассейне — в том, над которым торчала клетка, — что-то плескалось, но солнце отсвечивало на воде и слепило королю глаза.

— Алонзо, аргосец, — сказал он.

— Пять локтей три ладони, волос темный, глаза черные, черты благородные, щеголеват и трусоват... — откликнулся шемит. — Дальше!

Так они добрались до Минь Сао, и тут Сирам, ухватившись за свой огромный нос, призадумался, а потом сообщил, что о кхитайце ему известно немного. Можно сказать, почти ничего! Загадочный человек! Таинственный, осторожный... В городе появляется редко.

В бассейне снова плеснула вода, и Конан приподнялся, пытаясь разглядеть его обитателя. Шемит небрежно повел рукой.

— Это Иракус. Беспокоится, хочет есть. Сейчас его покормят.

— Иракус?

— Да, мой повелитель. Крокодил, доставленный мне с берегов Стикса четыре года назад. Был тогда совсем крошкой, а теперь...

Глаза Сирама многозначительно закатились.

Король с удивлением приподнял бровь.

— К чему тебе стигийский крокодил, приятель? Хочешь откормить его и сделать жаркое?

— Недурная мысль! Слышал я, что в Пунте и Кешане запекают крокодилов целиком в глине... — Сирам облизнулся. — Но Иракусу такая судьба не грозит, ибо он мне весьма полезен. Видишь ли, государь, даже то, что известно, не всегда доказуемо, а я во всяком деле стремлюсь найти надежные доказательства. Есть много способов их получить — скажем, сиденье Нергала с гвоздями, огненное ложе Сета, сапоги Ашторет или ванна со жгучим бальзамом благодного Мардука... Но боль — не лучший способ разговорить злоумышленника; страх и ожидание боли действуют сильнее. Поверь, многие способны скрыть истину, когда у пяток их щелкают челюсти Иракуса... Или когда сидят в клетке над бассейном, а Салем начинает его кормить.

Ну и умелец! — промелькнуло у Конана в голове. Пожалуй, этот шемит со своими слугами стоил больше, чем мастер Хрис, хозяин Железной Башни. На миг перед мысленным взором короля проплыло соблазнительное видение: пара дрыгающих ногами послов, подвешенных над бассейном, и зубастые челюсти подбирившегося к ним Иракуса.

— Ну, вернемся к нашему делу, — произнес шемит. — Расскажи мне все в подробностях, государь: и о самом талисмане, и о том, где он хранился и как его похитили.

— Расскажу. Но знай, что это тайна, в которую посвящены немногие — моя супруга, вернейшие из полководцев и Хадрат, жрец Асуры. О похищении же камня знают лишь трое — я сам, королева да Паллантин, генерал Черных Драконов.

— Грр... — насмешливо прорычал шемит. — Тайна! Тайна лишь то, о чем знал ты один, да забыл! Забыл так прочно, что даже лязг зубов Иракуса не заставит вспомнить! — Взгляд его остановился на бассейне, куда чернокожий Салем кидал окровавленные куски мяса. Все прочие слуги удалились, только хитроглазый Альяс сидел в дальнем конце веранды, ожидая повелений хозяина.

Конан приступил к долгой своей истории, поведав о величии божественного талисмана, дара небес, о чернокнижнике Ксальтотуне и Немедийской войне, случившейся восемь лет назад, о злоключениях магического камня, о том, кто похищал его и когда. Рассказал он и про охранные чары, наложенные Хадратом, жрецом Асуры, о черном лотосе и обратившихся в ржавую пыль замках, о Марциане, кофийской крысе, и загадочном стигийце Нох-Хоре, о двух подделках — творении несчастного Фарнана, и второй, созданной неведомо кем; упомянул про обыск, учиненный в комнатах послов, и о встрече с гадателями и знахарями, согнанными с тарантийских базаров.

Шемит слушал, полузакрыв глаза и скрестив руки на необъятной груди, не перебивая и не задавая никаких вопросов; лишь когда речь зашла о гадателях, толстые губы его шевельнулись.

— Им не выдавить сока из апельсина, а я из камня выжму истину! — с самодовольной усмешкой произнес он.

И замолчал — пока история не была закончена.

Король смолк, и Сирам огладил пышную бороду:

— Когда я слушаю тебя, мой господин, то вспоминаю, что нечто подобное уже достигало моих старых ушей...

— В Аквилонии похожую историю не слышал только глухой, — усмехнулся Конан, — если только мы с тобой имеем в виду одно и то же!

Глазки шемита хитро блеснули.

— На ум твоему недостойному слуге пришла история, которую покойный король Нумедидес в пылу любовных забав, нашептал на ушко Тиолине — одной из своих фавориток. Но разве можно доверять тайны женщине? В опочивальне еще не успели погаснуть светильники, как уже весь Лурд судачил о поддельных талисманах валузийского короля Кулла. А еще через пару поворотов клепсидры эту историю, конечно, изрядно приукрашенную, можно было услышать во всех тавернах Тарантии.

— Видно, кому-то так припала по душе эта история, что он не поленился проделать тоже самое, — буркнул Конан, — стоит льву задрать серну, как тут же налетает туча стервятников!

Сирам тонко улыбнулся.

— Увы, людям не свойственно лишний раз напрягать свои мозги... Но, как говорят на моей родине — вернемся к нашим гусям. Так где сейчас поддельные талисманы, мой господин? Тот, который был в сокровищнице, и тот, который ты отнял у кофийца?

— Первый я вернул на место, а второй... — Конан распустил завязки своего кошелька, — второй — вот!

На огромной пухлой ладони Сирама камень казался небольшим, хоть был он размером без малого с кулак. Багряный шар сиял в лучах утреннего солнца, и Конану чудилось, что стоит коснуться его, и камень вспыхнет колдовским огнем, испустит фонтан пламенных искр, загорится, запылает, как павшая с неба звезда... Он вздохнул и мрачно уставился на подделку.

— Настоящий рубин, чистого оттенка, большой, — произнес шемит. — Немалая ему цена, хоть камень и не волшебный!

— Бери его себе и считай частью платы за свой труд. Кром! Я отдал бы сотню таких рубинов за истинный та-

лисман! Да что там сотню — все камни из своей сокровищницы!

— Кстати о сокровищнице... — Сирам, покачивая ладонью, любовался игрой и блеском огромного кристалла. — Ты помянул, владыка, что побывал в сокровищнице вместе с принцем шесть дней назад. А кто еще туда спускался?

— Никто. Никто — до позавчерашней ночи, когда мы поймали там кофийскую крысу!

— Ты уверен?

— Погоди... — Конан, припоминая, наморщил лоб. — Вслед за мной туда ходила королева... на следующий день... Ей были нужны самоцветы, чтоб украсить доспехи и оружие принца — панцирь, шлем, щит и меч. Она тоже выбрала рубины. Красный цвет Конну к лицу.

— Твоя властительная супруга не проверяла талисман?

— Нет. Она сказала бы мне об этом.

— Жаль! Если б она коснулась камня, и он не вспыхнул в ответ, мы бы точно знали день похищения... Ну, ничего!

Сирам спрятал рубин под подушку и поманил к себе хитроглазого Альяса.

— Пойдешь в город, сын мой, — распорядился он. — С собой возьми Хартара, Хабиба и Тульгу. Побродите по базарам и дорогам, заглянете в лавки, в кабаки и в веселые дома, пошарите на постоялых дворах и у причалов, на берегу Хорота... Сроку даю вам от сегодняшнего полудня до завтрашнего вечера. Узнайте, не привозил ли кто в Тарантию снадобье из черного лотоса или иное колдовское зелье, не продавал ли его тайком, и не походил ли сей продавец на стигийца. Стигийца тоже попробуйте найти. Он высокий, смуглый и тощий, в черной хламиде, и имя ему — Нох-Хор. Разыщите, следите издали и осторожно, ибо подозреваю, что он искусный маг, и коль заметит вас, то обратит в жаб либо пауков. Понял, сын мой?

Хитроглазый кивнул.

— Может, отпустишь с нами Салема, хозяин? Из него получилась бы преогромная жаба!

— Салем мне нужен здесь, ибо он займется Иракусом и послами, — пояснил шемит, поворачиваясь к Конану. — Сегодня и завтрашним утром я буду думать, а после обеденной трапезы пусть их привезут ко мне. Не всех сразу, сперва аргосца Алонзо и Каборру с Мантием Кроатом. Попозже, вечером, я потолкую с кхитайцем. Прикажи, владыка, чтоб их доставили сюда.

Конан почесал в затылке.

— Многого хочешь, почтенный Сирам! Не так-то это просто! Они еще посланцы, а не узники в Железной Башне.

— Так ведь и дело твое непростое, — ответил шемит, колыхнув огромным животом. — Очень непростое, господин мой! Так что забудь, кто они, посланцы или узники, и пусть твои люди привозят их ко мне.

* * *

Возвращение в Тарантию было недолгим, ибо усадьба Сирама располагалась поблизости от городских стен, и даже пеший путник одолел бы это расстояние за седьмую часть дня. Что же касается Конана, то его нес быстрый и сильный жеребец, завидев коего, всякий спешил свернуть к обочине, освобождая путь. Одни узнавали своего владыку и почтительно кланялись, благословляя его именем Митры, других пугал воинственный вид всадника на черном скакуне, третьи принимали его за вестника, торопившегося в столицу по важным государственным делам. Но каждый, даже незнакомый с обликом короля, не сомневался, что этому воину лучше уступить дорогу, уж очень величественно и грозно он выглядел.

Конан, не обращая внимания на путников, спешивших к городским воротам, наслаждался стремительной скачкой. Чувства его пришли в равновесие, тревога рассеялась — то ли благодаря нескольким чашам офирско-

го, то ли в результате беседы с искусником-шемитом. Этот Сирам, несмотря на нелепый вид и странные привычки, вызывал у киммерийца доверие; вероятно, он и в самом деле являлся человеком сноровистым, хитроумным и поднаторевшим в своем ремесле. А значит, как и советовала Зенобия, поиски пропавшего талисмана были теперь в надежных руках. Это успокаивало Конана; во-первых, он выполнил желание своей королевы, а во-вторых, шемит мог добиться успеха в самое ближайшее время.

Если только противник окажется ему по зубам... Шемит, бесспорно, был неглуп, но ему ли тягаться с магом Черного Круга? С этим стигийцем Нох-Хором, маячившим смутной тенью за спиной недоумка Марциана? А может, подумал Конан, тень эта была еще могущественней, еще страшней, чем мнилось ему?

Как-то давно Хадрат показал ему монету — очень древнюю, с истончившимися краями и стершейся насечкой. Но изображение на одной ее стороне было удивительно четким — непроницаемое лицо бородатого мужчины, надменное и величественное, застывшее в холодном спокойствии.

Эти черты Конан видел не только отчеканенными в серебре; Ксальтотун, оживший спустя три тысячи лет, пленил его, говорил с ним, грозил... Ксальтотун, повелитель Ахерона...

Эту империю магов, владевшую некогда землями Офира, Немедии и Аквилонии, уничтожили пришедшие с севера хайборийцы. Чародеи Ахерона практиковали некромантию и тавматургию, самое омерзительное колдовство, самое жуткое чародейство, коему они обучились у демонов мрака; более страшных созданий Гирканский материк не знал со времен Великой Катастрофы. Но, хоть все они были искусны и сильны, ни один из них не мог сравниться искусством и силой с могущественным Ксальтотуном из Пифона.

Что, если он восстал к жизни второй раз? Восстал и снова завладел огненным Сердцем бога?

Конан усмехнулся. Пустые бредни! Он знал доподлинно, что теперь от Ксальтотуна не осталось даже мумии, даже сухих окаменевших костей; Хадрат сжег его до гла, спалил огненным дыханьем Сердца Аримана.

Хадрат... Тоже искусник и хитроумец... Как и старый Пелиас, ученый маг и чародей... Не обратиться ли и к ним за помощью? Нет, не сейчас, подумал Конан; сначала пусть потрудится Сирам, пусть выжмет истину из послов, пусть вырвет правду из их лживых глоток! Сам он уже принял решение: добром или силой, волей или неволей, но все четыре посланца отправятся завтра к шемиту. Хотя бы после этого ему объявил войну Кхитай!

* * *

Послы тем временем бунтовали. Правда, мятеж их был тихим, неприятностей никому не причинил и не затрагивал тех, кто прибыл из Бритунии, Немедии, Турана и прочих восточных стран, не считая Кхитая. Они просто собрались в роскошных апартаментах сира Винчета Каборры, брюзжали, ссорились и злословили насчет беспрецедентного поведения аквилонского короля.

— Эти олухи-стражи и сам пес Паллантид копались в моих вещах! Рылись в моей одежде, в моем ларце с благовониями, выстукивали стены, перевернули ложе! — обычно спокойные черты Мантия Кроата дрогнули, губы искривились в раздражении. Он коснулся рукоятки кинжала, и Каборра машинально повторил этот жест — только клинок у зингарца был вдвое длиннее офирского, а в глазах его сверкало не раздражение, а самая неприкрытая ярость.

— Вещи! — прорычал он. — Вещи! Туники, подштанники, башмаки и ларцы! Ерунда! Лапы этих шакалов прикоснулись к моим пергаментам! К письмам моего короля и моим еще не отправленным донесениям! К шкатулке с монетами! Прах и пепел! Что позволяет себе этот неотесанный дикарь? Ведь мы — не оборванцы с базарных площадей и не безродные купцы! Мы — по-

сланники великих держав! Более древних и великих, чем эта варварская Аквилония!

— Ну, и чего ты хочешь? — лениво молвил Алонзо. — Варварская страна, и король — варвар! Даже не аквилонец, а северный варвар из дикой Киммерии, который лишь волею случая стал королем.

— Волею Ящмовых Небес, а не случая, — ровно, без выражения, произнес кхитаец.

Вечная улыбка, застывшая на лице, придавала его словам какой-то особый смысл. Вот и теперь все замолчали и злобно уставились на Минь Сао, явно не поняв, что он хотел этим сказать. А тот продолжал:

— Никто из вас, достопочтенные, не станет отрицать, что король одарен здравым смыслом, силен, как лев, в меру жесток, предусмотрителен и осторожен, а значит, соединяет в себе Пять Нефритовых Достоинств правителя. Так почему же ему не быть королем?

Наступило молчание. Наконец Алонзо с издевкой протянул: — М-да-а... Кажется, наш мудрый друг из далекого Кхитая не имеет ничего против варваров. Даже таких, которые шарят в шкатулках с монетами и в тайных пергаментах.

— Забудь о моих монетах и пергаментах, аргосец! Ты и сам варвар, и не понимаешь, что может нанести оскорбление человеку родовитому и благородному! — с холодной яростью сказал посол Зингары, бросив на Алонзо неприязненный взгляд.

— Варвар? — Красивое лицо Алонзо вспыхнуло. — Ты считаешь меня варваром? Ты, родившийся в нужнике солдатской казармы? Не советую!

Винчет Каборра побледнел и наполовину вытащил клинок из ножен.

— Мне плевать на твои советы, — медленно произнес он. — Я — зингарский гранд, и не стану пачкать свое оружие кровью никчемного щеголя из Аргоса! Что же касается казарм наших воинов, то выглядят они ничуть не хуже, чем твои хоромы в Мессантии. И в них, по крайней мере, не так смердит!

— Смердит? — Алонзо задохнулся от возмущения. — Если где и смердит...

— Замолчите, почтенные! — Минь Сао с укоризненной усмешкой окинул взглядом спорщиков. — Ты, благородный Ало-Нсо, не должен оскорблять доблестного воителя из Зингары, средоточие яшмовых достоинств... А тебе, отважный Ка-Бо-Ра, не надо пускать стрелы гнева в туман глупости. Ты всегда так горд, сдержан и невозмутим, что я, ничтожный, тебе завидую. К чему же ссориться? И было б с кем...

— Ка-ак?.. Ка-ак ты сказал? — вскинулся Алонзо. — Ты считаешь, что со мной и поссориться нельзя?

— Ну что ты, великолепный князь... Я совсем не имел в виду обидеть тебя, — снисходительно произнес кхитаец, выставив руки перед грудью. Плавный жест этот можно было толковать двояко — как знак вежливости или угрозы. Впрочем, для мастера кхиу-та одно не слишком отличалось от другого, и всякое его движение могло перейти в смертоносный удар. Вспомнив об этом, месьор Алонзо стушевался, тогда как Минь Сао продолжал свою речь.

— Кажется, мы говорили о короле, — прошелестел он. — О короле и его неподобающих манерах.

— Значит, ты тоже считаешь его манеры дурными? — рыкнул Винчет Каборра, в ярости покусывая губу.

— Ни в коем случае, славный рыцарь из Зингары! Так считаете вы — ты сам, и благороднейший Ало-Сели и умнейший Чо-Ат из Офира. У нас же в Кхитае говорят: Нефритовый Владыка столь возвеличен над людьми, что подсуден лишь Небесам и грозному Дракону Высшей Справедливости.

— К Нергалу! Что мне за дело, кому он подсуден? — Зингарец, стиснув кулаки, уставился в невозмутимую физиономию Минь Сао. — Я хочу знать, что случилось! Почему аквилонские псы врываются ко мне в комнату? Почему они запускают грязные лапы в мои пергаменты? Почему вслед за ними приходит банда еще

более мерзких ублюдков, мошенников-колдунов, которые тоже норовят залезть в мои покои и подобраться к ларцу с монетами?

— И я хотел бы это знать, — подхватил Мантий Кроат, офирец.

— Но еще больше интересует меня происходящее во дворце. Месьор Марциан схвачен и обвинен в преступных умыслах... Ха! Нашли злодея-отравителя! Да он Черного Лотоса от белой лилии не отличит! И если уж Марциан припрятал где-то зелье, то признался бы сразу, едва узрев кнут, кол и клещи палача. Не слишком он храбр, месьор Марциан... Думаю, не лотос искали стражи! Искали с усердием! Перевернули все в моих покоях, заглядывали под ковры и в постель, словно я сплю в обнимку с этим проклятым стигийским зельем! Смешно! Смешно и нелепо! Нет, тут что-то другое.

— Конечно, другое, — кивнул Алонзо. — У королевы завелся дружок, его и искали. Вот и вся тайна!

— Ее дружок, будь он хоть карликом из джунглей Зархебы, не поместится в моем ларце для благовоний! — замотал головой Мантий Кроат. — Говорю вам, здесь дело нечисто!

— Нечисто, — согласился Винчет Каборра. — Я согласен с Кроатом: не снадобье из лотоса они искали! Хотел бы я знать, что!

— Может быть, это, жемчужные мои господа? — прошелестел кхитаец.

Он сделал странный жест, будто отталкивая от себя нечто невидимое, и протянул к троице послов раскрытую ладонь.

На ней покоился кристалл — сферический граненый рубин багрового цвета величиной с горошину. Внезапно он окутался дымкой и начал расти; сделался таким, как ноготь большого пальца, затем — как косточка персика, как сам персик... Миновало время пяти вздохов, и на сухой ладони Минь Сао лежал сияющий самоцвет без малого с кулак, сверкавший тысячью полированных граней.

Раскрыв рты, судорожно сглатывая, офирец, аргосец и зингарец не сводили с рубина замороженных глаз. Затем Мантий Кроат передернул плечами и отвернулся, Каборра в задумчивости прикусил губу, а месьор Алонзо откашлялся и пробормотал:

— Откуда у тебя такая забавная безделушка, досточтимый? Никогда не видел рубинов подобной величины!

Губы кхитайца дрогнули в едва заметной усмешке.

— Никогда, мой яшмовый князь? — негромко спросил он, и лишь глупец не расслышал бы в его голосе иронии.

— Никогда! — Алонзо всплеснул руками.

— Не лги, аргосец! Это Сердце Аримана или похожий на него камень, и тебе сие прекрасно известно, — отрезал Мантий Кроат и с подозрением уставился на кхитайца. — Значит, и ты, почтенный Минь Сао, интересуешься талисманом? Но почему? От аквилонских границ до Кхитая далеко, и вам не грозит нашествие варваров.

— Всякое средоточие мощи может сделаться угрозой. Эта держава богата и сильна, ее Нефритовый Владыка отважен и умен, ее воины искусны и напоминают драконов в железной чешуе... Добавь сюда магический камень и подумай — не слишком ли много достоинств и сил собрано в одном месте? — Жидкие брови кхитайца приподнялись. — По воле богов совершенство на земле недостижимо, почтенный Чо-Ат, и значит, либо держава должна рухнуть, либо владыка ее умереть, либо...

Минь Сао многозначительно покосился на камень, издав сухой смешок. — Но ты прав, от аквилонских рубежей до Кхитая далеко, и в наших землях талисман интересует мудрецов, а не полководцев. У наших границ нет войска владыки Аквилонии.

— Камень вырос в твоих руках... — процептал Алонзо, облизывая пересохшие губы. — Вырос, как плод из зерна... Это — колдовство? И камень... камень — тот самый?

— Есть вопросы, благородный Ало-Нсо, которые не стоит задавать. Быть может, камень тот самый, и превращение его вызвано магией — волшебством талисмана, а не моим, ибо я не маг и не колдун, а всего лишь ничтожный и скромный искатель истины... — Минь Сао усмехнулся, но темные его зрачки оставались непроницаемыми. — Быть может, камень — подделка, и я показал вам ловкий фокус, внушив, что горошина обратилась в тыкву... Судите сами, мудрые и доблестные!

— Чего уж там судить, — буркнул зингарец, окидывая взглядом послов. — У всех нас одно на уме — или держава должна рухнуть, или владыка ее умереть, или... — Он ухмыльнулся прямо в лицо Минь Сао. — Я понимаю твои намеки и подсказки, старик. Ты первым сообразил, что случилось с недоумком Марцианом и о чем мечтаем мы, остальные... Говоришь, большое могущество в одном месте неумодно богам? А боги помогут тому, кто задумает сие могущество преуменьшить?

— Помогут, отважный князь, — с загадочной улыбкой произнес кхитаец.

— Так же, как помогли Марциану! — Мантий Кроат пригладил свои черные локоны, недоверчиво рассматривая кхитайского посла.

— Где он теперь? Из одного подземелья, с сокровищами, попал в другое, под Железной Башней... Если кто и помог ему, так Нергал!

— Он оказался слишком тороплив и глуп, — заметил Минь Сао.

— Но другой, более умный и ловкий...

— Я этим другим не буду! — Глаза Кроата злобно блеснули.

— Я не верю тебе, кхитаец! Не верю твоим фокусам и словам, искатель истины! Не истину ты ищешь, а иное. Недаром расспрашивал короля о камне... И что тебе сказал король? Спроси у демона, ха! Ну, и ты спросил?

— Может, и спросил, почтенный Чо-Ат... — ладонь кхитайца дрогнула, и огромный багряный рубин вспых-

нул и засверкал. — Ты, подобно Ало-Нсо, любишь вопросы, которые не стоит задавать.

— Почему ж не стоит? Ты обещаешь помощь, но чью? Богов или демонов?

— Не все ли равно? Главное, чтоб стрела попала в цель, и столь уж важно, из какого лука ее выпустили?

На лицо Мантия Кроата набежала тень.

— Король обвинил меня в богохульстве, но ты — истинный богохульник, старик, если путаешь богов с демонами! Я не боюсь ни тех, ни других, но не хочу иметь с ними дела! Я — офирский нобиль, и все, чего желаю, сделаю сам!

Высокомерно вскинув голову, он шагнул к двери и скрылся за резной створкой.

— Слишком боязлив и подозрителен, — пробормотал кхитаец, с неодобрением покачивая головой. — И слишком любопытен!

— Я не любопытен, — вымолвил Алонзо, пожирая взглядом огромный рубин. — И потому я готов купить это...

Тонкие пальцы аргосца коснулись сверкающих граней. — Я хорошо заплачу! А потом ты расскажешь о помощи своих демонов или богов... Была бы помощь, а чья, мне все равно!

— Я могу заплатить столь же щедро, как ты! — раздался резкий голос Каборры. — Зингарское золото ничем не хуже аргосского, а что касается демонов да богов, то и я не щепетилен; чей бы промысел не открыл нужную дверь, я в нее войду!

— После меня, — сказал Алонзо. — Я буду первым! Хищное лицо зингарца отвердело.

— Первым будешь на Серых Равнинах! — рявкнул он, потянувшись к поясу; в следующее мгновение в его руке блеснул тонкий длинный клинок.

Алонзо вздрогнул, побледнел и начал пятиться к дверям, не спуская глаз с блестящего лезвия кинжала. Едва не споткнувшись, он вслепую нащарил порог и выскочил в коридор.

— Иди, иди, — напутствовал его Каборра, вкладывая клинок в ножны и поворачиваясь к невозмутимому Минь Сао. — Один — глуп, другой — подозрителен, а третий — труслив... Похоже, выбор у тебя не слишком велик, кхитаец? Но теперь тебе придется иметь дело с настоящим мужчиной. Ты понял? С рыцарем и мужчиной, который неглуп, не слишком опасается гнева богов и уж во всяком случае не труслив.

Минь Сао поднял на зингарского посла спокойный взгляд.

— Ты хочешь купить у меня этот камень, средоточие совершенств?

— Купить или отнять, все равно, — отрезал гранд.

Конечно, он предпочел бы отнять, но мастер кхиута мнил его слишком опасным противником. Весил он вдвое меньше Каборры и был вдвое старше, но кто мог оценить его скрытую мощь, его умение и хитрость? И этот кристалл, выросший за пару мгновений... Такое под силу только магам или истинному талисману...

— Я думаю, лучше купить, — усмехнулся Минь Сао, словно прочитав мысли зингарского рыцаря. — Сколько ты дашь, о богатейший из князей?

— Все, что у меня тут есть. А если мало, могу послать в Кордаву за добавкой!

— Пошли, Ка-Бо-Ра, пошли. Обязательно пошли!

— Но ты же не знаешь, сколько кошель с монетами в моем ларце!

— Я знаю только, что их недостаточно.

— Хорошо, я пошлю за деньгами сегодня же. Тебя это устроит?

— Вполне, — пожал плечами кхитаец, вкладывая камень в руку Каборры. — Но поедешь ты сам и привезешь камень в Кордаву. Вот твоя плата, и другая мне не нужна.

Зингарец застыл с раскрытым ртом.

— Но почему? — прохрипел он наконец. — Почему?

— Мудрый нуждается не в золоте, а в исполнении задуманного.

Минь Сао сложил ладони перед грудью, и на губах его мелькнула улыбка.

— Путь далек и опасен, мой яшмовый князь... Вдруг ты в самом деле держишь в руках талисман? Тогда тебе лучше держаться подальше от Тарантии. Уезжай! Уезжай тайно, сегодняшней ночью.

— А твоя помощь?

— Я уже помог тебе. Что может быть лучше мудрого совета?

* * *

Король, отвернувшись от Паллантида, разглядывал сверкавшие над камином клинки.

Аргосские и зингарские были тонкими, узкими и прямыми, туранские — слегка изогнутыми, иранистанские — кривыми, как серп полумесяца, стигийские — короткими, обоюдоострыми, шириной в ладонь, ванахеймские — слишком тяжелыми и грубыми, изготовленными без должного тщания.

Всем им он предпочитал аквилонский меч — длинный, в меру широкий, с двуручной рукоятью и остроконечным концом; надежное оружие, пригодное и для пешего сражения, и для конного боя.

Такой клинок, только небольшой, и сделали Конну... и доспехи, как у настоящего аквилонского воина... отличная работа, только щит великоват...

Протянув руку, Конан прикоснулся к холодной стали клинка, приласкал другой, третий, потом поднял глаза на стоявшего рядом Паллантида.

— Пусть завтра твои люди отвезут к шемиту четырех послов, — негромко сказал он. — Алонзо, Каборру и Кроата — после полудня, а кхитайца — ближе к вечеру. Шемит потолкует с ними.

— Я вижу, государь, ты преисполнился доверия к нему. Он в самом деле столь искусен?

— Он не корчит из себя колдуна, не требует денег вперед и совсем не похож на ту мразь, что ты пригнал

сюда вчерашним вечером. Клянусь бородой Крома! Если кому и под силу вернуть талисман, так только этому толстозадому обжоре!

— А что делать с теми ублюдками, коих я свез со всей Тарантии?

— Пусть сидят в темнице у мастера Хриса. Безобидных можно отпустить через день-другой, а остальным — выжечь на лбу позорное клеймо и выгнать голыми за городские ворота. Больше я не желаю слышать о них!

— Воля твоя будет исполнена, государь, — сказал Паллантид.

— Однако послы...

— Что — послы? — Глаза короля сверкнули. — За ними приглядывай всякий миг! Особенно этой ночью и завтрашним днем! И чтоб все заставы были начеку, на всех дорогах и переправах, на каждой лесной тропе!

— За ними смотрят, государь, и если кто задумает удрать, так проследим, догоним и повяжем. Но меня беспокоит другое... вряд ли они по доброй воле захотят отправиться к шемиту.

Конан нахмурился.

— Разве я сказал, что нужно их спрашивать? Сунуть каждого в мешок покрепче — и на коня! Только без шума! Пошли Альбана с его людьми; Альбан в таких делах знает толк.

— Это верно, владыка, — командир Черных Драконов склонил голову.

— Скажи Альбану, чтоб был поосторожнее с кхитайцем, — произнес Конан, снова поворачиваясь к стене, на которой холодным спокойным блеском мерцало оружие.

Он скользнул взглядом по смертоносным, но прекрасным клинкам и усмехнулся:

— Кром! Не было б хлопот с этим мастером кхиута... Остальных Альбан скрутит быстрее, чем успеешь выпить кубок вина!

Но он снова ошибся.

Яркие звезды, глаза божественной Иштар, сверкали в черной вышине величественно и гордо; обозревая землю, казавшуюся им сверху такой ничтожной и крошечной, они словно чувствовали себя хозяевами мира, владыками судеб и повелителями вселенной. Иногда они мерцали, падали вниз, обращались в хвостатые кометы или, приводя в недоумение трудолюбивых звездочетов, украшали небеса чудными сияющими всполохами.

Под этим ночным небом, по наезженному караванами южному тракту, во весь опор скакал всадник в шлеме и плаще; он тоже чувствовал себя едва ли не господином мира. Дело сделано, с торжеством размышлял этот беглец; осталось совсем немного, и он падет к стопам своего повелителя, с радостью и почтением передаст в его руки божественный талисман и примет награду — власть над войском... И пусть тогда аквилонская армия попыбует раздавить Зингару! Пусть невежественный король-варвар поднимает своих рыцарей, своих стрелков, копейщиков и щитоносцев! Мощным ударом ответят зингарцы врагам, и никому не будет пощады! Впрочем, лучше напасть первыми... В самом деле, чего же ждать, если грозный талисман с ними?

Так размышлял беглец, летевший на добром скакуне мимо первой заставы на южном тракте. Он мчался к излуине Хорота, где можно было переправиться на другой берег и скрыться в горах, либо продолжить путь на плоскодонной барже, что спускались вниз до самого речного устья и агросской столицы Мессантии.

В ночной тишине всякий звук слышен издадека; вот и цокот копыт стражники заставы расслышали без труда и вышли сонные, зевая во весь рот, потягиваясь и с нарочитым равнодушием взираая на дорогу. Но у беглеца на залястье болтался бронзовый медальон с гравиро-

ванным львом, обвязанный оранжево-красной ленточкой — знак королевского гостя, достопочтимого и неприкосновенного. Лишь только факелы осветили всадника, как стражи тотчас потеряли к нему интерес. Так же позевывая и лениво переговариваясь, они удалились в каменную башенку на обочине дороги.

А всадник, дрожащий от переполнявшего его ликования, миновал заставу и не смог сдержать радостного возгласа. В ночи его хриплый победный вопль разнесся далеко, отразился эхом от лесной опушки, и тогда человек закричал снова, на разные голоса, с визгом и хохотом... Ему нравилось, как звенит на этой чужой земле его голос — будто глас повелителя, коему покорны и земли, и реки, и люди, и города. Но, словно бы в ответ на крики свои, услышал он вдруг за спиной гудение трубы. Трубили на заставе или где-то вблизи нее; боевой горн выпевал какую-то странную мелодию, то заунывную, то неожиданно тревожную, отрывистую... От этих звуков все возбуждение всадника сняло как рукой. Он замолк, оглянулся назад, хотя в темноте ничего нельзя было разобрать, и пришпорил коня.

Осталось совсем немного, три заставы, и тогда он достигнет маленького городка Катука, что стоит у самой излуины великой реки Хорот. А там, смотря по обстоятельствам, либо — на переправу и в горы, либо — на торговую баржу, и к устью Хорота! В Мессантию! А из Мессантии он легко доберется морем до Кордавы... По реке, рассуждал беглец, ехать, пожалуй, быстрее и безопаснее. Не нужно скитаться в горах Пуантена, где его могут заметить и схватить... Утром во дворце наверняка обнаружат его исчезновение и поднимут тревогу...

Только отзвенел протяжный, так раздражающий всадника голос трубы, как впереди раздался новый глас, тоже заунывный, переливчатый и тревожный. От него беглец почувствовал неприятное покалывание в висках: что-то случилось? Ищут злоумышленника? Или вора? Но он же и есть злоумышленник и вор... Нет, не может быть, чтобы искали его! Как советовал кхитаец, он

скрылся словно тень, бежал под покровом ночного мрака... И на первой заставе стражников ничуть не удивило его появление... Скоро второй пост; если он и его проскочит, значит, все в порядке.

Возбуждение, только что владевшее им и поднимавшее его дух, исчезло без следа; на смену ему, как часто бывает, пришло тягостное тоскливое ожидание. Он уже не мечтал о том, как окажется в Зингаре, как преподнесет божественный талисман своему королю... Безмерная усталость одолела его, сковала члены, затуманила мозг; страх сжимал сердце, и еще немного, и он вылетел бы из седла. Но недаром он полагал себя настоящим мужчиной, крепким и стойким рыцарем; стиснув зубы, он напрягся, страхнул оцепенение и вновь пришпорил коня.

Вот и вторая застава. Страх вновь овладел всадником; что-то будет сейчас? Неужели остановят? Как все-таки по-глупому устроен мир! Почему ночью все звуки слышны издалека? Стук копыт молотом отдавался в его висках, он ощущал его всеми своими членами, будто тело его превратилось в одно огромное ухо. О, боги, помогите!

Почти в полном изнеможении он миновал вторую заставу. Но и здесь ночные стражи не обратили на него внимания — лишь вышли с факелами на дорогу. Лица их, то ли от огня, то ли от выпитого вина горели; равнодушно скользнув взглядом по просозжавшему мимо человеку, они отвернулись и зашагали к себе в башню.

Всадник облизнул пересохшие губы. Спина и грудь его, напротив, были мокры от испарины; пот стекал по животу, неприятно щекоча кожу, капал с падавших на шею волос, струился по лбу и щекам. Беглец, не останавливая коня, достал платок, быстро обтер лицо, ударил шпорами. Звук трубы, раздавшийся снова, уже не испугал его. Возможно, передают послание или ищут кого-то, но не его — иначе стражники второй заставы непременно устроили бы досмотр... Все, по милости богов, идет как надо! С вечера он припрятал талисман

в укромном месте, а потом, как советовал кхитаец, переоделся в темный плащ и со всяческими предосторожностями вылез в окно — к счастью, чужеземцы обитали в западном крыле дворца, у сада, где не так уж трудно скрыться! Он пересек этот сад и одолел ограждавшую его стену и ров за ней; затем скрылся в переулках Тарантии, нашел дом доверенного помощника, где поджидал его конь. Ждал уже не первый месяц, ибо кому известно, когда грянет война? Предусмотрительные скроются, а глупцы, вроде Марциана, попадут в подземелье Железной Башни, в руки палача... Себя он считал предусмотрительным человеком.

Возбуждение вновь охватило его; будучи решительным и грубоватым, он прежде и не подозревал, что одарен подобной чувствительностью. Что ж, волна удачи несет его! И пусть несет! Удача нужна воину!

Опять труба... Беглец поморщился, но решил не обращать внимания на ее отрывистые пронзительные трели. Пусть себе трубят, сколько желают; его не испугаешь и не остановишь! На миг он испытал нечто вроде стыда за свои прежние страхи, но тут же нашел утешение: разумеется, он волновался не за себя, а за сохранность талисмана!

Приосанившись, всадник разразился хохотом, и эти звуки, будто бы спорившие с трубным гласом, подбодрили его.

К третьей заставе он приближался уверенно и спокойно. Трубы не смолкали, но беглец предпочитал не слышать их; занятый своими мыслями, он едва не пропустил показавшийся вдали огонь, знак очередного поста. Конь его по-прежнему несся как птица — хороший конь, выносливый, туранских кровей; сколько уже проехали, а он будто и не устал. Еще немного, и...

Но что там? В первое мгновение всаднику показалось, что глаза подводят его; потом он разглядел, что дорогу перегородили воины в доспехах — угрюмые, молчаливые, с копьями и арбалетами в руках. Два плотных ряда — не проскочишь, не объедешь! Он натянул узду,

и конь послушно замер, но в следующий же миг беглец попытался резко развернуть его назад. Но за спиной, перекрывая трубные звуки, уже слышался топот копыт; стражники, охранявшие дорогу, приближались сзади.

Стражники? Нет! Лоб беглеца вновь оросился испариной, руки, сжимавшие повод, задрожали, колени ослабли. Не просто стражники, а Черные Драконы, королевская гвардия! И впереди — Паллантид! Гирканец, варвар и верный пес другого варвара, захватившего аквилонский трон!

Беглец побледнел, в досаде бросил поводья и стал ожидать приближения врагов.

— Не утомился, убудок? — спросил подъехавший Паллантид.

Казалось, он спокоен и свеж, будто и не скакал половину ночи, преследуя беглеца.

— Нет, собака! — резко ответил тот. — Я не устал и готов помериться с тобой силами — один на один, как подобает рыцарям!

— Рыцарям, а не вора, — многозначительно сказал командир Черных Драконов. — Нет, месьор Каборра, я не стану с тобой сражаться! Я просто прикажу связать тебя, а если ты шевельнешь хоть пальцем, то отвечаешь и плетей!

— Это еще почему? — Винчет Каборра свел брови, пытаясь сохранить остатки высокомерия. Подняв руку с бронзовой пластинкой, он произнес: — Я — посланник, гость! И до тех пор, пока наши армии не встретились в бою, я нахожусь под королевской защитой!

— Ты больше не гость, — произнес Паллантид, срывая с запястья зингарца знак с оранжево-красной лентой. — Что посланнику делать тут, ночью, на безлюдной дороге? Место уединенное, время позднее — для злодеев, а не для послов!

— Я решил уехать. Уехать, понимаешь? Было ведь сказано твоим королем, что любой посланец вправе убраться из Тарантии до начала военных действий. Вот я и убираюсь! Чем ты недоволен?

Каборра оскалил зубы в хищной усмешке.

Ответная улыбка Паллантида была исполнена злой иронии.

— Раз ты уже не посол, то и дозволение владыки к тебе не относится, — произнес он, пряча бронзовый медальон за пояс. — Вот так, клянусь Митрой! Мы следили за тобой, зингарец; следили и прежде, а особенно с того мгновения, как Минь Сао, этот колдун, покинул твои покои. И теперь я знаю, что ты не солгал в одном: ты хотел убраться на юг, к побережью!

— Пусть так, — беглец окинул презрительным взглядом два десятка Черных Драконов и выстроившихся поперек дороги стражников. Он уже взял себя в руки и теперь был спокоен, почти что невозмутим. — Пусть так, — повторил он. — Но что преступного в пустых разговорах с кхитайцем? И что вам нужно?

— Сейчас узнаешь! Сейчас поглядим, были ль те разговоры пустыми! — Тон Паллантида вдруг сменился, в голосе его зазвучали суровые нотки. — Слезай с коня, зингарский шакал!

— И не подумая, аквилонский пес! — потянувшись к мечу, с угрозой ответил всадник. Но не успел он закончить движения, как два воина по знаку Паллантида подскочили к нему и стащили наземь.

Каборра заскрежетал зубами: эти скоты даже не удосужились поставить его на ноги, они просто бросили его в дорожную пыль! Он начал было вставать, но сильный удар древком под ребро вновь заставил свалиться на землю. Тогда Каборра прекратил попытки сопротивления; лег на спину, сложил руки на груди и презрительно поджал губы. Ему казалось, что в нынешнем положении эта поза — единственная подобающая нобилю из Зингары.

Склонившиеся над ним стражи захохотали.

— Ну и чучело!

— У них в Зингаре все такие! Я-то знаю, я — пуантенец!

— Он, видать, и в штаны напустил!

Винчет Каборра был безмерно оскорблен. Он вновь попытался вскочить, но сильные руки и так уже тянули его вверх, отстегивали перевязь с мечом, рвали из пальцев кинжал.

— Обыскать! — приказал Паллантид.

С извивающегося Каборры начали стаскивать одежду; но самое обидное, что при том его пинали и награждали увесистыми тумачами как самого обычного вора — простолюдина. Подобного унижения зингарский нобиль не испытывал никогда. В этот миг собственное будущее его не волновало — то, что оно будет печальным, он не сомневался, и об этом решил погоревать после. Но талисман, врученный ему кхитайцем! Божественный камень, средоточие таинственных сил! Неужели он так и останется у аквилонцев? У их варвара-короля?

— Ничего нет, господин, — разводя руками, сказал один из Черных Драконов, поворачиваясь к генералу Паллантиду.

Каборра, голый с ног до головы, стоял на дороге, озираясь беспомощно и злобно. Лишь на бедрах его пламенела красная шелковая повязка, но под ней не удалось бы спрятать и горошины, не то что камень размером с кулак.

— Вы только посмотрите! — издевательски протянул Паллантид, — посол-то наш — видный мужчина! Небось, как разденется, все красотки падают на спину!

Воины опять загоготали. Людей благородных среди них не замечалось, и вели они себя так, как и положено неотесанной солдатне. Пинки и плоские шутки посыпались на зингарского рыцаря.

— А ну-ка молчать! — Властный голос Паллантида мгновенно перекрыл гомон, и Каборра на миг почувствовал к нему нечто вроде благодарности. — Погляди-те в седельных сумках!

Зингарец похолодел.

При каменном молчании один из гвардейцев направился к его коню, расстегнул сумки и стал копаться в них, выбрасывая прямо в пыль кошельки с монетами,

припасы, флягу с вином, метательные ножи, плотную связку пергаментов с письмами и записками.

Наконец воин добрался до самого дна, недоуменно вскинул брови и вытащил под свет факелов огромный рубиновый шар.

При виде его солдаты замерли, потом откликнулись дружным стоном — словно ветер в травах прошелестел. Брови Паллантида тоже полезли вверх, но вдруг, усмехнувшись, он наклонился с седла, взял камень из рук гвардейца и небрежно сунул за пазуху.

— Подделка! Все в порядке, парни, нечего пялить глаза. Наш зингарский рыцарь просчитался... Всего лишь подделка! Истинный талисман в королевской сокровищнице.

Вздых облегчения пронесся в толпе гвардейцев и стражников; одни засмеялись, другие шипели сквозь зубы проклятья в адрес Каборры, нергалова отродья. Рыцарь из Зингары был раздавлен; опустив голову, ссутулив плечи, он стоял среди солдат, впервые в жизни чувствуя, как жгучие слезы гнева выступают на глазах. Все пропало, все! Все пошло прахом! И горделивые мечты, и надежды на награду! Быть может, и талисман — подделка, как сказал аквилонский пес... Быть может, обманул-таки проклятый кхитаец! Но зачем?

Нагой и безоружный, стоял Каборра среди насмешливых врагов. Они даже не собирались вязать его.

— Куда меня? — Он поднял голову и поглядел на Паллантида.

— Сначала — к одному искуснику и умельцу, желающему потолковать с тобой. А там — как король решит... За ребро и на крюк, или в Железную Башню, к твоему приятелю месьору Марциану.

— Я никуда не поеду! — вскинулся зингарец, собрав остатки бывшего высокомерия. Но вместо ответа Паллантид лишь пнул его сапогом, отвернулся и направил коня на север, к Тарантии, аквилонской столице. Черные Драконы с проклятьями водрузили пленника на лошадь, привязали ноги к стремянам и двинулись вслед за Пал-

лантидом. Звезды над головой Каборры стали меркнуть, горизонт на востоке посерел, потом налился розовым светом; вставало солнце, и ослепительный его зрачок заставлял Иштар закрыть свои звездные очи.

...Мерно покачиваясь в седле, Паллантид, командир Черных Драконов, размышлял о том, что еще до вечера успеет отвезти беглеца к шемиту — особенно если не заезжать в Тарантию, а обогнуть город с юга, по окружному тракту, соединявшему все торговые дороги. Но как быть с камнем? Он почти не сомневался, что Каборра вез подделку, раздобыв ее то ли у хитроумного Минь Сао, то ли еще у кого. И, по зрелом размышлении, решил оставить камень у шемита — вместе с пленником, коего тот собирался допросить.

* * *

По склонностям своим и характеру Сирам Авортиан Чандра Паландарус, родившийся некогда в Эруке, являлся великим жизнелюбцем. Его не интересовала власть, и он никогда не пытался возвеличиться над людьми; он рассматривал власть как лишнюю и ненужную обузу и не понимал, почему многие столь жадно домогаются ее.

Другое дело — благополучие, достаток и богатство; богатство помогало исполнять все прихоти и причуды, вкушать любые удовольствия, коими жизнь могла одарить человека. Надежный кров над головой, хорошая одежда и пища, вино, дорогие блюда и кубки, красивые статуи, ароматные цветы, яркие мягкие ковры, женщины... Впрочем, после сорока женщины уже перестали привлекать Сирама; вместе с былой стройностью он потерял к ним всякий интерес. Теперь он рассматривал женщин, обитавших в его доме, как ценный предмет обстановки: изящны, прелестны и пригодны для чесания пяток и завивки бороды. Все остальное мужчины делали лучше женщин — лучше стерегли его покой, лучше присматривали за садом и лучше готовили.

Однако, обладая умом быстрым и изощренным, Сирам не мог довольствоваться лишь теми радостями, что приносили ему обильные трапезы, расслабляющий покой массажа, аромат цветущих яблонь или лицемерие сосудов из фарфора и хрусталя, чьи совершенные формы напоминали женские бедра и грудь, но были неизмеримо приятней для взгляда. Все это тешило и развлекало его, но вкус жизни придавали загадки и тайны, позволявшие прикоснуться к судьбам других людей и узнать нечто новое, то, что скрывалось в глубине и могло служить пищей для пронизательного ума. Сирам был любопытен, но не одно лишь любопытство заставляло его погружаться в бездны чужих тайн; разгадывание секретов, распутывание хитрых клубков, сплетенных из нитей человеческих судеб, являлось его страстью. Тем более, что за подобные вещи ему платили. Неплохо платили; достаточно, чтобы содержать дом с тремя десятками слуг и многочисленных помощников в иных странах, снабжавших Сирама сведениями.

В дела сильных мира сего Сирам предпочитал не соваться — не только потому, что это грозило множеством опасностей, но и по другим причинам. По собственному своему разумению и воле богов он всегда старался отделить правого от виноватого, обиженного от обидчика, ограбленного от грабителя; но среди королей и князей обидчиками и грабителями являлись почти все, и трудно было найти монарха, не замешанного в какую-нибудь темную историю. Действовать в их пользу Сирам не желал, отдавая предпочтение тем клиентам и преступникам, среди коих можно было все-таки отделить зло от добра. К счастью, их хватало, так как в мире не переводились грабители и воры, отравители и убийцы, неверные жены и мужья, колдуны, наводящие порчу на добрых людей, разбойники, игроки и мошенники. Случались и с ними неприятности, ибо нельзя достать мед из улья и уберечься от пчелиных укусов, но Сирам держал немало помощников и слуг, ограждавших его от риска и мести уличенных преступников.

Все они служили хозяину не первый год, все были смекалистыми парнями, умевшими смотреть и слушать, а также пересказать хозяину увиденное и услышанное. Что касается самого Сирама, то он только размышлял, не опускаясь до таких низменных занятий, как подслушивание и подглядывание.

Впрочем, его вес и размеры служили препоной для любых активных действий, кроме купания в бассейне и ежедневных семикратных трапез.

Сейчас он покончил с первой: свиные уши, вымоченные в красном вине, фруктовый пирог, говядина по-бритунски, мед с горных карпацких лугов, смешанный с туранскими орехами и поджаренными в масле тестяными шариками, кувшин охлажденного кисловатого вина из Пуантена. Вино и еда пробудили жизненные соки, питавшие кровь и мозг; теперь Сираму думалось легко, так как заботы желудка его до времени не тревожили.

Прежде всего он поразмыслил над тем, желает ли взяться за это дело. С одной стороны, его вмешательство явилось бы нарушением правил, согласно коим владыки не рассматривались в качестве клиентов.

Но с другой... С другой интуиция и разум подсказывали ему, что в данном случае надо сделать исключение. Имея в Тарантии свои глаза и уши, Сирам многое знал об аквилонском короле и не мог отнести его к числу несправедливых властителей, виновных не в том, так в другом. Этот киммерийский варвар совершил по крайней мере одно полезное для державы деяние — сверж с престола прежнего короля, безумного Нумедидеса. И, захватив трон, он правил строго, но справедливо!

А после мятежей гандерландских и тауранских баронов, после Немедийской войны, случившейся восемь лет назад, он даровал стране процветание и покой. Столь полный покой, что Сирам, выбирая место, где ему хотелось бы скоротать старость, решил поселиться в окрестностях Тарантии, оттого он чувствовал некий долг перед аквилонским королем.

Имелись и другие обстоятельства, которые тоже надо было учесть.

Во-первых, в произошедшем владыка Конан являлся обиженной стороной, а помощь обиженным — особенно за хорошую плату — угодна богам; во-вторых, любопытство Сирама было возбуждено, и он чувствовал, что не сумеет справиться со своими мыслями: волей-неволей его раздумья обращались к магическому талисману, к послам, несомненно желавшим им завладеть, к черному магу, обитавшему то ли в самой Тарантии, то ли вблизи городских стен. Наконец, была и третья причина: Конан относился к числу тех владык, которым не так-то просто отказать.

Об этом Сирам знал раньше, а вчера понял со всей определенностью; и теперь, обдумывая свое решение, уверился, что выхода нет — он должен взяться за это странное дело.

Собственно, уже взялся, подумал он, взглянув на солнце.

После обеденной трапезы — четвертой, согласно его дневному распорядку, — королевские воины должны привезти трех послов; затем, ближе к вечеру, доставят кхитайца, а там явится и Альяс с подручными и свежими новостями. Толковый парень этот Альяс, мелькнула мысль; стигийский алфавит в обратном порядке перескажет и не собьется...

Сирам снова посмотрел на солнечный диск, до половины поднявшийся над садовой стеной, и опустил веки. В тишине, тепле и покое думалось ему хорошо.

Король толковал о послых и черном колдуне, но офира, зингарца и аргосца Сирам отмел сразу. Разумеется, это не исключало допроса с пристрастием над бассейном Иракуса; у этой троицы были преступные намерения, однако на роль исполнителей ни один из них не подходил. Слишком неопытны и неуклюжи! Из нобилиа и рыцаря никогда не получится настоящего вора, так как, не обладая должным искусством, нобиль обычно идет напролом: подкупает или травит стражу, сбивает

замки, не заботясь о том, чтоб запереть их за собой, лезет к сокровищам, не задумываясь об охранных чарах и путях отступления. Словом, человек благородных кровей действовал бы неумело, в точности как месьор Марциан; и Сирам полагал, что любой из трех остальных посллов, рискни он приблизиться к талисману хоть с охапкой Черного Лотоса, был бы пойман, уличен и отправлен в подвалы Железной Башни.

Но все же Алонзо, Каборра и Мантий Кроат представляли несомненный интерес. Окажись один из них умным человеком, он нанял бы опытного вора, а потом, дабы соблюсти тайну, воткнул ему кинжал под ребро. Впрочем, в Тарантии, да и по всей Аквилонии, и в Зингаре, и в Аргосе и других южных странах, не нашлось бы столь ловкого грабителя, который смог бы проникнуть в королевскую сокровищницу. Самых выдающихся представителей воровского ремесла Сирам знал и не сомневался, что лишь заморанцы могли бы похитить талисман. Да, в Шадизаре и Арэнджуне нашлись бы три-четыре искусника, способных на такое... Но никто из них в Тарантии не появлялся и Замору не покидал, и посыльные голуби, прилетающие к Сираму с востока, таких вестей не приносили.

Возможно, троице посллов, как и злосчастному Марциану, была уготовлена другая роль — не удачливых похитителей, а подозреваемых. Это означало, что они всего лишь куклы, коих дергает за ниточки умелый кукловод; и Сирам в своих раздумьях все больше склонялся к такому предположению. Истинный вор послал бы вперед глупцов — на разведку, чтобы проверить возможные ловушки и отвести от себя подозрение. Эта идея казалась гораздо плодотворней, чем прямой умысел посллов — тем более, что король упомянул о стигийском маге, об этом загадочном Нох-Хоре. Стигиец мог связаться с Марцианом и с любым другим посллом, и, одевшись в недомка зельями да заклятиями, отправить посллом в мышеловку. Удастся кража, так легче выманить камень у вора, чем самому лезть в сокровищницу; не

удастся, так будет известно, какие заклятья не сработали... Разумно, вполне разумно и хитро! И сама мысль о том, что лучше не красть талисман, а подменить его, тоже говорит о хитрости и осторожности...

Огромный нос Сирама задвигался, ноздри раздулись, как у гончего пса, взявшего след, но через мгновение он покачал огромной головой. Нет, что-то здесь не так! Предположим, этот загадочный стигиец хочет похитить талисман; предположим, он соблазнил посллов и начал подсылать их в сокровищницу, и первым — месьора Марциана; предположим, после двух или трех покушений, закончив с разведкой, он собирался сам проникнуть в хранилище и завладеть камнем...

Разумный план, если позабыть, что талисман похитили еще раньше!

Когда Марциан залез в сокровищницу, камня там уже не было!

Вот ключик ко всему делу, подумал Сирам. Если Сердце бога украдено стигийцем, то он стал бы соблазнять Марциана и помогать ему; это бессмысленно и опасно. Опасно, потому что Марциан выдал его — если не со всеми потрохами, то по крайней мере упомянул и назвал имя. Овладев камнем, стигиец не стал бы затевать глупые игры с посллами, а отправился бы прямо к берегам Стикса... Но если он не знает о краже талисмана, о том, что опоздал, то план его движется своим чередом и вскоре можно ожидать новых событий. Или попытки опять прощупать двери сокровищницы, или чего-то в таком роде... Любопытно, но не слишком важно, так как ни стигийский колдун, ни болваны, коих он собирается подставить или уже подставил, до Сердца Аримана не добрались.

Кто-то другой опередил этого Нох-Хора... Кто-то другой, столь же искусный и осторожный, но еще более проворный...

Кто именно, Сирам почти не сомневался.

Кхитаец!

Он раскрыл глаза и начал загибать толстые пальцы,

похожие на гроздь копченых немедийских колбасок.

Во-первых, Минь Сао тоже был послем, что само по себе наводило на кхитайца подозрения. Послу, обитавшему за стенами королевского дворца, гораздо легче подобраться к сокровищу; особенно если он не простой посол. Или, скажем определенной, представляет не только нефритовую особу кхитайского властелина, но и других людей, тайных владык восточного предела земли. Люди эти ничем не уступали магам Черного Круга, а в коварстве и хитроумии, пожалуй, превосходили их. К тому же Алое Кольцо унаследовало многие тайные знания лемуров, и адепты его считались не менее опасными, чем жрецы Сета.

Во-вторых, Минь Сао, весьма возможно, принадлежал к их числу. Он был стар, но бодр, и владел искусством кхиу-та, отделенным от магии весьма призрачной гранью; сундуки его были полны загадочными свитками, и каждый иероглиф в них мог оказаться могущественным заклятием.

В-третьих, кхитаец обладал несомненным умом и не пытался его скрывать. С одной стороны, он не выдавал себя за чернокнижника или мага, с другой — не утаивал неких своих познаний, которые могли бы создать ему репутацию человека незаурядного и опасного; к примеру, все знали, что он владеет приемами кхиу-та. Кхитаец был способен замыслить похищение талисмана, ибо всякий магический орден, в том числе и Алое Кольцо, пожертвовал бы многим, чтоб овладеть такой древней и могущественной реликвией. Эта истина не требовала доказательств, и Сирам загнул третий палец.

В-четвертых, талисман привлек внимание Минь Сао. Заявившись с пятью другими послами на королевский прием, он дерзнул расспрашивать владыку Аквилонии о делах давних и тайных, покрытый пологом смерти, ибо те, чьи руки касались магического камня, по большей части ушли в холод и мрак Серых Равнин. Но король достойно ответил ему — спроси у демона!

И это было в-пятых.

Кто бы не устрасился такого ответа? Но кхитаец сказал — спрощу! Как будто собирался потолковать с купцом, чей караван привез из Вендии шкатулку с самоцветами.

Сирам поглядел на свой пухлый кулак с пятью поджатыми пальцами. Похоже, разговор с этим Минь Сао обещает быть интересным! Очень интересным!

Справиться с ним будет нелегко, как со всяким магом, но у Сирама на сей счет имелись свои методы. Колдуны слишком скользкий народец, чтоб церемониться с ними; они умели и нападать, и убегать, обращаясь в крыс, червей, птиц или волков, могли рассыпаться прахом, рассеяться дымом, пролиться меж пальцев дождем.

Однако ни одно их заклинание не срабатывало быстрее, чем мешок в руках чернокожего Салема — увесистый кожаный мешок, полный песка. Усыплял он не хуже, чем Черный Лотос, а затем допрашиваемого помещали в железную клетку над бассейном. Железо, как известно, лишает колдунов сил — в особенности зачарованное, коего касалась в древности плоть богов.

И сейчас предусмотрительный Сирам мог не опасаться никакого колдовства, ибо четыре года назад, когда ковали ему клетку, не поскупился, приобрел за огромные деньги шкворень от колесницы Митры и пряжку с пояса Мардука. Эти реликвии, расплавленные вместе с железом и слившиеся с ним, гарантировали, что маг из клетки не ускользнет.

Что же касается магии как таковой, то Сирам ее не страшился. Долгий жизненный опыт подсказывал шемиту: лишь то, что пугает человека, имеет власть над ним, и любые чары бессильны, если не веришь в них и пользуешься благоволением богов.

И потому он испытывал не больше боязни, чем Иракус, стигийский крокодил. Иракус никаким чарам не поддавался и с равным успехом мог сожрать и упитанную свинью, и грабителя из Заморы, и колдуна — Черного Круга или Алого Кольца, без разницы.

Сирам не считал, что поступает с грабителями или колдунами с излишней жестокостью; в конце концов, любые злоумышленники были атакующей стороной, и обладали преимуществом внезапности. Железная клетка над бассейном и челюсти Иракуса под ней уравнивали шансы; затем начиналось состязание ума и воли, неизменно кончавшееся победой шемита. Допрашиваемые могли молчать, но кормление Иракуса, к которому бросали живых крыс и поросят, делало их на диво разговорчивыми; и Сирам не сомневался, что кхитаец тоже разговорится.

Солнце поднялось над садовой стеной на локоть, и нос его уловил приятные ароматы — слуги готовились подать хозяину очередную трапезу.

Ну, подумал он, откушаем второй раз, и третий, и четвертый, а там придет время потрудиться — посыпать арену свежим песочком и шелкнуть кнутом. Три раза шелкнуть — для Офира, Аргоса и Зингары. А на закате придет очередь Кхитая... Не заказать ли по такому случаю ужин из кхитайских блюд?..

* * *

Сбежавшего зингарца Паллантид взял на себя, так что забот у десятника Альбана преуменьшилось: вместо четверых люди его должны были скрутить троих. С офицером и аргосцем все обошлось по-тихому; месьор Алонзо лишился чувств, увидев приготовленный ему мешок — видно, подумал, что добавляют туда увесистый камень да бросят в быстрые воды Хорота. Офирец, воин бывалый, попробовал сопротивляться, но, вытащив кинжал, тут же обмяк в руках Черных Драконов — один гвардеец сунул ему кулаком под ребра, а другой слегка придавил шею. Альбан распорядился, чтоб обоих послов упаковали аккуратно, подстелили сена в закрытый возок и отправили по Северному тракту, вдоль речного берега. Конвоировать телегу он выделил шестерых парней, наказав им, чтоб доставили груз в целостности и сохранно-

сти, и чтоб с шемитом, к которому груз предназначался, были почтительны: не гремели доспехами, не говорили дерзких слов и слуг шемита не задирали. Так повелел король! А королевскую волю десятник Альбан всегда исполнял точно и быстро.

С кхитайцем, правда, могли возникнуть проблемы.

Поговаривали, что он маг, владеющий хитрыми боевыми приемами, что может он перерезать глотку шелковой ниточкой, проткнуть пальцем живот, ногтем выколоть глаза. За глотки и животы своих людей десятник не тревожился, ибо были они защищены добрым аквилонским доспехом; но палец кхитайца вполне бы влез в шлемную прорезь, и потому Альбан велел гвардейцам смотреть в оба. Десяток его только назывался десятком, а на самом деле включал двадцать восемь испытанных бойцов, так что было кого выбрать и с кем отлавливать шустрого кхитайца. Альбан взял с собой пятерых: двух сильных, как дикие гирканские быки, двух ловких, словно пантеры из джунглей Вендии, и еще одного, который ловко метал ножи. Но это уж — на всякий случай; Паллантид приказал, чтоб увечья никому из послов не чинили.

Кхитаец, как и прочие чужеземцы, был, само собой, под присмотром. Этим занимались другие десятники со своими людьми — из тех, что доспехов не носили и не привлекали внимания блеском стальных клинков и бронзовых львиных морд да черными перьями на высоких шлемах. Доглядчиками было сказано, что со вчерашнего вечера кхитаец не выходил; как вернулся от зингарца Винчета Каборры, так и сидит у себя, не зажигая светильников и не требуя еды. Но удивляться тут не приходилось, ибо кхитаец и раньше не покидал своих покоев целый день, а то и два — видать, рылся в своих свитках с иероглифами да творил всяческое колдовство. Колдовства же Альбан не поощрял, считая его опасным мошенничеством; будь его власть, все тарантийские колдуны и маги булькали бы уже на дне Хорота, и кхитаец — вперед всех.

Но власть была не у Альбана, а у великого короля, так что кхитайца полагалось сунуть в мешок и отправить следом за офицером и аргосцем. Мешок этот из плотного полотна держали двое альбановых парней, а еще трое, с веревками, застыли у стены, изготовившись хватать, держать и вязать. Сам Альбан, приложив к двери ухо, слушал; но из покоев кхитайца не доносилось ни звука.

Десятник осторожно постучал, стараясь, чтоб грохот кольчужной перчатки о дерево не разносился окрест; других посланцев, из Бритунии, Коринфии, Заморы и прочих земель, было велено не тревожить.

Пожалуй, можно не беспокоиться насчет шума, подумал он; сводчатый коридор, тянувшийся вдоль посольских покоев, был перекрыт массивными дверьми под арками, а соседи кхитайца уже отбыли в мешках по Северному тракту.

Альбан постучал снова. Кхитаец опять-таки не ото-звался, и тогда десятник, сняв с пояса кольцо с ключами, выбрал нужный, сунул его в затворную щель и попытался провернуть.

Безуспешно! Похоже, дверь была закрыта на внутренний засов или подперта чем-то тяжелым.

Некоторое время Альбан пребывал в оцепенении, лихорадочно соображая, не отправиться ли в сад, не опробовать ли выходявшие туда двери и не забраться ли в окна. Но время торопило его, так как кхитайца полагалось отправить на допрос еще до вечера, а приказов короля и своих командиров Альбан нарушать не привык.

И потому, кивнув воинам, распорядился:

— Ломайте дверь, бездельники! И вперед, во имя Митры и нашего короля!

Дверь рухнула под дружным напором сапог, кулаков и плеч в стальных панцирях; Альбан ринулся внутрь, за ним — трое солдат с веревками и двое с мешком. В комнате царил полумрак, ибо плотные шторы на окнах были задернуты, и десятнику Черных Драконов не сразу удалось разглядеть ковер в темных пятнах и валявший-

ся на нем бесформенный обрубок. Он споткнулся обо что-то мягкое и, выхватив меч, крикнул солдатам:

— Занавеси, парни! Сорвите занавеси!

Когда его приказ был исполнен, Альбан замер, выпучив глаза, а потом медленно вложил клинок в ножны. Тут не с кем было сражаться, некого вязать и прятать в мешок; мешок пригодился бы лишь затем, чтоб дотащить мертвеца к погребальному костру, собрав разбросанные тут и там останки.

Во многих битвах участвовал Альбан, славный воин и бывший лицедей, и довелось ему повидать всякого — как на театральных подмостках, так и в походах, битвах, стычках, атаках и отступлениях. Но зрелища, подобного этому, он не видел никогда!

И никогда не дышал подобным смрадом!

Весь покой, довольно просторный, был залит кровью; темные пятна крови на ковре, на полу и на стенах, на развернутых свитках, испещренных причудливыми иероглифами, на занавесях, мебели и покрывале, валявшемся около ложа.

Рядом, между кроватью и окном, лежал синий ви-той шнур с разомкнутыми концами — словно некая ог-рада, крепостная стена, рухнувшая под напором неведо-мой силы.

Внутри обозначенного шнуром пространства находи-лась жаровня; над ней еще курился сизый дымок, и странные ароматы, смешиваясь с отвратительной вонью, щекотали ноздри.

Кровь также была свежей, будто выпустили ее не раньше обеденного времени; только пятна на ковре начали уже буреть и подсыхать.

Что касается самого кхитайца, то он был не просто покойником, а трижды мертвецом.

Альбан, ворочая головой, быстро произвел подсче-ты, установив, что Минь Сао расчленили на шесть ча-стей; тело его валялось у десятника под ногами, а ко-нечности, вырванные с невероятной мощью, были раз-бросаны по всей комнате.

Голова с закрытыми глазами и вываленным наружу языком обнаружилась под жаровней; рядом адела лужица крови, вытекшей из шейных жил.

— Великий Митра! Ну и вонища! — с ужасом пробормотал один из гвардейцев.

— Тигр, что ли, на него набросился? — сказал другой.

— Не тигр, — возразил третий. — Руки-то, гляди, не перекушены! Вырваны! И ноги тоже! И голова! От звериных клыков другие отметины!

— Зато есть след когтей, — воин, державший мешок, кивнул на останки кхитайца.

Тут Альбан разглядел, что халат Минь Сао был распорот на полосы, словно провели по нему огромной когтистой лапой.

Грудь и бок тоже были расцарапаны, с такой силой и так глубоко, что обломки ребер торчали наружу; любой из этих ран хватило бы, чтоб отправить человека на Серые Равнины.

Гвардейцы озирались вокруг, тяжело дыща и сжимая рукояти мечей, поглядывая то на своего начальника, застывшего посреди ковра, то на синий шнур и жаровню, то на бранные останки кхитайца, разбросанные по комнате.

Наконец кто-то из них пробормотал:

— Мерзкое и гнусное дело! Дело не для воинов, а для жрецов пресветлого Митры! Не иначе, как тут повеселился сам Нергал!

Альбан очнулся и переступил с ноги на ногу.

— Вот что, парни, — произнес он. — Ты, Сайкар, вместе с Триатом, стереги дверь; остальные пусть встанут к окнам. Мечи наголо, никого не пускать, глядеть в оба!

— А ты куда, десятник? — спросил Сайкар.

— Я — за королем! Пусть сам понюхает, поглядит и решит, для воинов это дело или для жрецов...

В последний раз оглядев покой кхитайца, Альбан выскочил в коридор.

Глава 8. Жрец Асуры

Перед тем, как войти в оружейную и сесть в кресло, Конан оглядел свои сапоги и полы туники; не хотелось пачкать в своем любимом покое кровью. Особенно кровью колдуна!

Теперь он не сомневался, что покойный Минь Сао принадлежал к Алому Кольцу и прибыл в Аквилонию не только лишь затем, чтобы донести слова приязни от кхитайского владыки его далекому западному соседу. Послы, даже самые ученые, не жгут таинственных трав в центре магического круга, не читают заклятий из непонятных книг и, как правило, умирают в собственной постели.

В дальних странствиях приходится им, конечно, иметь дело с разбойниками, пиратами и диким зверьем, но любой большой город вроде Тарантии обеспечивает им покой и безопасность. Разумеется, если посол — нормальный человек и не ищет беды на свою голову.

Кхитайца, судя по всему, нельзя было считать нормальным, а это значило, что вокруг похищенного талисмана плетутся не простые интриги, а волшебные сети. Сможет ли Сирам разобраться с ними? Под силу ли ему такое? Ведь он не маг, не колдун... А с чародеем дело должен иметь чародей... Во всяком случае, теперь помощь чародея будет не лишней...

В дверь осторожно постучали, затем на пороге тенью возник Паллантид; сапоги и плащ его были покрыты пылью. Неслышными шагами он приблизился к королю и замер, ожидая приказа говорить.

Конан, вытянув ноги, сидел у окна, уставившись в одну точку. Синие глаза его за последние дни словно бы потускнели; две глубокие морщины прорезали лоб, а давние шрамы на смуглом лице налились кровью и выделялись теперь особенно четко.

Тревожен владыка, с тоской подумал Паллантид, видя, что король не смотрит на него.

Прежде, бывало, лишь появишься на пороге, как уже слышно рычанье:

«Ну, Паллантид? Что скажешь, старый пес?»

А сейчас...

— Ну, Паллантид? Что скажешь, старый пес? — не оборачиваясь и не отрывая глаз от окна, произнес Конан.

Командир Черных Драконов вздрогнул, затем, сделав шаг в сторону, внимательно всмотрелся в своего повелителя. Да, и глаза потускнели, и морщины прорезали лоб, но твердые губы упрямо сжаты, брови грозно сдвинуты, и плечи такие же мощные и крепкие, как прежде... Паллантид облегченно вздохнул и ухмыльнулся.

— Я отвез Каборру к шемиту. Голым! Ну и зрелище, мой государь!

— Где ты его изловил?

— У третьей заставы, на Южном тракте. Теперь нет сомнений, что он собирался сбежать в Кордаву.

— А бсжал почему?

— Решил отвезти туда камень — большой рубин, точь-в-точь как Сердце Аримана. Подделка, я думаю. Зингарец, само собой, поумней кофийца, но и ему не забраться в сокровищницу. Однако хотел бы я знать, где он раздобыл такой прекрасный самоцвет!

— Сирам проводит, — сказал король. — Ты передал ему камень?

— Да. Вместе с голым зингарцем.

— Вместе с зингарцем... — задумчиво повторил Конан. — А вот Минь Сао шемит сегодня не дождется! Ты уже знаешь?..

— Альбан рассказал. Прежде, чем зайти к тебе, государь, я осмотрел покои кхитайца. Ну и смрад! Хуже, чем в клетке с шакалами!

Они замолчали, переглянулись, потом Конан буркнул:

— Странное дело, клянусь Кромом!

— Странное, — подтвердил Паллантид.

— Колдовское, а?

— Колдовское!

— Разберется ли с ним шемит?

Командир Черных Драконов пожал плечами.

— Не знаю, владыка. Но времени этот Сирам не теряет; его люди уже копаются в дворцовом саду, под окнами послов, ищут что-то под розовыми кустами. Садовник с помощниками чуть не полез с ними в драку, да стражи остановили.

— Пусть ищут! Проследи, чтоб им не мешали, и отправь к Сираму гонца — надо передать, что кхитаец у него не появится. Ни сегодня, ни завтра, никогда! А вскоре я сам к нему приеду. Утром!

— Можно успеть и нынешним вечером, — заметил Паллантид.

— Вечером я буду занят. Иди!

Когда начальник стражи покинул оружейную, Конан поднялся, ударил в бронзовый доспех и велел мгновенно появившемуся Дамиуну принести шерстяной плащ, простую тунуку и полотняные штаны. Затем старый слуга помог ему переодеться, застегнуть пояс с кинжалом, мечом и кошельком, расправить плащ на могучих плечах. Отпустив его, Конан вышел в коридор и направился к покоям королев.

Зенобия сидела перед большим офирским зеркалом; две хорошенькие служанки вертелись вокруг, расчесывая ее прекрасные шелковистые локоны. Король шевельнул бровью, и обе девушки исчезли, как листья, подхваченные порывом ветерка. Он склонился над супругой, вдохнул аромат ее волос и кожи, коснулся виска губами.

— Ты странно одет, мой повелитель, — рука Зенобии легла на грубую ткань плаща.

— Пойду в город. Нужно кое с кем потолковать. Но ты меня жди! Этой ночью я буду в твоей постели.

— Как всегда?

— Как всегда.

Они улыбнулись друг другу, словно два заговорщика, и на душе у Конана стало легче. Воистину женщи-

ны созданы Митрой на радость и утешение мужчинам!

— Куда ты идешь? — спросила королева.

— Я выполнил первый твой совет — нашел человека, хитроумного и сноровистого, который взялся разыскать талисман. Теперь выполню второй.

— Ты говорил об этом искуснике-шемите, я помню... Но кажется, мой владыка, других советов я тебе не давала. Только найти умельца, подобного этому Си-раму.

— Кром! Женщина, ты забываешь собственные слова! — Он с притворной строгостью потрепал ее по то-ченому алебастровому плечу.

— А Хадрат? Мы ведь еще толковали о Хадрате!

— Это была твоя мысль, и я лишь сказала, что считаю ее разумной. Но что случилось? Почему ты не отправился в храм Асуры вчера или позавчера?

— Я думал, что дело обойдется без чар и колдовства. Но...

— Но? — повторила Зенобия.

— Погиб один из чужеземцев — Минь Сао, посланник. И умер он непростой смертью, моя красавица! Не знаю, связано ли это с талисманом... не знаю, чего искал кхитаец и что творил он в своих покоях... и не ведаю, распутает ли сей клубок шемит... Так что я решил, что пришла пора повидать Хадрата.

— Он предан и верен тебе. И он искусен в том, что для людей обычных — тайна и божественный секрет...

Королева, поймав руку Конана, прижала к своей щеке.

— Так что, мой повелитель, пусть ищет шемит, и пусть ищет жрец Асуры, каждый — своим способом и своим путем. Я уверена, что кто-то из них добьется успеха и возвратит талисман!

— Да, я помню, — сказал Конан, направляясь к двери. — Я помню, ты говорила о своих добрых предчувствиях.

Зенобия глядела ему вслед, и на пороге он невольно обернулся.

— Ты дала мне два совета, милая. Не хочешь одарить еще одним?

— Каким же?

— Каким хочешь.

С алых губ Зенобии вспорхнула улыбка.

— Будь осторожен, мой повелитель.

— Теперь я стал осторожным, — буркнул Конан. — Теперь, когда у меня есть жена и сын.

* * *

Близился вечер, и в Тарантии стало тише. Вместе с солнечным светом постепенно таял и растворялся дневной гам: призывные крики уличных торговцев, визг мальчишек, игравших в догонялки, топот конских копыт и протяжные стоны верблюдов, свист и грохот колотушек городских стражей, объезжавших свои кварталы, брань и смех, звон железа и скрип телег. Казалось, все громкие звуки переместились с улиц и площадей в кабаки и таверны, на постоялые дворы и в веселые дома, где гибкие невольницы услаждали тарантийцев и заезжих гостей плясками, песнями и собственной плотью. Во всех этих заведениях к вечеру становилось таклюдно и шумно, что и на расстоянии вытянутой руки трудно было расслышать соседа. Пиво тут лилось реками, вино струилось ручьями, затевались шумные разговоры, а то и драки; хитрецы обыгрывали в кости простаков, а те, чтоб утешиться, спускали последние монеты за кувшин кислятины.

Тарантия была городом большим и богатым, с широкими улицами и просторными площадями, с базарами и лавками, в которых шла бойкая торговля, с портовым кварталом, выходившим к полноводному Хороту, с речной гаванью и пирсами, где покачивались на мелких волнах плоскодонные торговые баржи и лодки рыбаков. Но хватало в столице и узких переулков, темных тупиков, подозрительных развалин, сточных канав и свалок — особенно в древней части города, где высилась

мрачная Железная Башня. Она торчала в отдалении от городской цитадели и казарм, рядом с площадью, местом казней; и со всех сторон ее окружал лабиринт узких темных улочек и старых домишек, принадлежавших простому люду — горшечникам и стеклодувам, кузнецам и плотникам, носильщикам и бродячим торговцам, каменщикам и грузчикам. За ними, ближе к городским вратам, селились погонщики и караванщики, а к северу от них, около гавани, обитали рыбаки, наемные гребцы и прочие тарантийские жители, кормившиеся от речных щедрот. В каждом из этих кварталов имелись свои питейные заведения и свои способы поразвлечься; и Конан, не в пример прежним аквилонским королям, знал их как свои пять пальцев.

Что же касается Железной Башни, вотчины мастера Хриса, то она, в сущности, была целым замком, выстроенным в незапамятную старину из огромных камней, скрепленных скобами из черного железа. В давние времена эта цитадель играла роль крепости, последнего прибежища, возведенного на тот случай, если враг прорвется за городские стены. Но теперь в ее подземельях и многочисленных камерах сидели узники, отбывавшие наказание или ждавшие справедливого королевского суда; и, сколь бы много их не собиралось, в Железной Башне хватало места для всех.

Неподалеку от нее, затерянный в хаосе маленьких домишек и лавок, стоял еще один сторожевой донжон, такой же древний с виду и, казалось бы, забытый и позаброшенный. Но внутри эта руина выглядела совсем иначе — по крайней мере, первый ее этаж. Тут было круглое пустое помещение с толстыми стенами, сложенными из каменных глыб, мрачных, шершавых и грубых; ничто не украшало их темной поверхности. Под ним проходил темный и узкий коридор, ведущий к Железной Башне и дальше, к королевскому дворцу и его подвалам, располагавшимся и под самим зданием, и под его боковыми флигелями, и под обширным садом. Тайну этого подземного хода знали поддюжины людей во

всем аквилонском королевстве; сам Конан пользовался им, когда желал внезапно и без помех добраться до кварталов тарантийской бедноты.

Поднявшись по каменным ступеням, он ощупал железную дверь, что вела внутрь старой башни. Ее не своротил бы даже вендийский носорог, но пальцы Конана привычно нажали на нужные заклепки, и дверь распахнулась. Король очутился в круглом зале с полом из вытертых гранитных плит; в стене напротив зияла глубокая ниша еще с одной массивной дверью, что выводила наружу, в темный и безлюдный проулок. Откинув запор, Конан проскользнул туда, огляделся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, уверенно зашагал к ближайшей таверне.

Ему хотелось промочить горло — не игристым аргосским, не пряным и изысканным офирским, а пивом, напитком простолюдов и солдат, предпочитавших его любому вину. Крепкое и неразбавленное пиво подавали в «Храбром щитоносце», хозяин коего, низкорослый, жирный и добродушный Жакон, в прошлом отличался завидной воинской выправкой и служил наемником в разных армиях и разных землях.

Воспоминания о днях боевой молодости не оставляли его и теперь: выпив пару-другую кружек, Жакон, вытирая испарину с жирных щек, любил поведать своим посетителям о былых боях, стычках и победах; со слов его выходило, что только его клинку обязана Аквилония нынешним процветанием и богатством. В завершении своих историй толстяк обычно начинал горячиться и клясться милостью Митры, что все поведенное им — чистая истина, хоть никто с хозяином «Щитоносца» и не собирался спорить. Порой доходило до того, что Жакон, разволновавшись, сметал со стола посуду и еду, нанося тем самым себе же урон и убыток. Над ним потешались — впрочем, не зло: старого Жакона в городе уважали как человека, который никогда не откажет ближнему в помощи и охотно даст в долг пару монет под самые малые проценты.

Конан не раз жаловал «Храброго щитоносца» своими посещениями — и ради его хозяина, и ради отменного пива. Правда, хоть он и относился к Жакону с добродушной иронией и доверял ему, но рассказов кабатчика слушать не любил, как не любил и всякого иного хвастовства. Жакон это чувствовал и в присутствии короля никогда не позволял себе выступать с недозволенными речами.

Едва лишь король появился на пороге кабака, как шум смолк, все головы повернулись к нему, а затем, словно по команде, посетители уткнули носы в свои тарелки, кружки и кубки. Здесь знали, что владыка не поощряет излишнего внимания к своей особе — тем более тогда, когда он собрался по старой памяти хорошенько выпить и закусить. Конечно, во дворце и еда, и вино были получше, но пивом своим Жакон гордился не зря. Но не только пиво привлекало Конана; случалось, желал он посидеть в обычном кабаке, в компании кузнецов и горшечников, отставных воинов, мелких торговцев и просто бездельников; посидеть и послушать их ругань и цветистые проклятия, самому облегчить душу, а порой и метнуть кости, выиграв или проиграв горсть медных монет. Здесь ему было хорошо; прошлое вспоминалось уже без горечи и тоски, да и прошлое словно бы не было прошлым, а обращалось в настоящее.

И временами представлял король, как выйдет он сейчас на узкую грязную улочку, поправит на поясе меч, доберется до ближних городских ворот, а там — снова в путь. Через леса, поля, другие города и земли...

В кабаке вновь поднялся привычный шум; зазвенели кружки, застучали кулаки по столам, сухо щелкнули кости в роговых стаканчиках.

Жизнь продолжалась!

Усевшись на огромном табурете, предназначенном только для него, Конан тоже стукнул кулаком, подозвал хозяина и для начала потребовал кувшин пива и баранью ногу. Кабатчик, гневным шипеньем отогнав слугу-

подавальщика, сам принес пиво и мясо, с поклоном поставил на стол и наполнил вместительную кружку. Под одобрителный гул король в три глотка опорожнил ее и, обтерев рот краем плаща, принялся за баранину. Вцепившись крепкими зубами в мясо, он оторвал большой кусок, проглотил его и покосился на кружку; Жакон тут же наполнил сосуд. Сидевшие окрест искоса поглядывали на короля; одни знали его, другие видели впервые, но ошибиться было трудно: массивная фигура, огромный рост, черные волосы и синие глаза отличали его от прочих людей больше бархатной туники с выпшитыми львами, золотой королевской цепи или богато украшенных доспехов.

Наконец грузный широколицый горожанин с тремя подбородками, по виду напоминавший мелкого ремесленника или торговца, нерешительно откашлялся, не решаясь заговорить, а потом, заметно побледнев, произнес:

— Мой государь, если позволишь...

— Ну? — промычал король, не отрываясь от кружки с пивом.

— Прости, если покажусь тебе назойливым... Уже пару дней по базарам ходят слухи, будто во дворце что-то неладно... Что чужеземные послы — да провалятся они к Нергалу! — покупались на твою священную особу, на королеву и на юного принца-наследника...

— Откуда ты это взял? — обглодав кость, Конан бросил ее на блюдо.

— Люди говорят... И потом, позавчера собрали в твой дворец всех магов, колдунов да тех искусников, что шарят по чужим кошелькам. Маги сгнули, и никто о них не пожалеет, а искусники вышли назад и поползли от них всякие слухи...

— Жаль! — сказал Конан. — Жаль, не подрезал я им длинных языков!

В кабаке зашумели.

— Помилуй, владыка! — слышалось со всех сторон. — Помилуй и поведай, благополучен ли ты!

— И твоя прекрасная королева!
— И наш принц!
— Не сотворили ли вам чужеземцы какого зла?
— Гнать их! Гнать — и все тут!
— Все они злодеи, поклонники Сета и Нергала!
— Пусть поразит их бесплодием Иштар! Пусть отсохнет у них все от пупка до колена!
— Ну-ка, тихо! — гаркнул Конан.

Шум утих, но глаза, в которых король видел и вопрос, и упрек, продолжали смотреть на него отовсюду. Конан встал, перевернул пустой кувшин и стукнул по дну его кулаком, расколов на три части. Затем он обвел взглядом кабаки и собравшийся в нем народ, и, глубоко вздохнув, пробурчал:

— Кром! Ничего не случилось. Видите, я силен и благополучен, а значит, сильна и благополучна наша держава. А кто думает по-иному, того я прикажу повесить вниз головой на городских стенах. Прочие же могут жить спокойно. Так и живите! Ешьте, пейте, веселитесь и не забывайте платить положенного в королевскую казну! А что касается чужеземцев, так с ними я сам разберусь. Быстро и справедливо! Все, злоумышлявшие против меня, уже в Железной Башне, и кишки их наматываются на клещи палача.

Он сел; облегченный вздох пронесся под низкими закопченными сводами.

Какое-то время люди обсуждали королевские речи, делились сплетнями да слухами, потом разговоры их незаметно перетекли к обычным делам — о видах на урожай, о ценах на рыбу, вино и хлеб, о том, что перед грядущей войной с южными соседями вздорожали все товары из кожи и железа, а доброго коня теперь и днем с огнем не сыщешь.

Конан снова взялся за баранью ногу и, вгрызаясь в нее, понял вдруг, что не хочет больше ни есть, ни пить. Нет, пить он, пожалуй, все-таки хотел, и потому взглядом показал Жакому на кружку. Опрокинув ее в горло, он положил на стол серебряную монету и поднялся.

— Государь, — робко молвил паренек, сидевший за столом у самого входа, — скоро праздник в честь светлого Митры, день осеннего солнцестояния... Ты покажешь нам талисман? Увидим ли мы Сердце бога?

— Нет. Меня не будет в Тарантии.

— Но, быть может, милостивая королева...

— Ее тоже не будет, — сказал Конан и быстрым шагом вышел из дверей «Храброго щитоносца».

* * *

Ему потребовалось не слишком много времени, чтоб миновать лабиринт извилистых улочек и добраться до нужного места. Передним была дверь — совсем неприметная, выходившая в столь же неприметный закоулок, каких в Тарантии насчитывалось сотня или две. Ну, а если говорить о таких неприметных дверях, то их, вероятно, оказалось бы не меньше десяти или пятнадцати тысяч.

Но эта дверь была особой, и Конан, застывший у ее порога, почувствовал, как на него нахлынули воспоминания. О Валерии, последнем из претендентов на аквилонский трон, о чужеземном воинстве, подло занявшем Тарантию, о немедийцах и баронах-предателях, что преследовали его по пятам; о светозарном камне, могущественном талисмане, который он снова выпустил из рук...

Но тогда, восемь лет назад, он еще не знал и не ведал о божественном Сердце; тогда он, отчаявшийся король-изгнанник, уже готовился к последней смертельной схватке. Но помощь подоспела вовремя: какие-то таинственные люди, облаченные в плащи с глухими капюшонами, привели его сюда, к дверям, что вели в подземелье и в тайное святилище Асуры.

И сейчас, стоя у этой же двери, он медлил.

Здесь ли Хадрат, верховный жрец, один из немногих магов, на которых он мог положиться? Конечно, не считая Пелиаса.

Захочет ли он помочь? И сумеет ли? Королева считала это бесспорным, ибо, чистая душой, не сомневалась в верности и преданности Хадрата.

Но Конан помнил, что со дня последней встречи с жрецом Асуры протекло изрядное время, и все могло перемениться. Если не сам Хадрат, так его тайное убежище.

Тряхнув головой, он отогнал ненужные страхи и сомнения; затем постучался — трижды, чтоб показать, что перед дверью стоит не случайный человек.

Его как будто ждали. Спустя мгновение дверь открылась — ровно настолько, чтобы король смог протиснуться внутрь — и быстро захлопнулась за его спиной. Лязгнули засовы, чья-то мягкая холодная рука легонько тронула его запястье, то ли знакомясь, то ли узнавая... Конан крепко схватил эту руку, сжал ее и негромким шепотом произнес:

— Почтенный Хадрат, жрец Асуры, здесь? Я хочу его видеть.

В ответ послышалось что-то похожее на шелест осенних листьев; затем тонкие холодные пальцы обхватили запястья короля, потянув его за собой. На лестнице царил полумрак, но с каждым шагом Конан узнавал эти стены, сложенные из едва отесанных каменных глыб, эти пологие шербатые ступеньки и тоннель, что тянулся за ними. За миг до появления тускло освещенного факелами прохода, ведущего в лабиринт, он уже припомнил то, что находилось дальше — путаницу коридоров и узкие щели в стенах, бесчисленные тупики, подземные галереи, уходившие, казалось, в никуда...

У входа в лабиринт привратник отпустил его руку, оглянувшись, словно желая успокоить короля, и быстро прошел вперед. На длинной тощей его фигуре плащ болтался, как на древке копья, полы путались в ногах, но жрецу это вроде бы ничуть не мешало.

Конан следовал за ним столь же уверенным и быстрым шагом, с любопытством оглядываясь, хмуря брови и припоминая.

Жрецы Асуры обладали удивительным искусством скрывать свои святыни. Культ Митры, солнечного божества, был главенствующим во всех хайборийских землях, и во многих из них поклонение Асуре существовало вопреки официальному запрету и всеобщей неприязни. В свое время Конан слышал немало жутких историй о тайных храмах, где густой дым день и ночь возносится над алтарями и где похищенных людей приносят в жертву огромному змею; а то, что оставалось от трапезы священного гада, якобы пожирали людоеды-жрецы. Самые ярые сторонники Митры клялись, что этот мерзкий культ пришел их Стигии, и что Асура не что иное, как воплощение Сета, древнего Змея Вечной Ночи, явившегося соблазнить и сгубить солнце-поклонников-хайборийцев. Но все это являлось лишь суеверием, ложью и предрассудками. Предки племен, чтивших Асуру, пришли не из Стигии, а из Вендии, лежавшей за морем Вилайет и голубыми Гимелианскими горами; они были детьми Востока, а не Юга. Познания их были загадочны и огромны; к тому же у адептов Асуры имелись свои тайные способы добывать истину — не менее надежные и быстрые, чем у шемита Сирама.

Лабиринт кончился, и теперь король стоял в преддверии огромного зала, ярко освещенного бронзовыми светильниками; большую часть мраморных стен скрывали занавеси из черного шелка, а мозаичный пол был устлан толстыми мягкими коврами.

Здесь, восемь лет назад, ему впервые довелось увидеть лик Хадрата, жреца Асуры. Хадрату и его единоверцам было за что благодарить аквилонского владыку, защитившего их от преследований жрецов Митры и ярости подстрекаемого ими простолюдинов. Конан полагал, что для верящих в Асуру этот бог ничем не хуже Митры или Крома, и под властной его рукой потомки вендийских переселенцев чувствовали себя в Аквилонии спокойно.

Но помнил ли Хадрат о том давнем благодеянии? Помнил!

— Рад лицезреть тебя в добром здравии, государь! — на бледном и суровом лице жреца промелькнуло подобие улыбки. Затем он низко склонился перед Конаном и почтительным жестом указал на сиденье из слоновой кости. Король хмыкнул, вспоминая и этот задрапированный черным зал, и резное сиденье, и самого Хадрата, который вроде бы ничуть не изменился: даже морщин не прибавилось на его чистом, с правильными чертами, лице. Воистину говорят, что век магов долог, а плоть их не подвержена бегу столетий!

— И я рад встретиться с тобой, Хадрат, — произнес король, усаживаясь. Вот так же когда-то сидел он здесь, лишенный престола, загнанный, словно дикий зверь, в каждом подозревая врага... Впрочем, нет! И в те дни не отвернулись от него верные и преданные, а первым из них был этот жрец, адепт Асуры... Память о Немедийской войне вновь встревожила Конана; он думал о времени, когда грозил ему Ксальтотун, призрак, оживленный Орастом, когда на троне его восседал Валерий, когда орды немедийцев топтали аквилонскую землю... Где они, враги его? Если не считать покорного ныне Тараска, их нет — даже могущественного Ксальтотуна, исчезнувшего в небытие, откуда вызвали его магические заклятья. Что ж, каждому отмерен богами свой земной путь, и вмешиваться в их волю опасно...

На миг воспоминанья о былом заставили его забыть, что в мире, собственно, ничего не изменилось: новые враги пришли на место старых, а Сердце Аримана вновь похищено и пребывает неведомо где. Быть может, в руках чародея, который превратится со временем в такого же могущественного колдуна, как Ксальтотун, ахеронский властитель... От этой мысли у Конана перехватило дух. Он прикусил губу — капелька крови выступила на ней, зато ощущение бессилия и надвигающейся опасности исчезло.

Он поднял взгляд на Хадрата. Жрец Асуры в молчании стоял перед ним, согнувшись в неглубоком, но почтительном поклоне; кажется, он догадывался, что тво-

рится с королем. Глаза его, полуприкрытые ресницами, не мигали, и тревога, мерцавшая в темных зрачках, подсказала Конану, что рядом с ним друг.

— Хадрат... Верный и мудрый Хадрат... — Король протянул руку и сжал тонкие сухие пальцы жреца. — Я вновь нуждаюсь в твоей помощи... Готов ли ты выслушать то, что я скажу, и сохранить в тайне?

Жрец кивнул, придвинулся ближе к Конану, заглядывая ему в лицо, и негромко спросил:

— Ты не ранен, владыка? И не голоден? Не желаешь ли...

— Нет! — нетерпеливо прервал его король. — Я не голоден и не ранен, и чтоб доказать тебе это, выпью немного вина.

Хадрат ударил серебряной палочкой в золотой гонг, и в дверях появилась фигура в плаще с капюшоном.

Но это не был тот костлявый жрец, что проводил Конана в святилище. Крепкий и широкоплечий, сей служитель Асуры выглядел, несомненно, моложе; лица его, скрытого темной шелковой повязкой, король рассмотреть не мог, но осанка и уверенная поступь говорили сами за себя. Не иначе, как защитник храма, обученный боевому искусству, решил Конан, знавший о том, что в традициях вендийских племен было делить людей на касты. Жрецы считались самой уважаемой из них и стояли на ступеньку выше благородных воинов-кшатриев.

Склонившись перед Хадратом, юноша в плаще выслушал тихое приказание и бесшумно исчез из зала. Почти сразу он появился вновь: в руках его был большой серебряный поднос с кубками и высоким узкогорлым золотым кувшином. Скользящими шагами прислужник подошел к столу, снял с подноса кувшин и кубки, поставил их перед Конаном, молча поклонился и словно растаял в воздухе.

Хадрат, тоже не произнеся ни слова, разлил вино, и лишь когда король прикоснулся к краю чаши губами, произнес:

— Что бы ни случилось с тобой, владыка, я готов слушать, готов служить тебе и хранить твои тайны. Да будет в том порукой бог, коему я поклоняюсь! — Он подождал, пока Конан выпьет вино, и добавил: — Теперь поведай мне о том, что тревожит твое сердце.

Король огляделся.

— Мы одни, Хадрат?

— Да, повелитель.

— Тогда слушай, — склонившись к уху жреца, Конан прошептал:

— Сердце... Сердце Аримана... Его похитили, мудрейший! Подменили!

— Похитили? Подменили? — Лицо Хадрата разом посерело. — Но мои заклатья!.. Я сделал все возможное, владыка...

— Да, сделал! Но ты лишь человек, Хадрат, мудрый человек, и твои заклатья могут остановить лишь того, кто слабей или равен тебе. А если это не так?

Хадрат приподнял правую бровь и шевельнулся, будто желая что-то возразить, но тут из уст Конана полились торопливые речи, и жрец Асуры не осмелился его перебивать. Когда же рассказ короля был окончен, Хадрат погрузился в мрачное молчание. Текло время, а он все стоял перед Конаном, похожий в своем плаще на статую из черного базальта; лишь бледное лицо отливало мраморной белизной.

Наконец служитель Асуры произнес:

— Великие бедствия ждут страну, потерявшую свое сердце. Ни армии, ни крепости, ни богатства жителей, ни разум и сила владык, ни мудрость магов не защитят ее... Так некогда пал Ахерон, и ты, мой повелитель, знаешь, почему это случилось. Если нам не удастся вернуть талисман, Аквилония разделит судьбу Ахерона, а столица ее станет новым Пифоном. Мы должны...

Он смолк, и Конан, выждав приличное время, переспросил:

— Мы?

— Мы, ибо в этом деле я буду рядом с тобой. Даже

если придется нам спуститься на Серые Равнины!

— Виновник, я думаю, поближе, — сказал король, и жрец Асуры уставился на него своим немигающим взглядом.

— Ты подозреваешь этого кхитайца? Он, несомненно, принадлежал к Алому Кольцу, чьи адепты столь же самонадеянны, как стигийские маги... Они не всегда могут справиться с силами, что вызваны их заклатьями, и...

— Я подозреваю всех — всех чужеземных послов! — прервал Конан жреца. — Слишком много развелось в Тарантии поддельных талисманов, мудрейший; один — у кофийца, другой — у зингарца, а третий — в моей сокровищнице. Кром! Целых три, только настоящего камня нет! И я не могу понять, что происходит. Дело сие выше моего разумения!

Хадрат покачал головой, задумчиво глядя на свои белые холеные руки.

— Нет дел, кроме божественных, которые превосходили бы человеческое разумение, мой господин. Поищем вместе; твои люди и мои — большая сила. Что же касается послов, то я повергну их к стопам Асуры Всевидающего, призову его, и под взглядом божества ни один из них не сумеет солгать. Так мы узнаем истину!

— Не тревожься о послах, Хадрат; они — мелочь, недостойная твоей мудрости, и глядеть на них будет не бог, а стигийский крокодил. Крокодил, принадлежащий одному шемиту по имени Сирам, что согласился разобратся с людьми. А ты разберись с колдовством!

— А! — произнес жрец Асуры, — Сирам Авортиан Чандра Паландарус из Эрука! Говорят, он так толст, что не может разглядеть своих коленей... Я слышал о нем, владыка. Достойный человек!

— Если он о тебе тоже слышал, то знает, какой длины у тебя нос, какого цвета глаза и сколько кубков с вином ты выпил сегодня с рассвета до заката.

— Ни одного, мой господин, ни одного, — сказал Хадрат, улыбаясь и показывая глазами на свою полную

чашу. Затем лицо его снова стало серьезным. — Значит, ты желаешь, чтоб я разведал, не призваны ли похитителем злые чары и злые силы? Но я могу сделать больше, повелитель, много больше! Камень, несомненно, очутился в злых руках, в длани твоего недоброжелателя; а если так, я сумею об этом узнать. Великий Асура и мое искусство покажут твоего врага... Быть может, я не смогу назвать его имени и точного места, где спрятан талисман, но злого умысла он от меня не скроет! И еще одно... Кхитаец мертв, но ты говорил еще о стигийце... Так вот, если в Тарантии появился маг из Кеми, Луксура или Птейона, я почувствую это... почувствую, когда буду беседовать с богом... ибо Асура не любит зла и поведает о нем, где б оно не затаилось.

— Это больше, чем я мог бы ожидать, — сказал Конан, вставая. — Если наш толстяк из Эрука узнает что-то новое, я приду, Хадрат. Возможно, завтра.

Жрец Асуры склонился перед ним, всколыхнув темную мантию, и тут же в дверях возник юноша-воин с закрытым лицом; он поклонился еще ниже Хадрата, сделал шаг в сторону, пропуская короля, а затем двинулся по извилистым коридорам, показывая дорогу. В конце лабиринта маячила длинная тощая фигура привратника, стража лабиринта; он молча кивнул воину, будто отпуская его. Тонкие холодные пальцы осторожно охватили королевское запястье, и жрец увлек Конана за собой.

Очутившись под открытым вечерним небом, король глубоко вздохнул и направился в сторону старой башни. Думы о пропавшем талисмане сменялись мыслями о королеве, поджидавшей его в своих уютных покоях, о ее ароматной коже, алых губах и волосах, подобных шелковым нитям.

Но вдруг в памяти Конана всплыли слова Хадрата: в этом деле я буду с тобой, даже если нам придется спуститься на Серые Равнины!

Перескажу их Зенобии, подумал он; ей будет приятно это услышать.

Значит, господин мой, ты говоришь, что вся комната была залита кровью? Кровь на развернутых пергаментах, на коврах и полу? Синий витой шнур с разомкнутыми концами? Жаровня и странный запах? Смерд и вонь? А что же сам кхитаец?

Обхватив ладонью свой огромный нос, Сирам потянул его к губе, словно желая превратить это украшение в настоящий хобот.

— Сам кхитаец был расчленен на шесть частей, — хмуро сказал Конан. — Ноги, руки, голова и туловище... Кром! Ни один палач не сделал бы этого лучше!

— Палач? Орудие палача — меч или топор. Должен ли я понимать, владыка, что расчленен — значит, разрублен?

— Нет, разорван. Просто разорван на части!

— Разорван... А есть ли следы зубов или клыков? Похоже ли, что его растерзал дикий зверь?

Король покачал головой.

— Дикий — это само собой, но не тигр, не лев и не пантера из моего зверинца. Скорее, огромная обезьяна — из тех, что водятся в джунглях Зархебы. На коже — кровавые царапины и отметины от когтей, но нет следа укусов. Ему просто оторвали руки и ноги, а потом голову... или наоборот!

Темные пронзительные глазки шемита усталились на Конана; Конан, в свою очередь, обозревал огромное лицо Сирана с отвисшими щеками, его тщательно завитую бороду, бычью шею и брюхо, пивным бочонком бугрившееся под просторной серой хламидой.

Как и в первый раз, они сидели на веранде перед площадкой с бассейнами; в меньшем из них вода была спокойной, в большем — пенилась вдоль бортов, и временами там возникала длинная зубастая морда Иракса. Час был ранний; солнце, яркое око Митры, поднялось на локоть над белой стеной, ограждавшей сад.

— Демон, — произнес наконец Сирам. — Судя по твоему описанию, повелитель, там поработал демон. Злобный дух, призванный кхитайцем!

— Зачем?

— Грр... Ты что же не понимаешь, зачем? — Шемит пожал пухлыми плечами. — Ты мог бы догадаться, откуда взялся сей демон. Ведь был же о нем разговор! В тот день, когда ты принимал послов.

— Был, — согласился Конан. — Но дух, порождение Нергала, что стережет подземелье под храмом Митры, не может оттуда уйти. Он поставлен охранять пещеру, а не шататься по улицам Тарантии и моему дворцу!

Сирам кивнул, поглаживая свой огромный нос.

— Заклятье Места, мой господин; Заклятье Места, так это называется. Но я слышал, что его можно разрушить... по крайней мере, на время...

— Так ты полагаешь?.. — начал Конан.

— Да. Да! Хрр... Этот Минь Сао последовал твоему совету. Видишь ли, демоны, в отличие от магов, существа потусторонние и обладают способностью проникать повсюду, за исключением святых мест. Ни замки, ни запоры, ни двери, ни охрана их не остановят! И потому я думаю, что кхитаец вызвал стража подземелья и заключил с ним союз: он снимает заклятье, а дух переносится в твою сокровищницу и добывает камень. Видимо, это устроило демона — ведь он уже долгие годы стережет пустую пещеру!

— Не вижу смысла, почтеннейший. Клыки Нергала! — Конан в возбуждении пристукнул по колену кулаком. — Если кхитаец собирался завладеть Сердцем, то зачем он вызвал демона? Вряд ли демон отдал бы ему талисман!

— Добром бы не отдал, — согласился шемит. — Но всякое дело, особенно сложное и непростое, свершается по частям. Первое свершение — похитить камень; второе — отнять его у демона хитростью или силой заклятий. Таков был план, и в первой части наш кхитайский мудрец его выполнил. А вот со второй просчитался!

Конан, не говоря ни слова, продолжал глядеть на шемита. Лоб Сирама пошел морщинами, глаза как бы затуманились, рот приоткрылся, и теперь толстая нижняя губа казалась розовым полумесяцем на фоне черной смоляной бороды. Он размышлял; размышлял вслух.

— Этот синий шнур с разомкнутыми концами... Клянусь Мардуком, магическое приспособление, защита от демона! Но тот сумел вырваться... может, похищенный камень придал ему силы... Не знаю! Не знаю и не буду морочить тебя, господин! Но так ли, иначе, кхитайцу справиться с этой тварью не удалось — ни перехитрить, ни обмануть, ни напугать, ни заколдовать... Демон вырвался, растерзал его и исчез со своей добычей. И все свершилось быстро — так, что кхитаец и крикнуть не успел. Вот почему мне кажется, что дух начал расчленение с головы... — Сирам вскинул глаза на короля. — Ты спускался в сокровищницу, государь? Вчера, после убийства Минь Сао?

— Нет. Вечером у меня были другие дела, — Конан нахмурил брови, соображая, рассказать ли шемиту о посещении храма Асуры. Не стоит торопиться, решил он; пусть Сирам пока не знает, что у него появился конкурент в розысках. Правда, Хадрату были поручены магические дела, и если он сумеет колдовскими способами уловить злую эманацию, то поисками самого злодея все равно займется Сирам.

Тем временем шемит продолжал толковать о сокровищнице: — Взгляни туда, мой господин. Так, из любопытства... Могу поставить челюсть Иракуса против клюва канарейки, что талисмана там уже нет. Талисман-то поддельный! Выходит, дух не смог отличить простой рубин от Сердца Аримана!

— Ну, и что с того? Он поставлен стеречь камень, а не пользоваться его волшебством! Он мог обмануться, как любой человек, зрящий не внутреннюю суть, а лишь внешнюю форму! Считаю, государь, что твой поддельный талисман уже лежит в золотой шкатулке, в той самой пещере под храмом Митры, под охраной демона...

— Проклятая тварь! — огромные кулаки Конана сжались. — Может, он уволок и настоящий камень?

— Не думаю. Без помощи черного мага он не сумел бы покинуть свое подземелье.

— И все же я хотел бы проверить... — Взгляд короля устремился вдаль, к дороге, что вела к Тарантии. — Да, проверить, — повторил он, — спуститься в ту пещеру, в грязное логово, и посмотреть, что за камень лежит в шкатулке... Кром! Вдруг это Сердце?

— Нет, государь! Клянусь тебе, нет! Это бессмысленно! Там подделка! — Шемит вдруг заволновался, и щеки его вместе с носом налились кровью. Видно, не хотелось ему, чтоб демон растерзал аквилонского короля на шесть частей.

Но Конан уже принял решение.

— Я спущусь, — сказал он, стиснув сильными пальцами рукоять меча. — Спущусь и проверю! Не найду камня, так одной тварью станет меньше!

— Грр! Или одним государем! Безрассудное деяние, мой повелитель! Ненужное! И я тебе в нем не помощник!

Само собой, подумал Конан. В таком опасном предприятии шемит годился лишь в качестве живого щита, ибо с расчленением его туши даже демону пришлось бы повозиться. И за это время вполне можно было бы раздаться с самим демоном.

Представив эту картину, Конан невольно ухмыльнулся и произнес:

— Я свершил немало безрассудных деяний; одним больше, одним меньше — какая разница? Ты, почтенный, занимайся своим делом — ищи камень в людских руках. Тварей тьмы я беру на себя.

И я буду не один, подумал он, вспомнив о вчерашнем обещании Хадрата.

— Опасно связываться с порождениями Нергала, мой король. С демонами не шутят! Ты, конечно, великий воин, но простой сталью демона не порaziшь! А я — не маг, и не могу наложить чары на твой клинок.

— Найдется кому это сделать, — сказал король, и на мгновение перед ним промелькнуло суровое бледное лицо Хадрата. Поколебавшись, он все решился произнести имя жреца Асуры.

— Шесть локтей два пальца, глаза — черные, кожа — бледная, загадочен и нелюдим, — тут же откликнулся шемит. — Я помню, ты рассказывал прошлый раз об этом чародее... Кажется, он помог тебе справиться с Ксальтотуном во время Немедийской войны?

— Да. Искусный маг, клянусь Кромом! И весьма достойный! О тебе он знает, и отзывался хорошо. Он обещал помочь, Сирам!

— Хрр... Как?

— Ну, он собирается спросить Асуру о намерениях похитителя... Он сказал, что этот ублюдок, питающий злобу ко мне, не скроется от глаз всевидящего бога. Вызвать, кто он и где затаился, нельзя, однако Хадрат утверждает, что мог бы уловить его злобные умыслы...

Сирам вроде бы успокоился.

— Ну, коль этот Хадрат — человек искусный и достойный, пусть идет с тобой и прикрывает твою спину. Не хотелось бы мне, чтоб ты, государь, разделил судьбу кхитайца.

Дельная мысль, решил Конан. Отчего бы не взять Хадрата с собой в подземелье?

Не Серые Равнины, конечно, но неприятное местечко, где помощь мага не повредит... И нечего тянуть время; лучше наведаться в пещеру сегодня же...

Истекал четвертый день с того утра, когда в сокровищнице изловили недоумка Марциана, а розыски не продвинулись ни на шаг — если не считать поддельных талисманов и обещания Хадрата разведать насчет злых умыслов. Еще десять-двенадцать дней, и надо отправляться к войску, к армии Просперо, ожидавшего своего короля на офирском рубеже...

С чем он поедет? С этими фальшивыми талисманами?

Конан встряхнул головой и поглядел на шемита.

— Ну, ладно, хватит о кхитайце и демоне! Что ты узнал от остальных послов? Скажем, от этого Каборры, пожелавшего сбежать в Зингару?

— Немногое, государь, — Сирам развел руками, чуть приподнял свой толстый зад с подушек и вытащил из-под них длинный узкий ларец красного дерева. Поставив его на ковер перед королем, он откинул крышку и вдруг замер, раскрыв рот и недоуменно мигая набрякшими веками. Конан наклонился ближе. В шкатулке лежали два больших сферических и совершенно одинаковых рубина размером почти с мужской кулак и еще один камень — их крохотная копия величиной с горошину.

— Клянусь огненным чревом Мардука! — шепит вцепился пальцами в бороду. — Вчера все они были одинаковыми! — Он прищурил глаза, задумался на миг, потом звонко шлепнул ладонью по лбу. — А, ясно! Все ясно, мой господин! Третий камень принадлежал зингарцу! Он и уменьшился! Так и должно быть, раз демон прикончил этого Минь Сао.

— О чем ты? — нахмурившись, спросил Конан. Он рассматривал рубины, пытаясь догадаться, какой из них изготовлен Фарнаном и какой передал вчера Сираму Паллантис, но оба больших камня казались совершенно одинаковыми. Ладонь его легла поочередно на каждый самоцвет, но ни один из них не откликнулся, не вспыхнул огненным сиянием, не исторг фонтан магических лучей; оба, разумеется, были подделкой.

— Первый рубин, принадлежавший кофийцу и ограненный Фарнаном, ты передал мне сам, — толстые пальцы Сирама в свою очередь бережно приласкали камень. — О втором я выведал у Мантия Кроата. Предусмотрительный мерзавец! Он притащил его с собой — привез из Ианты, офирской столицы, и спрятал, но не в своих покоях, а неподалеку, в земле, под одним из розовых кустов.

— А! Вот зачем твои люди копались вчера в саду! И офирец быстро признался?

Сирам, выпятив губы, поглядел на бассейн.

— Быстро и чистосердечно! Мои доводы показались ему весьма убедительными! Итак, вот камень Кроата, а вот — беглеца Каборры, которого твои люди доставили попозже, — он прикоснулся к третьему, маленькому рубину. — Только вчера он был так же велик, как остальные самоцветы, и в точности такой же огранки... Что касается аргосца Алонзо, то у него подделки не нашлось. Значит, подмены он не замышлял и перед тобой не повинен. Почти не повинен!

— Что же случилось с третьим камнем? — спросил Конан, отметив это «почти». — С тем, который нашли у зингарца?

— Всего лишь маленький магический фокус, мой господин. Кроат, Каборра и Алонзо признались, что позавчера злословили промеж собой, и кхитаец, бывший с ними, вел странные речи. Намекал, что слишком большое могущество сосредоточено в твоей державе и в твоих руках, и не худо бы сие могущество преуменьшить... Затем на ладони его появился рубин — вот этот самый, маленький. Появился и вырос, стал точным подобием талисмана, столь же округлым, со многими гранями, багрового цвета... Кроат счел его иллюзией или подделкой и удалился; ему подделка была не к чему, он привез такую же из Ианты. Алонзо и Каборра заспорили; каждый хотел купить камень, и спор их едва не кончился резней. Но потом Алонзо испугался — то ли клинка Каборры, то ли магии кхитайца; испугался и ушел, так что камень был передан Винчету Каборре. Денег с него кхитаец не взял, поставив лишь одно условие: чтобы тот немедленно отвез рубин в Кордаву. — Сирам огладел выпуклое брюхо и добавил: — Ну, остальное ты знаешь, повелитель. Думаю, твои люди положили, что Каборра был пойман вчера на Южном тракте, обыскан и отвезен ко мне.

— Но что случилось с камнем? — повторил король, разглядывая лежавшие в шкатулке самоцветы.

— Демон убил кхитайца, и чары его рассеялись, вот и все! И произошло это меж обеденной трапезой и ве-

черней, незадолго перед тем, как твои стражи вошли в покои кхитайца... Впрочем, точное время уже неважно; Минь Сао мертв, и значит, я его не допрошу, а ты — не покарнешь.

— Кром! Но почему он это устроил?

— Разве непонятно, мой государь? Он не знал, что талисман подменили, и собирался похитить его с помощью демона. А тебе и твоим людям хотел отвести глаза... Подсунуть зингарца! Пока б вы ловили этого Кабору да разбирались с ним, кхитаец смог бы ускользнуть или так припрятал камень, что его не нашли бы все колдуны Черного Круга!

Колдуны, подумал Конан, чародеи, коих обещал разыскать жрец с помощью своего всевидящего Асуры... Интересно, кто преуспеет в поисках первым — Хадрат или Сирам? Шемит начал искать раньше, но жрецу повинуются магические силы...

Усмехнувшись этим мыслям, король спросил:

— Что слышно о стигийце? О том, который дал зелье недоумку Марциану?

Шемит виновато вздохнул и развел руками.

— Ищем, мой господин, ищем! Ходят слухи об одном парне, смуглом, тощем и горбоносом, но на жреца Сета он не похож — скорее, на мелкого воришку из Кеми. Хрр... Не знаю, что и думать... — Он встрепенулся, бросил взгляд в дальний конец веранды, откуда потянуло мясным запахом, и спросил: — Так что прикажешь делать с послами? Мне они больше не нужны, сидят в погребке да жрут обеды после слуг... Может, пустить их на корм Иракусу?

— Нет. Даже я, король, должен соблюдать законы, и каждый получит то, что заслужил. — Конан на мгновение призадумался. — Офирец и зингарец виновны, так пусть посидят в Железной Башне; к вечеру я пришлю за ними людей. А аргосца прикажу отвезти на границу к Алимане и дать хорошего пинка. Нергал с ним!

Он поднялся и притопнул, разминая затекшие ноги. Пора в Тарантию... Надо вернуться во дворец, заглянуть

в сокровищницу... а до того — повидать Хадрата... может, он что узнал... Мысль наведаться в подземелье к демону не оставляла короля, и он решил исполнить это сегоднешней ночью. И прихватить с собой жреца Асуры! Прав шемит: с демонами не шутят!

Конан поглядел на огромную тушу в серой хламиде, не в первый раз удивляясь несоответствию меж острым разумом и оболочкой, в которую его заключили боги. Теперь он убедился, что шемит умен и действует без промедлений; пара дней, никакого колдовства, и с послами покончено — виновные найдены, а умыслы их раскрыты, даже в том случае, когда самый коварный из злодеев погиб. Быть может, другая пара дней, и Сирам разыщет Сердце Аримана?

— Мне пора, — сказал король. — А ты поторопись, приятель, поторопись! Времени у нас не так много. Я должен ехать к войску, явить блеск талисмана своим рыцарям, стрелкам и щитоносцам... И я сделаю это! Я или Конн! Мы покажем Сердце воинам Аквилонии!

— Конн? Твой сын, владыка? Ты берешь его с собой?

— Да. Его и королеву.

Шемит встрепенулся.

— Прошлый раз ты мне об этом не говорил. Сказал лишь, что камень зачарован Хадратом, так что сущность его обнаруживается в твоих руках, в руках твоей сиятельной супруги и молодого принца. А теперь я узнаю, что они едут с тобой! Это важные сведения!

— Кром! Почему?

— Потому, что похититель камня может знать об этом, и я должен знать тоже — знать все, что известно ему. Представь, что вор желает удостовериться в подлинности камня... Тогда ему нужны принц или королева, и одно дело подобраться к ним во дворце, а в походе — совсем другое... Понимаешь, мой господин?

Брови Конана грозно сошлись на переносице:

— Ты хочешь сказать, что моему сыну и супруге грозит опасность?

— Кто ведает? Во всяком случае, предостереги их, повелитель.

— Королева осторожна и мудра, — в раздумье сказал Конан. — Ведь это ей пришлось в голову, что талисман должен искать человек сноровистый и хитроумный, вроде тебя... Нет, к королеве никто не подберется, ни во дворце, ни в походе! А принц... Он, как горный козленок, скачет тут и там, носится на коне в своих доспехах повсюду, и присматривает за ним один Эвкад.

— Те самые доспехи, что украшены рубинами? — вдруг спросил шемит.

— Да. Отличный панцирь, хороший шлем, меч и кинжал как раз для его руки... Только щит великоват.

— Хрр... И об этом ты мне тоже не рассказывал!

— Я не могу рассказать о каждом вздохе, каждом шаге и каждом слове всех, кто обитает во дворце! — раздраженно промолвил Конан.

— Про всех не надо, а вот о принце и сиятельной королеве я бы послушал. Ты говоришь, что сын твой скачет, как горный козленок, а супруга — осторожна и мудра?

— И прекрасна!

— Так пусть Ашторет хранит ее мудрость и красоту! А заодно и тебя, мой владыка. Будь поосторожней.

Конан кивнул и спустился с веранды. У садовых ворот, заросших жасминовыми кустами, чернокожий Салем с почтительной ухмылкой на толстых губах подвел ему коня.

* * *

— Недоумок, задница Нергала, ослиная башка! — бормотал Сирам, терзая бороду. Так ошибиться с этим кхитайцем!

Он разодрал на две части сочную утку, впился зубами в мясо, прожевал, проглотил, запил из кубка, услужливо поданного Альясом.

Это его слегка утешило; но, поглощая нежную птицу и со вкусом обсасывая косточки, он продолжал ругать себя последними словами.

Вины покойного Минь Сао были многочисленны и неоспоримы: он, разумеется, являлся магом Алого Кольца и проник во дворец обманным путем, то ли выдав себя за посланника восточного владыки, то ли прикрывшись посольскими верительными грамотами; он занимался черным колдовством и вызвал опасную тварь, порождение тьмы и ужаса; он подстрекал послов против государя Аквилонии и покушался на его могущество и власть; наконец, он жаждал овладеть талисманом. Во всех грехах был повинен кхитаец, кроме одного: похитить Сердце Аримана ему не удалось. Кто-то опередил его; кто-то предусмотрительный и ловкий, сумевший подменить сокровище. Кто?

От утки остались одни дочиста обглоданные косточки, и теперь на очереди было большое блюдо печеных овощей по-вендийски, сдобренных пряным и острым соусом. Сирам начал очищать его с середины, действуя огромной ложной, походившей на суповой черпак. Слуги — Альяс, Салем и Тульпа — взирали на хозяина в молчаливом благоговении, поджидая, когда придет время подать ему кубок с вином, чашу с фруктовым напитком или очередную перемену. Пожалуй, господин казался сейчас своим служителям сказочным великаном, безотказно поглощавшим череду изысканных яств; челюсти его были мельничными жерновами, а все перемолотое опускалось в бездонный мешок его брюха. Но жизненные соки поднимались вверх, питая мозг, и потому размышления Сирама двигались тем же размеренным порядком, как и его огромная ложка.

Кхитаец не знал, что камень похищен, иначе все его поведение, история с зингарцем, которого он подставил, как и попытка заручиться помощью демона, выглядело совершенно бессмысленным. А такого быть не могло! Этот Минь Сао — неглупый человек, и вряд ли он затеял бы опасные игры с потусторонними силами,

если б догадывался о том, что в сокровищнице лежит подделка! Итак, кхитайца нужно сбросить со счетов; он хотел украсть камень, он мог его украсть, но не украл. Значит, оставался прежний вопрос: кто?

Расправляясь с овощами, Сирам еще раз обдумал версию, связанную с офирцем, зингарцем и аргосцем, и отверг ее. Эти нобили не могли действовать самостоятельно, без поддержки; слишком неумелыми они были, слишком неопытными в воровском искусстве.

Даже Мантий Кроат, самый осторожный и хитрый из них! Аргосец был изнежен и пуглив, а зингарец — напорист и груб, но легковверен. И все трое — редкостные болваны! Вывод сей не затрагивал их держав, к которым шемит относился без предубеждения и даже с симпатией. Волею судеб три его повара: Кириум, Мортада и Антонион — были как раз из Офира, Зингары и Аргоса; первый отлично готовил сладости, второй — мясные блюда, тогда как Антонион был непревзойденным специалистом по части рыбы, моллюсков и крабов. Нет, если говорить о поварском искусстве, все три страны заслуживали глубочайшего уважения! Но их благородные нобили да рыцари, способные лишь надувать щеки, не стоили ни гроша; они не умели ни кухарить, ни воровать.

Не исключалось, впрочем, вмешательство других послов, коих при аквилонском дворе хватало. Были посланцы из Немедии и Бритунии, из Турана и Иранистана; был гипербореец, был весьма хитроумный заморанец, был чернокожий из Пунта, обряженный в перья и плащ из леопардовой шкуры. Их, как возможных злоумышленников, Сирам тоже отверг. Пунтиец, по слухам, лишь тряс своими перышками, соблазнял хорошеньких служанок да поглощал на королевских приемах крепкие напитки; гипербореец по части выпивки и девушек от него не отставал.

Оба они казались парнями простодушными и не склонными к интригам по причине недостатка ума; шесть локтей мускулистой плоти, и не единой мысли в

голове, кроме как о женщинах и спиртном. Прочие посланцы, если не считать прибывшего из Заморы, недалеко от них ушли; все они являлись людьми благородными, предпочитавшими вершить грязные делишки с помощью чужих рук. Что касается заморанца, то он, быть может, как и Мантий Кроат, привез с собой из Арэнджуна подходящий камешек, однако до сих пор ничем своих намерений не выдал. Сираму казалось, что можно и его освободить от подозрений; случись иначе, заморанец притащил бы не только рубин, но и пару искусников из Шадизара, способных пробраться в королевскую сокровищницу и подменить талисман. Однако, как сообщала голубиная почта, никто из шадизарских ночных умельцев в Тарантию не отправлялся.

Покончив с овощами, Сирам уделил внимание слоеному пирогу с орехами и медом, изготовленному как раз по шадизарскому рецепту, тайна коего обошлась ему в мешочек золотых монет. Но пирог того стоил; он таял во рту, ласкал небо и проскальзывал в желудок без малейших усилий. Вот разве что запить его глотком холодного шербета...

Итак, оставался стигиец, таинственный Нох-Хор, снабдивший Марциана порошком Черного Лотоса и зельем, от коего вмиг проржавели прочные замки. Стигиец, или, быть может, некто иной, до сих пор не учтенный в рассуждениях Сирама; эту неизвестную личность он назвал — «месьор Хитрец».

О стигийце было уже кое-что известно.

Первым делом, сведения, выжатые королем из Марциана, утверждавшего, что стигиец встречался с ним на базаре и окраине Тарантии, за городскими воротами, в начале Южного тракта — той самой дороги, по которой вчера попробовал сбежать злополучный Винчет Каборра.

Нох-Хор, по словам Марциана, был неизменно облачен в черную хламиду и походил на стигийского жреца — выглядел высоким, тощим, грязным и страшным. По слухам, собранным Альясом на тарантийских

базарах, там появлялся высокий стигиец, однако не маг и не жрец, а мелкий жулик, выдававший себя за гадалку и знахаря.

Он предлагал легковым настойки из трав, помогавших якобы в любовных делах, а также от бесплодия и корчей, что случаются с перепившими вина; мог, при случае, и утащить кошелек либо ценную безделушку с прилавка. Альяс с Тульпой даже вызнали, где он обитает — как раз в предместье за Южными воротами, в хибарке на улице Вздохов. Там селилась голь перекатная, и там все тоскливо вздыхали — от безденежья и хронической жажды.

Нет, на адепта Черного Круга он никак не тянул!

Жрецы Сета были людьми коварными, хитроумными, но гордыми; если уж они маскировались, то предпочитали избрать личину купца, богатого паломника, властительного князя, но никак не знахаря-воришки. Были среди них высокие, тощие и страшные, но не было грязных; их религия предписывала блюсти чистоту — если не помыслов, так плоти.

Подумав об этом, Сирам судорожно сглотнул, едва не подавившись пирогом. Грязный! Такого быть не могло!

Он прожевал очередной кусок и уставился невидящими глазами на бассейн Иракуса. Грязный! Великий Мардук!

С другой стороны, сир Марциан не утверждал наверняка, что грязнуля Нох-Хор — стигийский жрец; он говорил, что тот *похож* на жреца. Но вряд ли кофийцу за всю его жизнь довелось лицезреть настоящего мага из Кеми, Луксура или Птейона; такой недоумок любого стигийца в черном плаще мог принять за грозного колдуна, допущенного к великим и жутким таинствам.

Болван, сын болвана!

Сирам не мог сказать, к кому относится последняя мысль — то ли к месьору Марциану, то ли к нему самому. Однако, аккуратно подобрав с блюда крошки пирога, он обратил взор к Альясу и пробормотал:

— Хрр... Чтоб мне пить одну мочу оскотенного шакала!

Альяс склонился к нему:

— Что повелишь, хозяин? Ты помянул шакала, или я не расслышал?

Сирам прикрыл глаза.

— Забудь, сын мой; я хотел сказать нечто иное... нечто значительное... — Он подумал, отхлебнул вина и произнес: — Вот что: случившееся вчерашним днем определяет то, что произойдет завтра... Да, так и только так!

— А что произойдет завтра, хозяин? — с любопытством спросил Альяс.

— Завтра поутру ты прогуляешься в город и узнаешь точно, в какой развалюхе на улице Вздохов прячется стигийский мошенник. Узнав же сие, иди к почтенному генералу Паллантиду, и скажи ему, чтоб того стигийца разыскали и предъявили кофийцу Марциану, что сидит в Железной Башне. О том, что будет, расскажешь мне.

— Может, надо отправиться сейчас?

— Нет. Сейчас мы заняты другим делом. Что там у нас на очереди, сын мой?

— Фрукты с офирской подливкой, хозяин.

— Вот и давай их сюда!

Со стигийцем можно не торопиться, думал Сирам, вылавливая из сладкого сиропа половинку персика. Кем бы этот тип ни оказался, магом или мошенником, он тоже не успел: когда месьор Марциан проник в сокровищницу, талисмана там уже не было. Если только вся история с кофийцем не задумана для отвода глаз, как бегство Винчета Каборры... Тогда камень все ж таки похитил стигиец, и надо думать, что его уже и след простыл...

Впрочем, это предположение казалось Сираму весьма зыбким и не достойным пристального внимания. В конце концов, он должен искать талисман, а не какого-то стигийского жулика! Он попытался сосредоточиться на загадочной фигуре месьора Хитреца, истинного

похитителя, обскакавшего и стигийца, и злонамеренных послов, и хитайца с его демоном, но этот таинственный незнакомец словно тонул в тумане, временами выглядывая из-за смутной пелены и насмешливо ухмыляясь Сираму. Тому казалось, что он вот-вот ухватит путеводную ниточку и доберется до Хитреца, однако его физиономия таяла, расплывалась, меркла...

Но был какой-то ключик! Было нечто сказанное королем, что давало надежду подобраться к месьюру Хитрецу! Так случается нередко; люди говорят, говорят и говорят, и в шелухе пустых слов вдруг сверкнет алмаз истины. Углядеть его — великое искусство, коим Сирам гордился, справедливо полагая, что многие фокусники могут вытащить кролика из колпака, а вот извлечь колпак из кролика дано не всем. Да, не всем! А лишь тому, кто знает, где и как надрезать кожуру пустых речей, дабы выдавить из них сок истины!

Так о чем же говорил король?

О Хадрате, жреце Асуры, который собирался расспросить своего бога о злобных намерениях похитителя... Ха! И что ж ответит Асура?

Что Хитрец, укравший камень, ненавидит аквилонского владыку, желает бед его стране, мечтает сокрушить могущество Аквилонии?

Полезные сведения, ничего не скажешь! Все это и так ясно и прозрачно, как офирское стекло, и польза от Асуры может быть лишь в одном: если он намекнет, что похититель — чародей. Но в этом Сирам уже не сомневался; кто, кроме колдуна, мог незаметно проникнуть в королевскую сокровищницу? Разве что демон...

Король говорил и о демоне — вернее, о том, что желает проверить и очистить пещеру под храмом Митры. Опасное занятие! Опасное и ненужное, ибо месьюр Хитрец обманул демона — точно так же, как Минь Сао, Нох-Хора и всех прочих. От этих прочих демон отличался, пожалуй, лишь тем, что наверняка похитил бы талисман, если б в сокровищнице не лежала уже подделка... если б месьюр Хитрец не поспел вперед гнусной

твари... Мысль эта показалась Сираму весьма значительной, но в чем ее значение, он никак не мог сообразить. Он вертел ее так и этак, не забывая поглощать персики, фиги и абрикосы со сладкой подливкой, шевелил губами и шептал: камень был бы похищен демоном... похищен... похищен... если б Хитрец не поспел... не поспел... Чаша с фруктами опустела, а он так и не разглядел алмаз истины за шелухой собственных слов. Но не только о Хадрате и демоне толковал король; еще было сказано, что он должен вскоре ехать к войску, чтобы явить блеск талисмана своим рыцарям, стрелкам и щитоносцам, вселяя в их сердца мужество и уверенность в победе. И он собирался взять с собой наследника, юного принца Конна, и свою королеву! Почему-то эти сведения тоже представлялись Сираму очень важными — важными сами по себе, а не потому лишь, что он боялся, будто похититель попытается проверить камень, и ради этого украдет еще и принца с королевой. Да, он сказал об этих опасениях владыке, ибо они пришли ему в голову, но сейчас, по зрелом размышлении, счел, что его предположение абсурдно: вор не станет рисковать и приближаться с камнем к любой из трех властительных особ, включая короля. К тому же владыка не зря называл свою королеву мудрой; это, как было известно Сираму, отвечало действительности. А мудрая мать присмотрит и за своим сыном... за юным принцем, что скачет, как горный козленок, тут и там, носится на коне в своих доспехах, украшенных рубинами...

Внезапно Сирам ощутил, что изнемогает от размышлений. Его вдруг начало клонить ко сну, и он откинулся на подушки, чувствуя, как заботливые руки Аль-яса, Салема и Тульпы устраивают его поудобнее. Надо вздремнуть, решил он; во сне могут родиться хорошие мысли. На миг лицо чернокожего Салема мелькнуло перед ним, будто еще раз напоминая о мраке, о тьме и ее порождениях. Демон, подумал Сирам, демон! Как бы он не расправился и с королем, и с магом! Пустое дело этот поход в пещеру... Пустое и опасное!

Видно, мысли Конана перекликались с дремотными размышлениями Сирама: он тоже думал о демоне и пещере под храмом Митры, однако затею свою пустой не считал. Опасной — да! Но сколько опасностей встретил он за свои полвека? Другим их хватило бы на сотню жизней и осталось бы что завещать потомкам!

А посему он не волновался; опять, как вчерашним вечером, сменил с помощью старого Дамиуна королевские одежды на незаметную тунику, натянул поверх нее кольчугу, застегнул пояс с мечом и, подумавши, снял со стены оружейной добрую асгардскую секиру. Затем он набросил плащ и велел Дамиуну передать королеве, что этой ночью скорей всего не придет, разве только на рассвете; желает, дескать, поразмышлять в своих покоях над планами южной кампании и хочет, чтоб его не тревожили.

Проверяя, хорошо ли заточена секира, легко ли выходит из ножен клинок и не торчит ли из-под плаща кольчуга, Конан испытывал некое неудобство, если не стыд. Задуманное им плохо вязалось с теми словами, что были сказаны возлюбленной королеве прошлым вечером — мол, теперь он осторожен и помнит о том, что есть у него сын и супруга. А ведь вчера он всего лишь навестил Хадрата, заглянув по пути в кабак! Сегодня же ему предстояло рискнуть жизнью, и один пресветлый Митра знал, выберется ли он целым и невредимым из проклятого подземелья или останется там разорванный в клочья и истекающий кровью.

И все же что-то заставляло его идти — что-то более сильное, чем любовь к жене и сыну, чем надежда обрести похищенный талисман, чем забота о своей державе. Он говорил себе, что исполняет божественное предназначение, готовится послужить Митре, под храмом коего тысячелетиями обреталась гнусная тварь; он

думал о том, что если и не вернет магического Сердца, так по крайней мере очистит святилище от древнего демона, как то повелевают его королевский долг и воинская честь. Но он знал, что все эти рассуждения — пустые отговорки. Запах опасности манил его; кровь кипела в жилах, привычки молодых лет снова овладевали им, и сброшенные королевские одежды казались старой змеиной кожей, ненужной и забытой. Он опять был юным авантюристом, Конаном-варваром из Киммерии, истоптавшим тысячи дорог на севере и юге, на востоке и западе, на суше и в море. Это ощущение пьянило сильнее вина, больше кружило голову, чем самое крепкое пиво.

Дамиун, старый верный слуга, выслушав королевский приказ, не сказал ничего, а только молча поклонился, вышел за дверь и направился с вестью к покоям Зенобии. Он привык повиноваться, и если б господин сказал, что взлетит сейчас в ночное небо и попробует выдрать из хрустального купола звезду, Дамиун всего лишь постарался бы найти ему кинжал поострее. А затем приготовил бы кувшин вина, чтоб хозяин мог освежиться после тяжелой работы.

Конан, усмехнувшись, посмотрел ему вслед, запер двери оружейной и подошел в камину. Потянув за незаметную бронзовую рукоять и приоткрыв узкую щель, за которой начиналась лестница с крутыми ступеньками, он протиснулся между каменными стенами, спустился вниз и запалил факел. Перед ним тянулась низкая каменная галерея — подземный ход, что вел к старому донжону и Железной Башне, тот самый коридор, которым он воспользовался вчера и в другие дни своего царствования; тайная и проверенная дорога в город. Он быстро одолел ее, поднялся в круглый зал под руинами старой башни, выскользнул в переулок, притворив за собой окованную металлом створку и исчез в вечернем полумраке. Сегодня он направлялся не к тайному святилищу Асуры, а к храму Митры. У незаметной двери, что вела в убежище Хадрата, он уже побывал — в

полдень, когда возвращался от шемита; побывал, вызвал привратника и велел передать жрецу Асуру, что ждет его около главного храма, в тот час, когда на небе зажигаются первые звезды. Время это приближалось, и потому Конан торопился.

Древний храм пресветлого Митры гордо возносил свои шпили и купола на одной из главных тарантийских площадей; его колонны, кровля и стены сверкали полированным гранитом, мрамором и серебром в лучах заходящего солнца, а гигантские бронзовые врата казались выпуклой спиной исполина, притаившегося в главном храмовом зале и охранявшего его сокровища. Хотя он не шел ни в какое сравнение со знаменитым Храмом Тысячи Лучей, место это издревле считалось священным и днем кишело народом, желавшим приобщиться божественной благодати, но с наступлением вечера людские толпы рассеивались, а перед закатом исчезали совсем.

Солнце, светлое око Митры, шло на покой, и бог уходил вместе с ним, дабы отдохнуть от лицемерия человеческих грехов, коварства, жестокости и несправедливости. Тревожить его в ночное время не полагалось.

Конан заметил, как врата святилища чуть приоткрылись, молодой безусый жрец выглянул на площадь, обозрел ее и, убедившись, что молящиеся разошлись, исчез внутри, предварительно закрыв тяжелую створку. Чуть слышно лязгнули засовы, и свет в узких окнах храма погас.

Быстро перебежав площадь, король миновал главный вход в святую обитель и огляделся. Площадь перед ним и ведущие к ней улицы были пустынно и безлюдны; здесь, вблизи храма, запрещалось держать лавки и кабаки, в коих человек продает душу Нергалу за хмельное питье. Конан прислонился спиной к стене святилища; его гигантская фигура, могла бы привлечь внимания случайных прохожих, хоть и скрывал ее темный плащ с капюшоном, накинутый на широкие плечи, но солнце садилось, сумерки окутывали город, и на фоне серой гранитной стены король был незаметен.

Когда солнце скрылось за городскими стенами и крышами, когда в небесах редкой россыпью зажглись первые звезды, на площади появился еще один человек — высокий, худой, в таком же плаще с капюшоном, как тот, что скрывал Конана. Быстрым шагом он подошел к своему повелителю, едва заметно поклонился и негромко произнес:

— Мой господин, я не опоздал?

— Нет, Хадрат, звезды только вспыхнули. Ты знаешь, зачем я тебя вызвал?

— Догадываюсь, владыка. Хмм... Раз встреча назначена у храма Митры, значит... — Он помедлил. — Хочешь спуститься в подземелье?

— Да. Спуститься и провести демона. А заодно взглянуть, что лежит в золотой шкатулке.

Жрец покачал головой.

— Прости, но это зряшная затея, повелитель. Я вопрошал всевидящего Асуру, и знаю, что у демона талисмана нет.

— Вот как! И у кого же он? Бог подсказал тебе? — Почувствовав волнение, король всмотрелся в бледное лицо Хадрата, но тот смущенно отвел глаза.

— Я не могу сказать, ибо Асура мне этого не открыл. Тайнство было совершено по всем правилам; я принес жертвы цветами, маслом и вином, я зажег ароматические снадобья, я погрузился в транс и слился с божеством... И — ничего! Ничего, мой господин! Странное дело: бог не видит зла!

Конан нахмурился.

— Может быть, он ослеп? Или ты плохо просил его?

— Ни то и ни другое! Он не видит зла, потому что его нет.

— Кром! Этого я не понимаю! Не хочешь же ты сказать, что...

— ...что похититель камня не злоумышляет против тебя. Именно так, мой повелитель! И я тоже этого не понимаю, но уверен, что демон здесь ни при чем.

Брови короля сошлись еще сильнее, а лицо помрачнело; сказанное Хадратом поразило его. Как мог вор, укравший сокровище, не желать ему зла? Ему, королю, его королеве и их сыну? Его приближенным, его вассалам и войску, его народу? Его землям и городам, всей Аквилонии?

В этом таилось что-то неправильное и нелепое, и Конан решил, что полагаться на божественную помощь Асуры и магию Хадрата не стоит; шемит Сирам хоть и обыкновенный человек, а действует надежнее. Правда, шемит и маг сходились в одном — в том, что посещение пещеры бессмысленно и опасно; однако король не желал отказывать себе в этом приключении.

Поразмыслив, он произнес:

— Я тоже не люблю демонов, Хадрат, и спущусь в подземелье не ради поисков пропавшего, а чтоб разделаться с гнусной тварью, что обитает там.

— Это опасно, мой господин.

— Опасно? Смотри! — Конан завернул полу своего плаща, показав жрецу Асуры свой меч и топор. Асгардская секира была огромной и тяжелой; вряд ли нашлось в Тарантии много людей, способных поднять ее хотя бы на уровень плеча. Но королю это страшное оружие было как раз по руке.

Он бросил на Хадрата испытующий взгляд.

— Ну? Пойдешь со мной? Все же это проклятое подземелье — не Серые Равнины!

Словно подражая королю, жрец молча распахнул свой плащ. У пояса его тоже кое-что висело: объемистая фляга и секира, не менее огромная, чем асгардская, но совсем иного вида и другой работы. Лезвие ее было широким, но изящным, и даже у обуха не превышало толщиною пальца; полукруглое, напоминающее лунный серп, украшенное неведомыми письменами, оно сияло неярким серебристым светом. Рукоять, которую венчал хрустальный шарик, показалась Конану слишком тонкой, хотя и длинной; на ней тоже были вырезаны руны, но не угловатые хайборийские, а совсем иных очерта-

ний, более плавных и мягких, напоминавших иранистанское или вендийское письмо.

Оружие выглядело совсем новым, но руны подсказывали, что топор этот, скорей всего, древнее Великой Катастрофы, случившейся четыре или пять тысячелетий назад.

— Что это? — спросил Конан.

— Тебе ведь придется драться, — чуть приподняв брови, невозмутимо заметил Хадрат. — И потому Асура на эту ночь готов одолжить тебе свое божественное оружие.

— Моя секира кажется надежней.

— Только кажется, мой государь. Сотворенное людьми не может равняться с изделием богов!

Жрец отцепил оружие и сунул Конану в руки. Топор был на диво легок, и древко его устроилось в ладони короля, как младенец в колыбели. Лезвие было заточено с неимоверной остротой, и он подумал, что в сравнении с ним лучшая из булатных иранистанских сабель выглядит палкой, которой погоняют ослов. И он испытал истинное наслаждение, какое испытывал каждый раз, когда в его руках оказывалось замечательное оружие.

— Хорошо! — Конан сунул секиру за пояс. — Хоть Асура и не разглядел моего врага, зато поможет нам разделаться с мерзкой тварью. А теперь, Хадрат, подумай-ка вот о чем: как нам пробраться в эту проклятую пещеру? Жрецам Митры не обязательно знать, что мы затеяли... Лучше им не знать ничего!

— Тогда, мой господин, мы зря потеряли время, встретившись тут. Известно ли тебе, что лабиринт Асуры не только храм божества, не только наше святилище и наша обитель? Вижу, что нет... Так знай же: это центр, куда сходится паутина подземных ходов, идущих под всем городом, и ведут они и в твой дворец, и в Железную Башню, и в цитадель, и во множество других мест, о коих я не буду сейчас говорить. И в пещеру демона мы тоже можем попасть без труда.

— Тогда идем, — сказал Конан, запахивая плащ. — Идем, ибо к рассвету я хотел бы возвратиться во дворец и увидеть свою королеву.

* * *

Вслед за жрецом Асуры Конан нырнул в неприметную дверь, оставил у входа свое оружие, меч да тяжелую асгардскую секиру, и снова очутился в знакомом тоннеле. На этот раз его проводником был сам Хадрат; он уверенно вел короля извилистыми коридорами, где не мерцали ни светильники, ни факелы. Конан, однако, с легкостью ориентировался по звуку шагов жреца; чем дальше шли они, тем уже становился проход, а стены, к которым иногда случайно прикасался руками король, были мокры, шершавы и неровны. Тоннель, как показалось Конану, сперва уходил глубоко под землю: они почти бежали, словно спускаясь с пригорка. Но затем сырой, даже сквозь подошву сапог холодивший ноги камень вдруг становился сухим, и тоннель резко взмывал вверх. Так повторялось дважды; затем Хадрат остановился.

— Мой господин, мы пришли, — шепотом сказал он, прикасаясь к руке короля.

— Где же вход в подземелье?

— Здесь, — жрец Асуры указал на глубокую нишу в стене. Глаза Конана уже привыкли к мраку, и он сумел различить смутные очертания каменной двери; затем ощущал поверхность ладонью. Собственно, ее вряд ли можно было назвать дверью: неровные, словно сбитые чем-то края выступающего камня и бугристая плита напоминали скорее каприз природы, вздумавшей подразнить любопытных намеком на вход, ведущий в неизвестное — туда, где, быть может, хранятся великие богатства. Впрочем, когда-то так оно и было; мир не знал сокровища, подобного Сердцу Аримана, а оно хранилось именно здесь, пока грабители из Заморы не перехитрили его жуткого стража.

Хадрат, потянувшись к уху короля, прошептал:

— Теперь подожди немного, мой господин. Мне нужно привести в порядок свои мысли, уравновесить стремления и чувства, не то существо, обитающее в этих стенах, справится и со мной, и с тобой.

— С нами обоими? — Конан усмехнулся и вытащил из-за пояса секиру. — Не думаю! Ведь у нас оружие Асуры! Но ты, конечно, должен привести свои мысли в порядок, ибо никому неизвестно, когда придет его срок отправляться на Серые Равнины. Я подожду.

Жрец замер в молитвенной позе, опустив голову и сложив руки на груди, а король упер секиру рукоятью в пол и сам присел, прижавшись спиной к грубым камням стены. Ему тоже было о чем подумать. Нити, связавшие его с Сердцем Аримана и с неведомым похитителем, переплелись таким удивительным узором, как то случается с великими событиями, с вещами божественной силы и причастными к ним людьми. Здесь, в темном мрачном подземелье, в гнетущие мгновенья тишины, Конан пытался осознать свою собственную роль в загадочной и жуткой жизни камня, дающего силу, и смерть, и власть...

Каким ветром занесло его в сей круговорот? Его, варвара из далекой Киммерии? Тем же самым, что носил его в иные страны и города, по землям и морям, в иные приключения и авантюры, коими так богата была его жизнь? Видимо, так! Видимо, в том и заключено его предназначение в подлунном мире, чтобы сражаться с тьмой, с демонами, с Черным Кругом и Алым Кольцом! Сражаться самому и вести в бой свои армии... Но если удел его таков, то светлые боги должны — обязаны! — вернуть ему талисман! Ибо он — их воитель!

Однако в глубине души он сомневался, что Сердце Аримана находится здесь, в пещере под святилищем Митры. Сирам прав: та безмозглая и злобная тварь, с которой ему предстоит сейчас встретиться, вряд ли способна отличить настоящий талисман от поддельного. Пожалуй, главное для нее, что в золотой шкатулке ле-

жит некий камень, сходный по виду с Сердцем, а колдовской ли это амулет или обычный рубин — демону не сообразить... В конце концов, он охраняет камень, и только!

— Я готов, мой господин, — тихий голос Хадрата заставил Конана вздрогнуть, прервав его раздумья.

— Раз готов, идем, — коротко сказал король, поднялся и протянул руку к выступу в стене. Но Хадрат, мягко отстранив его, сам встал у двери, пошуршал, поскребся, и каменная плита медленно и бесшумно поехала в сторону.

Из приоткрывшегося отверстия на них пахнуло сырым гниловатым воздухом. Казалось, то был даже не воздух, а один смрад; воздух давно уже умер здесь, и теперь от него, как от любого трупа, отвратительно смердело. Эта мысль об умершем воздухе неожиданно развеселила Конана; он хмыкнул, решительно отодвинул Хадрата и перешагнул порог.

Поначалу он не увидел ничего — здесь царила такая непроглядная тьма, что по сравнению с ней мрак подземного хода выглядел солнечным светом. Но эта тьма будто бы растворялась и светлела с необыкновенной быстротой, и, спустя мгновение, Конану почудилось, что в пещере словно бы зажглись невидимые свечи. Теперь он мог легко разглядеть просторное помещение в форме квадрата, посреди которого возвышался черный каменный алтарь. Больше тут не было ничего, кроме золотой шкатулки, напоминавшей чуть приоткрытую двустворчатую раковину; в ней прежде хранилось Сердце Аримана.

Приподняв секиру, Конан облизнул пересохшие губы и сделал шаг к черному мраморному пьедесталу. Шкатулка загадочно мерцала перед ним; чудилось, что она словно вырастает из каменного алтаря, сливается с мрамором воедино. Массивная и, в то же время, изящная, она была отделана по краю крошечными драгоценными камнями; названия некоторых из них были Конану известны, но большинство показались ему незнакомыми.

Странное дело! За свою жизнь он перевидал такое множество самоцветов, держал их в руках, владел ими, что, вроде бы, знал их все наперечет.

Воистину этот ларец, как и серебряный топор Асуры в руках короля, являлся изделием богов! Но созерцать эту красоту, размышляя о том, что за самоцветы украшают створки, было некогда. Конан решительно протянул руку и схватился за край ларца, но тот будто бы и в самом деле был приклеен к камню. Тогда он вытащил из-за пояса кинжал, просунул его меж створок золотой раковины и с силой надавил. Крышка отскочила с едва слышным звоном, явив взору короля огромный сферический рубин, багровевший в своем драгоценном убежище словно капля крови, выпущенной из жил неведомого гиганта.

Сердце Конана дрогнуло и замерло; на миг ему почудилось, что внутри рубиновой сферы горит искра живого огня. Да, таким и должен быть настоящий талисман, его камень — темным снаружи и пылающим внутри, тускло-багровым, пока не коснутся его руки владетелей аквилонского королевства...

— Возьми его, мой господин, проверь и убедись, — шепот Хадрата вывел короля из оцепенения. Он вновь протянул руку и сначала осторожно коснулся граненой поверхности, потом взял камень, покатав его в широкой ладони, затаив дыхание и не спуская с кристалла настороженных глаз. В звенящей тишине он слышал только стук своего сердца; затем из уст Хадрата вырвался то ли вздох, то ли стон.

— О, мой господин, — пробормотал он, — я ведь говорил тебе... Асура не ошибается! Это подделка... Всего лишь подделка!

Конан швырнул камень обратно в ларец; лицо его было непроницаемым и мрачным, однако он ничем не выдал своего разочарования. Все-таки шемит был прав, промелькнуло у него в голове; прав в том, что талисмана он здесь не найдет. Но была еще одна задача, и Конан собирался разрешить ее раз и навсегда.

— Пойдем назад, мой повелитель? — произнес жрец, оглядывая шкатулку и высокий черный алтарь. — Задерживаться тут было бы неблагоприятно.

Но благоразумие в число достоинств Конана не входило — тем более, что он слышал уже странные вздохи и ощущал усиливающийся смрад, такой же, как в покоех растерзанного кхитайца. Он быстро оттолкнул Хадрата от алтаря, жестом показав, чтоб тот держался за его спиной, сбросил плащ и поднял секиру. Некоторое время они прислушивались к стонам демона; в его глубоких прерывистых вздохах было что-то тоскливое, будто приговоренный к смерти оплакивал свою участь в тесной тюремной камере. Но эта тварь явно не собиралась умирать!

Теперь Конан различал в издаваемых ею звуках нечто вроде насмешки над ними: демон словно наслаждался растерянностью и ужасом незваных гостей, проникших в его подземелье. Быть может, потому он и не торопился нападать; быть может, это являлось единственным его развлечением — разглядывать будущие свои жертвы, трепещущие от страха.

Но эти пришельцы не трепетали; они готовились к бою. Конан пригнулся, ссутулил плечи, приподнял сияющий лунный серп топора; за его спиной Хадрат то ропливо бормотал заклинания, призывая демона явить свое обличье, обнаружить свою сущность, встать во плоти перед священной секирой всевидящего бога. Возможно, эти заклатья помогли, или твари просто надоело ждать, но вдруг ее стоны сменились хриплым ворчаньем и чмоканьем; затем вонь стала сильнее, и демон материализовался, будто вынырнув из воздуха в пяти шагах от жреца и короля.

В лицо Конану пахнуло едкой вонью, выщипавшей слезы из глаз; отступив на пару шагов, он осмотрел чудовище.

Древнему шаману, победителю Ксальтотуна, воистину удалось пленить демона тьмы! Один вид его вызывал безотчетный ужас; люди, слабые духом, могли бы сой-

ти с ума при одном взгляде на эту огромную, отвратительную, расплывшуюся фигуру. Но вряд ли безумие узревших эту тварь продолжалось бы слишком долго — демон никого не оставлял в живых.

Рассматривая его, Конан ощутил тот первобытный ужас, что, порождаемый инстинктами, оживает в душе в моменты смертельной опасности; но длилось это лишь миг. Жрец Асуры, искоса взглянув на демона, продолжал творить свои заклатья, а Конан, злобно сплюнув, поднял секиру и шагнул вперед.

Лапы монстра шаркнули по каменному полу, его огромное расплывчатое тело неопределенных форм, черное и мохнатое, покачнулось, обретая равновесие, и на аквилонского короля установились маленькие, злобные и тупые глазки, едва заметные в густой шерсти. Под ними багровело щупальце — хобот, служивший демону то ли носом, то ли ртом; клыков Конан у него не разглядел, но когти на передних лапах были огромными, кривыми и острыми, как туранские ятаганы.

С чудищами подобного или иного обличья киммерийцу приходилось встречаться не раз, и он замечал, что не столько вид их, жутковатый и мерзкий, приводит человека в ужас и отчаяние, сколько что-то непонятное, таинственное, потустороннее, обитавшее внутри демонической твари и каким-то образом ощущаемое сразу любым живым существом — некая злая сила, которой Нергал, Сет и другие черные боги наделяли своих служителей. И в этой бесформенной мохнатой твари чувствовалась та же дикая мощь, то же стремление к убийству и крови, та же разрушительная страсть к уничтожению, та же необоримая тяга к злу. Впрочем, стоило ли упрекать ее? Какой создал эту тварь Нергал, такой она и была; а к Нергалу у Конана претензий не имелось.

Со свистом втянув смрадный воздух, монстр качнулся огромным телом к королю, будто хотел расплющить его. В лицо Конану вновь пахнуло холодом и смрадом, но глаза его уже не слезились и оружие не дрожало в руках. Он ударил; протяжно свистнула секира, сверкнул

венчающий ее хрустальный шарик, лунное лезвие описало дугу, опустилось, проникло в грудь и брюхо твари, разрежало их, рассекло... Монстр отпрянул с пронзительным визгом, но след, оставленный топором, уже исчезал, словно плоть демона состояла не из мяса и костей, а из расплавленного воска, из дыма или из воды. Быть может, подумал Конан, снова вскидывая секиру, плоть эта и не существует на самом деле, а значит, демона нельзя убить при помощи оружия, пусть и врученного самим всевидящим Асурой... Если так, остается рассчитывать лишь на заклятия Хадрата!

Он решил дать жрецу время. Хадрат по-прежнему что-то бормотал у него спиной, то повышая голос, то почти шепча, то вдруг принимаясь петь; краем глаза Конан заметил, что воздух вокруг адепта Асуры начинает светиться, а над головой, разбрасывая синеватые искры, встает высокая огненная тиара, пламенный ореол, парящий над темным капюшоном. Он дрожал и мерцал, и в такт его сиянию хрустальный шарик на рукояти секиры то наливался яростным светом, то пригасал, становясь почти черным, словно бы вырезанным из обсидиана.

Конан, прикрывая жреца, рубил и рубил, оттеснял тварь к алтарю.

Свистело лунное лезвие, пролетавшее перед красноватым хоботом монстра, впивалось в его зыбкую плоть, жалило, жгло, рассекало бесплотную тушу, и с каждым ударом раны демона затягивались все медленнее, а визг его делался все пронзительней и громче. Вероятно, он ощущал боль, хотя топор Асуры не наносил чудовищу зримых повреждений; но лишь боги ведали, где запрятана смерть этой твари, порождения Серых Равнин.

Во всяком случае, асгардская секира и клинок короля, выкованные человеческими руками, вреда бы ей не нанесли.

Внезапно демон взвыл, то ли с яростью, то ли с насмешкой, и тело его начало пухнуть, расплзаться, заполняя пещеру с необыкновенной быстротой. Он ра-

стекался по полу зловонной бурой массой, словно сгнившая на солнце медуза; бурая слизь затопила мраморный пьедестал, потом ринулась к стенам, выбрасывая бесчисленные щупальцы с остроконечными когтями. Смерд стоял жуткий, и Конан почувствовал, что начинает задыхаться. Его волшебное оружие не тяготило рук, но каждый удар, каждый выпад отнимал частицу силы, и постепенно движения короля лишались стремительности. Испарина выступила у него на лбу, старые шрамы побагровели и налились кровью, грозный свист секиры сделался тише; холодная склизкая масса, ускользающая от ударов, стала окружать его, она тряслась и обжигала кожу, вооруженные когтями щупальцы рвали стальные звенья кольчуги, норовили ужалить в лицо...

Склонив голову к плечу, Хадрат уже не шептал, не бормотал, а в полный голос творил свои заклятия. Матовая кожа жреца совсем побелела, пот крупными каплями скатывался по щекам, но окружавшее его сияние становилось все более ярким и обжигало Конану спину. Раскат грома ударил под сводами подземелья; голос жреца поднимался все выше и выше, затем зазвенел, будто бронзовый гонг, эхом отзываясь от влажных стен пещеры.

Но Конан ничего не слышал. Желеобразное тело монстра окутывало его, он извивался и барахтался, рубил отвратительную склизкую массу; кожа его горела от ожогов, кольчуга была прорвана в десятке мест, в голове мутилось от отвратительного запаха. Смерд этот был настолько силен, что обжигал гортань и веки, и каждый вздох казался Конану глотком яда. Он изнемогал; руки его то и дело соскальзывали с залитого слизью топорика, свет мерк перед глазами, а лезвие секиры уже не мерцало серебристым лунным сиянием, а багровело, напоминая оттенком кровавую вечернюю зарю.

Вдруг шарик, венчавший рукоять, померк, вспыхнул и засиял ровным ослепительным блеском. Спину, плечи и затылок Конана окатило жаром; пламенная стена миновала его, палящим занавесом придвинулась к

желеобразному телу монстра, огненными языками заплясала над ним.

Гром вновь раскатился под сводами пещеры, но сквозь этот грозный рокочущий гул до Конана долетели слова жреца:

— Асура с нами! — кричал он. — Всевидящий глядит на нас! Он даровал силу! Руби! Руби, мой повелитель!

Асура и в самом деле великий бог, думал Конан, нанося последний удар. Но лезвие его секиры еще не успело погрузиться в плоть чудовища, как с серебристого лунного серпа сорвалась молния, фонтаны пламени взмыли к потолку, огонь взревел, алые языки прошлись по стенам, по полу, по мраморному пьедесталу и золотому ларцу, будто вылизывая их; затем опали, как лепестки увядшего цветка. Нестерпимый смрад исчез, в пещере сгустился полумрак, но сквозь едкие слезы, что еще бежали из глаз, Конан увидел, что в воздухе медленно кружится черная пыль.

— Был он загустевшей вонючей влагой, а обратился прахом и пеплом, — пробормотал Хадрат. — И хоть секира Асуры не справилась с ним, палящий божественный огонь сделал свое дело. Так восславим же очищающее пламя, что сильнее всякой тьмы, что выжигает зло, карает мерзость и мрак!

— Восславим, — откликнулся король, отряхивая пепел со своей кольчуги. Кожу его перестало жечь, но в горле он ощущал страшную сухость, будто туда насыпали раскаленных углей.

— Опасная тварь, — продолжал Хадрат. — Не ожидал я, что сей выродок из темных бездн окажется метаморфом!

— Метаморфом? Что это значит? — спросил Конан, с трудом ворочая меж десен распухший язык.

— Метаморф есть тварь, могущая изменять свой облик, обращаться в любую форму, становясь по желанию своему зверем или птицей, человеком или чудищем, деревом или травой, камнем или водой. Прости,

мой господин, я слишком поздно догадался, кто или что противостоит нам! Даже божественный топор Асуры не уничтожит такого демона, ибо он слишком изменчив и живуч. Лишь пламя может сокрушить его, но не обычный огонь, а тот, коим повелевает один из светлых богов. Я призвал Асуру на помощь, и он пришел, явился на единый миг, вдохнув в нас частицу своей силы. И этого оказалось довольно!

Жрец торжественным движеньем поднял руки к потолку и снова произнес:

— Так восславим же его, мой господин!

— Восславим, — снова повторил Конан. — И я готов восславить его дважды и трижды, если он явится еще раз, но не с огнем и пламенем, а с чашей вина. Кром! Мне кажется, что в моей глотке клокочет яд!

На суровом лице жреца промелькнула улыбка.

— Не стоит призывать божественного Асуру ради чаши вина, — промолвил он. — С таким делом может справиться любой из его ничтожных слуг.

С этими словами Хадрат снял с пояса объемистую флягу и протянул королю.

Вино было кисловатым и холодным; жадно поглощая его, Конан, как и обещал, вознес хвалу Асуре. Поистине заслуженную хвалу! Ведь древний вендийский бог не только даровал ему победу, но и спас от жажды! И второе являлось в глазах Конана не меньшей услугой, чем первое. Если б Асура еще подсказал, где искать талисман...

Ополовинив флягу, король вернул ее Хадрату вместе с секирой, потом бросил взгляд на золотой ларец с откинутой крышкой и нахмурился. Рука его дрогнула, потянулась к камню, сильные пальцы стиснули рубин; поразмыслив несколько мгновений, он сунул багровую сферу за пазуху.

— Отдам шемиту за труды, коль он разыщет истинный талисман. А не разыщет, притащу его сюда и оставлю до скончания веков! Вместе с кувшином ослиной мочи и парой сухих лепешек!

Король и жрец направились к выходу. В молчании и тишине они миновали сотню поворотов, то поднимаясь к поверхности земли, то опускаясь в ее глубины; каменные плиты, влажные или сухие, шуршали и поскрипывали под их шагами. Наконец коридоры, которыми они шли, показались Конану знакомыми, и он понял, что святилище Асуры со стенами, завешанными черным шелком, находится где-то близко. Вскоре показалась и лестница, ведущая к незаметной двери в одном из городских переулков. Здесь лежало оружие короля; он поднял его, надел перевязь с мечом, пристегнул к поясу асгардскую секиру.

— Зайди к нам, владыка, — сказал Хадрат, остановившись у истертых ступеней. — Ночь была тяжела, и ты устал; теперь ты должен вкушать пищи, выпить вина, отдохнуть и помолиться богам.

— Нет, — голова Конана отрицательно качнулась. — Я хочу вернуться во дворец до рассвета, смыть с себя прах и пепел, останки этой твари, а потом увидеть мою королеву. Быть может, она не спит и тревожится обо мне...

Они помолчали.

— Жаль, что я не смог помочь, — после паузы пробормотал жрец.

— Я говорю не о сражении с демоном, а о поисках талисмана... Тут я скажу тебе лишь одно, мой господин: раз всевидящий Асура не узрел зла, значит, его не существует. Подумай сам, кому известны пути богов и тех магических сокровищ, что они изредка даруют людям? Пути их воистину загадочны и скрыты мраком тайны; они могут уходить и приходить по своей воле, менять хозяина, ускользая из нечистых рук, прятаться и вновь появляться на свет... И кто знает, украден ли в самом деле твой волшебный камень? Возможно, он всего лишь затаился до срока и явится в самый нужный момент? И все окончится хорошо?

— Вот и моя королева толкует о том же, — сказал Конан и начал подниматься по ступеням.

На следующий день король покинул опочивальню Зенобии, когда солнце уже стояло в зените. Редкий случай, по правде говоря; он любил вставать рано и до утренней трапезы занимался делами в приемном покое или в своей оружейной. Но в этот раз ему надо было выспаться, и королева не разрешила тревожить его. Все утро она просидела у постели, разглядывая обнаженные руки, грудь и плечи спящего супруга, покрытые множеством царапин; когда же он проснулся и поймал вопросительный взгляд Зенобии, брови его изогнулись, а на губах заиграла смущенная улыбка.

— Вчера, когда на небе загорелись звезды, — начал Конан с задумчивостью, — вышел я в сад и увидел, что персики этим летом уродились на диво сочными и крупными. Полез я к ним, чтоб сорвать тебе десяток, да ночь была темна, а ветки — слишком тонкими. Так я до них и не добрался! Грохнулся о землю, испарался и тунику порвал!

— В другой раз, когда ты решишь нарвать персиков, я прикажу подать тебе самую прочную лестницу, — сказала Зенобия. — А теперь я хотела бы знать, что ты все-таки делал прошлой ночью? Размышлял над картами в оружейной, как было сказано мне Дамиуном, или сражался с пантерами в нашем зверинце?

— Кром! Клянусь тебе, женщина, все дело в персиках! В персиках!

С этими словами Конан выбрался из постели, торопливо натянул одежду, поцеловал королеву в алые уста и выскочил в коридор.

Там уже поджидал Паллантин, шагавший в нетерпении мимо двух Черных Драконов, застывших у дверей королевской опочивальни. По вискам воинов текли струйки пота, а руки, сжимавшие оружие, окостенели; видно, они боялись пошевелить пальцем в присутствии своего командира.

Оглядев стражей, Конан хмыкнул, приказал им расслабиться и зашагал по коридору в приемный покой.

Паллантид спешил следом.

— Два дела, мой государь, не считая сотни прочих. Но эти связаны с нашей пропажей.

— Говори! — велел король, не замедляя шага.

— Явился ювелир Фарнан и нижайше просит у тебя аудиенции. Ждет с самого утра.

— Что еще?

— Явился парень от шемита, зовут Альяс. Говорит, что разведаль, где можно найти стигийца. Хочет, чтоб я отправился с ним.

— Вот как! — Конан остановился у окна, что выходило в сад, сунул руку за вырез туники и поскреб грудь: парapiны сильно чесались.

— Наш Сирам не теряет зря времени, а? — заметил он. — Съезжу-ка я к нему вечером, когда ты притащишь стигийца и встряхнешь из него душу!

— Ты оказываешь много чести этому шемиту, государь. Видано ли — едешь к нему сам!

— По уму и честь, — сказал король, выглядывая в окно.

Как всегда, на площадке перед дворцом он увидел сына и его наставника, рыцаря Эвкада из благородной фамилии Тересиев. Сегодня Конн был без доспехов, ибо занимался метанием стрел; и, кроме Эвкада, при нем находились четверо гвардейцев. Увидев это, король кивнул головой; отданный им вчера приказ о неусыпной охране принца уже был выполнен.

Он повернулся к Паллантиду и сказал:

— Легче мне съездить к шемиту, чем привезти его сюда. Клянусь Кромом! Для этого понадобилась бы упряжка с дюжиной лошадей и воз такой величины, что он не прошел бы в дворцовые ворота! Пришлось бы стену ломать.

— Это верно, — согласился Паллантид. — А если б он пожелал у тебя отобедать, то разорил бы дворцовую кухню.

Еще раз поглядев на принца, Конан направился к приемному покою.

— Езжай с этим Альясом, — сказал он командиру стражи. — Талисман у него, однако хотел бы я знать, зачем он дал зелье кофийской крысе. Разузнай все об этом, а затем я решу, то ли сгноить его в Железной Башне, то ли отвезти к Сираму. Иди!

— А что с ювелиром, государь?

— Пусть Альбан приведет его ко мне.

Паллантид исчез. В одиночестве Конан перешагнул порог приемного покоя и, не садясь в кресло, принялся расхаживать из угла в угол. Он выспался и хорошо отдохнул, но мышцы после вчерашней безумной схватки еще отзывались болью, и король подумал, что уже немолод и что выслеживание демонов, пожалуй, уже не подобает его положению и сану. Разумные эти мысли сильно отличались от тех, с которыми он собирался вчера на битву с порождением тьмы, что было неудивительно: вчера демон еще жил, а сегодня превратился в горсть пепла. Мысли диктуются обстоятельствами; и Конан подозревал, что, найдись в Тарантии еще одна такая же тварь, все благоразумие разом выскочило бы из его головы, а руки потянулись к клинку и секире.

Однако сейчас он был спокоен и доволен. Пусть он не нашел магического камня, но сам этот факт казался ему подтверждением того, что шемит Сирам на верном пути и, быть может сегодня, завтра или послезавтра разыщет драгоценный талисман. Были и другие причины, чтоб испытывать довольство: демон уничтожен, пусть с божественной помощью, но все-таки его рукой, а Хадрат, жрец Асуры, вновь доказал свою преданность и верность. Жаль, конечно, что Хадрат не нашел талисмана, зато он сделал хорошее предсказание. Доброе, хоть и удивительное!

Конан как раз размышлял об этом, когда Альбан ввел в приемный покой ювелира. Фарнан повалился на колени у самого порога да так и пополз к королю, подметая пол краем туники. Лицо его показалось Конану

странным; радость и страх отражались на нем, так что выглядел Фарнан подобно жалкому куску угля в бесценной золотой оправе. Он дополз до Конана и, на кхитайский манер, ткнулся лбом в пол.

— Что скажешь? — произнес король.

— Великая радость посетила мой дом, государь! Сын мой исцелился! Сам! Без всякого лечения, без знахарей и колдунов, без зелий и бальзамов, и без созерцания божественного талисмана!

— Хорошо! Выходит, суд Митры свершен, и я был прав, когда отдал тебя в руки бога. Коль ты чист перед ним, то чист и передо мной, Фарнан.

— Не совсем, повелитель, — теперь на лице ювелира было больше страха, чем радости. — Сын мой здоров, и это не только знак благоволения Митры, но и его приказ повиниться перед тобой.

— Повиниться? Ну, винись, — сказал Конан, нахмутив брови и пытаясь сообразить, какие еще грехи перед аквилонским престолом и властью короля числятся за Фарнаном.

Ювелир облобызал носки его сапог.

— Прости, государь, прости меня, неразумного... Тот рубин, что я огранил для кофийца Марциана, был не первой из подделок... Полгода назад мне принесли камень, прекраснейший из самоцветов, багровый, большой, совершенный, без трещин и пороков... И я, прельстившись деньгами, сделал из него точную копию божественного Сердца... Прости!

На мгновение Конан застыл с раскрытым ртом, а после, справившись с изумлением, подошел к креслу и вытащил из-под него шкатулку. В этот ларец, вернувшись вчера от Хадрата, он спрятал отнятый у демона камень — самый первый из фальшивых талисманов, который был обнаружен в сокровищнице во время пленения месьора Марциана.

Подойдя к ювелиру, Конан приподнял его за шиворот и вложил рубиновую сферу в дрожащие пальцы.

— Этот?

— Этот, — подтвердил Фарнан, внимательно осмотрев камень. — Понимаешь, мой государь, никто не отличит искусную подделку от истинного талисмана, кроме изготовившего ее мастера. Этот кристалл помнит тепло моих рук... а я помню его цвет, все переливы оттенков, каждую грань, которой касались мой резец и шлифовальный круг... Да, это тот самый камень!

Важные сведения, подумал Конан. Выходит, этой подделкой вор заменил настоящий талисман, потом ею завладела демоническая тварь — с помощью кхитайца! — а вчера камень перебрался из золотой шкатулки в подземелье в ларец под креслом аквилонского короля.

Забавные приключения! Но самым важным в них было то, что ювелир Фарнан трудился над этим самоцветом полгода назад. Вор, несомненно, был человеком предусмотрительным и приготовил фальшивый талисман задолго до того, как решил воспользоваться им.

— Кто твой заказчик? — грозно спросил Конан, глядя на скорчившегося у его ног ювелира. — Для кого ты огранил камень?

— Не знаю, великий государь... клянусь жизнью сына, не знаю! Тот человек был закутан в плащ с ног до головы, не открывал лица, и голос его показался мне нарочито искаженным... Но выглядел он невысоким, хрупким и изящным, и пахло от него приятно... Рядом с ним казалось мне, что я попал в благоухающий сад Митры.

— Почему он выбрал тебя?

Ювелир в смущении потупил взгляд.

— Видишь ли, владыка, знающие люди говорят, что я — один из лучших мастеров...

— В Тарантии?

— Нет, во всем подлунном мире... Прости мою самонадеянность, но таково мнение людей. Равные мне мастера есть только в Офире, в Заморе и, по слухам, в Кхитае... Только мы четверо могли бы подделать талисман, либо увидев камень воочию, либо взглянув на его изображение.

— Ручаешься в том? — спросил Конан.

— Своей головой, повелитель! Если ты, конечно, ее мне оставишь...

— Оставлю! Ты достоин наказания, ювелир, но Митра простил тебя, послал тебе знак, и ты повиновался его божественной воле... И тем заслужил награду! Твоя вина и твой добрый поступок уравнивают друг друга, и потому я говорю тебе: живи! Живи, трудись над изумрудами и жемчугами, над сапфирами и алмазами, над аметистами и янтарем, но пусть твой резец и шлифовальный круг не коснутся больше рубинов! Я сказал!

— Ты справедлив, государь, — произнес Фарнан, поднимаясь с колен. — Справедлив и милостив! Ты — солнце, взошедшее над Аквилонией! Ты — звезда надежды нашей! Ты — огонь мудрости! Ты...

— Хватит слов! Иди! — Конан повелительно взмахнул рукой.

Оставшись в одиночестве, он опустился в кресло, подпер массивный подбородок кулаком и задумался. Он не медля хотел бы отправиться к шемиту и обсудить с ним все случившееся вчера и сегодня утром; с другой стороны, было бы разумно дожидаться Паллантида. Генерал быстр и решителен; время он тянуть не станет и вернется во дворец к обеденной трапезе.

Но найдет ли он стигийца? И что вызнает у него?

* * *

Хитроглазый Альяс, летевший впереди, вдруг осадил коня и, привстав в седле, вытянул руку, указывая на небольшой старенький и покосившийся на бок домишко.

— Вот он, мой господин! Переулочек Вздохов, семнадцатый дом от перекрестка по левую сторону! Та самая хибара!

Легким кивком Паллантид велел проводнику остановиться, подъехал к двери и неторопливо спешился. Десяток гвардейцев, стараясь не громыхать доспехами,

оцепили дом; другие, не слезая с коней, принялись разгонять любопытных. Вблизи это строение показалось генералу еще древнее, чем издалика. В окнах темнели ошметки бычьего пузыря, с крыши свисала какая-то дрянь — по всей видимости, прутья и перепревшая солома из гнезда аиста, поселившегося там; в стене, сплошь покрытой желтоватым, высохшим на солнце мхом, зияли глубокие трещины, а обе ступеньки ветхого крыльца были проломлены, и в дырах росли огромные лопухи. Неподобающая обитель для стигийского мага, подумал Паллантид, толкнул ногой низенькую дверь, болтавшуюся на ржавых петлях, и, согнувшись, вошел внутрь. Альяс юркнул следом.

Либо тут никто не жил, либо обитала самая мерзкая и грязная гиена в подлунном мире. На земляном полу валялись осколки глиняных кувшинов и кружек, тряпки, кости с огрызками жил и засохшие корки.

Посредине громоздился трехногий стол; его четвертая ножка лежала рядом, серая от пыли. Впрочем, пылью здесь было покрыто все — и громадные покосившиеся табуреты, и дубовый топчан, на котором могли бы поместиться три бритунских наемника со своими подружками, и полки с растрескавшейся посудой... Паллантид наморщил нос и хмыкнул. Хозяина этой лачуги вполне можно было бы переселить в королевский зверинец, в клетку к самым грязным тварям вроде краснозых дарфарских обезьян!

Он негромко свистнул и замер, прислушиваясь; Альяс за его спиной почти не дышал. Нет ответа! Однако чутье, никогда не подводившее Паллантида, подсказывало, что в доме кто-то есть — зверь или человек, но какое-то живое существо, быть может, спрятавшееся или погруженное в дремоту.

Пробормотав проклятье, командир Черных Драконов снова свистнул, погромче. В ответ за стеной раздалось неясное урчание или храп; то ли там кого-то душили, то ли под ножом мясника расставался с жизнью годовалый кабанчик. Паллантид выхватил свой широкий пря-

мой меч, кивнул Альясу и решительно двинулся в соседнюю комнату.

Там, на огромном топчане, родном брате первого лежбища, валялось нечто храпящее и стонущее, что-то неопределенных очертаний, продолговатое и длинное, заваленное грудой тряпья — будто бревно, накрытое одеялами. Генерал покосился в сторону Альяса, и тот, вытащив кинжал с изогнутым лезвием, брезгливо подцепил концом клинка ворох грязных тряпок и сдернул его. Бревно оказалось одетым — в потрепанную черную хламиду и разбитые сандалии, торчавшие из-под нее. С другой стороны находилась голова с ястребиным носом и темной клочкастой бородой, с распяленным ртом, издававшим временами хриплые стонущие звуки. Воздух над спящим насыщали винные пары и, судя по запаху, пойло, которое он потреблял, было из самых дешевых и самых крепких.

— Стигиец, — заметил Паллантид, обозревая смуглую физиономию с загнутым крючком носом.

— Стигиец, — поддакнул Альяс. — Тощий, длинный и грязный, как говорили на базаре. А хозяин мой добавил, что нужно побережся, дабы он не превратил нас в червей или тараканов.

— Этот ублюдок способен только превращать вино в мочу, а хлеб — в дерьмо, — сказал командир гвардейцев.

Альяс, присмотревшись к спящему, ухмыльнулся.

— Пожалуй, ты прав, господин, на мага он не похож.

— Не похож. Не церемонься с ним, парень! Буди!

Поколебавшись мгновение, Альяс ткнул своим ножом в ребро стигийца. Храп смолк, сменившись сонным вскриком; затем лежавший на топчане человек приоткрыл глаза — черные, как маслины, мрачные и затуманенные с похмелья. Рука его шевельнулась, потерла бок, ужаленный клинком, под пальцами проступила капля крови. Видимо, он почувствовал боль; лоб пошел морщинами, глаза недоуменно уставились на Паллантида.

— Ты — Нох-Хор? — спросил генерал. — Нох-Хор, стигиец?

Человек в черной хламиде моргнул, просипел что-то неразборчивое и попытался сесть, но члены плохо ему повиновались. Паллантид сильно ударил его мечом по ногам, хлестнул плетью, словно плетью.

— Отвечай, пес! Отвечай слуге короля, стигийская собака! Ты — Нох-Хор?

Вскрикнув, стигиец поджал ноги и все же ухитрился усесться на своем топчане, скорчившись и обхватив колени.

— В Луксуре меня звали Нахаасом, — пробурчал он.

— Господин! Ты забыл добавить — господин! Ну-ка, повтори!

Клинок Паллантида ударил стигийца по плечу.

— Мое имя — Нахаас, господин! — выкрикнул тот, прикрывая голову руками.

— Вот, уже лучше, вонючий шакал... Но говорят, иногда ты называешься Нох-Хором?

Стигиец вроде бы начал трезветь и с ужасом уставился на меч в руках командира гвардейцев; потом глаза его метнулись к кривому ножу Альяса.

— Нох-Хор, — пробормотал он, — да, Нох-Хор... Так велел мне назваться желтокожий... Богатый господин, щедрый! Велел проследить кое за кем, назваться жрецом Сета и кое-что передать... Хорошо заплатил!

Густые брови Паллантида полезли вверх.

— За кем проследить и что передать? И этот желтокожий... Какой он из себя? Говори, шакал!

— Желтокожий и узкоглазый... видать, из Кхитая или Камбуи... Старый, рожа плоская, как доска... Одет был богато...

— Минь Сао, — заметил Альяс. — Ну, хозяин мой удивится!

— Как звали его, не знаю, — монотонно пробубнил стигиец. — Встретился он мне на базаре, где я снадобьями торговал... Присматривался ко мне, присматривался, потом велел службу сослужить... Заплатил хорошо...

— Это я уже слышал!

Нахаас испуганно сжался от рыка Паллантида.

— Что он велел передать? И кому?

— Дал мне ларец с мешочком и склянкой, господин. В мешочке — порошок черного лотоса, а в склянке — такое зелье!.. Такое зелье!.. — Нахаас мечтательно закатил глаза. — Любой замок — твой! Капнешь, и железо осыпается пылью! Я попробовал...

— Дальше!

— Этот ларец я должен был передать одному кофийцу... шуплый такой, с мордой, как у крысы... Подстеречь, назначить встречу и передать, не говоря, что ларец тот получен от желтокожего... Ну, я все и сделал... сделал по-честному, разве что из склянки две капли себе отлил... только две капли, клянусь, господин!

— Чтоб от этих капель сам ты обратился в ржавчину! — Паллантид в раздражении вскинул клинок. — Я не о том спрашиваю, сколько ты зелья уворовал, вонючая гиена! Ты мне скажи, что желтокожий велел передать кофийцу! И лгать не смей, ибо моими устами тебя спрашивает король! А рука короля — длинная, сильная и жесткая, как стальные клещи!

От этих грозных слов Нахаас окончательно протрезвел, сполз с топчана и повалился Паллантиду в ноги.

— Не погуби, господин! Виновен я, виновен в дурном умысле! Соблазнился проклятым золотом кхитайца, да впрок оно мне не пошло, все пропил, прогулял! Пощади! — Вопли его перешли в неясное бормотание, и командир стражи ткнул Нахааса сапогом в грудь.

— Виновен, так признавайся! Или хочешь свести знакомство с королевским палачом?

— Не хочу, господин, — стигиец поднял залитое потом лицо и забубнил: — Полагалось мне напугать и ободрить кофийца — прикинуться Нох-Хором, жрецом из Кемп, великим магом, чародеем из тех чародеев, что взысканы Великим Сетом... И должен был я сказать кофийцу, что задуманное им будет поддержано мной, а в знак этой поддержки и передать ему ларец с зельями да

объяснить, какое зелье к чему, и как надлежит ими пользоваться. А о том, что собирался сделать кофиец, я знать не знаю и ведать не ведаю, милостивый господин! О том желтокожий мне не говорил, но велел только, чтоб от вида моего устранился и поверил, что я — великий маг!

— Твоим видом не напугать даже шакала, — усмехнулся командир Черных Драконов. — Ты выглядишь не колдуном, а пьянчугой и мошенником!

Нахаас робко ухмыльнулся в ответ.

— Так ведь и кофиец этот был не мудрее осла! Увидел, что я стигиец, что у меня шкатулка с колдовскими зельями, и затрясся, как страусиный хвост! Не знаю, чего он потом натворил, и знать не хочу! Я к его делам не причастен!

— Причастен или нет — то решать королю, — сказал Паллантид, сунул меч в ножны и поволок стигийца к двери. Тот не сопротивлялся; видно, совсем сомтел от страха. Альяс, хитроглазый служитель шемита, шел следом, пинал пленника в тощий зад и приговаривал:

— Вот колдун, так колдун! Ни кожи, ни мяса! Тебя Иракус жрать не станет, великий чародей! Ну, ты не беспокойся: откормишься у моего хозяина на обедках, отмоют тебя да сунут в бассейн... Глядишь, зубастый и не побрезгает!

Нахаас, стигийский мошенник из Луксура, тихонько подвывал от ужаса.

* * *

— Ты жив и благополучен, мой государь!

— Я — жив! А демон сгинул. Рассыпался прахом!

Они обменялись приветствиями, и Конан уселся напротив шемита, подложив под спину жесткие кожаные подушки, принесенные Салемом специально для него. Кусты и деревья тихо шелестели под вечерним ветерком, дувшим с речного берега; солнце, глаз Митры, касалось нижним краем беленой садовой стены, в бассейне плес-

кал водой Иракус, почесывал шипастую спину о столбы, на которых держалась клетка. Обозрев эту мирную картину, король перевел взгляд на кувшин и полные кубки, стоявшие перед Сирамом, и на самого хозяина, облаченного, как всегда, в серую хламиду.

— Третий раз ты в моем доме, господин, — произнес шемит, — но ничего не ешь, а только пьешь. Это вредно для здоровья! И потому я велел сегодня приготовить такое блюдо, от коего ты не откажешься ни за что.

— Какое?

— Не торопиться, мой господин! Сначала мы отведаем кровяной перченой колбасы из Шамара, потом — гуся, фаршированного лимонами и яйцами, запеченного в гранатовом соку, потом передохнем, пожевав туранских лепешек с начинкой из мака, фисташек и сладкого творога... А вот потом!.. Потом я предложу тебе отведать нежнейшего козленка по-киммерийски! Что скажешь?

— Скажу, что в Киммерии козлятину едят сырой или слегка прожаренной над костром. Я-то съем, а вот тебе такое блюдо будет не по вкусу!

Сирам надул пухлые щеки.

— Клянусь Мардуком, господин, мой повар Кириум из Офира — непревзойденный мастер по мясным блюдам! И он знает, как готовить козленка по-киммерийски лучше самих киммерийцев! Он подаст его нам с приправой из соленого козьего сыра, а уж сыр-то этот мне доставили прямиком из Киммерии!

— Ну, раз так, — сказал Конан, — я с тобой сегодня потрапезую. Любопытно мне поглядеть, как офирец приготовит жаркое из киммерийского козла.

— Козлик — аквилонский, рецепт — киммерийский, — уточнил Сирам.

— Пестрая будет компания за нашим столом. Ты — шемит, я — киммериец, а козел — из Аквилонии... Может, еще и стигийца пригласить? Этого Нох-Хора, луксурского жулика?

— Нет, не нужен он нам, повелитель. Альяс, мои

уши и глаза, все передал, все рассказал в подробностях, и теперь могу я тебе поведать, что не было ~~многих~~ воров, стийского мага и демона, Марциана и Каборры, а был один вор, чародей Алого Кольца, что пробрался к тебе под личиной посланника Минь Сао. Это он так и этак прошупывал двери твоей сокровищницы, наводил на ложный след, старался запутать тебя и подставить под твою карающую руку всяких недоумков. Ну, теперь он мертв, и это все о нем!

— Он мертв, а камень не найден.

— Зато все лишнее отброшено, все странное объяснено, так что нам легче добраться до истины. И думаю я, мой государь, что сегодня все и разрешится. Думаю, что скажешь ты мне что-то такое... — Сирам неопределенно пошевелил толстыми пальцами, — что-то важное, решающее для всего дела. Вот припомни-ка, с кем ты встречался прошлой ночью, утром и днем?

— Демон... — произнес Конан.

— Забудем о демоне! Он, как ты сказал, рассыпался прахом! И пусть над ним проливает слезы Нергал!

— Тогда о стигийце...

— И о нем забудем тоже! Он — выжатый плод, и пусть сидит в башне под надзором твоих палачей. Кого еще ты видел?

— Приходил Фарнан. Парень его здоров, и Митра надоумил ювелира сознаться во всех грехах.

Вытащив из-за пазухи рубин, король бросил его на колени Сираму, а потом принялся рассказывать о мастере и его таинственном заказчике, тонком и хрупком, благоухавшем благовониями. Глаза шемита раскрывались все шире и шире, а когда речь зашла о сладких запахах, исходивших от незнакомца, он как бы подпрыгнул — вернее, совершил попытку приподняться, но тут же осел на мягкие подушки.

— Видишь, государь, вот еще одно следствие смерти кхитайца. Погиб он, чары рассеялись, и большой камень, соблазнивший Каборру, стал маленьким, а сын ювелира исцелился...

— Так ты полагаешь?.. — Конан вопросительно изогнул бровь.

— Конечно, мой господин! Неспроста заболел этот мальчик, неспроста! Сглаз и наговор — простая работа для искусного мага... И он знал, к кому пойдет Марциан, знал! Ибо этот Фарнан и в самом деле искуснейший мастер! — Шемит поднял рубиновую сферу на трех растопыренных пальцах и залюбовался игрой багрового и алого.

— Оставь и этот камень себе, — сказал Конан.

Сирам вытащил из-под сиденья шкатулку, бережно поместил в нее третий огромный самоцвет и поставил ларчик у коленей.

— Ты щедр, владыка! Ты даровал мне три рубина, каких не видел мир! Это слишком большая плата за мои труды.

— Найдешь талисман, получишь еще больше.

— Грр... Не хочу ловить тебя на слове, мой господин, но я уже его нашел. Я чувствовал, что ты скажешь нечто...

Но король не дал ему закончить речи. Его огромная рука потянулась к вороту шемита, щеки побледнели, а шрамы налились кровью; в синих грозных глазах вспыхнул огонек.

Затем, опомнившись, он отвел руку, приподнялся на коленях и придвинулся ближе к спокойно взирающему на него Сираму.

— Перестань болтать, приятель! Где талисман? Где он?

Шемит ухмыльнулся прямо в лицо королю.

— Не ведаю! Точно знаю, кто его взял, а вот куда положил, о том могу лишь догадываться... Ну, рубин рубины любит! Так что...

— Кто взял?! — взревев, Конан обрушил кулаки на пол веранды. — Кто?! Кишки на меч намотаю! Печень вырву! Вырежу сердце! И кожу... кожу... полоскаю... Кто?!

Сирам, однако, не испугался королевского гнева, а подвинул ему кубок и сказал:

— Выпей, господин мой, успокойся и послушай меня.

Вино и в самом деле немного успокоило Конана. Он был по-прежнему возбужден, но теперь жаждал выслушать шемита, ибо услышанное им оставалось пока неясным.

Как это понимать: нашел камень, но не ведаешь, где он? В точности знает вора, однако...

Голос Сирама прервал его лихорадочные размышления.

— Помнишь ли, владыка мой, что я говорил тебе о тайнах? Тайна лишь то, о чем знал один человек, да забыл! Вот и я уже забыл эту тайну, ибо она не моя. Ты же не гневайся и рассуди по-разумному: нужен ли тебе сейчас талисман?.. и нужен ли похитивший его?.. Нет, не нужны! Камень понадобится тебе там, на южных рубежах, когда ты будешь стоять перед войском вместе со своей прекрасной королевой и наследным принцем. Вот тогда он и явится, клянусь утробой Мардука!

Конан, успокоившись после гневной вспышки, допил вино и в удивлении покачал головой.

— Странно! Ты произнес почти те же слова, что и Хадрат, жрец Асуры... Странно и поразительно!

Глазки шемита сверкнули любопытством.

— Вот как! А что говорил тебе почтенный Хадрат? Ты можешь вспомнить поточнее, мой повелитель?

— Сказано было, что раз бог его, всевидящий Асура не узрел зла, значит, его не существует. И еще сказано, что пути богов, как и магических сокровищ, даруемых ими людям, неведомы никому, загадочны и скрыты мраком тайны; что сокровища эти могут уходить и приходить по своей воле, менять господина, ускользать из нечистых рук, прятаться и вновь появляться на свет... И потом он сказал непонятное: кто знает, украден ли в самом деле твой камень? Возможно, он лишь затаился до срока и явится в самый нужный момент...

— Хмм... А что ты ему ответил?

— Что моя королева толкует о том же.

Шемит в задумчивости сгреб в кулак свой огромный нос и дернул его, будто собирался выдрать с корнем, как бесполезный сорняк, выросший у него на лице вместо сладкой моркови. Потом он почесал левую щеку, правую, огладил бороду, и пробормотал:

— Счастлив мой жребий! Счастлив, ибо в последние дни узнал я тебя, великий владыка, а через тебя — двух мудрых людей: твою королеву и почтенного Хадрата. А что в этом мире, полном пакости, мерзости и всяческого непотребства, может быть приятнее? Прикосновение к мыслям мудрых всегда дарует мне счастье... да, счастье и сознание того, что я не менее мудр, раз могу оценить их по достоинству...

— Перестань хвалиться своей мудростью, — сказал Конан. — Лучше не крути и не морочь мне голову своими тайнами, а Расскажи, что ты знаешь о талисмани.

— Доподлинно лишь одно: в нужное время он будет у тебя в руках. Не беспокойся, мой владыка, я не пытаюсь ни утешить, ни обмануть тебя; я говорю правду!

— А если нет?

— Тогда... — Взгляд шемита устремился к раскрытой шкатулке у его колен.

Багровые камни поблескивали своими гранями — казалось внутри них переливается пламя. Что и говорить — ювелир постарался на славу. Эти рубины были неотличимы от Сердца Аримана.

— Тогда я проглочу эти три огромных камня и сдохну в мучениях! Умру на твоих глазах! Ибо я не беру платы зря, мой господин.

Конан вздохнул, в свой черед посмотрел на три больших рубина и на четвертый, с горошину, затерявшийся меж ними, и произнес:

— Ну, Нергал с тобой! Сохрани эти камни до моего возвращения; может, тебе и придется их проглотить. А сейчас... сейчас пусть твой офицер тащит нам козла по-киммерийски. Но если жаркое будет не той сочности, как полагается, я брошу его крокодилу — вместе с поваром!

Глава 12. На рубеже Офира

Сстрой закованных в сталь воинов перегородил равнину. Здесь, в холмистой степи, сходились границы трех держав. Отправившись на север, путник за три дня мог достичь стен Бельверуса, немедийской столицы; на северо-западе лежали аквилонские города, Шамар на Тайборе и Тарантия, раскинувшаяся на берегу Хорота; а если двигаться на юго-восток, то вскоре над горизонтом должны замаячить башни древней Ианты, первого и богатейшего из городов обильного золотом Офира. До Ианты было ближе всего — два дня пути; и туда Конан, король Аквилонии, собирался вести свое войско.

Сорок шесть тысяч бойцов замерли перед ним, ожидая сигнала боевых труб и барабанов.

В центре стояли пешие гандерландские легионы, непобедимая пехота гандеров, коей не было равных в хайборийском мире. Впереди — щитоносцы, с широкими мечами в полтора локтя и прямоугольными щитами, что прикрывали воинов от подбородка до коленей; они казались стальным змеем из множества сегментов, вытянувшим свое огромное бронированное тело поперек равнины.

На флангах и за гандерландскими легионами собралась в три плотных квадрата конница. Половину ее составляли рыцари, воины из благородных аквилонских родов, сидевшие на могучих жеребцах; щиты у них были круглыми, шлемы — высокими и украшенными плюмажами из перьев, пики достигали девяти локтей в длину, мечи, боевые топоры, молоты и палицы позволяли сечь и бить с седла.

Это конное воинство было цветом Аквилонии, символом ее могущества и непобедимости; никто, исключая стойких гандерландцев, не мог выдержать удара этих конных бронированных тысяч, подминавших любого противника будто гигантский каменный жернов, пущенный с высокой горы.

Позади строя рыцарей располагалась легкая кавалерия, набранная из жителей плодородных равнин, что лежали на западе страны, меж Хоротом и рекой Широкой.

Меж тремя конными regimentами и дальше, за ними, растягивая вторую линию войска до шести или семи тысяч локтей, располагались пешие отряды легковооруженных.

Были тут пехотинцы-дротикометатели из-под Шамара, Танасула, Галпарана и других городов; облаченные в легкие шлемы и доспехи из бычьей кожи с металлическими пластинами на груди, они прикрывались небольшими, но прочными щитами и, кроме десятка дротиков, были вооружены мечами — такими же короткими, широкими и губительными, как у гандерландских щитоносцев. Были тут арбалетчики, набранные под Тарантией, в королевском домене — рослые светловолосые и светлоглазые хайборийцы, потомки племен, сокрушивших некогда твердыни Ахерона. Каждый нес тяжелый самострел и три дюжины железных болтов, способных пробить дубовую доску с расстояния двухсот шагов. Кроме стрелкового оружия, имелись у арбалетчиков еще и длинные кинжалы, топоры с двумя лезвиями, крюком и острием, перевязи с метательными ножами и шипастые кистени.

Были тут и знаменитые боссонские стрелки со своими огромными луками, метавшими стрелы на тысячу локтей; они выпускали снаряд за время трех вдохов, и никто на всем просторном Гирканском материке, никто от Западного океана до Восточного, не умел метать стрелы быстрее, дальше и точнее. Но боссонцы были не только непревзойденными лучниками; они, жители Пограничья, закаленные в схватках с пиктами, не боялись и рукопашной схватки. Щитов у них не имелось, ибо щит — помеха лучнику; но секиры и клинки в их руках косили врагов с той же губительной силой, как ливень длинных стрел с гусиными перьями и гранеными наконечниками.

В третьей линии войск стояли отряды отборных мастеров — тех, что способны вырубить дорогу в лесах и скалах, снести холм и выкопать ров, выстроить мост или подготовить переправу из надутых воздухом бурдюков, починить оружие, выковать клинок и топор, выточить стрелу.

Иные же искусники трудились во время сражения или осады у катапульт и баллист, метавших камни, глиняные ядра и горшки с горючим зельем, у таранов, прошибавших ворота, и высоких голенастых журавлей, поднимающих на стены осаждаемого города платформы с воинами. Были и те, что занимались врачеванием — ученики из храмов Митры, еще не прошедшие посвящения в жреческий сан, не давшие священных обетов и потому могущие не только лечить, но и прервать нити жизни, когда исцеление невозможно, а муки смертельно раненого лишь тешат Нергала.

Были еще погонщики и конюхи, охотники и разведчики, пастухи и возницы, повара и слуги, и те, кто приглядывал за обозом, за лошадьми, собаками и посыльными голубями, за палатками и сундуками нобилей и королевским добром. Но эти люди в число бойцов не входили, и потому, армия была тысяч шестьдесят.

Могучее войско, великая сила, собранная в крепкий кулак!

Однако мощь этой армии заключалась не только в ее многочисленности и воинском искусстве, не только в превосходном вооружении, отваге бойцов и мудрости полководцев, но и в верности. Все они были аквилонцами — и те, что пришли из Боссонских Топей и с гор Гандерланда, и те, что явились с равнин меж Широкой и Хоротом, и те, что слышали королевский призыв в стенах Велитриума и Галпарана, Танасула и Тарантии, Шамара и Таброния.

Среди них не имелось чужеземных наемников, ни бритунцев, ни немедийцев, ни туранцев, ни воинов ледяного Ванахейма, снежного Асгарда или холодной Гипербореи.

Правда, киммерийцы и гирканцы были: сам король, повелитель страны и армии, и неизменный его наперсник Паллантид.

Конан, в броне и короне, сверкавшей в черных волосах, возвышался на своем могучем скакуне будто скала — лицом к войску, спиной к офирскому рубежу, который его солдаты должны были вскоре переступить; слева от него, на караковой кобыле под алой попоной, сидела Зенобия, справа, в сопровождении наставника Эвкада, гарцевал юный принц, сверкая оружием и доспехами.

Его шлем и панцирь, вместе с наплечниками, налокотниками и набедренниками, был выкован и набран превосходно — из аквилонской стали, сиявшей серебром в лучах утреннего солнца. Отличный и надежный доспех! Вот только щит великоват для детской руки... Однако красив — тоже с двумя чеканными золотыми львами, с окованным сталью краем и выпуклым заостренным рогом в центре.

Зенобия тоже сверкала и сияла — в короне и алом бархатном платье, с рубиновой заколкой на груди и с золотым поясом. Но богатое убранство лишь оттеняло ее красоту, ее глубокие темные глаза, ее белые руки и плечи, казавшиеся изваянными из алебаstra, ее губы и тонкие пальцы, стрелы черных ресниц и волосы, походившие на морскую волну. Лицо ее было спокойным, но Конану чудилось, что оно озарено каким-то затаенным светом, будто Зенобия чего-то ждет, готовится к некому торжеству, и ликующее предвкушение радости вот-вот вспыхнет в ее агатовых зрачках.

По контрасту с королевой Паллантид, восседавший на коне перед строем Черных Драконов смотрелся угрюмым; если не считать Зенобии и Конана, он единственный знал, что Сердце бога разыскать не удалось, и что этим ярким солнечным утром войско талисмана не узрит. Вероятно, по сей причине смуглое лицо Паллантида казалось еще темней; брови его хмурились, губы кривились, а на лбу пролегли глубокие морщины.

Глядя на него, Конан подумал, что и сам, пожалуй, выглядит мрачновато; хоть и помнил он заверения Си-рама, но с каждым мигот надежда обрести талисман таяла, как ванахейские льды под летним солнцем. Вот стоит он на склоне пологого холма, с женой, сыном и свитой; стоит перед многотысячным своим войском, а камня все нет и нет... Да и откуда он возьмется? Упадет с неба или вырастет из-под земли подобно сверкающему волшебному цветку?

Что ж, промелькнуло в голове у короля, не в одном камне заключены могущество и сила Аквилоний. Они в нем самом и в его воинах, которых он поведет на юг; с талисманом или без него, но поведет! И добьется победы!

Взгляд его скользнул по застывшему воинству, по всадникам, замершим, точно статуи, откованные из железа, по ровным и грозным шеренгам гандерландцев; Просперо, его полководец, кончил объезжать их строй и сейчас, нахлестывая коня, приближался к своему владыке. За ним мчались предводители отрядов, звеня оружием и броней; сотня высших командиров, тысячники, графы и бароны, сопровождаемые посыльными, гонцами и стражей. Их пестрая кавалькада достигла подножия холма, на котором расположился король с Черными Драконами, и остановилась; дальше Просперо поехал один. Он был в панцире и синем плаще, но без шлема; он улыбался и склонял голову, приветствуя своего короля.

— Великий день, мой владыка! Столь же великий, как тот, когда мы разгромили полчища Тараска!

— Великие дни еще впереди, — сказал Конан. — Дни, когда падут стены Ианты и Хоршемища, когда флот Аргоса и Зингары выйдет в море под аквилонским флагом.

— Но можно ли в том сомневаться, мой господин? Можно ли сомневаться в победе?

Просперо поклонился венценосцам и голос его загремел над равниной и притихшим войском.

— Ведь вы с нами, повелители, все трое! Ты, наш могучий владыка, подобный урагану над степью, сокрушающий стены городов, несущий погибель врагам! Ты, наша прекрасная владычица, чья мудрость — щит за спиной короля, чье милосердие — узы его ярости и гнева! И ты, молодой Конн, львенок из логова львов; ты, юный воин, чьи свершения еще впереди, чьи победы — в грядущем, чья зрелость станет торжеством Аквилонии! Вы с нами, все трое! Вы с нами, и с нами великий талисман, божественное Сердце! Кто же из вас явит его войску? В чьих руках сверкнет его пламя, суля победу Аквилонии и поражение врагу! Кто протянет длань с Сердцем Бога?

Наступило молчание, и в груди Конана что-то тревожно сжалось.

Он оглянулся на жену и сына; Зенобия была спокойной, а юный принц с восторгом озирает шеренги всадников, стрелков и пехотинцев. Он был еще слишком молод, чтобы понимать значение символов; он не знал еще, что храбрость и воодушевление сильнее стальных клинков, копий и стрел.

Пальцы Конана с силой стиснули узду вороного жеребца, лицо окаменело. Просперо повторил:

— Кто из вас, владыки, явит нам сокровище, Сердце Аримана, что хранит и ведет к победам великую Аквилонию?

И тогда над равниной и замершим войском прозвучал негромкий и чистый голос Зенобии:

— Король! Король, ваш владыка, явит камень!

Медленно и торжественно она повернулась к принцу, оглядела его гибкую ладную фигурку, сверкающую золотом, серебром и алыми рубиновыми огнями, а потом произнесла:

— Сын мой, дай свой щит королю. Он слишком тяжел для тебя и слишком дорог, чтоб его изрубили офирские клинки. Наступит время, ты вырастешь и обретешь силу мужа; тогда этот щит будет твоим. И щит, и то, что сокрыто в нем.

Принц, скорчив удивленную гримаску, отцепил от седла тяжелый сверкающий обод, приподнял его обеими руками и протянул отцу. Зенобия, улыбаясь, следила за ними; ее глаза сияли, как два черных алмаза.

— Он под рогом, мой муж и повелитель. Под рогом, что в середине щита. Возьми его!

Сильные руки Конана вмиг сорвали стальное острие, широкое в основании и походившее на миниатюрный шлем с заточенным граненым шпилем. Под ним было отверстие величиной с ладонь — тайник, в котором сияло нечто багряное, яркое, переливавшееся в солнечном свете тысячью полированных граней, метавшее алые сполохи, пылавшее яростным пламенем негасимого звездного огня.

Конан в ошеломлении держал щит перед собой как большое блюдо, а на нем, между двух золотых аквилонских львов, огромной каплей крови багровело Сердце бога, магическая искра, озаряющая тьму, в коей равно были заключены спасение и проклятие; великий талисман, пришедший издалека, из неведомых пространств и древних времен.

На мгновение королю почудилось, что в мерцающей его глубине всплывают образы тех, кто пытался похитить или защитить сокровище. Последним, затмевая череду иных обликов, всплыло лицо королевы, и Конан будто бы вновь услышал ее слова:

«Ты замыслил великое, муж мой, так будь же осторожен! И знай, что враги наши многочисленны и коварны, и они не дремлют! Им не сломить нас силой; значит, жди какой-то хитрости. Любой! Чародейства, измены, кражи!»

Но королева защитила талисман. Защитила от всего — от злого чародейства, от измены, от кражи! Спрятала так, как может сделать лишь мудрая женщина, чей разум опережает и коварство мага, и ловкость вора, и грубую силу грабителя, и мощь демонической твари.

Он поднял взгляд на Зенобию, будто вопрошая — что ж ты мне не сказала, красавица моя? Почему

заставила тревожиться? Почему не объяснила прямо, но лишь намекнула на добрые свои предчувствия? Почему? Почему?..

Но Зенобия лишь молчаливо улыбалась в ответ, и магия алых ее губ и сияющего торжеством взгляда пробудила в памяти Конана другие слова, сказанные шеми-том Сирамом, хитроумнейшим из хитроумных. Что он толковал о тайнах и секретах? Что тайна, о которой знают четверо, трое или хотя бы двое, не тайна; тайна лишь то, о чем знал ты один, да забыл!

Вот и Зенобия забыла; забыла до этого мига, что-бы вручить ему тайну как драгоценный дар, достойный короля.

Конан поднял щит, коснулся талисмана, и в глубине его вспыхнул багровый огонь.

Кровавый луч потянулся к югу, пал на офирский рубеж, пронизал незримую границу, пролетел над Офиром, над Кофом, над Шемом, пронесся над водами Стикса и, магическим предвестником грядущего, пал на Стигию.

Солдаты взревели, но голос Просперо перекрыл шум, грохот и лязг острой стали, звенящей о щиты.

— За Аквилонию, вперед! — ревел полководец.

— За Аквилонию, вперед! — вскричал Паллантин; смутное лицо его сияло, зубы щерились в хищной улыбке.

— За Аквилонию, вперед! — повторил Конан, владыка и повелитель, господин над жизнью и смертью, избранник богов.

Он склонился в седле, поцеловал тонкие пальцы своей королевы и махнул рукой. Грозами Крома грохнули барабаны, стон боевых труб взвился к небесам; колыхнулись знамена, затрепетали вымпелы, засверкала на солнце бронза и сталь, заржали кони, и мерный топот тысяч копыт и подкованных железом сапог разнесся над равниной.

Армия Конана, аквилонского короля, двинулась на Ианту.

Пролог

Вон из моего дома, ищачий помет! Забирай свои дурацкие побрякушки и убирайся! Твой хозяин — лжец и сын лжеца! Он еще заплатит мне неустойку за то, что подсунул такое барахло!

Маленький кхитаец пятился под натиском огромного брюха звездочета, бормоча на ходу:

— Неужели почтенному Бахраму не понравился ковер? Если нужны другие цвета или ворс недостаточно мягок, мастер Тай...

— Чтобы я больше не слышал этого имени! — взревел почтенный Бахрам, багровея. — Клянусь Эрликом, еще ни один человек не посмеялся надо мной столь недостойным образом! И не пристало мне, постигающему тайнопись природы, избраннику Единого, читающему как в раскрытой книге тайные предназначения Судьбы, объясняться с ничтожным слугой ничтожного ткача! Убирайся, или я велю слугам гнать тебя палками до самого города! И никаких свадеб! Если этот узкоглазый полукровка еще раз сунется в мой сад, клянусь милостями Эрлика...

Но тут из-за резной решетки окна раздался тонкий девичий крик, а вслед за ним столь бурные рыдания, что Бахрам, крикнув напоследок:

— Вон, нечестивец! Передай своему хозяину, что я буду оставлять на его ковре дорожные туфли, входя в дом! — захлопнул за кхитайцем ореховую калитку с вырезанными на ней многочисленными магическими символами и знаками и устремился к дому.

Старый слуга постоял еще, слушая, как осыпает жестокого отца упреками дочь, прекрасная Фейра, поцокал языком, покачал головой. Бережно завернул в шелковый плат отвергнутый Бахрамом свадебный подарок.

А как выбирал его хозяин на огромном базаре Хоарезма! Едва объявлен был сговор, старый ткач сам отправился с сыном в ювелирные ряды и разыскал

эти свадебные украшения работы вендийского мастера. Здесь были золотой тяжелый браслет, большие серьги, бусы и золотая цепочка, что по старинному туранскому обычаю дарит жених невесте в знак неразрывности их союза, — все вещи с крупными рубинами редкой чистоты. Торговец запросил немислимые деньги, но мастер Тай только взглянул сыну в глаза — и заплатил, не торгуясь.

В сыне, красавце Юлдузе, унаследовавшем от матери-туранки смуглую кожу и темные миндалевидные глаза, а от отца — невысокий рост и маленькие руки и ноги, Тай Цзы видел смысл всей своей жизни.

Приехав в Туран совсем юношей, он выучился у хоарезмских мастеров ковроткачеству, но изображал не затейливые узоры и сложные орнаменты с вплетенными письменами, а бабочек, птиц, барсов и леопардов, цветы и травы. Да так искусно, что за его коврами вскоре стали приезжать купцы из самого Аграпура и иных, более дальних городов. Про его ковры говорили, что, когда на них выткано отражение луны в озерной глади, его хочется зачерпнуть ладонью.

Тай Цзы выстроил себе в Хоарезме богатый дом, стал именоваться — мастер Тай, завел большую мастерскую, набрал учеников. Не прошло и трех лет, как он посватался к дочери своего соседа, такого же ткача, и луну спустя Наирин вошла в его новый дом.

А через год родился Юлдуз, наследник.

Мастер Тай рано овдовел — его сыну тогда не исполнилось и пятнадцати лет. Горе его было безмерно. Но время лечит все раны, и, оправившись от потери, Тай всю свою любовь и мудрость отдал сыну. К двадцати годам мальчик превратился в статного, красивого юношу, и лишь чуть раскосые глаза выдавали в нем полукровку. Отец передал сыну все секреты своего мастерства, научил видеть красоту в самом невзрачном цветке. Старость подбиралась к мастеру, глаза его видели все хуже, теперь он садился за ткацкий стан только ради особых заказов. Юлдуз работал за двоих, но учеников

распустил. При накопленных отцом деньгах они могли бы жить безбедно и не работая, но юноше нравилось его ремесло, нравилось, что заказы на ковры делались за полгода вперед, так много было желающих иметь на тахте или на стенах ковер из мастерской Тая.

Но когда натянутая основа стала простаивать на станах, когда на рисунках к новым коврам среди зарослей олив и тамарисков стала появляться тонкая девичья фигурка с черными косами почти до пят, мастер Тай, как ни был близорук, а разглядел, что близка свадьба.

Астролог Бахрам был частым гостем в его доме, да и Тай Цзы нередко наезжал к нему в уединенную усадьбу над горным озером. Ниже по склону ютилась маленькая деревушка, по весне утопающая в бело-розовом цвету садов. От нее вилась широкая тропа, вливаясь в дорогу на Хоарезм, до которого от той развилки было не более полудня пути, и то если идти весьма неспешным шагом.

Старики любили сидеть на тенистой веранде за кувшином вина и кальянами, глядеть на дорогу, по которой пылят идущие в Хоарезм караваны, и вести долгие беседы о том, как толкуют совмещения звезд в Туране, и как в Кхитае; что вернее: сухие стебли тысячелистника или потроха черной курицы, убитой на новолуние. Единственный раз приехал в дом мудреца Бахрама Юлдуз — по настоянию отца, из вежливости — и с той поры не знал покоя, увидев чернокосую Фейру.

Бахрам был не прочь отдать дочку за сына старинного приятеля, но поставил условие: мастер Тай своими руками соткет ему особый, невиданный ковер. Они долго обсуждали, заперевшись, каким он должен быть, этот особый ковер, и, вернувшись в Хоарезм, мастер Тай сел за работу в своей маленькой мастерской, куда не пускал никого, даже сына.

Тем временем был объявлен сговор, и Юлдуз целую луну — пока отец работал над ковром — ежедневно приезжал к Чистому озеру. Близился Весенний праздник Откровения Тарима, зацветали сады, словно наряжались

ради скорой свадьбы. Через месяц почтенный Бахрам получил ковер и велел присылать свадебный дар и готовиться к торжеству.

Тем же вечером, торопясь успеть до удара большого гонга, возвещавшего конец базарного дня, отец с сыном оправились в ювелирный ряд и купили драгоценности невесте. А наутро старый Чонг, служивший хозяину еще в Кхитае, отправился к дому над Чистым озером...

Чонг еще раз вздохнул — и пошел прочь. Очень ему не хотелось огорчать хозяев — старого, что ковер не пришелся по нраву, молодого — что сватовство, как видно, не состоялось. Какая-то блажь нашла на вспыльчивого, капризного астролога, у которого в доме не задерживался более года ни один слуга и с которым мог ладить только терпеливый мастер Тай. Известно ведь, мудрецы подчас ведут себя совсем как избалованные дети...

Однако ковра Бахрам не вернул, в чем старый Чонг видел добрый знак. Может, каприз пройдет, и все еще наладится.

Утешая себя этой мыслью, кхитаец встряхнулся и зашагал по широкой дороге, обсаженной пыльными карагачами. Солнце садилось, а вернуться в город надо было до заката.

С последними криками петухов закрывались большие ворота Хоарезма, и опоздавшему приходилось ночевать в поле.

Глава 1. Ночной визит. Мишрак

В тесное помещение караулки при огромном дворе казарм вошел маленький невзрачный человечек и, щуя глаза с темноты на яркий свет факелов, проговорил:

— Не подскажут ли мне доблестные воины, где я могу найти неустрашимого Конана-киммерийца, унбаши непобедимой армии повелителя Илдиза?

— А на что он тебе? — грубо перебил его один из стражников.

В руке человечка звякнули монеты.

— Господин мой велел не отвечать на праздные вопросы, но разрешил проявить щедрость. Так где я могу найти Конана?

Под алчные взгляды солдат серебро перекочевало в карман старшего.

— Что ж, я думаю, ты найдешь его в «Красном Соколе». Это к западу от храма Эрлика Вездесущего, на улице Двенадцати Ступеней.

— Благодарю тебя, украшение туранского воинства. Не найду ли я там же помощника его, Харру?

Но, получив деньги, стражники немедленно потеряли интерес к посетителю.

— Ступай, ступай. Они там наверняка половиной отряда.

Бормоча бесчисленные благодарности, человечек, пятясь, вышел из караулки. Оказавшись на улице, он вдруг выпрямился, отчего стал выглядеть лет на десять моложе, снял затертый халат, вывернул его и надел снова. Теперь по улицам Аграпура шагал не пожилой слуга, а молодой господин, зажиточный, самоуверенный и праздный. И когда он остановил запоздалого прохожего, чтобы справиться, как короче пройти к трактиру «Красный Сокол», тот объяснил поспешно и подробно, и долго еще кланялся вслед щедрому господину за брошенный на ходу медяк.

В «Красном Соколе» царила обычная вечерняя толчея. Пышная Пила, хозяйка заведения, каким-то непостижимым образом умудрялась обслуживать всех разом. Девушки ее сновали между столов из кухни в залу и обратно на кухню с подносами, заставленными всевозможной снедью и выпивкой. Пила не так давно выкупила трактир у прежнего хозяина. Он и при нем-то не пустовал, а бывшая танцовщица сумела сделать «Сокола» обычным местом сбора всех любителей вечерних развлечений пяти окрестных кварталов. Были здесь и

свои завсегдатаи, для которых Пила держала свободным отдельный стол — лучший, у окна. В этот вечер — как и в прошлый, и в позапрошлый — за ним сидели Конан, Харра и еще четверо солдат личной гвардии Повелителя Илдиза. Пила нет-нет, да улучала минутку подлететь к старым друзьям: перекинуться шепотом, залиться хохотом над нехитрой казарменной шуткой, и не слишком возмущалась, когда крепкая солдатская рука невзначай отшвыривала ей шлепка по пухлому задку. Несмотря на то, что в общей зале сновало туда-сюда не меньше полудюжины хорошеньких девчонок, дородной хозяйке неизменно оказывались подобные знаки внимания — не так давно она была самой дорогой шлюхой в округе. С тех пор ее немного разнесло, да и положение хозяйки таверны не позволяло опускаться до торговли собой, но она была все еще невероятно хороша, и любой из настоящих ценителей не отказался бы завалить ее на огромную постель в одной из верхних комнат.

Такая честь оказывалась, но не часто и лишь избранным. И Конан входил в их число.

Появившись в столице Турана, Аграпуре-иль-Раззуфе, то есть Аграпуре Слепительном более полутора лет назад, из множества самых разнообразных ночных заведений киммериец избрал эту тогда еще мало кому известную таверну. Сказать по правде, в первые месяцы службы в армии ему были просто не по средствам ни огромные пышные залы борделей улицы Цветных Фонарей с их бассейнами и фонтанами, с пестрыми мозаичными полами, с девушками, умевшими отнять у мужчины все силы без остатка; ни роскошные винные погреба Веселого квартала, где шум застолья перекрывало ворчание и гудение молодого вина в гигантских кедровых бочках.

Со временем владыка Илдиз сумел в полной мере оценить достоинства бесстрашного наемника-киммерийца, молодого, сильного гиганта, в котором неслыханная мощь сочеталась с кошачьей ловкостью и грацией. Не прошло и года, как Конан, отличившись в нескольких

боях, стал правой рукой Фархана, начальника своего отряда, а вскоре, письменным фирманом повелителя, сделался ун-баши сам. Учение у Фархана пошло ему на пользу, и короткое время спустя Коанан сумел заставить подчиняться себе всю дюжину головорезов, поступившую в его распоряжение.

Щедрость государя и сундуки богатых аграпурских ротозеев, чьи дома Конан посещал время от времени — разумеется, совершенно неофициально, — открыли ему двери самых дорогих увеселительных домов, коими изобиловала столица Турана. Киммериец прошел лучшую школу воровства, обучаясь этому искусству в столице воров, Шадизаре, и в короткий срок снискал себе титул короля воров. Аграпур, город сказочных богатств, имел, разумеется, свою гильдию Промышляющих-Под-Покровом-Ночи. Но Конан не пожелал сходить с местными мастерами, и лишь изредка наносил опустошительные визиты в сокровищницы столичных богачей. Искусство воровства требовало времени и внимания. К тому же, рассуждал он со всем простодушием варвара, раз уж он продал свой изворотливый ум и верную руку повелителю Илдизу, не следует одновременно искать себе славы на иных поприщах, пусть бы и более прибыльных.

Но когда молодость и азарт брали верх над благоразумием, — а это случалось нередко — наемник Конан превращался в разбойника Конана, а затем, если поход к сундукам бывал удачным, — в гуляку и кутилу Конана. В такие ночи золото текло рекой из его кошелька, и хозяйки самых прославленных, самых дорогих борделей, где в полумраке и дымке благовонных курений прячутся обольстительнейшие и искушеннейшие гурии, сами спешили открыть двери дорогому гостю. А слава, очень скоро ставшая здесь, как прежде в других городах и странах, верной спутницей Конана, открывала ему иные, более запретные двери. За резными калитками в высоких, неприступных стенах, окружавших дома вельмож и богатых купцов, его встречали жаркий страстный

шепот, нетерпеливые объятия и поцелуи прямо на пороге. И нередко просыпался он среди парчовых подушек на ложе томной красавицы, не знавшей иного гостя, кроме опостылевшего тучного старого мужа, нерадивого к своим обязанностям.

Но даже став ун-баши, киммериец предпочитал проводить свободные вечера здесь, в «Красном Соколе», чье нехитрое и пестрое общество, толчея, пьяные выкрики и хохот были Конану милее всех тех заведений, где любили отдыхать ленивые начальники гвардии и где из дружбы или любопытства иногда появлялся и он. Но ему скучно было ежевечерне мять благоухающие шелка гигантских постелей, на которых резвилось сразу по нескольку пар, или нежиться в бассейнах с розовой водой, где подносы с едой плавали среди лotosовых листьев, а нагие девушки алчно слизывали текущие по подбородку гостя вино и жир от жаркого.

Прежде чем войти в трактир, двуликий человек снова спрятал парчу под истрепанной хлопковой подкладкой, согнулся и придал своему лицу умоляющее выражение. Протолкавшись меж столов, он засеменил к Пиле, разливавшей вино по кувшинам:

— Достойная хозяйшкa, не укажешь ли, который из почтенных твоих гостей капитан Конан?

— Вон тот, — кивнула Пила в сторону хохочущего темноволосяного гиганта. — У окна с краю. А на что он тебе?

Но юркий человечек уже исчез в толпе. Секунду спустя он вынырнул перед киммерийцем и солдатами.

— Да простят меня доблестные воины, но мне нужно сказать два слова вашему начальнику и его помощнику.

Конан моментально перестал смеяться и положил ладонь на рукоять меча.

— Ты кто такой? Откуда ты здесь взялся?

Вместо ответа человечек, прижимая руки к груди, потянулся к уху грозного воина и что-то ему прошептал. Конан нахмурился.

— Харра, ты идешь со мной. А вы, ребята, долго здесь не засиживайтесь, завтра наша смена. Чтобы к утру у меня все сияли, как алмазы в короне повелителя. Ясно?

Солдаты заворчали в том смысле, что, мол, конечно, ясно, но не лучше ли им будет пойти с Конаном, потому как ночи нынче темные и одного Харры, если что...

— Я сказал, а вы слышали, — отрезал Конан. — А, Пила! Ну, разве что по последней.

Шумно выхлебав кружку, капитан кивнул своим, чмокнул Пилу и вышел вслед за семенящим посланцем. За ним вышел Харра, настороженный и молчаливый. В отличие от черноволосого, скуластого и синеглазого Конана, помощник его был рыж, круглоголов, а глаза имел желто-зеленые, хитрые донельзя. За своего ун-баши он был готов зарезать любого.

Ночной посетитель ему не понравился сразу, и потому Харра немедленно схватился за меч, когда тот, выйдя из трактира, вдруг распрямил спину и глянул на Конана молодыми смеющимися глазами.

— А теперь, — потребовал киммериец, — покажи мне знак.

Незнакомец с готовностью протянул ему старую истертую золотую монету. Конан покрутил ее в пальцах и вернул гонцу.

— Ну, — ворчливо сказал он, — зачем же я понадобился многомудрому Мишраку так срочно и в такой поздний час?

Услышав имя Мишрака, Харра было изумленно отвесил челюсть, но глянув на невозмутимого начальника, принял такой же безразличный вид.

— Это он пусть скажет тебе сам, — ответил посланец. — Мне было велено лишь разыскать и привести вас к нему, не привлекая ничьего внимания. Что я и делаю.

С этими словами он развернулся и пошел вперед, не утруждаясь проверить, следуют за ним вызванные или нет. Конан помянул Нергала и двинулся за посланником

главы тайной службы Повелителя Илдиза. Они шагали по ночному городу. Гонец Мишрака уверенно вел их по лабиринту темных улиц. Харра, ворча что-то о неугомонности тайной службы, не отставал от Конана ни на шаг.

Мишрак абн Сулейн был самой таинственной и самой значимой личностью в Туране — после самого Повелителя Илдиза. Поговаривали, что государь не делает и шагу без совета со своим всезнающим визирем. Его агенты и шпионы наводняли города, в каждом селении был свой тайный осведомитель, и Мишрак, сам едва способный ходить из-за давней болезни ног, всегда был в курсе всего, что происходит в стране.

Будучи сановником старым и опытным, он лучше других знал недостатки Илдиза и умел их компенсировать. Илдиз Великолепный, Повелитель Турана, был слаб здоровьем, вял и не слишком умен. Ни одна из его жен еще не принесла стране наследника, а трое дочерей Илдиза, все редкие красавицы, уже были выданы замуж в ближние и дальние союзные государства.

Поговаривали, что если бы не Мишрак, неусыпно следящий за всеми дворцовыми интригами, страна давно бы потонула в междоусобицах, ибо существовали младший брат государя с отцовской стороны, и племянник, сын брата любимой жены государя. Оба были молоды, энергичны и терпеть не могли друг друга. Повелитель Илдиз же души не чаял в обоих и непременно желал их видеть при дворе. Мишраку стоило большого труда уговорить Илдиза отдать одному Султанапур, а другому — Хоарезм, два богатейших и, что важнее, отдаленных от столицы и друг от друга города Турана.

Не первый раз Мишрак призывал к себе Конана. Это имя варвар услышал в первый же день, когда полтора года назад явился к военачальнику Азалату, набравшему новые отряды в туранское войско. Имя главы тайной службы произносили шепотом, с опаской и оглядкой, ибо неосторожное слово могло стоить болтуну головы. Но произносили часто, ибо ни о ком не рассказывали столько занимательнейших, а порой и

совершенно неправдоподобных историй, как о Мишраке. Очень скоро Конану довелось и увидеть героя этих легенд — когда визирь пожелал встретиться с человеком, победившим обладателя Руки Нергала, могущественного талисмана. История эта произошла с Конаном почти случайно, и он полагал, что об этом событии не знает никто, кроме него, да еще тех двоих, что почти похитили его прямо с поля боя. В том бою мало кто уцелел, да и сам Конан спасся чудом. Призвавшие его заговорщики хотели, чтобы он одолел их градоправителя, превратившегося из-за талисмана в носителя злой силы. Никто не видел, как, оскользаясь в крови, уходил Конан за девочкой-подростком из-под стен города, никто не мог слышать его беседы с принцем и его магом, составившим этот заговор, ибо они позаботились, чтобы ни одна живая душа не узнала о их раскинутых сетях, где Конану отводилась роль и приманки, и охотника. Однако Мишрак знал.

Конан запомнил это, а Мишрак запомнил Конана.

С тех пор, а особенно после того, как киммериец стал ун-баши, начальником отряда личной гвардии владыки Турана, каждое задание, предполагающее серьезную опасность, предварялось кратким посещением дома крепости в Квартале Шорников. Последний раз Конан был отправлен почти в одиночку воевать с черным магом Эремиусом, хозяином одного из Каменьев Курага. Второй Камень остался у его ученицы, волшебницы Иллыны, и она хотела, чтобы Конан добыл ей талисман учителя. Эремиус употреблял силу Камня во зло, превращая людей в чудовищ и заставляя служить себе, Иллына же казалась белой волшебницей. Но получив с помощью Конана и своей названной сестры Райны второй Камень, волшебница утратила душу и превратилась в слепое орудие Камней, желавших только крови и власти. В последний миг киммериец сумел предотвратить воссоединение талисманов, и они с Райной едва спаслись от гнева уплевшего Камня. Сам ли он пожрал себя, уничтожила ли его, пожертвовав собой, Иллына,

но Конан с тех пор не видел ни Камня, ни волшебницы — и не сожалел об этом. Держава была спасена от нашествия жутких Трансформ, Райна уехала в Аквилонию, страну, близкую к ее родине, Боссону, а Конан получил от Мишрака увесистый мешочек с золотом и просьбу не слишком распространяться о происшедшем.

Но ни разу еще вызов к Мишраку не сопровождался такими предосторожностями.

Миновав охрану у обитых белым металлом ворот в высокой беленой стене, они прошли знакомой Конану чередой коридоров. Харра был здесь впервые и затравленно оглядывался на каждую подозрительную дверь. На середине большой крытой галереи, огибавшей внутренний двор с толпящимися внизу у костров воинами, Харра тихонько дернул ун-баши за рукав:

— Зачем тут столько серебра на каждой третьей двери? Ему что, деньги девать некуда?

— Сквозь серебро не проходят чары, — тихо ответил Конан. Харра почел за лучшее больше не задавать вопросов.

Наконец они вошли в маленький внутренний дворик, где вокруг бассейна, обсаженного кипарисами, не было никакой иной обстановки, кроме ковров и подушек на низких мраморных скамьях. Конан подмигнул уже знакомым ему чернокожим девушкам-телохранительницам и увидел, как в полутьме блеснули в ответ их улыбки.

— Приветствую тебя, Конан, — прогудел Мишрак, — и тебя, доблестный Харра. Рад, что вас разыскали еще до полуночи, потому что к часу я должен быть во дворце. — Он махнул рукой, и двуликий провожатый исчез за боковой дверью. — Располагайтесь.

Конан, кивнув в знак приветствия, молча опустился на вышитые подушки. Харра сел рядом, пытаясь держать в поле зрения всех девушек разом.

— Давненько мы не виделись, а, Конан? — сощурился Мишрак. — Я думаю, это только к лучшему. Но нынче у меня к тебе новое дело. Знаешь ли ты, что

происходит в Туране раз в четыре года в канун Весеннего праздника Откровения пророка Тарима?

— Видимо, нет, я здесь только второй год.

— А ты, Харра?

— Знаю, — с важностью ответил Харра, — я ведь родился и вырос в Хоарезме. Раз в четыре года, в лишний день, нарочно дарованный нам Эрликом именно для этих целей, в загородном доме мудрейшего Бахрама собираются лучшие звездочеты и гадалышки Турана. Десять следующих дней они испрашивают волю богов самыми различными способами, а затем составляют пророчество для всех нас, недостойных.

— Гадалышки! — фыркнул Конан.

— Скорее, мудрецы, — поправил его Мишрак. — Умение прозревать грядущее — по звездам ли, по куриной ли печени, — есть великое искусство, и кто знает, быть может, когда-нибудь и ты будешь нуждаться в звездочете, который сможет правильно распорядиться твоею судьбой, повинаясь воле Эрлика и законам Его пророка. Во всяком случае, до сих пор их пророчества и советы не пропадали всуе. Государь им очень верит. Должен признаться, я тоже. У меня было множество случаев убедиться в истинности весенних предсказаний... — Мишрак помолчал, что-то вспоминая, потом продолжил: — Дело вот в чем: при гадании всегда присутствует один из визирей повелителя. По истечении десяти дней он должен доставить ларец со свитком повелителю Илдизу. Визиря в дороге охраняет отряд из дворцовой гвардии. Так вот, сегодня ночью я намерен склонить государя к тому, чтобы он послал со светлейшим Уртаном абн Закиром не кого-нибудь, а именно тебя. Повелитель очень доверяет тебе с тех пор, как вы с Джумой спасли его дочь, принцессу Зосару, от того безумца в горах. Именно после упомянутого подвига Конан получил под свое начало отряд и все беспокойство, с этим сопряженное. Мишрак откинулся на подушки и, усмехаясь, смотрел, как распрямляется расслабленная спина и загораются злым синим огнем глаза киммерийца.

— Я не ослышался, о мудрейший и благороднейший начальник тайной службы? — произнес Конан, закипая. — Ты призвал меня среди ночи со столькими предосторожностями только затем, чтобы я довез визиря Ур-тана, десять дней жарился на солнышке под Хоарезмом, а потом привез визиря обратно в столицу? Клянусь Кромом! Да мои ребята взбесятся со скуки прежде, чем народится новая луна!

— Именно потому, что в твоём отряде дисциплина куда выше, чем в любом другом во всей армии, я тебя и посылаю, — веско сказал Мишрак.

С этим спорить не приходилось. Конан умерил свой гнев, почувствовав, что ему не имели в виду польстить и тем задобрить, — Мишрак просто утверждал всем известное, с чем глупо спорить, как глупо спорить с утверждением: «Солнце садится на западе.» Личным ли примером, тщательным ли отбором, ежедневной ли муштрой до седьмого пота, — а быть может, всем этим разом, — но Конан сумел добиться в своём отряде беспрекословного подчинения и восхищенной преданности. Мишрак и раньше не раз убеждался в том, что отряду киммерийца можно доверить опаснейшие свершения. Видно, новое поручение на деле было не так просто, как казалось на первый взгляд, и Конан приготовился слушать, свернув ковер раздражения и положив его в сундук ожидания, как любили выражаться туранские поэты.

Мишрак выдержал паузу, испытующе глядя на молодого воина и продолжил:

— Потому что все десять дней, что идет гадание и еще шесть, что вам потребуется на дорогу обратно, вы должны быть готовы в любой миг выхватить оружие и защищать ларец с пергаментом. Заметь, я говорю «ларец», а не «визиря». — Мишрак снова выдержал паузу, но Конан не вымолвил ни слова, и визирь, одобрительно кивнув, начал издали.

— Ты об этом, конечно, не знаешь, но в конце зимы в дворцовом гареме появилась новая наложница,

девушка из древнего, но обедневшего княжеского рода. Я видел ее лишь мельком, но и этого мимолетного взгляда мне было довольно, чтобы увидеть, что она подобна юной серне на росном лугу в лунном сиянии. Повелитель же был просто без ума от нее. Клянусь чреслами Эрлика Жизнеподателя, государь проводил у нее три ночи из пяти, словно ненасытный семнадцатилетний юноша. А луну назад она понесла...

— Клянусь Кромом! — вымолвил восхищенный Конан. — Скажи, многомудрый Мишрак, неужто и в гареме повелителя известен тебе каждый вздох?

— Не прерывай меня! — загремел Мишрак, но по лицу его было видно, что ему льстит искреннее изумление киммерийца. — Если бы об этом знал только я, не было бы и столько хлопот. Но об этом знает и негодяй Мардуф, племянник государя, и правитель Хоарезма, да поразят его проказа и прочие напасти. В предсказании непременно будет упоминаться, мальчик родится нынешней осенью или девочка. И Мардуф захочет это выяснить, клянусь мудростью Пророка. А заодно и все прочее, что случится в связи с этим в Туране в ближайшие годы.

Мишрак замолчал, и Конан счел возможным спросить:

— Так я должен охранять предсказание? А могу я прочесть его, чтобы в случае утраты рассказать повелителю?

— Нет, это тайна, освященная самим Эрликом. — Мишрак благоговейно прикрыл глаза, и Конан поспешно спрятал улыбку. — Более того, никто не должен знать, что ты догадываешься о возможном нападении. Завтра, когда ты узнаешь обо всем этом уже от военачальника, благородного Азалата, ты будешь браниться куда крепче, чем позволил себе здесь сейчас. — Тут Мишрак беззвучно рассмеялся. — Не сомневаюсь, что с этим ты справишься, мой бесстрашный ун-баши.

— Я уж расстараюсь, — хмыкнул Конан. Важность возложенной на него миссии была несомненна, и лег-

коранимое самолюбие молодого киммерийца было вполне исцелено. Оставалось только придумать, как удержать солдат от возмущения по поводу столь пустяшного на первый взгляд задания и чем объяснить свой внезапный уход из таверны. Мишрак кивнул, словно прочел его мысли.

— О вашем визите ко мне — никому ни слова. А теперь измысли какую-нибудь историю о несчастном отце и спасенной дочери, чтобы твои соколы не подумали, будто их начальник праздно шатался по улицам вместо того, чтобы чинно пьянствовать в их компании. Твой хитроумный Харра, думаю, все еще помнит места своего детства?

— Я знаю каждый куст на две тысячи локтей вокруг Хоарезма, — ухмыльнулся рыжий Харра. — Вот разве что кусты с той поры подросли слегка.

— Я так и думал, — кивнул ему Мишрак. — И решил, что будет полезнее, если ты узнаешь все из первых рук. К тому же, двоим нести тайну легче, чем одному. — Начальник тайной службы тонко улыбнулся, но мгновение спустя снова посуровел. — Следите за малейшей тенью и будьте очень осторожны, особенно в Холодном ущелье. Не отпускайте в хоарезмские веселые кварталы больше половины отряда разом. Не уходите из усадьбы вместе — один из вас должен всегда быть не более чем в ста локтях от ларца. Ступайте. Завтра тебя вызовут во дворец, Конан из Киммерии.

Конан поднялся и поклонился всеведущему визирю. Мишрак достал из-под одной из подушек кожаный мешочек и протянул ун-баши. Киммериец ощутил в руке приятную тяжесть золота.

— Повеселитесь всласть нынешнюю ночь. Не скоро вам двоим доведется сделать это вновь. Импра! — выкрикнул Мишрак в темноту. От стены неслышной тенью отделился человек в темном халате и поклонился визирю. — Проводи их.

Неслышно ступая босыми ногами, провожатый молча довел их до ворот и кивнул в знак прощания. Конан

не удивился бы, узнав, что тот нем — говорили, что Мишрак не брезгует спасать от секиры палача приговоренных к отсечению языка, а затем и головы — за богохульство или порочащие владыку речи. Таким образом, визирь совершал дело, в равной степени угодное богу и себе: преступник нес наказание, но оставался в живых, а дом-крепость получал немого, но вовсе не глухого слугу. Конан невольно сплюнул, увидев живую жертву такого милосердия.

Оказавшись снова на свежем воздухе, в прохладе весенней ночи, бархатной, словно лошадиные ноздри, и благоуханной от цветения персиков, вишен и миндаля, Конан встряхнулся, вдохнул всей грудью и зевнул — сладко, как молодая кошка.

— Ну, Харра, куда бы тебе хотелось нынче пойти? — спросил он, раскидывая руки и потягиваясь, отчего мешочек с золотом тонко и многообещающе зазвенел. — Сегодня мы можем купить по дюжине самых дорогих шлюх на брата, и еще останется на кувшин-другой лучшего заморанского вина, которое ты так любишь.

И Конан снова тряхнул мешочком.

Харра сглотнул и облизал пересохшие губы.

— Помнится, ты рассказывал мне об одном борделе в доме с цветными стеклами, — хрипло ответил туранец. — Где ты лежишь себе в бассейне с ароматной водой, а тебя убаживают сразу четыре красотки. Далеко ли отсюда тот дом, о мой военачальник, искушенный во многих битвах?

Глава 2. Ночной разговор. Магриб

Эрлик всемогущий и всемилостивый! Просвети и наставь детей Твоих, ищущих Истины не со злым чародейским умыслом, а на благо стране и повелителю нашему, Илдизу, да сияет над ним Твое Око все его дни!

С этой краткой молитвы начинался уже третий день мучений Конана. Мудрейшие Толкователи Знаков и Великие Звездочеты заставили выучить ее всех воинов отряда (чему немало способствовали пинки ун-баши), и даже сам седой Уртан, старейший советник Повелителя Илдиза и Великий визирь Турана не гнушался трижды повторить эти слова перед утренним омовением, после которого мудрецы приступали к гаданию.

Вот уже двадцать лет в загородном доме многомудрого Бахрама каждый високосный год в канун Весеннего праздника Откровения пророка Тарима собирались пятеро лучших астрологов пяти городов Турана.

Обычай этот насчитывал много сотен лет, но прежде звездочеты съезжались в столицу, Аграпур. На последнее из столичных собраний, а было оно за сто четыре года до нынешней весны, по несчастливому стечению обстоятельств пришелся дворцовый переворот, и троих из пяти гадальщиков зарезали прямо во время свершения обряда. После чего было решено впредь проводить Весеннее Гадание в более спокойных местах, что не составляло труда. В Гадании участвовали только именитые мудрецы и звездочеты, и каждый из них имел свой загородный дом. Обычно в десятый день по завершению Гадания кидался жребий, которому из пяти мудрецов в следующий раз принимать остальных в своем доме. И уже четвертый високосный год подряд жребий выпадал почтенному Бахраму. Видно, на то была воля самого Эрлика, потому что усадьба была просто создана для подобных священнодействий. Из дома открывался прекрасный вид на горное озеро, пышный сад полого спускался к воде, в ветвях деревьев неумолчно пели и свистали птицы, на все голоса славя весну и Творца. Ничто не нарушало безмятежности пейзажа, и приехавшему сюда казалось, что он находится где-то на краю света, далеко-далеко от суеты и грехов шумного многолюдного мира.

И в то же время эта хижина отшельника, как любил называть свое жилище Бахрам, была расположена

всего в двух часах ходьбы от Хоарезма, а верховой гонец из дворца наместника добирался сюда втрое быстрее.

Праздник приближался. Еще за луну до его наступления усадьба была вычищена до блеска, Мардуф, наместник Хоарезмский, как обычно, прислал в дом Бахрама горы снеди и вина, а также нескольких своих слуг в помощь обычным домашним слугам. А за поллуны до Равноденствия в дом у Чистого озера начали прибывать мудрецы и звездочеты — каждый с подобающей сану и учености свитой.

Был здесь почтенный Михраз из Султанапура, тот самый, который три года назад предсказал нашествие гигантского смерча с севера моря Вилайет, и тем спас жизни тысячам горожан, успевших укрыться в заранее выкопанных убежищах. Белая борода Михраза спускалась ниже пояса и была заплетена в толстую косу, так что казалось, будто она тянет голову мудреца к земле, таким старым и согбенным он был.

Замбулу представлял толстый чернобородый Хамир, человек румяный и смешливый. С ним вечно приключались самые немыслимые и забавные истории: к примеру, выехав из Замбулы верхом на черном жеребце, подарке правителя города, Рахмана, в дороге он обменял его на старую кобылу, потому что седло, что было на ней, показалось ему удобнее, а кобылу в свою очередь сменял на белого, без единой черной шерстинки ишака, ибо посчитал это знаком Эрлика.

Подъехав к воротам дома Бахрама, он завершил путешествие тем, что слетел со спины своего скакуна прямо в грязь: на ишаке лопнула подпруга. Все видевшие этот головокружительный полет, смеялись до колик в животе; громче всех смеялся сам Хамир, охая и потирая спину.

Но каково же было всеобщее удивление, когда из лопнувшей подпруги посыпалось зашитое в нее золото! Видно, прежний хозяин не знал о кладе, иначе вряд ли поменял бы ишака вместе со сбруей.

«Я же знал, что этого ишака послал мне сам Эр-

лик», — приговаривал Хамир, скармливая удивленной скотине горсть урюка.

Но несмотря на смешиливость и нелепые происшествия, Хамир принимал участие в Весеннем гадании уже третий раз, ибо никто во всем Туране лучше него не умел толковать знаки на первый взгляд случайные и бессмысленные, каковые подчас составляют суть всего предсказания и меняют смысл всех остальных знаков.

Амаль из Шангары был самым молодым среди собравшихся и прибыл на Весеннее гадание впервые. Его учитель, Рабат Заарам, прислал с ним пергамент, в котором сообщал, что за три прошедших года состарился на все десять и чувствует на плечах дыхание ледяного ветра с Серых Равнин. А потому просит почтенных мудрецов принять в свой круг лучшего его ученика, Амалия абн Закию, который видит сквозь землю на десять локтей и слышит, как ветер шевелится в своей берлоге.

Юноша был принят с благосклонностью и немедленно выказал несомненные таланты — как в чтении звезд, так и в умении бросать томные взгляды на дочь хозяина, прекрасную Фейру. Та только фыркала да потешалась над юным звездочетом. Последнее несколько удивляло Конана, потому что Фейра, как ни редко он ее видел, показалась ему девушкой скромной и скорее застенчивой, чем дерзкой. Амаль же был красив и, как преемник главного гадальщика Шангары, наверняка богат. Пренебрежение подобным поклонником было не в обычае юных девушек Турана. Впрочем, все могло объясняться тем, что у насмешницы уже был воздыхатель, и иные поклонники ее не интересовали.

Столицу, Аграпур, представлял высокородный Магриб абн Рудаз, Небесный Визирь, как называли его придворные льстецы и поэты, личный лекарь и звездочет Илдиза. Помимо многих лет, с честью проведенных на дворцовой службе, его связывали с повелителем и кровные узы — Магриб приходился ему шурином. Сын Магриба, Мардуф, козней со стороны которого надо было опасаться Конану в этой поездке, был столь лю-

бим царственным дядей скорее за заслуги его отца, чем за свои — сам он пока мог похвастаться немногим, разве что редкостной красотой, которая мало искупала его распущенность и злой нрав.

Но насколько непутев и красив был его сын, наместник Хоарезмский, настолько мудр и уродлив был Магриб. Уродство его заключалось в большом горбе, кривых ногах и крючковатых, словно навсегда сведенных судорогой пальцах, и все вместе производило тяжелое впечатление. Он был более всего похож на старую обезьяну, которой приставили голову с человеческим лицом. Но темные глаза Магриба под седыми, клочкастыми бровями светились истинной мудростью и величием. Он выехал из столицы вместе с Уртаном и Конаном, и киммериец, как старший над охраной, делил с двумя сановниками все трапезы. Почти четверть луны добирались они до Хоарезма, и за эти шесть дней Конан услышал сказок, легенд и преданий больше, чем за всю свою жизнь в Туране. Благородный Магриб был удивительным рассказчиком. Конан не признался бы в этом и под пыткой, но с первого же дня пути в его сердце поселился благоговейный страх перед этим полумагом, уродом с глазами божества. Бесстрашный унбаши утешал себя тем, что Магриба абн Рудаз, как поговаривали, побаивается сам Мишрак. Побавляется, но при случае охотно прибегает к его помощи. Конан решил: что хорошо для Мишрака, сойдет и для него, — и перестал думать об этом.

И, наконец, Хоарезм представлял сам хозяин дома, почтенный Бахрам. Был он вздорен, капризен и в делах житейских не слишком сметлив, любил поспать и поесть власть. Рода он был самого простого, но обучившись гадальному ремеслу не у кого-нибудь, а у покойного Керума, Святого Старца, как его называли в Хоарезме, быстро возвысился и разбогател настолько, что выстроил себе самый большой и красивый загородный дом в окрестностях. Была еще одна причина тому, что звездочеты собирались здесь, а не в каком-либо другом

доме. В усадьбе Бахрама, которому щедрость Мардуфа позволяла собирать диковины со всего света, хранилось множество редкостей, потребных при различных гаданиях, а также сложных и хрупких инструментов для вычисления орбит звезд, планет и прочих небесных тел. Сюда не достигал шум большого города, а разместить мог средней величины караван с погонщиками.

Наместник Хоарезма, многим обязанный мудрейшему Бахраму, не скупился оплачивать из городской казны все затраты, связанные с Весенним Гаданием, и звездочет ни в чем не испытывал недостатка.

Солдат Конана, равно как и большую часть слуг из свиты Великого визиря, расположили на заднем дворе, где среди прочих хозяйственных построек стоял большой глиняный сарай с рядами застеленных одеялами из верблюжьей шерсти деревянных топчанов. Задней стеной этой своеобразной казармы служила стена сада, окружавшего дом, так что, забравшись на плоскую крышу, можно было видеть сверху почти всю усадьбу, а главное — внутренний застеленный коврами двор с бассейном и большими каменными постаментами. С трех сторон его окружал дом, с четвертой — низкая крытая галерея. В ней были сделаны двустворчатые двери, через которые входили со стороны сада солдаты и у которых стояли они на страже в течение всей церемонии.

В этом дворе, едва солнце всходило над горизонтом, происходило таинство гадания.

Первые несколько дней не занятые в карауле солдаты, сидя на крыше казармы в тени виноградной решетки, жадно вытягивали шеи, силясь рассмотреть, что же такое делают во Дворе Гаданий досточтимые мудрецы. Но они всегда делали одно и то же — по крайней мере, так казалось воинам Конана, — что-то чертили, высчитывали, записывали. По-настоящему интересно было только на второй день, когда бледный от волнения Амаль одну за другой забил обсидиановым ножом трех куриц — белую на столе белого мрамора, черную — на черном, а пеструю — на столе из сетчатой яшмы. Воз-

нося все полагающиеся молитвы, гадалычики аккуратно изъяли из трех куриц потроха и разложили их на серебряных подносах. Во внимание принималось решительно все — и степень разлития желчи, и цвет свернувшейся крови, и остатки пищи в желудках.

О чем бы ни говорил внешний вид внутренностей, страну, как видно, ждало благоденствие, потому что в желудке белой курицы было обнаружено крупное жемчужное зерно. Это было, разумеется, истолковано как добрый знак, хотя жемчужина вероятнее всего попала в желудок не волшебным, а самым обычным образом: просто выпала из ожерелья Фейры, была найдена разгуливающей по двору птицей и склевана — всем известно, что курица от жадности склюет и камень, лишь бы пролез в глотку. Вечером того дня, сидя после ужина на веранде, Конан спросил у Магриба, а что если Фейра просто вычищала жемчуг, и зернышки вышли не все. Значит, это случайность, а не знак свыше.

— Сын мой, — ответил Магриб абн Рудаз, — неисповедимы пути бога. Случайностей в этом мире так мало. Я разумею, настоящих случайностей, ни к чему не ведущих пустяков. Предположим, девушка и в самом деле чистила ожерелье. Случайно то, что Фейра выбрала именно эту курицу, чтобы скормить ей жемчуг, дабы он посветлел, пройдя через желудок птицы; случайно то, что одна жемчужина осталась; случайно выбрал эту птицу из пяти таких же белоснежных куриц Амаль. Но, собравшись все вместе в канун Праздника Откровения, эти случайности породили знак, и так всегда происходит в нашем полном случайностей мире. Учись постигать большое в малом, Конан, и тебе откроется многое.

Ун-баши, как начальнику, а значит, не просто солдату, а почетному гостю, полагалась отдельная комната в доме. Но Конан предпочел поселиться вместе со своими ребятами.

Общество многомудрых и велеречивых старцев утомляло его. Но после ужина, когда на огромной, в полдома, веранде зажигались лампы, а в небе загорались

яркие алмазы звезд, Конан присоединился к ученому обществу — послушать Магриба.

Обычно ему удавалось, отсеив поодаль от остальных, единолично завладеть вниманием придворного звездочета. И тогда они вели долгие и поучительные для обоих беседы. Конан в свои двадцать с небольшим лет успел обойти почти весь северо-запад континента, был гладиатором в Халогге, столице гипербореев, затем долго жил в Замоге, где прославился как самый искусный вор своего времени. Затем был наемником в Зингаре, контрабандистом исходил весь Вилайет, побывал в Бритунии и Вендии. Магриб не устал расспрашивать юного воина об этих далеких странах, об их городах и малых поселениях, людских обычаях и нравах, о битвах и победных пирах, в которых Конан принимал участие. Такие беседы вели они еще на пути к Хоарезму, у ночных костров, ибо ученый старец в силу возраста спал мало, а Конан в силу должности — еще меньше. Киммериец никогда не знал за собою дара красноречия, но благородный Магриб умел не только рассказывать, но и расспрашивать. Он делал это так ловко и слушал так внимательно, что хотелось говорить еще и еще.

Сам звездочет редко покидал пределы Турана, но все же совершил несколько больших путешествий — в основном, на юго-восток. Но большая часть его знаний была почерпнута из книг, а не из личного опыта. И сколько же он их прочел, дивился Конан, слушая рассказы мудреца. О путешествиях к краю земли, в которые уходили многие, а возвращались единицы, и, вернувшись, уже никогда не могли жить на одном месте и в конце концов пропадали без вести в дальних морях и нехоженных землях, что лежат к югу и востоку от хайборийских королевств. О подвигах и войнах древности, что записаны в длинные свитки и хранятся в медных сундуках в сокровищнице Повелителя Турана уже много веков, и каждый век прибавляет новый свиток. О целебных травах, что растут в непроходимых лесах северо-востока и в долинах Ильбарских гор.

Одна из таких трав цветет раз в год и, сорванная во время цветения, открывает счастливцу все, что таится под землей, будь это клад или целебный источник. Другая затягивает и исцеляет любые, даже самые страшные раны, а настой из нее, употребляемый ежедневно, удлиняет жизнь. Третья, растертая в порошок и смешанная с салом онагры, открывает видение потустороннего мира, но такое видение еще никому не приносило счастья... Рассказывал Магриб и о сестрах небесного свода, каждую из которых он знал по имени, мог сказать, в какое время года ярче всего сияет та или иная звезда, каким богам и героям посвящены созвездия и почему.

Конан, никогда раньше не слышавший туранских сказаний, затаив дыхание, слушал, как Небесный Охотник добыл себе меч и волшебных Псов и победил Дракона-смерча, пожирившего один город за другим, не щадившего ни стариков, ни детей. И Охотник, и Псы были вознесены за этот подвиг на небо, а Дракон с той поры все пытается насытиться, но не находит ничего в бескрайних просторах ночи и в ярости грызет серебряный диск луны. Четырнадцать дней от полнолуния гложет он ее, а на пятнадцатый приходит Охотник и заставляет Дракона еще четырнадцать дней собирать ее вновь кусочек за кусочком.

Конечно, киммериец понимал, что это не более чем сказка, но Магриб умел и простую сказку рассказать так, словно в ней одной заключалась вся истина Мира.

Лампа чадила и мигала, в кальяне звездочета тихо булькала ароматная розовая вода, а он говорил и говорил, и его темные глаза светились нездешним светом сквозь клубы голубоватого дыма.

Так они беседовали и в вечер третьего дня гадания. Магриб рассказывал об одном юноше, в стародавние времена жившем на берегу моря Вилайет. На другой стороне моря жила прекрасная принцесса, которой было предсказано выйти замуж за простолюдина. Отец, чтобы избежать незавидной судьбы, запер дочь в высокой

башне. Тогда юноша смастерил себе крылья и, перелетев через море, унес возлюбленную. Конан, с интересом выслушав эту уж совсем неправдоподобную легенду, подавил мечтательный вздох и пожал плечами:

— Что проку в этих сказках про крылья из муравьиной слюны и орлиных перьев? Человек не может летать, зачем же обещать ему несбыточное?

— Не может? — улыбнулся Магриб. — Почему ты так уверен в этом, сын мой?

— Но я никогда... — начал Конан было и осекся под взглядом темных глаз мудреца, на дне которых он ясно видел затаившийся смех. — Да, я уже понял, что ты хочешь мне сказать: не говори «нет» только потому, что чего-то не видел. Но ведь человек и самом деле не может летать, как птица.

— Но он может мечтать об этом. Все великие свершения начинаются с очень сильного желания, Конан. Есть ли у тебя заветное желание? Нет, нет, не говори мне его, просто скажи, есть или нет?

— Конечно, есть. У всякого человека оно есть.

— И оно достаточно несбыточно?

Конан на миг задумался, а потом засмеялся.

— Да уж, вполне достаточно! Ты прав, мы мечтаем о том, чего никогда не получим... И слагаем об этом сказки... Да, я понял тебя.

— Нет, сын мой, ты совсем меня не понял, — покачал головой Магриб. — Если желание достаточно сильно, пусть даже это желание сравняется властью и силой с самими богами... с Эрликом или с твоим Кромом — неси его в себе всю жизнь, ищи пути достичь желаемого, борись за него. И оно исполнится. Ибо нет в подлунном мире ничего, что не было бы в силах человеческих.

Глаза Магриба по-кошачьи мерцали в синем сумраке теплого вечера. Конан, сузив глаза, в упор посмотрел на мудрого звездочета.

— А разве боги не наказывают желающих слишком многого?

— Все мы в их руках, это они посылают нам желания изменить к лучшему подлунный мир или сделать людей счастливее. Если желание сильно, а цель твоя праведна — твое желание не будет греховным.

— Даже если я захочу для этого сравняться с богами? — задумчиво повторил Конан слова Магриба.

— Да, Конан. Нужно лишь хотеть очень сильно. Тот юноша очень хотел — и взлетел над морем, как птица.

Рядом с ними послышался вдруг тяжкий, печальный вздох, и чей-то еле слышный голос сказал:

— Если бы и впрямь одного только желания было достаточно для того, чтобы обрести счастье...

Киммериец резко обернулся. На краю веранды, обняв руками колени, сидела Фейра, дочь хозяина. Как видно, увлеченные разговором, они не услышали, как девушка тихонько подошла и села позади.

— Простите меня, о мудрейший Магриб абн Рудаз и ты, ун-баши, — сказала она, видя, что выдала свое присутствие. — Я уже вторую ночь незаметно выбираюсь из дома и сижу рядом с вами. Вчера ты рассказывал про Кхитай, о многомудрый и сведущий визирь, я случайно оказалась рядом и невольно заслушалась. А сегодня пришла нарочно. Хотите, я принесу другую лампу взамен погасшей, и вина заодно? Я знаю, ун-баши любит красное шадизарское вино.

Надо же, подумал Конан, а я и не заметил, как у нас погасла лампа.

— Похвальна твоя любознательность, девушка, но еще похвальнее забота о пересохшем горле рассказчика! — рассмеялся Магриб. — Неси скорее и то, и другое.

Фейра, проворно вскочив на ноги, исчезла в темном доме.

— Славная девушка, — заметил звездочет, поглядев ей вслед. — Амаль не сводит с нее жадного взора, а почтенный Бахрам все тичится оставить их наедине. Я бы предсказал свадьбу, но кажется мне, что звезды ее глаз не благосклонны к этому союзу!

— Да, — сказал Конан, — ее сердце уже занято.

— Да, и он либо в отъезде либо не подходит ее отцу, потому что я почти не слышал ее смеха за эти три дня, а это не свойственно красивым девушкам, — кивнул Магриб, соглашаясь.

За решеткой окна мелькнул огонек, и на веранде появилась Фейра с подносом в руках. Составив на ковер лампу, кувшин вина и два серебряных кубка, она усеялась подле, скрестив ноги в пестрых шальварах.

— Не мог бы ты рассказать еще что-нибудь о далеком Кхитае, о мудрейший? — робко попросила она. — Вчера я слушала, забыв о времени и поставленном тесте. Отец бы сильно отругал меня, если бы увидел здесь, но мне так хочется послушать о далеких странах и всяческих диковинках...

— Твой отец сам мог бы рассказать тебе немало удивительных историй, дитя мое, — ответил Магриб. — Нет-нет, Конан, мне больше не нужно вина, пей сам. Так что же, моя роза, неужели мало диковинок в вашем доме? Твой отец знает толк в редкостях, я видел у него, к примеру, кремниевые наконечники стрел пиктов, что живут далеко на севере и поклоняются не Эрлику и пророку Его, а лесным деревьям. Или тот удивительный амулет в виде львиноголовой богини стигийцев — кто только достал ему эту вещь из гробницы самой жрицы Амноратхес! Или эти кубки, что ты сейчас принесла: они из Аквилонии. Истории этих вещей достойны быть записанными пером птицы Симург!

— Это кто такая? — заинтересовался Конан, наливая себе вина.

Луна, уже поднявшаяся над домом, отразилась в маленьком черном озере с серебряными берегами, и киммериец, забавляясь, шумно отхлебнул, не наклоняя кубка.

— Волшебная птица, живущая тысячу лет. Я расскажу о ней как-нибудь потом, — ответил Магриб и снова обернулся к Фейре: — Ты смотришь так изумленно, дитя, — неужели он никогда тебе ничего не рассказывал.

Фейра покачала головой, опустив глаза и теребя ленту в косе.

— Нет, мой господин! — печально ответила она. — Боюсь, ты о них знаешь больше, чем он сам. Он лишь владеет всеми этими сундуками с безымянными сокровищами. И знает их цену в золоте, не более того. — Она снова тяжело вздохнула.

— На это я могу тебе сказать, что цены по меньшей мере одной редкости он не знает, — сказал задумчиво Магриб. — И я бы охотно перекупил ее у Бахрама, пока она еще не выпвела и не истрепалась.

— Какую? — спросил Конан, в котором заговорила шадизарская воровская выучка: всегда полезно знать, где в доме лежит дорогая вещь, не имеющая ценности в глазах хозяина, — ведь если она пропадет, он хватится ее не скоро. Конану не раз приходилось видеть самые удивительные вещи в самых неподходящих для них местах — а после сбывать их с большой выгодой. Для этого надо было знать толк в ценных безделушках — в противовес непросвещенному хозяину вещицы. Но до сих пор Конан не замечал в Бахrame подобной неосведомленности.

Первое, что сделал астролог, увидев новых людей — Амаля и Конана, — продемонстрировал им свое собрание редкостей, с подробным изложением, каких трудов ему стоило их достать и сколько золота он заплатил за каждую.

При этом и в самом деле не прозвучало ни слова о том, кто их сделал и для чего.

— Я говорю о кхитайском тканом ковре, — пояснил звездочет.

— Я видел множество вышитых кхитайских ковров, но ни разу не встречал тканого. К тому же столь тонкой работы и столь ярких красок. Я был поражен, когда увидел эту бесценную вещь лежащей во дворе, у самого входа. Его место на стене, и стена непременно должна быть северной, чтобы шерсть не потускнела от солнца.

— А, — сказал Конан, — я понял, о каком ковре ты говоришь. Такой небольшой, примерно три локтя на пять, синий, как кусок неба, и весь в летящих птицах. Я его тоже заметил. Когда я шагнул на него и глянул под ноги — в первый миг испугался, что наступил на живого удода, так он был похож на настоящего: пестрый, с распластанными крыльями. Красивый ковер.

— Ты ошибся, о мудрейший, — еле слышно сказала Фейра. — Это не кхитайский ковер. Его ткали здесь, в Хоарезме. Это работа мастера Тая, он умер в прошедшее полнолуние. Это... это был его последний ковер.

Изумлению Магриба не было предела.

— Последний ковер мастера Тай Цзы? — повторил он. — С летящими в небе птицами? И твой отец держит его в пыли и жаре двора, где его топчут ноги всех, кто входит и выходит? Да я знаю не менее десятка людей, которые отдали бы за этот ковер все свои богатства!

— Мне тоже жаль этого ковра, мой господин, и я много раз просила отца убрать его, но он ничего не хочет слушать, — сказала Фейра. — Они поссорились перед самой... перед самой смертью мастера Тая. Отец даже имени его слышать не хочет, он очень обижен на него — за что, я и сама не знаю. И, да простит мне Ишттар такие слова, думаю, что не знает и он сам. Они бы помирились, да вот... не пришлось. А отец очень любил слушать рассказы мастера, особенно о чудесах и магах Кхитая. Мастер Тай часто бывал в этом доме, особенно весной, даже хотел построить себе дом неподалеку...

— Разве они — я разумею, твой отец и Тай Цзы — были настолько дружны? — спросил Магриб. — Безгранично терпелив должен быть тот человек, кто изберет себе такого соседа! Я готов склониться перед знаниями и божественной прозорливостью твоего отца, о роза Хоарезма, но жить с ним рядом не смог бы.

Фейра улыбнулась.

— Мастер Тай умел ладить с отцом, — сказала она. — Как я видела, он умел ладить со всеми. А здесь

он скорее стремился к озеру, чем к обществу моего отца. В его душе царила красота, там не было места скверне и брани... Стоило ему взять в руки флейту — отец забывал обо всем. Я могла слушать его часами... Он был удивительный мастер и очень хороший человек, — заключила Фейра печально.

— О том, что он был удивительный мастер, я слышала, — кивнул Магриб. — Я сам, признаться, хотел заказать ему ковер, когда собирался сюда — но накануне выезда из Аграпура узнал о его смерти и понял, что гордыня неудобна Эрлику... Кому суждено весь век ходить по земле, тот не взлетит, и не прирастут галке павлиньи перья... Быть может, я смогу хотя бы выкупить этот птичий ковер у почтенного Бахрама, о чернокосяя Фейра? Мне больно смотреть, как он обращается с этим чудом.

— Нет, — покачала головой девушка. — Его обида сильна, он не расстанется с этим ковром и будет топтать его, пока не протопчет до дыр.

— Что ж, — сказал Магриб, вздохнув, — пусть утешает свою обиду, если видит в этом прок... А право, обидно! В особенности, если это был последний его ковер... Однако время полночь. Мне пора на башню, ибо весь убор Царицы Ночи уже сияет россыпью в ее волосах! Беги в дом, дитя, становится свежо. Помогите мне подняться, Конан.

Киммериец, слушавший весь разговор вполуха, вскинул голову, очнувшись от своих невеселых мыслей.

— Да, — сказал он, помогая горбуну встать на ноги, — мне тоже пора — менять Харру.

— А завтра... — Фейра, по-прежнему сидящая на ковре, подняла на Магриба умоляющие глаза. — Завтра я могу прийти послушать историю птицы Симуург?

— Конечно, дочь моя. И не бойся, приходи раньше. Я поговорю с твоим отцом. Он, наверное, не такой ужасный тиран, каким ты его описываешь, и не откажет мне в обществе своей дочери, — ответил звездочет и ушел в дом.

Конан, в первый миг нахмурившийся при мысли о том, что теперь в его беседы с Магрибом будет встречать этот мышонок, из последних слов понял, что после сказки дети будут отправлены спать — и улыбнулся. Подмигнув Фейре, он спрыгнул с веранды и исчез в саду.

Харра, завернувшись в теплое одеяло, сидел на крыше казармы. Конан, не утруждая себя крюком до ворот, закинул руки на стену, подтянулся и перешагнул к Харре.

— Все тихо? — шепотом спросил он.

— Одни сверчки зудят. Да наши храпят почище лошадей в конюшне, — так же ответил помощник.

— Пусть храпят. А ты иди поспи. Я разбуду тебя ближе к рассвету. Эй! Одеяло-то мне оставь.

Харра выполз из одеяла и зевнул во весь рот, зябко передернув плечами.

— Что-то долго вы сегодня сидели, — заметил он, глядя на Конана хитрыми глазами. — Какой сказкой на этот раз он заговаривал тебе зубы?

— Тебе не понять, хоарезмская крыса, — беззлобно ответил киммериец. И вдруг оживился: — А что, Харра, мечтаешь ли ты о чем-нибудь, кроме выпивки, жратвы и золота?

Харра обиделся.

— Да поразит тебя твой Кром в твою драгоценную печень, раз ты мнишь ее важнее сердца, — конечно, мечтаю!

— О чем?

Не ответив, помощник скрылся в круглом лазе в черепичной крыше.

Вскоре над лестницей снова появилась его голова — он принес второе одеяло. Завернувшись в него, Харра уселся поудобнее.

— А почему ты спрашиваешь, мой жадный до сказок ун-баши?

— Ну, ты же спросил меня, о чем мы говорили с Магрибом.

— А! — понял Харра. И задумался. — Наверное, я мечтаю, о том же, что и ты: о богатстве, почете и славе.

— Богатство, почет, слава... Это не тот ответ, как говорит мудрейший Магриб абн Рудаз. Как велики в твоих мечтах эти богатство, почет и слава?

— Ну, я надеюсь лет через пять тоже стать ун-баши, как и ты... — Конан ждал продолжения. Харра повертел головой и хмыкнул. — Знаешь, я еще никогда не думал, что же я буду делать после того, как стану ун-баши. Я смотрю на тебя и мечтаю стать таким, как ты. Довольно тебе?

Конан сокрушенно покачал головой.

— А какой я, Харра? Странник, искатель приключений? Или расчетливый наемник? Или избранник бога?

— Если верить вашим легендам, ты и есть избранник бога, — усмехнулся Харра. — Твой Кром не убил тебя взглядом, когда посмотрел на тебя новорожденного со своих высот.

— Такие избранники у нас все, кто жив. Кром смотрит на каждого новорожденного.

— А у нас — нет. А если хочешь правды, то вот она: о твоих приключениях я мало что знаю, а расчета в тебе нет ни на грош. Ты просто идешь за своим сердцем. Что ж поделаешь, если оно гонит тебя из края в край.

Столь мудрые речи от Харры Конан слышал впервые, и удивленно глянул на своего помощника. Против обыкновения, лицо у того было задумчиво и серьезно.

— Заколдовал тебя этот горбун, — сказал он тихо. — Говорил я тебе, держись от него подальше. Чего он тебе наплел, что ты вдруг начал допытываться на старости лет, кто ты есть?

— На старости лет! — фыркнул Конан. — На себя посмотри!

— Ну да, и я такой же дряхлый старик, мне всего на год меньше. Так что же он тебе все-таки сказал?

Конан задумался, подставив лицо лунному свету и наконец промолвил: — Он говорил, что самые несбыточные мечты, если долго биться за них, сбудутся...

— И о чем же твои несбыточные мечты? Хочешь стать Повелителем Турана?

— Турана — нет. Мне бы что-нибудь поближе к северу... Там, — киммериец махнул рукой на северо-запад, — там, за горами и быстрыми реками, среди плодородных равнин лежит самое прекрасное королевство, и оно когда-нибудь будет моим.

— И как же зовется этот край? Немедия? Аквилония, а может, Бритуния?

— Неважно. Может, у него даже еще нет названия.

— Знаешь, — заявил на это Харра, — услышал бы я такие речи от кого другого — за руку отвел бы к лекарю выпустить излишнюю кровь, клянусь твоим Кромом, Владыкой Могильных Курганов.

Прожив бок о бок с киммерийцем почти год, Харра до определенной степени считал Крома и своим богом и не стеснялся помянуть его имя, особенно в спорах с Конаном. — А от тебя всего можно ожидать. Не забудь позвать меня на коронацию. Я тогда буду уже, верно, кир-баши и опытным воином, так что пригожусь тебе в твоём ещё не открытом королевстве.

— Ужгодишься, клянусь Кромом! — расхохотался Конан. — Сделаю наших ребят рыцарями, а тебя над ними магистром — Ордена Ухмыляющейся Рожи!

— Тише гогочи, ун-баши, не то наши проснутся, и будет у нас Орден Расквашенных Носов. Но если ты так хорошо знаешь, чего хочешь, что за черные мысли гнетут тебя?

— Не гнетут меня черные мысли. Просто иногда мне кажется, что и этого мало.

Харра тихо присвистнул.

— Мало? Чего же тебе еще?

— Силы, — выдохнул Конан. — Не той, которая вот здесь. — Он согнул руку, демонстрируя мощные мышцы. — Нет. Есть иная сила, и она движет горами.

— Колдовство?

— Нет, не совсем. Внутренняя сила. Посмотри на Магриба — ты считаешь его колдуном и боишься. Его

боится весь Туран. Его боится сам Мишрак абн Сулейн. Я начинаю завидовать его сыну: если бы всю мою жизнь у меня был рядом такой источник мудрости! Он уродлив и бессилён телом, словно проклятый богами. Но если он посмотрит на тебя своими темными глазами и скажет: «Сын мой, поди и сделай для меня то-то и то-то, — не угрожая, не суля награды, — ты ведь пойдешь и сделаешь, правда?»

— Правда, — после некоторого раздумья кивнул Харра. — Но он — колдун. И не хотел бы я иметь такого отца.

— А я бы, может, и не отказался. И никакой он не колдун. Он просто очень много знает.

— А по мне, тот и есть колдун, кто слишком много знает, — отрезал Харра. — Но вот скажи мне, Конан, получишь ты этой силы столько, что будет плавиться земля у тебя под ногами, когда ты будешь просто ходить по ней — на что ты ее денешь? Будешь двигать горы? Возводить за ночь города? Вызывать ураганы? На что тебе все это?

— Есть на что, — сказал Конан, и глаза его стали жесткими, как два сапфира. — Я бы выжег по земле всю нечисть — всех прихвостней Сета, почитателей Нергала! Колдунов, Черных жрецов, ночных оборотней и вампиров. Все зло...

— Тебе на это не хватит жизни, — оборвал его Харра. И добавил, уже ухмыляясь: — Брось ты это, мечты — они и есть мечты. Знаешь, что говорят наши мудрецы: если ты хочешь большего, чем у тебя уже есть, значит, ты не заслуживаешь и того, что имеешь. А теперь пойду-ка я спать. — Харра сладко потянулся и снова зевнул. — Время-то позднее. Разбуди меня, когда устанешь.

Конан кивнул, и Харра, прихватив свое одеяло, скрылся в лазе, шепотом браня неустойчивые лестницы. Послышался скрип топчана, а затем все стихло.

Дом и сад стояли темными силуэтами на фоне звездного неба, только луна отражалась в бассейне внутрен-

него двора, да горела лампада у статуи Пророка. Перед статуей, на маленьком шестиногом столике возлежал ларец резной слоновой кости, со своей крыши Конан видел, как он белеет в темноте. В этом ларце хранился свиток, главная забота ун-баши. Каждое утро светлейший Уртан вынимал его и передавал гадалщикам, а те записывали в нем то, что Эрлик пожелал открыть им в этот день.

Никто, кроме них, не читал свитка, но Конан знал — от Великого визиря — что содержимое пергамента изначально составляло священную тайну, ибо он еще при выезде из Аграпура был исписан на треть. Великий визирь сам помогал повелителю составить и записать те вопросы, на которые государь хотел знать точный ответ. И Конан не сомневался, что первым в списке стоит вопрос о младенце.

Огонек лампы указующе мерцал в темноте, словно приглашая любознательных прочесть предсказание. Увидев этот маяк в первую же ночь, Конан попытался воспротивиться такому легкомыслию. Но ему с величайшей серьезностью ответили, что Эрлик сам охранит сокровище. Что, мол, так заведено, и до сей поры никто не осмеливался испробовать на себе гнев божества. У ларца даже не было замка.

Утешало лишь то, что на обратный путь был припасен другой ларец, серебряный, с надежным замком — тот, в котором свиток прибыл из столицы. Не очень надеясь на бдительность бога, Конан и Харра попеременно восседали на своем посту всю ночь, время от времени слезая размяться — и заодно обойти темный сад.

Но вот к огню лампы прибавился второй огонек — зажглось узкое окно в башне. Это означало, что Магриб абн Рудаз поднялся по витой лестнице и сейчас настраивает свои диковинные приборы. Скоро он разложит все так, как ему удобно и затенит огонь прозрачным зеленым колпаком аргосского стекла, чтобы свет не мешал наблюдать звезды.

Конан следил за этой сменой огней уже четвертую ночь — с той, в которую они приехали. Поистине в свои пятьдесят лет придворный звездочет был неутомим!

Башня поднималась над домом, как минарет над храмом. Едва прибыв на место ун-баши немедленно обошел всю усадьбу и большой сад.

Уменьшенная копия Черной Башни Хоарезма, Башня Бахрама поднималась выше самых высоких деревьев и имела единственный вход из внутренних комнат. Лестница, ведущая наверх, и маленькая каморка под смотровой площадкой освещались узкими оконцами, и через башню в дом могли проникнуть разве что птицы и летучие мыши. Но Конан из любопытства заглянул и туда.

Луна ушла. В траве трещали сверчки да фыркали порой во сне лошади в конюшне.

Конан сидел и смотрел, как перемигиваются желтый огонек во дворе и зеленый — на башне. Из головы у него не шел вечерний разговор. Действительно ли можно достичь всего, если желание сильно и владеет всем твоим существом? И должно ли это быть лишь одно желание, или их все же дозволено иметь несколько?

— Сравняться с богами, — прошептал Конан. — Клянусь Кромом! Хотел бы я знать, что было у тебя на уме, о высокомуудрый и ученый визирь, когда ты говорил мне это!

Глава 3. Ночной гость. Юлдуз

Конан, невыспавшийся и потому злой, стоял на вытяжку у ореховых дверей в высокой стене, верхом которой шла галерея, соединяющая мужскую и женскую половины дома. Киммериец зевал и со скуки разглядывал кхитайский ковер. Птицы, изображенные на нем, рябили у него в глазах живой пестрой стаей. Все птицы на ковре были изображены парами — он и она. Казалось, еще мгновение, — и все эти малиновки,

жаворонки, пеночки, голуби и черноголовки вспорхнут в воздух влюбленными парочками... Конан едва заметно тряхнул головой, стараясь разлепить тяжелые веки. По забыв, что накануне сам назначил в первую стражу Фархуда и себя, он замечтался и просидел на крыше всю ночь, пока не вылез встрепанный со сна Харра и не погнал его спать — те два или три часа, что оставались до рассвета. Теперь он мечтал только об одном: чтобы его стража, тягостная и скучная, как все остальные, поскорее кончилась, а тогда можно было бы немного поспать до новых ночных забот.

Из дома вышел светлейший Уртан и, поклонившись восходящему солнцу, благоговейно вынул свиток из ларца и протянул Хамиру, ибо этот, по счету четвертый, день Гадания почти целиком был по его части. Сегодня предстояло выяснить, каковы будут урожаи, когда ждать засухи, а когда — ливней, не случится ли мора на скотину или нашествия прожорливой саранчи с берегов Стикса. Все это узнавалось при помощи раскинутых зерен пшеницы, бобов и риса, и бархатные мешочки с освященными в столичном храме Эрлика зернышками от лучшего урожая прошлых четырех лет уже лежали на больших, во все три стола, листах прокаленной меди.

Уртан с важностью уселся на коврах, сплешь заставлявших двор до самой калитки, и кивнул.

Это был знак одновременно и почтенным мудрецам, и мухобоя из его свиты, который немедленно взялся за роскошное опахало из павлиньих радужных перьев, дабы мухи и пчелы не помешали благочестивому созерцанию обряда. В гадании Великий визирь не понимал ровным счетом ничего, и его присутствие на церемонии было еще менее обязательно, чем Конана и Фархуда, стоявших у резной калитки, скрестив обнаженные серебряные сабли. От стражей была хоть какая-то польза: ни один злой дух, как известно, не посмеет войти в дверь, охраняемую серебряным оружием. Сабли эти, с рукоятками чистого золота, изукрашенные огромными рубинами,

лалами и посвященным Эрлику солнечным камнем, а также другими камнями удачи и счастья, в первый день очень занимали Конана. По окончании церемонии он незамедлительно опробовал свою саблю на кустах ежевики в саду, но, убедившись, что этим клинком нельзя зарубить даже цыпленка, потерял к церемониальному оружию всякий интерес.

И визирь, и стражи изнывали со скуки. Но визирь уйти не мог, а солдат можно было менять, чем Конан вовсю и пользовался. Каждая церемония гадания — а они были расписаны на все десять дней заранее — продолжалась примерно с восхода до полудня, и за это время у калитки сменялось по три пары стражей.

Зерна с веселым дробным стуком тонкими струйками посыпались из ладоней Хамира на медь, раскатились по коврам. Некоторые, отскочив, попали в бассейн. Хамир принялся обходить столы, разглядывая получившиеся россыпи с одной и с другой стороны, что-то бормоча себе под нос. Остальные ждали его выводов, изредка вставляя в его бормотание непонятные Конану фразы: «Планета войны во втором доме, следовательно, этот рисунок надо рассматривать с запада...»

«В этот год гадание на урожай выпало на пятый день ущерба, значит, все упавшие зерна надо толковать в обратном смысле...»

«В воду упало десять, пятнадцать и тринадцать, это скверный знак для пшеницы, но лишь на третий год и то при внезапной новой женитьбе повелителя...»

Одно бобовое зернышко подкатилось прямо под ноги Конану, остановившись у самого его сапога. Оно легло точно в раскрытый клюв ласточки, вытканной на ковре, и Конан улыбнулся. «Как бы ты истолковал это, почтенный Хамир?» — пробормотал он. Как ни тихи были его слова, их услышал Магриб, стоявший в пяти шагах от киммерийца.

— О чем ты говоришь, мой ун-баши? Твои глаза орла увидели что-то, что пропустили мы? — живо обернулся он к Конану.

Тот двинул подбородком, указывая на зерно.

— Подойди-ка сюда, Хамир, — позвал Магриб. — Что ты на это скажешь?

— Скажу, что ты был прав, говоря о птицах по второму году.

— Следует беречь весенние посевы.

Он двумя пальцами поднял зерно к подслеповатым глазам.

— Да, да, оно еще и с трещиной! — Он обернулся к хозяину дома и весело сказал: — Твой ковер тоже стремится принять участие в гадании, почтенный Бахрам! Может, он волшебный? А это зернышко надо посадить и посмотреть, прорастет ли оно...

— Ты неистощим на шутки, о прозорливый и остроумный Хамир! — отозвался Бахрам с фальшивой улыбкой, не слишком удивившей Конана после вчерашнего рассказа Фейры.

— У меня есть подходящий горшочек, мне привезли его из Вендии, страны факиров. Если что-то не прорастает в нем, значит, оно не прорастет нигде.

В саду послышались шаги, и у калитки появились Харра с Альмидом и Закиром, братьями-близнецами. Конан с облегчением отсалютовал, передавая серебряную саблю Закиру, вставшему на его место. Тот ответил таким же салютом, скрестил свой клинок с клинком брата, и стражи замерли живыми изваяниями.

Выйдя из сада, Конан объявил:

— Я ложусь спать. Если ничего не случится, разбуди меня, когда солнце сядет на верхушки тех карагачей.

— Ладно, — с готовностью ответил Харра и добавил: — Только вот...

— Что? — нахмурился Конан, отлично знавший, что означает это «ладно, только вот». Хорошо изучив крутой нрав своего ун-баши, Харра любое возражение начинал с согласия. — Ну, говори, чего ты хочешь?

— Да я обещал ребятам город показать... И скучно им, и впервые здесь все. Растрясли бы немного кости, глядишь, повеселее бы стали, а?

Конан и сам подумывал, что пора его соколам немного проветриться, а то как бы и впрямь не закисло от скуки и безделья. Самым старшим в его отряде был двадцатипятилетний Фархун, ибо ун-баши отбирал себе парней молодых и сильных. Уныние однообразного караула и ежедневные тренировки в качестве единственного развлечения могли привести к взрыву. И так во время вчерашнего купания Хасим и Альмад, увлекшись, едва не утопили Фархуна.

— Нергал с тобой, хитрая ты рожа. Бери половину отряда и идите развлекайтесь. Но чтоб к вечеру все были в казарме, неважно, сколько вы там выпьете, хоть по трактиру на брата!

— За этим я прослежу, не тревожся, — поспешил его заверить обрадованный Харра. — Ихор тебя разбудит, он только что ловил за озером сусликов, попал в нору и вывихнул ногу. Пусть сидит теперь дома, вперед умнее будет.

— Начинается, — проворчал Конан. — Сейчас я ему вправлю кое-что вместо ноги... Где он?

— В роще, в тенечке. В холодной воде плещется, к утру будет уже на ногах. Иди лучше ложись. Мне все равно еще третью стражу разводить.

— Угу, — кивнул ун-баши.

Добравшись до своего топчана, он заснул раньше, чем закрыл глаза.

А Харра дождался конца церемонии, располовинил отряд, определил каждому из оставшихся в усадьбе дело на вечер, велел Ихору сторожить ун-баши и, оседлав лошадей, отправился в город. С ним поехали близнецы, Фархун, Хасим и Рустад.

Они ехали не торопясь, поскольку до вечернего закрытия ворот было еще много времени, а Харра заявил, что не пристало им, воинам владыки, нестись к веселым кварталам Хоарезма сломя голову. Всему свой черед. Отряд ленивой рысью трусил по дороге, обгоняя пешеходов и медлительные караваны, бесконечной чередой бредущие к Восточным воротам. Приближался

Праздник Откровения Пророка, и торговцы спешили заполнить товарами шумный праздничный базар, чтобы потом не кусать себе локти с досады, упустив барыши бойкой торговли.

Впереди уже маячили белые городские стены, над ними вставали голубые купола и острые иглы минаретов. Но выше храмов, выше тонких, пронзающих небо золоченых шпилей дворца вздымалась над городом огромная башня темного камня, одиноко подпирающая небо плоской зубчатой вершиной.

— Что это за страшилище? — поинтересовался Фархуд, тыча пальцем в мрачного колосса.

— О, это штука знаменитая: Черная башня Хтоорона! — ответил Харра. — Рассказывают, что когда-то, когда еще не было единого государства Туран, а были только города-эмираты, правил в Хоарезме ленивый и трусливый эмир, во всем полагавшийся на своего Великого визиря, а тот был колдун и наполовину стигиец. И он велел выстроить себе эту Башню и жил там, как скорпион в норе. По ночам он превращался в летучую мышь-вампира, летал по городу и сосал кровь у младенцев, еще не введенных в храм Эрлика. А потом хоарезмцы, не выдержав тягот податей и поборов, поднялись против эмира, сбросили его с трона, убили колдуна и призвали младшего брата тогдашнего эмира Аграпура править в Хоарезме. А Башня осталась, теперь это проклятое место. В нее замуровывают самых отпетых злодеев, и они умирают там в муках голода и жажды.

— Веселенькое местечко! — отозвался Альмид. — Ну а что-нибудь вроде нашего «Красного сокола» здесь есть?

— Есть и лучше. Вот въедем в город, я все покажу.

Стража у ворот, завидев черно-белые чалмы на шлемах и солнцегривого льва на кольчугах приезжих гостей, без лишних слов пропустила друзей в город. Вслед им завистливо смотрела толпа людей попроще, верхом на ишаках и мулах, а то и просто пеших, длинной вереницей выстроившаяся перед сборщиком въездных податей. Многие жители окрестных селений и ма-

лых городов приезжали в Хоарезм на Праздник Откровения: кто по делам, кто ради прибыльной торговли, кто просто поглазеть на Шествие Жрецов и прочие пышные церемонии. С каждого приезжего вздымалась пошлина: по закону — в зависимости от цели приезда, а на самом деле — от того, насколько глупо и богато он выглядел.

Задержавшись у ворот, Харра и солдаты некоторое время стояли в боковой улице и наблюдали за виртуозной работой сборщика. Караванщик с пятью верблюдами заплатил меньше, чем караванщик с десятью. Усталая женщина с двумя детьми верхом на старом ослике отделалась двумя медяками, а разодетый увалень, как видно, сын деревенского старейшины — в пестром халате, подпоясанном иранистанской шалью, в сапогах красной кожи, с медовой лепешкой в руке, — отдал три золотых. «За право присутствовать на Празднике, за нарушение последнего фирмана о роскоши, приличествующей именитым гостям, но не простолюдинам, и пеня на поддержание дорог в таком виде, в каком ты застал их, о путник — твои сапоги даже не запыхались!» — равнодушно-нравоучительно перечислил сборщик.

— Смотрите, дети мои, и учитесь, — велел Харра потешающимся солдатам. — Этот простофиля был наказан сообразно собственной чванливой глупости. Ручаюсь, что сапоги он начистил до блеска сам, перед въездом в город, а фирман о роскоши этот искусный облегчитель кошельков придумал сегодня утром. Всегда приятно иметь дело с настоящим мастером!

— Ладно, Харра, теперь води нас в какую-нибудь «Кабанью голову» или «Тухлого дракона», а то в плотке у меня уже пыльная буря!

— Есть тут одно местечко возле самой базарной площади. Поехали, здесь недалеко.

«Местечко» называлось «Три негодая», чем заранее вызвало вопли восторга у проголодавшихся солдат. Лошадей они оставили на проворного мальчишку, который, поймав на лету монетку, тут же кинулся ставить их у

коновязи. Войдя в полутемный, с низким, прокопченным потолком общий зал, Харра быстро отыскал стол в самом прохладном углу, выкинул на улицу спавшего за ним пьянчужку, и, вернувшись в таверну, громогласно воззвал:

— Рута, сердце мое, где же ты?

Из кухни высунулась замызганная мордашка какого-то мальчугана и, пискнув «ой!», быстро исчезла. Солдаты покатались со смеху.

— Ну и вкус у тебя, Харра! А как же фирманы о растлении малолетних? Да еще и мальчиков! На кол тебя, Харра!

— Рута, старая потаскушка! — рявкнул Харра во весь голос. — Мы умираем от голода и жажды!

— Кто это тут старая потаскушка? — раздался из кухни возмущенный ответ и в дверях появилась хозяйка — с кочергой в руках. При виде шестерых солдат нахмуренные ее брови сразу разошлись.

— Ах, доблестные воины, простите, я думала, опять этот несносный маслодел. Вечно напьется и начинает орать непристойности. Что желают столичные гости?

Хозяйке было, наверное, лет тридцать, но выглядела она на все тридцать три. Была она дородна, высока и белокожа. У нее были зеленые, чуть раскосые глаза и темно-рыжие волосы, что вкупе с широкими скулами и прямым, изящным носиком говорило о ее северном происхождении.

С кочергой в руках она была настоящим воплощением Бригитты, воинственной девы-стража, что, по поверьям эсиров, уносит души павших воинов с поля брани.

— Не узнаешь ли ты меня, пышнотелая Рута? — сладким голосом позвал Харра.

Хозяйка взглядела в него и вдруг кинулась на шею, едва не зашибив кочергой шарахнувшегося Фархуда.

— Харра! Старый греховодник! — визжала Рута в восторге. — А как изменился! Неужели ты и впрямь состоишь в дворцовой гвардии Повелителя Илдиза?

— Как видишь, — не без гордости ответил Харра. — Вот, привел тебе постояльцев. Смотри, как уставились на твой бока.

Рута кокетливо крутанулась на одной ноге.

— И как я твоим бесстрашным тиграм?

— Хороша! — искренне восхитился Фархуд. — Не хуже нашей Пилы. Эй, хозяйка, а еще такие же, как ты, у тебя есть?

— У меня есть все, что нужно настоящему мужчине, — Рута лукаво улыбнулась, блеснув белоснежными зубами, отчего сразу помолодела. — Может, пройдете во внутренний двор? Здесь душно, да и всякого сброду заходит немало.

В мгновение ока на выбранном для них Рутой столе в тени увитой плющом стены появились дымящиеся блюда и миски, а к ним золотистое хоарезмское вино в огромных стеклянных кувшинах. Хорошенькие девчонки, подававшие кушанья, глаз не сводили с молодых воинов, качая бедрами так, словно уже год не видали мужчин. Пользуясь послеполуденным затишьем в таверне, Рута подсела к давнему приятелю и его друзьям.

— Я все не могу поверить, что это действительно ты, мой ветреный Харра! — повторяла она. — А эти молодцы — твои, или ты пока простой наемник?

— Зная скромность нашего Харры, тебе отвечу я, хозяйюшка, — вмешался Закир. — Он — правая рука нашего грозного ун-баши, непобедимого Конана из Киммерии. И когда Конана сделают кир-баши, а случится это, видимо, очень скоро, Харра займет достойное место в его дюжине дюжин! А мы придем проситься в его отряд, верно, ребята?

— Вот ведь болтун! — сказал польщенный Харра. — На коленях приползешь — не возьму.

— Смилуйся! — жалобно застонал Закир, молитвенно сложив руки, предварительно облизав жирные пальцы. — Бери у меня что хочешь! Вот это персик? Или ножку индейки? Только оставь при себе! Я зачехну! Утоплюсь! Уйду в разбойники!

— Сжался над нами, недостойными! — тут же радостно завyli остальные, подхватив забаву. Фархунд и Альмид рухнули на колени, благо дощатый помост над бассейном с фонтаном был застлан чистыми циновками. — Не оставь прозябать в безвестии! Вот урюк и медовые лепешки. — Блюдо с урюком плюхнулось Харре на колени, сверху посыпались лепешки. — Не хочешь ли ты еще ароматного плова или сладкого вина? — И кувшин, полный золотистого, прозрачного напитка угрожающе завис над штанами Харры.

— Уймитесь, шутники, заберите вас Нергал! — отбивался от них Харра. — Конана на вас нет! Куда вам еще в разбойники, вы и так хороши!

Глядя на их возню, Рута хохотала заливисто, словно девчонка:

— Так его! Будет знать, как исчезать на три года и не слать ни одной весточки!

— Кстати, о разбойниках, — хитрый Харра знал, чем утихомирить своих расхोдившихся молодцев. — Почему «Три негодяя»? Ведь еще три года назад их было четыре.

— О, это целая история, — отозвалась Рута, сразу перестав смеяться. — Одним уже стало меньше.

Все заинтересованно повернули к ней лица, и Харра, воспользовавшись этим, быстро разлил по кружкам вино, едва не выплеснувшееся на его новые штаны.

— Расскажи им, они ведь не знают твоей истории. Народу пока нету, а если кто придет, твои девочки с ним управятся.

Рута не заставила себя долго упрашивать. Отпив из кубка, она вздохнула и начала:

— История моя проста. Родом я из Астарда, ледяной страны далеко на севере от этих благословенных мест. Я пасла птицу и скот, помогала матери вести дом и заботиться о моем младшем брате. Однажды ночью, среди зимы, на нашу деревню напали гиперборейцы, сожгли ее дотла и перебили всех взрослых мужчин. Деревня наша была маленькой и небогатой, никакой корысти разорять

ее не было. Кроме одной: рабы. Все, кто остался жив в пожаре и битве, а это были старики, женщины и дети, были угнаны в рабство. Моя мать и брат замерзли насмерть на переходе через ледяные пустоши, а меня продал на рынке в Халогe убийца моего отца и старших братьев — Инвард Рыжебородый. Мне было тогда десять лет от роду, я обещала вырасти в красавицу...

— Ты и сейчас хороша, как спелое яблочко, — ввернул Харра.

— Ну, нынче яблочко уже перезрело, — отмахнулась Рута и продолжала: — Меня купил один бритунец — вместе с еще несколькими женщинами — и увез через горы в свою страну. В его доме нас приняли, как гостей, и три луны заботились о нас, кормили и не обременяли никакой работой. Бритунского языка я не знала и не понимала почти ничего из разговоров прислуги. А потом Сим Смайт, мой хозяин, снарядил караван в Замору и продал нас еще раз, но уже гораздо дороже, поскольку откормил и приодел. В серале шадизарского вельможи я провела пять лет, и это были самые счастливые годы моей жизни. Этот человек не отказывал мне ни в чем, обучил игре на цитре и флейте, танцам и еще кое-чему. Но, как бы он ко мне ни относился, я все же была рабыней, и когда бывший у него в гостях купец из Шема, Иоханн, предложил за меня тысячу золотых, мой хозяин не устоял. Он был уверен, что Иоханн влюбился в меня с первого взгляда, раз заплатил такие деньги. Из его дома я уехала, как принцесса: с кучей добра, тряпок и украшений. Но по дороге к Шему я случайно узнала, что везут меня вовсе не в дом купца, а в Птейон. Владыка Черного Круга нуждался в девственности северных кровей для какого-то мерзкого колдовского опыта и обещал Иоханну большие деньги, если тот доставит требуемое в короткий срок. Шемит собирался уже ехать в Халогу, а тут подвернулась я. Ну, я не стала ждать и сбежала на границе Кофа. Украла лошадь и кое-что из безделушек и скакала всю ночь, пока бедная кобыла не выбилась из сил. Потом я едва не погибла в

пустыне, но добралась все же до Хаурана. Там я встретила человека, который первый взялся помочь мне просто так, ни за что. Я была измучена и больна, и с радостью доверилась ему. За мои украшения мы выручили неплохие деньги, и год жили в счастье и согласии. Потом деньги кончились, и я вспомнила, что неплохо танцую. Мы продали его маленький дом и купили ослика и повозку. Мы странствовали из города в город, я плясала и пела на базарных площадях, он варил бобовую похлебку, и мы были совершенно счастливы. Ну, словом, мы попали в Туран. Были и в Аграпуре, и в Шангаре, пока не приехали в Хоарезм. И здесь он продал меня в веселый дом, а сам удрал. Ну, я поплакала, конечно... А потом подумала: моя мать была правнучкой самого Хенгеста Отважное Сердце, хоть он никогда и не узнал об этом.

И стала копить деньги. Я копила их десять лет. А потом выкупила себя из «Услады Иштар» и приобрела этот трактир. Мне понравилось его расположение и название: «Когти льва». Но я переименовала его в «Четыре негодая». И с тех пор мои девочки в каждый торг на невольничьем рынке ищут того шемита, бритунца и гиперборейца. Хотя Инвард, наверное, уже умер, если не от старости, то в какой-нибудь битве. Но пока до меня не дошло известие о его смерти, я не буду менять названия.

— Так почему «Три»? — снова спросил Харра. — Того неверного возлюбленного ты уже поймала?

— Да, он появился здесь полгода назад, — не без удовольствия ответила Рута. — Очень обрадовался, увидев меня живой и невредимой, говорил, что раскаивается в содеянном зле.

— И что же? — как мог наивнее спросил Закир.

— Я накормила и напоила его почти до беспамятства, а потом мы с моими девушками залюбили его до смерти, — безмятежно сказала Рута и улыбнулась. — Одним негодяем на моей вывеске стало меньше, и когда-нибудь я надеюсь залучить сюда всех остальных.

— Вот славная женщина! — восхитился Закир. — Я тоже не прочь умереть такой смертью!

За время рассказа Руты почти все, что еще оставалось на столе, было выпито и съедено, и хозяйка позвала одну из девушек, сновавших по помосту от столов в кухню и обратно — в трактире уже было довольно много народу.

— Инрида! Принеси вина сюда, да прихвати еще сладкого снега, и халвы, и фруктов!

Спустя недолгое время смуглокожая красавица Инрида явилась со всем перечисленным и, выставив это перед гостями, принялась собирать пустые блюда.

— Оставь, я сама унесу. Погляди-ка на этого красавчика. — Рута ткнула пальцем в широкую грудь Закира. — По нраву он тебе?

— По нраву, — улыбнулась Инрида. — И впрямь красавчик.

— Тогда пойди и сделай с ним то, что мы впятером сделали с... ты знаешь, с кем. Надеюсь, твои войны достаточно живучи, Харра? Инрида — девушка редких дарований.

Но Закир, не слушая ее язвительных речей, медленно поднялся со своего места, подхватил взвизгнувшую девушку поперек талии, молча взвалил на плечо, в свободную руку взял один из еще полных кувшинов и вопросительно посмотрел на хозяйку.

Рута в восторге захлопала в ладоши.

— Вон в ту дверь и налево вверх по ступеням! В свободных комнатах снаружи торчит ключ! Если народу будет не очень много, видит Эрлик, я к вам присоединюсь!

— Э, нет, — запротестовал Харра. — А мы тут, что же, останемся одни?

— На втором этаже хватит комнат еще на дюжину человек, можете разбредаться хоть все разом, — весело ответила Рута.

— А чтобы вы не скучали, я сейчас пришлю сюда девушек.

Словно по мановению волшебного жезла на помосте появились пятеро нагих красавиц. Их длинные волосы были подобраны, и ничто не мешало любоваться их прекрасными телами. Девушки скользнули в бассейн, откуда-то сверху послышалась музыка, и начался медленный, но по-своему очень красивый танец обнаженных тел в прозрачной воде.

— Вот это да! — выдохнул Хасим. — Такого в «Красном Соколе» не увидишь!

— У Руты — одно из самых лучших заведений в Хоарезме, — ответил Харра. — Она мудрая женщина. В первом зале тесно, душно и дешево, а здесь — прохладно, просторно и дорого. Но из первого зала одним глазком можно подсмотреть, что творится здесь, и это привлекает туда толпы народу. И рано или поздно какой-нибудь из скромных до поры до времени посетителей правдой и неправдой собирает деньги и появляется здесь, на помосте. А уж Рута не смотрит, сколько дыр у него в халате.

Солдаты, как зачарованные, смотрели на игру морских дев. Те плескались в бассейне, словно разноцветные русалки всех морей. Одна из них была явная кушитка — с темно-коричневой кожей, полными губами и жесткими, выющимися волосами. Были здесь и светловолосые северянки, и смуглые туранские красавицы. Похоже, Рута ходила на невольничий рынок не только затем, чтобы искать людей, когда-то ее предавших.

Танец кончился, музыка смолкла, пятеро посетителей поднялись из-за столов и вытащили девушек из бассейна. За столы они, конечно уже не вернулись.

— А хватит ли на нашу долю? — забеспокоился Фархунд.

— Ты не слышал, что сказала Рута? Она десять лет провела в веселом доме. У нее все поставлено на широкую ногу, отсюда еще никто не уходил обделенным, — заявил Харра. Он сидел на своем стуле, развалившись и прислонившись спиной к стене. — Что касается меня, то я предпочту немного протрезветь. Это вино ударяет в

голову. А с девушками Руты негоже встречаться бесчувственным чуелом.

— Да ты разве пьян? — удивился Альмид. — Видал я тебя после третьего кувшина заморанского, вот это было действительно...

Но тут в трактир через общий зал ввалилась пестрая толпа — флейтисты, барабанщики, факиры и танцовщицы. В центре этого шествия вышагивал юноша в богатых одеждах, невысокого роста, узкий в плечах и бедрах. Его поразительной красоты лицо с чуть раскосыми темными глазами было невозмутимо, как вода горного озера. Он вскинул тонкую руку, и свист флейт, бой барабанов и скачки акробатов тут же прекратились. Юноша учтиво поклонился всем присутствующим:

— Да простят мне мою дерзость все, кто вкушает от усад этого заведения! Я приглашаю сегодня всех пить и есть за мой счет, и если вы прислушаетесь, то несомненно уловите шум в том зале, ибо я велел угощать от моего имени всякого, кто войдет туда, сколько бы он ни выпил или съел. Прошу вас, нежные девы.

Приведенные им танцовщицы бросились помогать девушкам Руты, флейты и барабаны завизжали и загремели снова, еле слышные в восторженном реве посетителей, с энтузиазмом принявших приглашение расточителя. Факир бросил в бассейн щепоть семян и мгновение спустя вся поверхность воды покрылась цветущими лилиями. Это вызвало новые одобрительные вопли.

— Что-то здесь становится шумно, — проворчал Харра. — Эй, парень, пошумел и выметайся отсюда! Слышишь, что я сказал? Забирай свой балаган и выметайся!

— Да ладно тебе, — вмешался Фархунд. — Смотри, что вытворяет тот вендиец!

Смуглый тощий факир распылял горсти цветной пыли направо и налево. Она взлетала стайками сверкающих, словно драгоценные камни, крошечных птичек, разноцветных большекрылых бабочек и стрекоз. Слова

Харры не встретили поддержки и за другими столами, а он был достаточно пьян, чтобы, разозлившись, вскочить и схватиться за меч.

— Убирайся, парень! Кичись своим богатством где-нибудь в другом месте!

Факир подскочил к Харре и выпустил стайку птичек прямо на него. Воин досадливо отмахнулся и шагнул ближе к чудному богачу. Юноша повернул к нему холеное, с тонкими чертами лицо.

— Почему мы должны пить за твоё здоровье? — бушевал Харра, не обращая внимания на укоризненные уговоры своих друзей. — Кто ты такой, что пришел сюда и превращаешь в балаган лучший трактир Хоарезма? Если ты приезжий — а по твоей внешности не скажешь, что ты туранец, — веди себя в нашей стране так, как хотим мы!

Незнакомец взмахнул рукой, и столпотворение стихло, словно и не было.

— Я вижу на ваших кольчугах льва с гривой из солнечных лучей, — с поклоном сказал юноша Харре, одновременно обращаясь и к остальным солдатам. — Значит ли это, что вы прибыли из Аграпура и состоите в войске Повелителя Илдиша?

Он произносил слова туранского языка без какого-либо акцента, более того, Харра услышал тот своеобразный выговор, который свойствен только хоарезмцам.

— Да, — еще напряженно, но уже без злости ответил он. — Мы из Аграпура. И действительно состоим в войске повелителя.

— Тогда мой священный долг — принять вас в Хоарезме, моем родном и, смею заметить, гостеприимном городе, — ответил юноша с новым поклоном. — Но помимо этого у меня есть и еще один повод навязывать вам угощение. Шесть дней назад умер мой отец. Умирая, он завещал мне раздать все его богатства, что я с успехом и не без пользы для других и делаю уже седьмой день. Труд мой уже близок к концу, а потому не откажитесь потратить немного моих денег и выпить за то,

чтобы душа моего родителя не скорбела среди уныния Серых Равнин. Если же вам мешает шум — извольте.

Обернувшись к сопровождавшей его пестрой толпе, он достал из-за пояса мешочек с деньгами и кинул им, сказав:

— Благодарю вас, друзья мои. Более я в ваших услугах не нуждаюсь, ибо эти деньги у меня последние. Теперь делайте, что вам угодно: хотите — веселитесь вместе со всеми в общей зале, хотите, — расходитесь по домам.

Танцовщицы, музыканты и факиры удалились, пытаясь и усердно кланяясь щедрому юноше. Взрыв воплей и свиста, раздавшийся в общей зале, сказал о том, что не все из них поспешили уйти.

— Так лучше? — обернулся к Харре незнакомец.

— Парень, ты начинаешь мне нравиться, — заявил Харра. — Садись к нам, и мы выпьем за твоего отца, прими Эрлик его душу, и за отца его отца, и за всех твоих предков. Как твое имя?

— Юлдуз, — просто ответил юноша, садясь на свободный табурет.

Харра многозначительно посмотрел на саблю, выглядывающую из-под полы нового знакомца.

— Юлдуз абн... м?

Юноша рассмеялся, взмахнув маленькими и тонкими в запястье, как у женщины, руками.

— Просто Юлдуз, — ответил он. — Мой отец был в Хоарезме всего лишь ткачом. Правда, богатым и знаменитым далеко за пределами этого города, так что сумел дать мне воспитание, достойное сына князя. Но я и сам неплохой мастер, а хатану ношу лишь потому, что это — память. Отец вывез ее из Кхитая, откуда он родом, и сохранил, не продавая даже в самые черные времена.

— Могу я посмотреть? — сощурился Харра.

Юлдуз молча вынул меч из ножен и протянул Харре, изящным и ловким жестом вывернув оружие рукоятью вперед. Это не осталось незамеченным.

— А драться ты им умеешь?

— Думаю, что смогу защитить себя, если потребуется.

— Ну-ка, Рустад, ты ближе всех к кувшину, налей нам вина, — распорядился Харра, крутя в ладонях хатану.

Меч был великолепен, не удивительно, что юноша не хотел с ним расставаться. В его поверхность можно было смотреться, как в зеркало, до того она была чиста. Клинок был длиннее обычной сабли и имел более плавный изгиб. Маленькая круглая гарда изображала двух сплетенных в схватке драконов, и дракон, грызущий копьё, был искусно выгравирован у основания клинка. Рукоять, обвитая переплетенными шнурами, сама просилась в ладонь.

— Вот бы нашему ун-баши его показать, — выдохнул восхищенный Фархун. — Никогда я раньше таких клинков не видел.

— Да, Конан бы оценил твой меч, Юлдуз, — кивнул Харра, возвращая оружие юноше. — Что ж, мы собирались выпить. За твоего отца, Юлдуз, не мог он быть пустым человеком, если хранил такой меч!

— Благодарю тебя, благородный воин. Не могли бы вы тоже назвать мне свои имена?

Харра перечислил всех, включая себя и добавил:

— А Закира утатила смуглянка, они наверху. Эй, Рута! У нас стало на одно горло больше, и это горло утверждает, что за все заплачено! Мы хотим еще вина и такого же чудного барашка, с какого начали!

В ответ откуда-то из кухни донесся звонкий смех хозяйки, и три проворные девушки мигом прибрали со стола и натаскали новых блюд и кувшинов — полных взамен пустых.

— Пойду проведаю брата, — заявил вдруг Альмид, сграбастал одну из девчонок в объятия и наградил звонким шлепком по упругому заду. — Ну-ка, красotka, где у вас тут зацеловывают насмерть?

— Наши ряды редеют, — с пьяной грустью откомментировал его уход Харра. — Кто следующий?

— Пожалуй что я, — отозвался Рустад и отправился к бассейну, где снова плавали девушки. Выловив русалку себе по нраву, он тоже ушел наверх.

— Ешь и пей, Юлдуз, — сказал Харра, придвигая дымящееся жаркое ближе к юноше. — Не знаю, в самом ли деле был тот кошелек у тебя последним...

— Увы! — рассмеялся Юлдуз. — Больше у меня нет ничего, даже дома, ибо и его я продал, а деньги потратил. Я честно исполнил волю покойного родителя — и теперь могу отправляться на все четыре стороны!

— Тогда... — уже несколько заплетающимся языком вымолвил Харра, — тогда мы сейчас выпьем за послушных сыновей... Даже если они настолько глупы, чтобы быть послушными, — неожиданно заключил он.

И они выпили за послушных сыновей, за глупых сыновей, за умерших родителей и живых родителей, потом выпили за новых друзей и старых врагов, потом еще за что-то, а потом принялись петь — совсем негромко и мелодично, но почему-то распугали этим всех остальных посетителей. Нагие девушки уже не плавали в бассейне, а сидели у них на коленях и смеялись и пили вместе с ними. На коленях у Харры сидела Рута, смеясь громче всех. Вокруг стола рядами выстроились пустые кувшины.

Наконец Юлдуз, который, похоже, не был подвержен хмельному действию вина и единственный из всех сохранял еще ясность мысли, поднялся со своего места.

— Друзья мои! Как ни жаль мне покидать ваше общество, но уже темнеет, и будет нехорошо, если ночная стража застанет нас здесь в поздний час. Мне бы не хотелось завершать нашу пирушку в тюрьме за нарушение порядка и возмущение спокойствия. К тому же мне еще нужно найти, где переночевать...

— Что за речи! — закричала Рута. — Ночуй у меня, господин мой, ты оплатил все расходы с лихвой!

— Н-нет! — встрял вдруг Харра. — Он пойдет с нами! Конан будет несчастен всю жизнь, если не уви-

дит его меч... Пойдешь с нами, Юлдуз? Мы возьмем у Руты взаймы лошадь...

— Ну... В общем-то, мне все равно куда идти... — пожал плечами юноша. — Можно и с вами.

— А где вы, кстати, стоите? — спохватилась вдруг Рута. — Чтобы мне знать, у какой коновязи искать потом свою лошадь!

— В доме почтенного астролога Бахрама, — ответил за Харру Фархуд. — Наш отряд охраняет его усадьбу, пока идет Весеннее Гадание.

— В доме почтенного Бахрама? — переспросил Юлдуз, изменившись в лице. — Друг мой Харра, а не поторопиться ли нам в таком случае? Дом Бахрама, насколько я знаю, находится вне городских стен, а ворота скоро закроют! Скажи, добрая моя Рута, могу я оставить пока у тебя небольшой узел? Там нет ничего особенно ценного, но будет жаль, если он пропадет.

— Оставляй хоть верблюда с полным грузом! — весело отозвалась хозяйка и затормошила дремлющего Харру: — Эй, дружок, ворота и впрямь скоро закроют! Так что решайте живее — ночуете у меня или едете домой!

— Вер-рно, разрази меня Кром! — энергично кивнул Харра, просыпаясь и отвешивая старой подружке шлепка. — Рута, беги тормози моих ребят, пусть вылезают из постелей, если еще живы! Мы едем!

Рута нехотя слезла с его колен и направилась наверх, ворча:

— Могли бы и остаться...

— Кром? — удивленно переспросил Юлдуз. — Я полагал, бесстрашный Харра, что ты туранец...

— Я — туранец, — подтвердил Харра, — конечно, туранец! Мы встаем! Иначе мне достанется — не от Крома, так от его сына...

— Я не понимаю... — начал было Юлдуз, но Фархуд и Хасим со смехом пояснили:

— Мы все туранцы и чтим Эрлика и Тарима, Его пророка, и Харра также чтит его, но наш ун-баши —

киммериец, сын Крома, Владыки Могильных Курганов.

— Да, и сын грозного бога нарежет нам ремней из спины и присыплет солью, если мы не вернемся вовремя!

— Теперь я понял, — улыбнулся Юлдуз. — А вот и ваши герои любовных битв!

«Герои» имели вид весьма потрепанный — видно, девушки постарались на совесть. Вся компания вывалилась на улицу и с горем пополам расселась по лошадям, что было нелегкой задачей, ибо Рута и ее красотки висли у воинов на шеях, перецеловывая всех по три раза и требуя непременно приехать еще. Рута вывела Юлдузу тонконогую, вздрагивающую со сна кобылу, и Харра, хоть и был пьян, но сумел отметить, что с седлом парень управляется довольно ловко.

— Ну, прощай, Рута! Теперь мои орлы к тебе до рогу знают, не заблудятся! Гей, гей, поехали!

Прохлада ночи и мысль о вот-вот закрывающихся воротах отрезвили их достаточно, чтобы выдержать галоп. Они успели в последний миг — стражи уже задвинули одну створку. Во весь опор маленький отряд промчался мимо зевающих стражей и скрылся в наползающем с моря тумане. В усадьбе они были еще до полуночи.

— До чего хороши! — оценил их Конан, со смехом глядя, как они вылезают из седел — словно тюки с кхитайскими шелками, когда их сбрасывают с верблюдов караванщики. Ничего другого ун-баши от поездки в город и не ожидал. — Ну-ка, Омра, Рамас, волоките их к озеру, да по три кувшина ледяной воды на голову каждому, а то их завтра и набат не разбудит! — Тут он заметил седьмого всадника и нахмурился. — А это еще кто?

Харра, совершенно протрезвевший за время скачки, подвел к нему Юлдуза.

— Это наш гость! — объявил он. — Его имя — Юлдуз, и четверть луны назад у него умер отец, и это все, что я о нем знаю, кроме того, что он — славный парень, и истратил на наши утробы и глотки последние

деньги. Мы решили, что должны отблагодарить его.

Юлдуз нагнул голову в вежливом поклоне.

— Что ж ты, мальчик, взялся кормить этих ненасытных, разве по их лицам не видно, на что они способны! — сказал Конан, без улыбки глядя на юношу.

— С твоего позволения, ун-баши, я уже давно не мальчик, во всяком случае, не больше, чем ты сам, — наконец негромко ответил Юлдуз. — А что до моих безрассудств, то от них нет вреда никому, кроме меня самого.

— Да ты дерзок, молодой петушок! — рассмеялся Конан. — Немногие отважились бы на такой ответ Конану Киммерийцу! Оставайся, если хочешь, утром мы посмотрим, чего ты стоишь.

— Благодарю тебя за гостеприимство, сын Крома. — Юлдуз с достоинством поклонился и направился расседлывать и чистить свою лошадь.

Конан, высоко вздернув черные брови, посмотрел ему вслед и обернулся к Харре. Тот улыбался, донельзя довольный собой.

— Ну, не молодец ли я, что привез его? Зверей такой породы ты еще не видел?

Киммериец покривил рот и проворчал:

— Завтра мы дадим ему в руки меч и посмотрим, не напустит ли он в штаны. От тебя разит вином, Харра. Иди, вылей на себя воды хотя бы вполовину того, что выпил!

Глава 4. Ночные шорохи. Свиток

Конан вертел в руках хатану, ловя полированным металлом первые лучи восходящего солнца. Рядом разглагольствовал Харра, в лицах изображая их вчерашний поход.

— И тогда я сказал себе: Харра, твой ун-баши будет всю жизнь несчастен, если не увидит этого меча! Ну, одолжи у Фейры серебряное зеркало и посмотри на

свои горящие глаза, а после этого посмей сказать, что я плохо сделал!

— Вот это меч, — не слушая болтовни Харры, благоговейно вымолвил Конан. Глаза у него и в самом деле горели. — Где же куют такие мечи? В Кхитае?

— Даже в Кхитае эти мечи — редкость, — с улыбкой заметил Юлдуз. — Во всем подлунном мире их не более трех дюжин. А куют их на островах, что лежат за Кхитаем еще дальше на восход солнца. Раз в сто лет приходит оттуда корабль, и среди прочих удивительных вещей бывают там и хатаны. Говорят, их куют не один десяток лет, давая металлу вылежаться в торфяном болоте, в земле, на дне морском и еще Эрлик знает где. Но доподлинно о том ничего не известно. Народ тех островов похож на кхитайцев, но лишь внешне. Говорят, там правит Жрец-Император, который живет уже две тысячи лет и ездит на драконе с чешуей из пластин бирюзы. И что этот Император равно любим всеми жителями островов, от вельможи до простого землепашца, которые почитают его как собственного отца. Еще ни одно судно не достигло берегов той страны, и не достигнет, потому что острова якобы окружены волшебным облаком, и кормчий не увидит их, даже если проплывет в десяти локтях от берега... Но это все сказки, правды же не знает никто.

— Как в таком случае он достался тебе, сыну простого ткача? — спросил Конан, возвращая хатану владельцу. — Сколько же нужно золота, чтобы купить такой меч?

— Мой отец не всегда был ткачом, — уклончиво ответил юноша. — Этот меч он всю жизнь хранил как самую большую драгоценность. И тому, кто захочет отнять его у меня, придется сначала выпустить мне всю кровь до последней капли.

— Клянусь Кромом, хорошо сказано! — одобрительно отозвался киммериец. — Ну а владеть ты им умеешь?

— Не так, как пристало настоящему воину, но умею, — пожал плечами Юлдуз.

Конан вышел на засыпанную с утра свежим песком арену.

— А ну-ка, встань против меня!

— Этим мечом можно снести голову сквозь кольчужный воротник, — напряженно сказал Юлдуз. — И вынимать его из ножен для забавы мне бы не хотелось.

— Ты мужчина или девушка на первом свидании? Вставай, не ломайся! — Конан вынул саблю и принял стойку. — Ну?

— До первой крови, — предупредил Юлдуз.

— Давай, давай, не болтай попусту!

Юноша нехотя взял хатану обеими руками и встал против Конана, чуть расставив ноги.

Конан сделал пробный выпад — и не увидел того движения, которым ускользнул в сторону Юлдуз, гибкий, как кошка.

— Хорошо! — крикнул киммериец и ударил снова. Клинки скрестились, и снова Юлдуз отступил в сторону плавным движением танцовщика.

— Отлично, клянусь Кромом! Ну, нападай! Давай, что же ты!

Но юноша упорно избегал нападения, легко отражая удары Конана или уходя в сторону. Наконец, видя, что ун-баши начинает злиться, Юлдуз взмахнул сверкающим клинком перед самым лицом киммерийца и отскочил назад, опустив меч. Конан выпрямился. В руке Юлдуза была зажата прядь черных жестких волос киммерийца.

— Это очень опасно, Конан, — сказал он спокойно. — Я могу случайно отсечь тебе руку. Ты опытный воин, а я — нет. Я могу не успеть отвести удар.

— Глядя на тебя, не скажешь, что ты — неопытный воин, — проворчал киммериец.

На Юлдузе не было ни царапины, хотя последние два удара Конан наносил уже всерьез, стремясь как следует зацепить противника.

Но то ли в силу чудесного меча, то ли в силу маленького роста и гибкости Юлдуз счастливо избежал и последних атак.

— Ладно. Держи его при себе, раз так боишься им кого-нибудь убить. Харра! Поди спроси у женщин, будет ли нам нынче завтрак! Ты ведь, кажется, задолжал его нашему гостю?

— А то как же! — весело отозвался Харра и умчался в дом.

Вскоре большой стол во дворе был заставлен блюдами с тушеной с черносливом бараниной и кувшинами с вином, и весь отряд, не считая тех двоих, кто стоял на страже при церемонии Гадания, приступил к трапезе.

— Так твой отец был богатый человек? — расспрашивал Конан Юлдуза. — Как же он попал в Туран?

— Мой отец разбогател здесь, — отвечал Юлдуз. — В Туран он приехал почти нищим, не имея в Хоарезме ни знакомых, ни друзей. Его приютил старый мастер, и у него отец выучился ремеслу, а потом передал его и мне. Став мастером, он построил здесь дом и женился на дочери соседа, такого же ткача. Моя мать была туранкой, так что я — наполовину туранец, наполовину кхитаец. Но всю жизнь прожил в Хоарезме.

— Как же он решился оставить тебя без гроша в кармане? — недоумевающе спросил Харра. Видно, этот вопрос его занимал больше всего. — Я сам сын купца, и купца небедного. Он, конечно, кричал, что лишит меня наследства, когда я сбежал из дому в поисках счастья, но когда полгода назад я приехал его навестить, он с гордостью показывал меня всем соседям и дал на обратную дорогу две сотни золотых, — помнишь, Конан, мы еще потом три дня на них кутили всем отрядом? А ты, судя по всему, был сын почтительный и послушный... Нет, этого я понять не могу.

— А мать твоя жива? — спросил Конан, не слушая разглагольствований Харры.

— Увы, мать моя умерла, когда мне не исполнилось и пятнадцати лет, — ответил Юлдуз. — А теперь, со смертью отца, у меня больше нет никаких родных. Родители моей матери умерли, не дождавшись рождения

внука, и иных детей у них не было. А родителей отца я никогда не видел.

— Как же ты будешь жить — без дома, без семьи и родных? — удивился Харра.

— Я молод, у меня есть руки, да и голова на плечах тоже имеется, и не пустая, — рассмеялся Юлдуз. — Я найду, как прокормить себя. Мне одному нужно немного. Наверное, пойду странствовать. Я давно хотел побывать в сказочной Вендии. Матушка говорила мне, что там текут реки шербета с берегами из рахат-лукума, — он снова рассмеялся. — Вот я и проверю.

— Был я в Вендии, — проворчал Конан. — Нет там рек шербета, зато есть черные маги. Спору нет, страна сказочная, да ведь в сказках не только сладкие реки текут, есть и огненные.

— Свои глаза, говорят, вернее чужих, — отозвался Юлдуз беспечно. — Не увижу сладких рек, посмотрю хоть на огненные. Да и на родине предков тоже, наверное, следует хоть раз появиться.

— Что ты там забыл, на этой родине предков? — снова встрял Харра. — Рис да драконы, больше там ничего нету. А к рису — ласточкины гнезда и побеги бамбука на сладкое. Разве это жизнь?

— Харра, — нетерпеливо сказал Конан, — сходи смени ребят.

— Пора уже.

— Между прочим, это я его привел, — проворчал Харра обиженно, но все же взял Хасима и Рустада и пошел менять караульных. Но долго он не задержался: Ихор и Омра, заступившие на стражу еще до завтрака, примчались быстрее ветра, издали учуяв запах жаркого.

— Ну и дела они там сегодня творят! Льют какую-то черную горячую жижу на пластины слюды — как глянень, так и есть не захочется! — пожаловался Ихор, уплетая баранину за обе щеки. — А глянуть на этого горбуна, Магриба, — так просто дрожь по коже. Ну колдун и колдун! Как зыркнет своими кошачьими глазами...

— Ешь молча, — оборвал его Конан, и Харра красноречиво развел руками у него за спиной: мол, говорил я вам!

Еще не все было съедено и выпито, как со стороны Хоарезма на дороге показалась крытая повозка, в какой разъезжают по деревням и селениям казии, записывая нехитрые сделки и скрепляя печатью наместника брачные договоры, а также бумаги о разводе, рождении или смерти. Видно, в деревне кто-то судился или близка была свадьба, коль скоро пожаловал сюда казий.

Но повозка не остановилась у деревенского трактира, обычного места сбора старейшин, где справлялись все свадьбы и поминки, отмечались рождения новых туранцев и велись мелкие тяжбы. Послушный ослик, подгоняемый кнутом, протрусил через всю деревню и поволок повозку выше, к усадьбе Бахрама.

— С кем это старик затеял судиться? — удивился Харра, глядя на приближающегося казия. — Не мог найти другого времени, что ли?

Повозка остановилась посреди внешнего двора.

Заинтересованные солдаты встали из-за стола и подошли ближе. Из повозки, несколько робея перед таким скопищем вооруженных людей, вылез писец и помог вылезти казию. Вслед за казием из повозки выбрался тучный, одышливый меняла Испахир, всем в Хоарезме известный как первый выжига и плут.

— Есть ли среди вас ткач по имени Юлдуз, что похоронил недавно усопшего родителя? — скрипучим, как колеса его тележки голосом возгласил казий.

— Да вот он, этот мошенник! — толстый палец менялы торжествующе уперся в юношу, подошедшего вместе со всеми. — Мне ли его не знать!

— Что тебе нужно от меня, меняла? — холодно поинтересовался Юлдуз. — У меня нет с тобой дел — ни денежных, ни дружеских.

— Теперь есть! Думаешь, я забыл, как ты выставил меня на позор всему базару, когда какой-то проходимец подсунул мне фальшивое золото? Я все помню!

— Что до твоих седин, — отвечал Юлдуз, — то они могут вызвать только скорбь о том, что годы прибавили тебе серебра в волосах, но не прибавили золота в сердце. О честности же твоей наслышан весь город. Это ты тогда пытался подсунуть немедийскому торговцу фальшивое золото, а не он тебе! Вот было бы славно, если бы наш Хоарезм ославился на всю Немедию как город фальшивомонетчиков! Но то дела давно минувшие, на что я тебе теперь?

— Надо рассчитаться, уважаемый Юлдуз, надо за все рассчитаться, — захихикал меняла.

Его маленькие глазки совсем пропали за трясущимися от жира щеками.

— Вот! Купчая на твой дом!

Юлдуз мельком взглянул в бумагу.

— Мне жаль, что ты перекупил его, ибо я продавал наш дом в хорошие руки. Но что с того, я же больше не живу в нем?

— А к дому прилагается опись, и половина предметов отсутствует! У меня есть десяток свидетелей, что новый владелец даже не переступал порога этого дома! Значит, ты продал ему ничто, пустой воздух! Слова на бумаге! Взгляни-ка, уважаемый Юлдуз, вот вещи, немалой ценности, как значится в описи, не наличествующие в купленном мною доме!

— Я и смотреть не буду, — пожал плечами Юлдуз. — Я хорошо знаю, что не составлял описи имущества, когда продавал дом, а это значит, что ты сам написал ее, а подкупленный тобою казий заверил бумагу печатью и проставил число шестидневной давности.

— О неучтивый юноша! — заскрипел казий. — Суд нашего наместника неподкупен, оскорбляя суд, ты оскорбляешь наместника, а оскорбляя наместника, ты оскорбляешь власть. А за оскорбление власти следует наказание по закону, а именно — отрезание чересчур длинного языка!

— В мои намеренья не входило никого оскорблять, в ваши же, как видно, входит засадить меня в долговую

яму, а то и казнить, — усмехнулся Юлдуз. — Правильно я тебя понял, о неподкупнейший из казиев?

Казий потыкал узловатым пальцем в предъявленную опись.

— Ответчик должен в самый краткий срок либо предоставить в распоряжение истца означенные вещи, денежную их стоимость в полновесных, не стертых золотых монетах ли, вещи равной им ценности ли. В противном случае ответчик будет сослан на работы в рудник или каменоломню, куда не выплатит долг или не умрет, в зависимости от того, что случится ранее!

— Да ты что, старик, хайшиша накурился? — вмешался негодующий Харра. — Этого менялу знает весь Хоарезм! Ни один честный торговец не пошлет к нему покупателя менять деньги, только те, кто зарится на мзду, которую он выплачивает с каждого обманутого! Конан, вели гнать их обоих в шею!

— Это мы живо сделаем! — поддакнул Закир, подходя ближе.

— Как велика сумма, за которую ты хочешь сослать меня на рудники? — спокойно спросил Юлдуз.

— Всего лишь триста золотых, — медовым голосом ответил меняла. — Но я должен получить их сейчас же, на месте. Никаких отсрочек и поблажек! Если я не получу сейчас денег, через час я вернусь со стражниками! Тебя в цепях поведут через весь город, на каждой улице выкрикивая, что ты вор, точно так, как ты сделал со мной!

— Юлдуз, я должен тебе кое-что сказать.

Конан шагнул вперед, заслоня собой юношу. Тот стоял совершенно спокойно, как тополек среди травы, только глаза его, и без того темные, потемнели еще больше от расширившихся зрачков. Лицо его выражало полнейшую отрешенность.

— Что ты хочешь мне сказать, Конан?

— Не здесь. Отойдем подальше.

— Не вздумай помочь ему бежать, о незнакомый мне воин! — немедленно вмешался меняла. — Он не

укроется от карающей длани правосудия нигде, разве что успеет пересечь до рассвета границу Турана! — Тут он снова захихикал.

— Замолчи, старик! — брезгливо ответил ему Конан. — Твое место давно на пашне, гнилая верблюжья лепешка! Попробуй только раскрой здесь еще раз рот — и я набью его тем, чем ты на самом деле являешься! Иди за мной, Юлдуз. Харра, тебя это тоже касается.

Меняла испуганно замолчал, а казий на всякий случай залез обратно в повозку, готовый удрать в любой момент. Заметив это, Конан бросил через плечо:

— Сторожите их, ребята, чтоб не сбежали!

Видя, как к повозке ленивой походкой направляется десяток вооруженных солдат, казий совсем перетрусил и стал шептать меняле, что напрасно они затеяли это дело и что лучше уносить ноги пока не поздно. Но было уже поздно.

— Что вы собираетесь делать с нами, доблестные воины? — дрожащим голосом проблеял меняла. — Моя лавка находится под покровительством самого наместника!

— А мы не подчиняемся твоему наместнику, — любезно пояснил Закир. — Нам может приказывать только Владыка Турана. Так что сиди тихо, старик, пока не вернется наш ун-баши и не решит, что с тобой лучше делать — вздернуть на вон том тополе или снести мечом голову. Если все, что сказал Юлдуз — правда, то никто не хватится тебя в Хоарезме, наоборот, нас еще будут благодарить, что мы избавили базар от такой гиены.

Тем временем Конан, зайдя в казарму, вытащил из-под своего топчана переметные сумки, в которых хранил все необходимое в дороге, и вынул из одной ларчик красного дерева. Раскрыв его на топчане, он достал оттуда один из свитков и малую печать Казначейства.

— Послушай, Юлдуз. Повелитель Илдиз доверил мне право в любое время и в любом месте принять в мой отряд человека, которого я сочту достойным такой че-

сти. Так вот, я предлагаю тебе наняться в войско Повелителя.

Юлдуз посмотрел на него с глубокой задумчивостью.

— Но ведь я совсем не воин, Конан. Как я буду сражаться в твоём отряде, толком не зная, как это делается?

— Со временем ты научишься всему. Но сейчас, вступив в ряды наемной армии, ты избавишься от каких-либо судебных повинностей и издержек. Ты не будешь подсуден светским властям, только военным. Твой долг перейдет на армию, его заплатят из казны, а у тебя будут удерживать понемногу из жалованья. Думай скорее, у нас мало времени!

— Подумай, Юлдуз, — жарко зашептал ему Харра, — ты останешься с нами, уедешь в столицу, у тебя будет крыша над головой и еда трижды в день! Ну, куда тебе странствовать, без гроша в кармане? А так — никаких забот. Ребятам ты понравился...

— погоди, Харра, у меня и так голова кругом, — поморщился Юлдуз. — А скажи мне, ун-баши, что будет, если я исчезну?

— Ничего не будет, — ответил Конан, несколько удивленный вопросом. — Если тебя убьют, никто не станет взыскивать ни с меня, ни с Харры, если ты об этом.

— Хорошо, — решительно сказал юноша. — Что я должен сделать?

— Ты писать умеешь?

— Да, конечно.

— Харра, беги живо к этому крючкотвору, одолжись у него чернилами и палочкой для письма.

Харра кивнул и умчался. Юлдуз с сомнением покачал головой.

— Ты уверен, что все делаешь правильно, Конан?

— Если бы я над каждым решением раздумывал столько, сколько ты, — отозвался киммериец, — меня бы уже убили не одну сотню раз. Делай, что говорят.

Харра вернулся, неся в руках мешочек с чернильницей и связку заостренных палочек. Сунув все это Юлдузу, он подставил загорелую спину:

— Подписывай!

И Юлдуз подписал.

— Все! — торжествующе возгласил Харра и помахал фирманом в воздухе, чтобы скорее просохли чернила. Конан засветил лампу, разогрел на огоньке сургуч и оттиснул печать.

— А теперь — к этим проходимцам!

И Харра помчался почти вприпрыжку к повозке, где сидели, ожидая наихудшей участи, казий и меняла.

Предъявив им фирман Повелителя, по которому Юлдуз отныне становился наемным солдатом туранской армии, их спровадили, причем Закир и Альмад еще долго шли рядом с повозкой по дороге, объясняя, как скоро они могут рассчитывать получить что-либо из казны Владыки Турана.

Троица в повозке жалась в углы и думала, что еще дешево отделалась, ибо всякому известно: никогда не связывайся ни с родичами властелина, ни с его личной гвардией, ибо распря и с теми, и с другими сильно укорачивает жизнь — а иногда и тело. На целую голову.

Избавившись от судейских, солдаты затеяли бурное ликование по поводу принятия новобранца. Ихор, немалого превосходивший Юлдуза ростом, хотя был много шире в плечах, тут же достал ему из своих запасов вторую кольчугу с солнцегривым львом. Второго островерхого шлема ни у кого не было, но с этим можно было подождать до столицы. Но шлем Рамаса оказался Юлдузу как раз впору и, оглядев придиричливо нового воина с ног до головы, Конан изрек:

— Вот что, раз ты уже в отряде, ступайте-ка вы с Харрой в третью стражу. Она как раз начинается. Я вас сам и разведу.

— Ну вот, — пихнул Харра в бок нового товарища. — Считаю, что на этом ты окончательно принят.

По установленному обряду воины, охраняющие вход от злых духов, уходили из Двора Гаданий последними. Как ни отворачивался Юлдуз, как ни прятал лицо, когда Бахрам прошествовал мимо него в сад, астролог все же узнал его.

— Ты! — закричал он, подпрыгнув, словно мячик. — Ты здесь, сын греха и позора! Как ты только посмел появиться в этом доме, нечестивец!

— С сегодняшнего дня Юлдуз — воин моего отряда, почтеннейший Бахрам, — ответил неслышно подошедший Конан. — И я за него отвечаю. Чем он тебя сейчас обидел, многомудрый старец?

— Сейчас — ничем, клянусь Эрликом! — отдуваясь, пыхтел старик. — Но...

— Ты знал его раньше? — прервал его Конан.

— Знал ли я его! Знал ли я его! Да ты посмотри на его растерянный вид, доблестный ун-баши! Пусть он посмеет сказать, что он меня не знает!

Юлдуз, в первый миг опешивший от неожиданности, уже вполне справился с собой.

— Кто же в Хоарезме не знает личного астролога наместника Мардуфа, — спокойно сказал он.

— Пусть он скажет, пусть скажет тебе, о украшение туранской армии, какую злую шутку они со мной сыграли! — продолжал бушевать Бахрам.

— Почтенный Бахрам, что было, то прошло, — сказал Конан сурово, уже хорошо зная, что с астрологом можно разговаривать только таким тоном — начальственно-покровительственным. Во всех остальных случаях Бахрам начинал яриться, брызгать слюной и выкрикивать невнятные угрозы. — Теперь же этот юноша состоит в моем отряде. Если он доставит тебе какое-либо беспокойство, обратись ко мне, и виновный понесет наказание. Юлдуз и Харра, идите за мной.

Выйдя из сада, Конан развернулся к Юлдузу.

— Ну, что это значит? Почему ты мне не сказал, что ты его знаешь?

— Его и в самом деле все знают, мой ун-баши, —

смеясь, ответил Юлдуз. — Но я никак не думал, что он запомнит меня с той проделки!

— Что это за мерзость вы над ним учинили?

— Куда большую мерзость он учинил над нами, — возразил Юлдуз, мрачней. — Он навел порчу на наш квартал — теперь я думаю, что это вышло случайно, а тогда полагал, что он все это подстроил. Прямо над нами и соседями висело розоватое ядовитое облако. Почти четверть луны мы жили в ужасающем зловонии и духоте. Именно после этого случая моя мать тяжело заболела и вскоре умерла. И не только моя...

— Так он что же — колдун? — подозрительно спросил Харра.

— Наверное, можно сказать, что он пытается им быть. Но у него ничего не получается — по крайней мере, не получается то, чего он хочет — пояснил Юлдуз и продолжал: — Ну, мы, мальчишки, собрались со всех дворов и стали думать, что же нам с ним такое сделать. И придумали: сделали настойку корня валерианы и полили ею крышу его дома. А потом мешками таскали к озеру кошек. А у него в это время гостил правитель Шангары — он приехал за каким-то важным предсказанием. Ну вот, вместо предсказания они три ночи подряд слушали кошачий концерт — пока дождь все не смыл.

Под конец этого бесхитростного рассказа и Конан, и Харра едва стояли на ногах от смеха. Просмеявшись, ун-баши хлопнул новобранца по плечу.

— Лучшего не мог придумать и Трам Гирдри, шут короля Зингары! Ладно, старик покричит и забудет. Но все же постарайся больше не выводить его из себя, Юлдуз.

— Будь моя воля, я бы с ним век не виделся, — негромко ответил юноша, и Конан невольно обернулся — с такой горечью это прозвучало. — Вечером, когда ун-баши, сидел на веранде с Магрибом, к ним подошел почтенный Бахрам.

— Да простит меня доблестный военачальник, —

сокрушено молвил астролог, — но мне кажется, он поступил опрометчиво, приняв в свой прославленный отряд этого шакала в образе человека!

— О ком ты говоришь, ученый друг мой? — заинтересовался Магриб. — У тебя в отряде новобранец, Конан?

— Да, — кивнул киммериец. — Еще мальчик, но может выйти хороший воин.

— Правильно ли я понял, что речь идет о том юноше-полукровке, которого я видел у вас во дворе нынче утром? — спросил Магриб и, получив утвердительный ответ, покачал головой. — Нет, Конан, этот человек долго у тебя не задержится. Ты знаешь, кто он?

— Презренный сын презренного ткача! — заявил Бахрам, фыркая и отдуваясь. — Ничтожество! А со смертью отца — еще и нищий оборванец. Разве из таких людей должна состоять армия, опора порядка и власти?

— И тебе, сын мой, он сказал то же самое? — спросил Магриб Конана, не сводя при этом глаз с возмущенного Бахрама.

— Мне он сказал, что его отец не всегда был ткачом, — ответил ун-баши. — Парень, похоже, себе на уме. И преследует какую-то свою цель, которой не желает делиться с другими. И все же мне он по душе.

— Прекрасно сказано, сын мой! — кивнул Магриб, а Бахрам снова презрительно фыркнул.

— Цель его проста: обокрасть мой дом и соблазнить мою дочь! — заявил он. — Завтра же я поговорю с юным Амалем! Он уже не раз намекал мне, что был бы счастлив видеть Фейру хозяйкой в своем доме!

— Но согласится ли на этот брак Фейра? — мягко спросил Магриб.

— Моя дочь во всем мне послушна и сделает так, как я захочу! — заносчиво объявил астролог, не заметив взглядов, которыми обменялись Магриб и Конан.

— К тому же она быстро поймет, что лучше ей мужа не найти, хоть обойди весь Туран!

Похоже было, что Бахрам готов весь вечер разгла-

гольствовать о том, какая послушная у него дочь и как счастлив будет их союз с Амалем. Поэтому Конан поднялся и сказал:

— Пойду прослежу, улеглись ли мои молодцы. Не то завтра придется проводить церемонию без стражей!

— Да, я тоже пойду, — кивнул Магриб. — Восходят Семь Сестер, и мне хотелось бы видеть, как близко они пройдут от знака Лягушки. Приятных сновидений, почтенный Бахрам!

Конан, как всегда, помог ему подняться и, опираясь на его руку, Магриб сказал негромко, чтобы не слышал обиженно сопящий Бахрам:

— Что бы ни пришло тебе в голову в ближайшие дни, Конан, поверь мне, прожившему в этом мире не один десяток лет: в этом мальчике нет лжи. Но он не сын ткача. Ни у одного сына ткача не может быть такой прямой спины, как у него.

— Я уже заметил это, — кивнул Конан. — Но я не понимаю, зачем он лжет и ради кого.

— Все тайное когда-нибудь становится явным, — ответил Магриб. — У кхитайцев есть хорошая поговорка: если долго сидеть на берегу реки, рано или поздно увидишь, как по ней плывут трупы твоих врагов.

— Поговорка хороша, спору нет, — отозвался Конан, уже не таясь. — Но только это — не для меня.

Загнав всех в казарму и усевшись на обычном месте на крыше, Конан пытался вспомнить, кого же ему напоминает этот мальчик — носящий меч, но не воин, называющий себя ткачом, но не простолюдин. Он вступил в отряд Конана, но не раскрыл своей тайны. А что, если он — шпион Мардуфа, просто очень неумелый и неопытный? Но зачем же Мардуфу подсылать в усадьбу неопытных шпионов? А если на самом деле он — искуснейший соглядатай, умело прячущий за открытой и светлой улыбкой жало степного скорпиона? Киммериец терялся в догадках.

И слова Магриба тоже не шли у него из головы. «В этом мальчике нет лжи».

Как это понимать? Ведь он солгал уже не единожды, и сам Магриб признал это...

Конан не любил ломать голову над неразрешимыми проблемами, но долгие бессонные ночи к этому очень располагали. Редко выпадали варвару поручения такие простые на первый взгляд, но такие выматывающие! Более всего страдал киммериец от бездействия. Долгие ночи ему приходилось выжидать, как коту у крысиной норы — и терпение у кота уже было на исходе.

И какой же музыкой прозвучал для Конана тихий шорох по траве! Кто-то неслышно пробирался к дому со стороны озера, этот кто-то таился, сливаясь с каждой тенью, с каждым стволем и камнем! Киммериец подобрался и бесшумно прыгнул с крыши в сад.

Вздрагивающая, едва видная тень скользила вдоль стены дома. Ночной гость сторожко оглядывался, вслушиваясь и всматриваясь, как мышь-полевка, ждущая, что вот-вот прямо над головой раздастся неожиданное *шух-шух-шух* крыльев неслышно подобравшейся совы, и острые когти вонзятся в серую спину.

Тонкой сверчковой трелью скрипнула дверь из сада во внутренний двор. Серый силуэт скользнул в узкую щель.

Конан замер у стены.

Мгновения тянулись бесконечно. Но вот маленькая плешивая голова высунулась из двери и огляделась — точь-в-точь мышь у норы, высматривающая кота. Конан перестал дышать.

Убедившись, что все тихо, серый человечек вынырнул из Двора Гаданий и приготовился юркнуть в траву.

И тут Конан прыгнул ему на спину. Подбираясь для прыжка, он успел подумать, что если бы у него были когти, он бы втянул их в мягкие подушечки бесшумных лап — чтобы миг спустя вонзить в пищадую, оглушенную жертву.

Вор не успел ни вскрикнуть, ни вздохнуть. Конан в прыжке сломал ему шею.

Он тщательно осмотрел жертву, надеясь обнаружить

хоть что-то, что помогло бы ему определить, кем был этот неудачливый вор, однако в карманах у того было хоть шаром покати, а грубая испитая физиономия ясно говорила, что перед ним обычный грабитель-наемник из тех, что за гроши способны на любую низость.

Оттащив труп в овраг за рощей масленичных деревьев, подступающей к дому со стороны озера и казармы, Конан вернулся со свитком к ларцу. Искушение прочесть предсказание было велико, но ун-баши сдержался. Положив свиток на место, Конан поймал ночную бабочку и сунул под крышку. Теперь, если ее кто-то откроет, он будет об этом знать.

Вернув драгоценный свиток в ларец, ун-баши решил на всякий случай все же обойти темный сад. Вор мог прийти не один.

Но сад и окрестности усадьбы были пусты. Ни шороха, ни звука не раздавалось в ночи, лишь трещали сверчки да проползла торопливо к озеру змея, потревоженная шагами Конана.

Ун-баши уже намеревался вернуться на крышу, как замер под стеной дома с похолодевшим сердцем.

Во Дворе Гаданий кто-то был. И он молился! Во всяком случае, тот торопливый, прерывистый шепот, который слышал Конан, мог означать только молитву. Конан проскользнул в щель полуоткрытой створки двери — и увидел Юлдуза, сидящего на птичьем ковре, Чуть покачиваясь, он что-то быстро шептал.

— Все рати Нергала! — чуть ли не во весь голос рявкнул Конан. — Во имя Крома! Ты-то что тут делаешь?!

Юлдуз, вздрогнувший от неожиданности, вскочил на ноги, но узнав своего ун-баши, облегченно улыбнулся.

— Это ты... Я могу тебе сказать правду, но ты мне не поверишь.

— Отвечай, отродье Нергала!

— Я пытаюсь заставить этот ковер подняться в воздух, — ответил Юлдуз, глядя Конану прямо в глаза.

Глава 5. Ночная свадьба. Фейра.

Гадальщики складывали в ларец свиток, в котором прибавилось еще несколько строк.

— Не хочет ли уважаемый Амаль распить со мною кувшин вина и потолковать о сговоре? — громогласно, так что слышно было на весь дом, спросил Бахрам.

— С превеликим удовольствием, мой ученый брат, — ответил Амаль, держа на весу колени руки.

Он посмотрел на собеседника и добавил: — Не позвать ли нам и Фейру, чтобы она тоже послушала?

— Все, что нужно, она услышит и так, — не понижая голоса, трубил Бахрам. — Женщинам нечего делать там, где разговаривают мужчины. Я и так избаловал свою проказницу, она творит решительно что хочет. Придется тебе держать ее поостроже, мой возлюбленный будущий зять!

В этот день третью стражу стояли Юлдуз и Харра. Они очень сдружились за прошедших два дня, и Конан, заметив это, поставил их вместе. Скривив рожу в спину Бахраму, помощник ун-баши пихнул земляка локтем в бок.

— Что ты застыл? Никогда не видел, как девушек насильно выдают замуж? Еще насмотришься.

— Как он смеет... — прошипел Юлдуз, бледный от злости. — Как он только смеет так унижать ее! Она же все слышит!

— Он для того и вопит, чтобы бедная девочка все слышала, — пожал плечами Харра. — Вздорный старик. И Амаль этот мне тоже не нравится. Каждый день полощет с утра свои ногти в розовой воде. Я как-то видел его прихорашивающимся в саду. Он разве что брови не сурьмил! А уж расчесывался так, что смотреть было противно. Если он — мужчина, то мы с тобой — женщины. Тьфу, мерзость!

Юлдуз проводил взглядом ушедшим в дом астрологов и недоуменно спросил:

— И что же, Бахрам готов выдать за него Фейру?

— Этот разряженный шут увивается за ней с самого первого дня, — ответил Харра. — Просто проходу не дает. Вот старик и хлопочет. Пойдем отсюда.

И он почти силой поволок друга к казарме, где уже тянуло от печи запахом мяса и лука.

После трапезы и полуденного отдыха к Конану подошел Юлдуз.

— Если позволит мой ун-баши, я хотел бы до вечера уйти в город.

Конан испытующе глянул на новобранца. Минувшей ночью, после того, как выгнанный из Двора Гаданий Юлдуз послушно отправился в казарму, ун-баши проверил ларец. Хранилище свитка было в совершенной целости и запертая в нем накануне бабочка обрадованно выпорхнула в ночь. Но это могло говорить и о том, что подосланный вор не успел добраться до свитка.

— Зачем тебе в город? Ты же сказал, что у тебя там ничего не осталось?

Юлдуз улыбнулся.

— Ну, мне бы не хотелось огорчать добрую хозяйку «Трех Негодяев». Лошадь она дала мне займы, и будет нехорошо, если я обману ее веру в честность солдат туранской армии.

— А! — Конан вздохнул с облегчением. — Тогда возьми с собой свободных ребят. Харра занят нынче, а ты ведь наверняка знаешь город не хуже, чем он.

— Будет так, как ты скажешь, мой ун-баши, — ответил Юлдуз с поклоном, и Конан снова нахмурился. Откуда у сына простого ткача речь и повадки царедворца? Или это передается с кхитайской кровью? Рассказывая о Кхитае, Магриб упомянул, что почтение к старшим — по возрасту ли, по званию, все едино — наивысшая добродетель, не следовать которой означает гневить и богов, и демонов.

Интересно было бы посмотреть, как поведет себя парень в городе, подумал Конан и сказал, глядя в спину уходящему Юлдузу:

— Пожалуй, и я с вами прогуляюсь.

Новобранец не вздрогнул, не застыл, а только обернулся с той же улыбкой:

— Я думаю, Рута умрет от восторга. Джамла и Сагир ей вчера наговорили столько, что она взяла с них слово привести тебя хотя бы раз. Они весь вечер измышляли, как бы уговорить тебя съездить сегодня к «Трем Негодьям».

Вот и пытайся тебя подловить, с неудовольствием подумал Конан. Если бы Юлдуз начал изворачиваться, сразу стало бы ясно, что он наемный шпион. А так — Нергал его разберет, что он такое.

Ехать с Юлдузом и Конаном навестить Руту вызвались и близнецы с Фархудом. Остальные, сегодя на жару и лень, остались у усадьбе. День и в самом деле выдался не по-весеннему жаркий и солнечный, столбы густого марева дрожали над разогретой дорогой. Всадники подгоняли лошадей, пока не въехали в прохладу теней узких улиц Хоарезма. Здесь усталым и разморенным скакунам было позволено идти шагом. Конан, бывший в Хоарезме впервые, с любопытством разглядывал дома серого и желтоватого камня. В Аграпуре строили большей частью тоже из камня, но поверх клали штукатурку и белили, здесь же, в силу близости горных каменоломен, первые этажи домов и высокие стены, окружавшие дворы, пестрели живым, неполированным камнем.

В предпраздничные дни в город съехалось множество людей, а потому улицы и площади города были переполнены, и из каждого трактира слышались веселые выкрики. На ступенях храмов толпились паломники и богомольцы, особенно большая толпа собралась у знаменитого хоарезмского Храма Огня, где жрецы-провидцы предсказывали судьбу всем желающим — правда, соглашались ответить только на один вопрос и за большие деньги. Длинный тощий служка, стоя на верхней ступени храма, составлял список желающих, его осаждали толстяки в парчовых халатах, сквозь толпу пробивался шелковый паланкин с какой-то знатной женщи-

ной. Ниже стоял люд победнее. Каждому из них пришлось бы копить не один десяток лет, чтобы собрать плату за Откровение Эрлика, и они довольствовались тем хотя бы, что глазели на богатых счастливых, которые могли себе это позволить.

Проезжая мимо этого шевелящегося муравейника, Конан не удержался:

— Вы только посмотрите, как эти глупцы спешат расстаться со своими кошельками! А ведь укради у любого из них те же деньги какой-нибудь оборванец, они не успокоились бы, пока не посадили его на кол!

— Здесь ты не прав в одном, мой ун-баши: вор украдет у них деньги и ничего не даст взамен, — отозвался Юлдуз. — А жрецы Священного Огненного Круга дадут ответ на вопрос, который, быть может, мучил этого человека всю жизнь.

— Ты что же, веришь в эту чушь? — удивился Конан.

— Это не чушь, а пророчество. Я видел, как это делается: жрецы входят в транс, и тогда один человек зачитывает вопросы один за другим, и на них даются ответы, которые пишет на отдельных листах другой человек. Доказательством же тому, что ответы эти истинны, служит забавное обстоятельство: как правило, задавший вопрос не доволен полученным ответом.

— Как это может быть? — вмешался Фархун. — Ответ — он и есть ответ. Если только это не нечто туманное и двусмысленное.

— Нет, ответы всегда четки. Просто не всегда правильны вопросы, — пояснил Юлдуз. — Это трудно — составить правильный вопрос. Ну, скажи, что бы ты хотел спросить?

— Хотя бы — ну, положим, когда я умру?

— Ты будешь доволен, если тебе ответят: *Когда будет выиграна великая битва?* И ведь это, быть может, будет правдой, но ты со дня полученного ответа не найдешь себе покоя нигде, ибо во всех странах ведутся битвы, и любая может оказаться смертельной для тебя.

— Тогда зачем задавать вопросы? — пожал плечами Фархун. — Уж лучше никакого ответа, чем такой!

— Любопытство человеческое неистребимо, — улыбаясь, ответил Юлдуз. — Сам я никогда не пытался получить предсказание в Храме Огня.

Они свернули к базарной площади. У «Трех Негодяев» их уже поджидала Рута.

— Я словно чувствовала, что вы приедете! — закричала она с порога. — Господин мой Юлдуз, ты возвращаешь мне лошадь! Понравилась тебе моя Снежна?

— Прекрасная кобыла, хозяйшюка, — ответил Юлдуз, спешиваясь. — Выносливая и незлая. В тот раз мы мчались до дому галопом, она почти не вспотела.

— Ну так бери ее себе. Не спорь, я подсчитала, сколько ты мне тогда оставил, так там хватит еще на три таких кобылы! Ничего не желаю слушать! Она твоя.

— Благодарю тебя, моя госпожа, — поклонился ей Юлдуз, и Рута, с собственному удивлению, залилась краской.

— Пустое, — пробормотала она. Взглянув наконец на остальных приехавших, Рута тотчас опознала среди них Конана.

— Ты, несомненно, и есть прославленный Конан-киммериец! — Черные волосы, синие глаза! Мы ведь почти земляки, знаешь ты об этом? Как же ты попал в Туран?

— Если у тебя найдется свободная комната наверху, я расскажу тебе все, что ты захочешь знать, моя красотка, — усмехнулся Конан, привязывая своего могучего жеребца.

— Ну так иди за мной, — сказала Рута, и, не оборачиваясь, прошествовала в таверну. — А вы располагаетесь, где хотите, все к вашим услугам! — услышали остальные ее крик уже с лестницы, ведущей наверх.

Конан подмигнул им и направился вслед за хозяйкой.

— Славные мои девочки! — позвал Фархун. — Ваша хозяйка и наш ун-баши удалились выяснять, как близ-

ко были их родные деревни! Не мешало бы нам этим воспользоваться!

В ответ на его зов сбежалось пятеро или шестеро девушек, с хохотом и щебетом они живо собрали угощение и заперли таверну на большой железный засов. Весь дом остался в полном распоряжении пятерых мужчин и дюжины женщин. Впрочем, мужчин было только четверо: Юлдуз отказался принимать участие в веселье, сказав, что у него есть невеста. Оставив Фархуда и братьев в общей зале, где они растащили вдоль стен столы и стулья, очистив пространство посередине, Юлдуз вышел к бассейну у помоста и остался там, с кувшином золотого вина и мечтами о возлюбленной.

Когда Рута и Конан наконец спустились вниз, в общей зале царил умиротворенная тишина. То есть это была тишина по сравнению с тем, что творилось в ней за каких-то два или три часа до того. Сдвинув несколько столов в один, солдаты и девушки мирно беседовали о самых разных пустяках. Когда пиршество плоти превратилось в пиршество желудков, к компании присоединился и Юлдуз.

— Пить хочу! — громогласно возвестил с верхней ступеньки Конан. На плече у него восседала разомлевшая Рута. — И есть!

Их появление было встречено воплями восторга. Из погреба извлекли новые кувшины и холодную баранину, Рута принялась хлопотать у очага, и веселье застолья вспыхнуло с новой силой.

Лишь когда в закрытых резными ставнями окнах начал гаснуть дневной свет, Конан хлопнул ладонью по столу и объявил:

— Нам пора!

— Еще чуть-чуть! — отозвалась Рута, сидевшая у него на коленях, обвив белыми руками смуглую шею киммерийца. — До второй стражи!

— Уже темнеет, а Харра там один, — возразил Конан, надевая кольчугу и перевязь с мечом. — Мы славно повеселились, но долг есть долг. Собирайтесь!

И словно ответом на этот клич снаружи раздался громкий стук: кто-то колотил ногой в двери таверны.

— Эй, хозяйка! Открывай! Давненько мы не щипали твоих гусей и девок!

— Ну их, — отмахнулась Рута. — Я устала. Правда, мои сладкие? — Она возвысила голос и крикнула: — Нынче трактир закрыт! Мы устали и никого не кормим сегодня!

Ответом на это был возмущенный рев по меньшей мере дюжины луженых плотов.

— А как же пять боевых лошадей при полной сбруе, что стоят у твое коновязи? — заорал тот же голос. — Их хозяев ты тоже, стало быть, не кормишь? Или кормишь только их? А ну, подавай их сюда, мы их посолим, поперчим да сожрем с потрохами!

Конан шагнул вперед.

— Кто это там тявкает, как пес из-под забора? — рявкнул он. — Давно зуботычин не получали?

Рута повисла у него на локте, умоляюще шепча:

— Молчи, молчи, они погадят и уйдут, их же там не меньше десятка...

Тотчас, подтверждая ее слова, на дверь обрушился град ударов и послышались новые вопли ярости и брань.

— Эти псы порвут твоих котиков в клочья, Рута! Открывай двери!

Конан сбросил Руту с себя досадливым жестом, как сбрасывают докучливого муравья.

— Открывай двери, Фархуд! Сейчас мы покажем этим крысам, какие зубастые здесь сидят коты!

Фархуд, обнажив меч, вынул засов из петель — и тут же отскочил, пригнувшись в боевой стойке.

В таверну ввалился полупьяный подгулявший сброд — несколько стражников и их друзья из младших мастеровых. Увидев пятерых вооруженных воинов в кольчугах и при мечах гуляки несколько протрезвели.

— У-у, — сказал один, по виду — дворцовый стражник. — Какие когтистые коты! Мяу! Мяу! Вы и любовью занимаетесь в кольчугах?

Конан молча выхватил меч, но дорогу ему заступил Юлдуз.

— Пусть мой ун-баши позволит мне сначала поговорить с этими людьми. Зачем вы явились сюда? Если за весельем — так милости просим, места всем хватит, а если за дракой — так лучше протрезвитесь сначала.

— Посолим, поперчим и съедим! — выкрикнул чей-то голос сзади, и сразу несколько пьянчужек начали скандировать: — По-солим! По-перчим! И съедим!

— Расходитесь по домам, к женам и детям, — продолжал Юлдуз. — Иначе многие из вас никогда больше не увидят ни жен, ни детей.

— Да что он болтает, этот мальчишка! — взревел наконец другой стражник и протолкался вперед, размахивая мечом. — Не пора ли тебе домой к мамочке, сосунок? Ты хоть меч-то в руках удержишь?

— В третий раз говорю вам: одумайтесь, мы еще можем разойтись по-хорошему... — снова начал Юлдуз, но тут стражник с бычьим ревом бросился на него.

Никто не успел заметить, когда Юлдуз вынул меч. Мгновение назад его руки были пусты, но никто и вдохнуть не успел, как стражник уже валялся на полу обезглавленным.

Это послужило сигналом. Тонко завизжала Рута, ее визг подхватили девушки. Толпа пьянчуг ринулась на воинов Конана, размахивая кто оружием, кто подхваченным на ходу табуретом. Но ун-баши успел заметить, что у большинства все же были мечи, причем прекрасной стали.

Звон оружия мешался со звоном бьющейся посуды: Рута и ее помощницы, не переставая визжать, швыряли в головы нападающим все, что подворачивалось под руку, и швыряли довольно метко.

Конан щедро раздавал удары, но, улучив момент, схватил одного из гуляк за ворот рубахи и отволол в сторонку.

— Кто подослал вас? Ну? От тебя даже не разит, шакалье отродье! Говори, или я перережу тебе горло!

Чуя у шеи холодную сталь кинжала, наемник, округлив от ужаса глаза, еле слышно прохрипел:

— Мардуф... Мардуф велел убить Конана-киммерийца и всех, кого с ним застанем...

— Пададь! — сплонул Конан и чиркнул кинжалом по горлу убийцы.

Обернувшись к остальным, киммериец увидел, что стычка окончена. Трое из лежащих на полу были обезглавлены, в смерти остальных тоже сомневаться не приходилось.

— Десять убито, остальные бежали, — подсчитал Конан. — Неплохой улов, ребята, клянусь Кромом! И трое из них — на счету Юлдуза. Что ж ты скромничал, парень?

Юлдуз молча и тщательно вытирал свой клинок полой халата одного из убитых.

— А что, Юлдуз, — весело спросил Фархуд, бросывая меч в ножны, — в Кхитае все сыновья ткачей так лихо дерутся?

— Я не хотел их убивать, — тихо сказал юноша. — Я их предупредил.

— Посмотреть на тебя, так ты убиваешь впервые в жизни, — хмурясь, заметил Конан.

— Так оно и есть. По крайней мере, хатаной. Лучший бой — это тот, который не состоялся.

— Кром! Тогда зачем же ты носишь при себе меч? — уже не на шутку разозлился ун-баши. — И когда успел так научиться им владеть? Вертясь перед серебряным зеркалом?

Юлдуз вскинул гордую голову. В глазах его полыхнул недобрый огонь. Но мгновение спустя он ответил тем же тихим и ровным голосом, каким говорил всегда:

— Владение мечом — это искусство. Бой с равным себе и воином — это искусство. Бой с уличным забиякой — это позор. Но другого оружия у меня при себе не было.

Киммериец удивленно вздернул брови и переглянулся с Закиром и Альмидом. Те пожали плечами.

— А если бы было? — спросил Фархунд.

— Если хотите, я расскажу вам одну историю, пока мы едем домой, — предложил Юлдуз. — Кхитайскую легенду. Или, может быть, не совсем легенду.

— Валяй, — разрешил Конан. Близнецы отвязали всех пятерых лошадей, отряд расселся по седлам, и начался неторопливый рассказ.

— Когда-то давно в провинции Чжэнь правил благородный Унь Ши из рода Вэй, справедливый и честный наместник Императора. Был у него дайгон по имени Итсан Па, опытный и умелый воин. С другими дайгонами он вел войнство Унь Ши в битвах против камбуйцев, что постоянно тревожили северные границы Кхитая. И вот однажды наместник заболел. Заболел так тяжело, что все думали, он уже никогда не поправится. А наследовать ему должен был его сын, с которым у Итсан Па однажды вышла ссора — как обычно, из-за прекрасной девушки. Их бой чести не кончился ничем, то есть оба были изранены и не смогли продолжить поединок. Но девушка выбрала сама. Она выходила Итсан Па и стала ему женой. И сын наместника затаил злобу на них обоих.

И вот, когда лекари объявили, что Унь Ши не проживет более недели, Итсан Па пришел к своей любимой и сказал: «Жена моя, возьми детей, возьми столько драгоценностей, сколько сможем мы унести и бежим в Камбую, потому что не будет нам здесь жизни, если наш недруг придет к власти, — «Как, — удивилась его жена, — ты бросишь своего господина и благодетеля в трудный для него час?» — «Да, ибо пекусь о благе наших с тобой детей. Прекрасная Ута-но промолчала, но когда дайгон вернулся с лошадьми, он застал и жену, и детей мертвыми, ибо они предпочли смерть предательству и бегству...»

— Как это? — удивился Закир. — По-твоему, лучше умереть, чем жить в изгнании?

— Лучше умереть, чем предать своего господина, — возразил Юлдуз. — Если не на своих дайгонов ему рас-

считывать, то на кого же? Тем наипаче, что Итсан Па намеревался перейти к его врагам, камбуйцам. Если бы он сделал это миг спустя после смерти своего господина, не нашлось бы никого, кто осудил его. Но моя сказка не об этом. Слушайте дальше.

И тогда дайгон Итсан Па проклял своего господина и его сына, проклял и себя самого. И бежал в Камбую. Император Камбуи и Пограничных Островов принял его приветливо и любезно и сделал военачальником над всеми своими войсками. Итсан Па женился второй раз, обзавелся домом и детьми и был счастлив. Он редко вспоминал свою родину, а если вспоминал, то не тосковал по ней. А Унь Ши выжил и правил далее.

И вот однажды Император призвал его к себе и сказал: «Я желаю проверить твою преданность мне и трону Камбуи. Завтра утром наши войска выступают походом на провинцию Чжэнь, и ты поведешь их. — «С великой охотой, ибо там правит мой старинный враг,» — ответил Итсан Па. «Чем же так обидел тебя Унь Ши, что ты его ненавидишь?» — спросил его Император. — «Он обрек меня на вечные страдания и клеймо предателя тем, что не умер, тяжело заболев».

И бывший дайгон повел камбуйское войско на провинцию Чжэнь. Две армии сошлись на широкой равнине, и трава под копытами коней побурела от крови, а неба не стало видно за тучами стрел. И вот Итсан Па, воспользовавшись суматохой боя, пробился к шатру наместника, где он сидел в складном кресле в окружении всего только двух дайгонов. Итсан Па всегда был лучшим воином всей армии Унь Ши, он легко зарубил бросившихся на него дайгонов. А затем упал на колени перед креслом наместника и закричал: «Прости или убей меня, господин, ибо я не в силах так жить больше!» Но Унь Ши молча сидел в своем кресле, и лицо его было неподвижно. «Тогда я убью тебя и избавлюсь наконец от этой пытки!» — крикнул дайгон и кинулся на своего бывшего господина. Унь Ши имел при себе и меч, и метательные кинжалы, но не стал обнажать благородно-

го оружия против предателя. Он отбивался сложенным металлическим веером и даже не встал со своего кресла. А потом подоспели другие дайгоны наместника и убили предателя.

— Это все? — спросил Конан.

— Все, — ответил Юлдуз. — Эту сказку рассказал мне отец, когда я подрался первый раз в жизни и помчался домой за хатаной, чтобы порубить обидчиков на куски. Их было больше, и они тогда здорово избili меня. Но позже я свел с ними счеты, а еще позже крепко подружился и не раз думал потом, что бы было, если бы отец не успел меня тогда остановить.

— Это его слова: «Лучший бой — это тот, который не состоялся»? — спросил Конан.

— Нет, это старинная кхитайская поговорка.

— Я бы назвал тебя трусом, Юлдуз, если бы не видел, как ты дерешься, — задумчиво сказал Конан. — Ты прав, из тебя плохой воин. Но из тебя вышел бы хороший правитель.

— Пока что из меня вышел хороший ткач! — весело рассмеялся Юлдуз. — Я подарил Руте за лошадь ковер своей работы из тех, что не распродал, и она благодарила меня так, словно получила луну с небес. А что может быть лучшей музыкой для ушей мастера, чем похвала?

— Звон хатаны! — ехидно ввернул Фархуд. — Я не видел тебя за ткацким станком, но видел с мечом в руках. Не пройдет и трех месяцев, как ун-баши сделает из тебя настоящего воина!

Конан, хмурясь, о чем-то напряженно думал.

— Скажи, Юлдуз, твоего отца звали не мастер Тай? — спросил он вдруг негромко. — Ты еще ни разу не говорил, что ткешь ковры, а не шелк или бархат.

— Моего отца звали Тай Цзы, — ответил Юлдуз. — Это его ковер лежит у Бахрама во дворе.

— И ты хотел его украсть? А я тебе помешал?

Юлдуз помолчал. Конан смотрел на него чуть сощури сиие глаза, и не было в них ни осуждения, ни злости.

— Я сказал тебе, что я хотел сделать, — ответил наконец Юлдуз. — Можешь назвать это «украсть», если хочешь.

Фархуд, Закир и Альмид спорили о предательстве и чести наемника и не слышали тихий разговор ун-баши и новобранца.

— Запомни, парень: мне нет дела до ссор твоего отца и почтенного Бахрама, — раздельно произнес Конан. — Но если я еще раз застаю тебя во Дворе Гаданий в неурочное время, я спущу с тебя шкуру, ты понял?

Юлдуз склонил голову:

— Я понял, ун-баши.

Прибыв в усадьбу, Конан предоставил своим молодцам распускать хвосты перед остальными, а сам отозвал в сторонку Харру и рассказал о нападении так, как было.

Упомянул и о предсмертном крике одного из наемных убийц.

— Это были не подвыпившие гуляки, Харра. Это были наемные убийцы. Мардуф начал действовать в открытую. Поэтому никаких вылазок в город меньше чем ввосьмером. Я тут как-нибудь справлюсь с остальными.

— Так Юлдуз дрался за троих? — не без удовольствия переспросил Харра. — А ты еще не хотел брать его. Теперь ты ему веришь?

— Теперь я верю ему еще меньше, чем прежде, — мрачно ответил ун-баши.

— Да почему же, выгрызи Нергал тебе сердце?! — вспылil Харра. — Знаешь пословицу: по какому месту не ударь, все тебе больно!

— Он — сын ткача?! — вспылil в ответ Конан. — Кром Владыка! Тогда я — сын короля Аквилонии! Где ты видел ткача, который разговаривает, как принц крови, и дерется, как берсерк? Зачем-то он лжет, и я много дал бы за то, чтобы узнать правду!

Харра расхохотался.

— Этот дурацкий ларец с дурацким свитком сделал тебя подозрительнее ревнивого мужа, Конан!

В следующее мгновение он уже лежал на земле, сбитый с ног тяжелым ударом кулака.

— Когда все это кончится, — сказал ун-баши, — можешь как-нибудь за бутылкой обзвать меня даже евнухом, так и быть. А пока придержи свое веселье при себе, иначе, видит Кром, останешься без зубов.

Харра в ответ на это только что-то прорычал, потирая челюсть. Но охота смеяться у него пропала.

А Конан уже шел к казарме, зычно крича:

— Эй, ночные болтуны! Попетушились и хватит! Всем спать, не то завтра подниму до свету и заставлю бегать по дюжине кругов вокруг озера!

— Напугал, — проворчал Харра, поднимаясь с земли и идя за ним следом. — Хоть одну ночь поспи первым, я выспался днем.

— Втирание в доверие к начальству путем подкупа и лести, — бросил ему через плечо ун-баши, и помощник вздохнул с облегчением: не злитя. — Иди ложись, я тебя сегодня растолкаю раньше, чем обычно.

Харра, еще что-то ворча, полез на свой топчан, а Конан забрался на крышу и сел, подставив лицо убывающей луне. Харра был прав в одном: он слишком подозрителен. Какие бы цели ни преследовал Юлдуз, ни к свитку, ни к Мардуфу они, пожалуй, не имели отношения... А из парня и в самом деле можно было бы воспитать славного воина. Вот только заносчив он слишком, хоть и вежлив. Ну, добро бы был он сыном какого-нибудь вельможи, было бы все ясно... Значит, в чем-то он все-таки лжет, повторил себе Конан и снова нахмурился. Вот только зачем?

Шорох внизу прервал его мысли. Где-то возле дома прятался человек. Конан насторожился. Спрыгнув со стены, он начал по-кошачьи бесшумно подбираться к тем кустам, откуда доносились подозрительные звуки. Это могла быть и ласка, крадущаяся в курятник, и новый посланец Мардуфа.

Шорох сместился. Переместившись вслед за ним, Конан услышал разговор. Говорили двое, но так тихо, что слов было не разобрать. Ун-баши затаился в кустах, ожидая, когда воры начнут подбираться к ларцу. Но они почему-то не торопились. Разговор становился все громче, и Конан, пользуясь тем, что его явно не слышат, подошел поближе. И тут все стихло. «Прах и пепел!» — почти беззвучно выругался киммериец и скользнул по траве к дверям внутреннего двора, боясь упустить злоумышленников.

Но звук возобновился в другой стороне, там, где выходила в сад большая веранда. Что-то быстро прошуршало по траве среди деревьев и исчезло в саду. Конан кинулся к ларцу — свиток был на месте. Осторожно закрыв крышку, он снова прислушался, сдерживая дыхание. В доме кто-то плакал. Конан неслышной тенью вышел в сад и заскользил вдоль стены дома, подбираясь к тому окну, откуда доносились тихие вскрипывания. Ун-баши перевел дыхание. Похоже, кто-то просто приходил к одной из девушек-служанок, и они поссорились. Наверно, какой-нибудь деревенский парень. Двое служанок Фейры изредка появлялись во дворе и в саду, пробегая мимо солдат Конана шаловливыми ящерами. Обе были смуглые, румяные, с лукавыми ямочками на щеках. Деревенского воздыхателя одной из них Конан даже как-то видел: он однажды приходил к дому вечерней порой. Киммериец уже собрался вернуться на свой наблюдательный пост, как вдруг из окна высунулась девичья головка и быстро огляделась вокруг. Конан почти слился со стеной и травой, боясь вздохнуть. Короткое время спустя из окна вылезла девушка. Повисла на карнизе, сползая на животе, а потом спрыгнула вниз. Встав и отряхнувшись, она решительно пошла через сад. Конан, заинтересованный, двинулся вслед за ней.

Он бесшумно крался между деревьев, перебегая с места на место, но вскоре понял, что мог бы просто идти по тропе, ведущей к озеру, — девушка не заметила бы ничего. Она шла, низко опустив голову, прижи-

мая к груди стиснутые руки и что-то быстро бормоча про себя. Конан не разобрал ни слова, кроме многократного призыва к всеблагому Эрлику и милостивой Иштар.

Тонкая белая фигурка почти светилась в темноте. Девушка вышла к берегу озера и молитвенно вскинула руки. На запястьях у нее звякнули браслеты. Она сняла одну туфлю и попробовала воду пальцами ноги. Потом вздохнула и, не раздеваясь, вошла в озеро.

«Кто же это купается в платье и украшениях?» — успел подумать Конан, но тут девушка вскрикнула по-птичьи, потеряв опору под ногами — видимо, ступила в яму — и скрылась под водой. На миг ее головка вынырнула, всколыхнув равнодушную гладь озера, — и тотчас же снова пропала, увлекаемая тяжелыми косами. Конан, сам как-то попавший в реку, не стянув в узел своих длинных волос, хорошо помнил, какой тяжестью они становятся в воде. А косы у ночной купальщицы были чуть не до земли.

Помняв Нергала, он ужом выскользнул из перевязи с мечом, на всякий случай зажал в зубах кинжал, скинул сапоги и прыгнул в теплую, как парное молоко, воду. В несколько гребков сильными руками он достиг того места, где еще расходились круги, и нырнул. Подводная яма оказалась неглубокой, чуть выше его роста, он схватил девушку за косы и вытянул на поверхность. Как ни скуден был свет ущербной луны, Конан тотчас узнал ее. Это была Фейра, любительница сказок. Славную сказку решила она рассказать своему озеру напоследок!

Вытащив на берег мокрую добычу, киммериец, имевший весьма смутные представления о том, что делать с утопленниками, пристроил девушку головой себе на колени, разорвал ворот платья и принялся растирать ей холодную грудь. По счастью, Фейра не успела наглотаться воды и еще дышала.

Терка его жестких, загрубевших мозолистых ладоней оставляла красные отпечатки на нежной коже, и если не

побежавшая живее кровь, то боль от его усилий заставила девушку очнуться. Она застонала и открыла глаза. И увидела склонившееся над ней темное от торфяной воды лицо в обрамлении черных мокрых волос.

— Кто ты? — слабым голосом спросила девушка.

— Дух озерных глубин, который забирает таких вот дурочек, как ты, — сердито ответил Конан. С него текла вода, в волосы набились тина и водоросли, его вполне можно было принять за озерного демона.

— А мне все равно, — ответила Фейра и закрыла глаза. — Делай со мной что хочешь, хоть ешь.

Киммериец выругался и несильно, но хлестко ударил ее по щеке. Девушка вскрикнула.

— Очнись, детка, — сказал он тоном, в котором ясно читалось: «Тебе же будет хуже, если ты этого не сделаешь». — Я не намерен торчать тут над тобой до рассвета. Ты подхватишь лихорадку, если будешь дальше лежать мокрая на холодной земле, — добавил он тоном ниже. Утопленница выглядела так жалко, что язык не поворачивался бранить ее.

— Так я жива! — поняла наконец Фейра и с неожиданной яростью набросилась на своего спасителя: — Зачем ты это сделал? Разве я кричала «помогите»? А?! Кто тебя просил меня спасти? Это входит в твои обязанности ун-баши — вытаскивать девушек из воды, когда они хотят утопиться?

Натиск ее был так внезапен, что Конан на миг лишился дара речи. Девушка еще что-то выкрикивала с ненавистью, сжимая маленькие кулачки, когда он молча сгреб ее в охапку и решительно направился вдоль берега, туда, где над озером поднимался высокий глинистый обрыв. Встав на краю, он поднял отбивающуюся дерзкую девчонку на вытянутых руках. Она затихла, боясь шевельнуться.

— Ну? Швырнуть тебя вниз или отпустить, о ты, жаждущая смерти в зловонной тине?

— Пустить, пустить! — поспешно пискнула она.

Конан рассмеялся и опустил Фейру на землю.

— Дурочка, — сказал он ласково. И назидательным тоном повторил фразу, услышанную на днях от мудрого Магриба: — Ибо живой еще может повернуть колесо своей судьбы, мертвые же — мертвы.

Фейра без сил опустилась в траву и разрыдалась.

— Колесо моей судьбы крутит отец! — услышал Конан сквозь всхлипывания. — Я вольна только умереть. Может, я и в самом деле умру от лихорадки, если просижу на земле остаток ночи...

— Вот заладила! Ну-ка, вставай и пойдем со мной, нам обоим надо обсушиться и переодеться. Я дам тебе мяса и вина, что остались от ужина, и ты расскажешь мне, с чего это такая хорошенькая девчонка, как ты, захотела вдруг свести счеты с жизнью.

Всхлипывая, она побрела за ним к казарме. В доме все спали, не было только нескольких солдат, которых Конан отпустил в город до рассвета. Киммериец стянул с себя мокрые штаны и рубашку, оставшись в одной набедренной повязке, растопил печь во дворе, вытащил из своих вещей теплый плащ из верблюжьей шерсти, кинул Фейре:

— Снимай все мокрое и укутайся пока в это. — И, чтобы не смущать девушку, ушел за низкую глинобитную стену, бросив через плечо: — Крикнешь, когда упрaviшься.

Ждать ему пришлось долго. Зато когда он вернулся наконец во двор, на большой жаровне уже шкворчало мясо, распространяя в ночном воздухе восхитительный запах, а мокрая одежда — и ее, и его — была развешана на низких ветвях кривого тутовника, росшего над виноградной решеткой. Фейра, обмотанная одеялом по самые подмышки, сидела у пышущей жаром печи и расплетала свои мокрые косы.

— Ну, — сказал Конан, разливая вино по глиняным кружкам, — я жду рассказа. Полагаю, я заслужил его. И если это в человеческих силах, я обещаю помочь тебе в твоей беде, только, ради прекрасной Иштар, не топись больше.

— Не смейся надо мной, о храбрый воин из далекой Киммерии, — тихо сказала Фейра, не поднимая глаз. — История моя проста, и помочь ты мне не можешь ничем.

— Пока человек жив, ему всегда можно помочь, — заметил Конан. — Так что рассказывай.

— Что ж, ты и сам уже многое знаешь. Мы с Юлдузом встретились прошлой осенью в доме моего отца, и с первой встречи полюбили друг друга. Солнце казалось нам черным, трава казалась золою, пока мы были в разлуке, и все цветы расцветали для нас, когда он приезжал — открыто или тайком, извещая о себе через пастушка из деревни. — Фейра говорила нараспев, прикрыв глаза и тихонько раскачиваясь, словно рассказывала старинное предание. — А весною состоялся сговор, и после празднеств Равноденствия должна была быть наша свадьба...

— Так вот зачем он здесь, этот красавчик! — с облегчением расхохотался Конан. — А я-то, выгрызи Нергал мою печенку, уж всерьез подумывал, не шпион ли он Мардуфа. Ты обрадовала и успокоила меня, девочка. Хочешь еще вина? Нет? Ну, я налью себе... Так почему же вы не поженились, раз так любите друг друга?

— Потому что наши отцы повздорили между собой, — вздохнула Фейра. — Я уже говорила тебе, что так и не поняла, в чем же там было дело. До свадьбы оставалось всего две луны... А мастер Тай вдруг умер от какой-то своей кхитайской болезни, а, может, просто от огорчения...

Она снова всхлипнула.

— Ну пусть бы отец просто отказал Юлдузу, я бы ушла в храм Иштар и приняла бы обет, и молилась бы всю жизнь, чтобы мой возлюбленный смог полюбить другую...

Слезы уже всю текли у нее по лицу, ей было жаль себя, ей совсем не хотелось уходить в храм, этой маленькой, перепуганной девочке, у которой первая лю-

бовь обернулась таким страданием и страхом. — Но теперь он сватает меня за этого слонтя, Амаля!

Конан хмыкнул: томный надушенный юноша, по его мнению, заслуживал еще менее лестного имени. Но не удержался и чуть поддразнил девушку:

— Ну, слонтяй или нет, а смотрит он на тебя...

— Как пес на течную суку, — зло сказала Фейра, поджав губы и сузив глаза.

«А девчонка с характером, — с уважением отметил Конан. — Юлдузу-то, может, несладко придется». А вслух сказал:

— Ну ладно, а топиться-то зачем?

— А что ж мне еще остается? — по-детски наивно сказала она. — Свадьба назначена на новолуние. Юлдуз говорит: «Потерпи, родная, я непременно что-нибудь придумаю». Но только что тут придумаешь?

— До новолуния еще целых семь дней. Скажись больной, тяни время. Вы, женщины, прекрасно умеете это делать, если захотите.

— А потом что? Юлдуз поступил к тебе на службу...

— Не ко мне, а к Повелителю Илдизу... — строго поправил ее Конан.

— ...Да сияет над ним Око Эрлика все его дни, только мне-то как быть? Он уйдет с тобой в столицу и пока еще дослужится до такого чина, чтобы увести меня от отца силой! А мужнюю жену по законам Пророка не может увести и Великий визирь, чтобы не быть после этого битым палками по пяткам и лишенным мужества. Разве что я отправлю своего благоверного, да простит мне милостивая Иштар самые помыслы об этом. Но злодейством счастья не добудешь...

Слезы снова навернулись ей на глаза.

— А ведь ты права, малышка! — весело воскликнул киммериец, осененный счастливой мыслью. — Никто не может отобрать у мужа жену, даже Великий визирь Повелителя! Поэтому вам двоим нужно просто пожениться.

Девушка посмотрела на него с надеждой.

— Но ведь нужно двое свидетелей... — робко сказала она. — А у нас с Юлдузом никого нет...

— Меня и Харры будет недостаточно?

Конан вскочил на ноги, ему не терпелось осуществить свою затею. Девчонка нравилась ему все больше, а к вздорному астрологу он не питал никакой приязни, особенно после учиненного накануне скандала. Провести глупого и упрямого родителя и выручить из беды двух отчаявшихся влюбленных — что может быть благороднее? И киммериец, внутренне хохоча в предвкушении веселой проделки, велел Фейре:

— Беги-ка, надень что-нибудь подобающее, да скорее возвращайся сюда. Ты верхом ездить умеешь?

— Смогу, если надо! — отозвалась Фейра совсем другим, звонким и веселым голосом. — Я быстро!

И, вскарабкавшись на плоскую крышу казармы по приставной лестнице, она почти бесшумно исчезла в саду.

— Ай да девушка! — восхищенно пробормотал киммериец. — Мне бы такую сестренку! Иштар щедра к Юлдузу!

Войдя в казарму, он направился к топчану новобранца, намереваясь поднять его хорошим пинком. Но место у стены пустовало. На топчане лежало одно только свернутое одеяло, которое в темноте легко можно было принять за спящего человека. Но к пинкам унбаши оно осталось совершенно равнодушно. Киммериец не на шутку разозлился.

— Кхитайский ублюдок! — шепотом выругался Конан. — Где он шляется, Нергал его заberi?

— Что случилось? — послышался из темноты хриплый со сна голос Харры. — Тревога? Будить всех?

— Хорошо, что ты проснулся, — отозвался Конан и еще раз пнул уже лежащее на полу одеяло Юлдуза. — Вставай, Харра, и иди за мной.

Выбравшись из душной тьмы общей спальни, Конан быстро пересказал своему помощнику события этой ночи.

— Ну, и где же он, этот пылкий влюбленный? — хмыкнул Харра.

— Шляется где-то рядом, ищет возлюбленную в озере — может догадался, что не вовремя оставил. Вот и он!

В калитке, ведущей из двора в сад, появился Юлдуз. Увидев ун-баши и его помощника, явно его поджидающих, юноша растерянно застыл на месте.

— Где ты был? — спросил Конан самым суровым тоном, на какой был способен. Харра тихо хрюкнул у него за спиной.

— Там, где ты запретил мне бывать, мой ун-баши, — глядя Конану прямо в глаза, честно ответил Юлдуз.

— Если бы ты был чуть-чуть поразговорчивее, сын мой, — сказал ун-баши тоном Магриба, — я смог бы помочь тебе гораздо раньше. — И, с удовольствием глядя на недоумевающего новобранца, велел: — Оседлай четырех лошадей, мы едем в город.

Юлдуз, не говоря ни слова, отправился в конюшню. Конан обернулся к Харре.

— Что скажешь, старый друг? Надо помочь несчастным детям. Нет ли у тебя в городе знакомого казия или жреца Эрлика, мой хитроумный Харра? Сойдет даже младший жрец.

— Найдем, — ухмыльнулся Харра. — Где-то у нас тут было вино, а то гортань у меня пересохла, как заброшенный колодец. — Разыскав кувшин, он приложился к нему, не утруждаясь поисками чистой чаши. — Ах, хорошо, клянусь Оком Эрлика, под чьими лучами созрел виноград для этого вина!.. Мне тоже не по нраву вздорный старикан. Хорошо бы сыграть с ним эту шутку. Эй, Юлдуз! — окликнул он юношу, который уже вывел четверых оседланных скакунов и подтягивал подпруги. — А сохранил ли ты запись о сговоре?

— Каком еще сговоре? — очень натурально изображая неведение, отозвался Юлдуз.

— О вашей свадьбе с несравненной Фейрой! —

невозмутимо заявил Конан, веселясь от души. — Я ее сегодня вытащил за косы из озера, так надоело малышке ждать, пока ты наконец решишься назвать ее своей! — И, словно не замечая, как резко побледнел Юлдуз, киммериец добавил с самой серьезной миной: — Я тебе просто завидую, парень. Не каждый день топятся из-за меня прекрасные девушки!

— Да, если б каждый, это было бы приятно, — заметил хохочущий Харра.

— Что с Фейрой? — тихо сказал Юлдуз таким жутким голосом, что начальник, дабы тут же на месте не лишиться подающего надежды воина, поспешил его успокоить:

— Жива она, жива. Ручаюсь, сейчас она выпрыгнула из окна отчего дома и со всех ног бежит сюда — слышишь шорох в кустах? Нынче ночью мы едем в город тайно вас женить. — Конан закатил глаза и загнул, весьма искусно подражая казию: — Согласен ли Юлдуз, сын ремесленника Тай Цзы, взять в жены Фейру, дочь астролога Бахрама, сына... Кого-то абн Некто...

— Горшечника Мирада! — приглушенно выкрикнул девичий голос, и перед пораженными мужчинами предстала преобразившаяся Фейра — в белом платье и белых же шелковых шальварах, в золотом халате и тонком покрывале. Расшитые жемчугом маленькие туфли не годились для скачки, и ун-баши ворчливо распорядился:

— Юлдуз, расседлай одну лошадь, невеста поедет с тобой, целее будет... Может, закатать тебя в ковер для верности?

— Обойдется, — буркнул Харра.

Означенная невеста этой ночью сделалась чудо как хороша, и наемник вдруг застыдился своего заспанного вида, встрепанных волос и заляпанных винными и жирными пятнами штанов.

— Давай я подсажу. — Он подставил руки, и Фейра ловко взобралась на седло — Вот так. А теперь — поехали, небо уже сереет. Успеть бы, пока не хватились.

На рассвете они вернулись. Конан бросился поднимать разоспавшийся отряд. Харра занялся взмыленными лошадьми, а Юлдуз посадил Фейру в раскрытое окно ее маленькой спальни. Их прощание как ни было оно тихо, разбудило одного из постояльцев Бахрама. На беду влюбленных это был Амаль.

Томясь все эти дни по прекрасной, но недоступной Фейре, осыпавшей его колкостями всякий раз, когда он пытался с нею заговорить, молодой астролог плохо спал ночами. В это утро он собирался выбраться пораньше в сад и нарвать роз для своей почти невесты. Он проделывал это уже не первое утро — вставал до зари, резал цветы, нещадно кромсая тугие, колючие стебли, а затем выбрасывал их в овраг за домом, потому что не находил в себе сил преподнести их черноокой неотрего.

Утешало сохнувшего от любви Амая лишь то, что отец девушки, похоже, всячески приветствовал его ухаживания, и даже объявил вчера сговор. Но Фейра, услышав об этом, ударилась в слезы, чем окончательно убедила несчастного, что он ей совсем не мил. И бедный юноша, понимая, что никогда не сможет ввести в дом женщину, которая его не любит, краснел и бледнел, слушая излияния Бахрама о том, как будет прекрасен этот брак, как благословен всеми богами. Фейра рыдала, Бахрам говорил все громче, а Амаль не знал, куда деться от стыда.

Но увидев, как нежно целует его невеста другого, молодой астролог почувствовал себя оскорбленным. Пусть он не любим девушкой, но сговор есть сговор. Как хватило ей бесстыдства у него на глазах целоваться с солдатом, только позавчера зачисленным в отряд! Что же, став его женой... Но тут Амаль, прервав поток своего негодования, вспомнил, что женой эта девушка ему никогда не будет. К чему же тогда возмущаться тем, что

ей любезен кто-то другой? Но порыв благородства прошел, Амаль снова вспомнил, что Фейра обещана ему отцом девушки, мудрейшим Бахрамом, а это значит, что его нужно поставить в известность о том, что происходит в его доме.

И, едва завершилась церемония Седьмого дня, он твердым шагом подошел к Бахраму и выложил ему все, что видел.

— Ах, бесстыдница! — вскричал толстый астролог, вскакивая с места и устремляясь к комнатам дочери. — Ну, я призову тебя к порядку! Посажу на хлеб и воду! Завтра же выдам за Амая! Ты слышишь меня, дрянная девчонка?

— Слышу, — невозмутимо отозвалась Фейра. — Но ничего из этого ты не сделаешь!

— Сделаю, клянусь Эрликом! За косы поволоку к жрецам! Либо замуж, либо тотчас в храм, принимай обет Невесты Пророка! — Бахрам в ярости метелся по комнате, но, видя странную, неестественную невозмутимость дочери пред родительским гневом, остановился и неуверенно спросил: — Тебе что же, все равно?

— Ты ничего не сделаешь, отец! — весело отозвалась Фейра и закружилась по комнате, схватив себя за кончики кос. — Ничего, ничего, ничего!

— Что это означает? — рассердился Бахрам, вертя головой вслед ее танцу. — Да перестань ты вертеться наконец!

— Это означает, что замужняя женщина не может выйти замуж вторично или быть отдана в храм на пострижение в Невесты! — отозвалась Фейра, послушно садясь. — А я теперь — замужняя женщина!

В первый миг Бахрам вообразил, что это просто шутка.

— Замужняя? — умильно переспросил он. — Да неужели?

— Замужняя, — уже серьезно подтвердила Фейра. — И больше ты надо мной не властен, потому что мой господин отныне не ты, а мой муж.

— Муж! Эрлик Всемогущий! Что это за слово такое — муж! — продолжал восклицать Бахрам, воздевая руки. — Какой еще муж?

— Мой муж, за которого ты обещал меня выдать еще луну назад, — все так же спокойно ответила Фейра. — Юлдуз.

— К-как Юлдуз? — поперхнулся астролог. Несколько мгновений он стоял, хватая ртом воздух, а затем вдруг выбежал из дома и помчался к хозяйственному двору.

Завидев его тучную, подпрыгивающую как колесо на ухабах, фигуру, Харра тронул Конана за плечо.

— К нам гости, — негромко сказал он.

Бахрам влетел во двор, тяжело и надсадно дыша.

— Где этот сын греха и позора? — проревел он, едва вдохнув. — Где этот соблазнитель дочерей?

— Ты кого-то ищешь, почтенный наш хозяин? — поинтересовался Харра, выступая вперед с вилами в руках. Бахрам попятился, но так скоро сдаваться не собирался.

— Да, я ищу вашего новобранца! Что за растлителя невинных душ ты принял в свой отряд, доблестный ун-баши! — обратился он с упреком к Конану.

Тот развернулся и рывкнул во всю силу легких:

— Юлдуз! Сюда!

Юлдуз, сражавшийся на арене с Фархутом, поспешил обернуться и предстать перед ун-баши.

— Тебя хотел видеть мудрейший Бахрам, — сказал Конан и сел на скамью у стола, всем своим видом давая понять, что не желает упустить интереснейший разговор. — Садись, мудрый старец. В ногах, говорят, правды нет.

Бахрам не принял приглашения, а сразу накинулся на Юлдуза.

— О ты, недостойный имени своей матери, ибо про имя твоего отца я не говорю ни слова, столь оно мне противно! — завопил он с прежней силой. — Как посмел ты обесчестить мою дочь и склонить ее к сожителя-

ству, не освященному законами Пророка! Отвечай, потомок нечестивых!

Юлдуз молча развернулся и исчез в казарме. Астролог недоумевающе обернулся на Конана, но прежде, чем он успел раскрыть рот, юноша появился снова — со свитком в руках.

— Прочти это, почтенный Бахрам, — спокойно сказал Юлдуз, поднося свиток к глазам старика, но не давая взять в руки. — Здесь черным по белому записано, что я и Фейра отныне — муж и жена. Начиная с первой стражи этого дня, то есть вот уже шесть часов.

Казалось, старика хватит удар на месте. Он побледнел, потом побагровел, потом снова побледнел.

— Кто свидетельствовал? — еле слышно прохрипел он.

— Я и Харра, — незамедлительно ответил Конан. — Хочешь ли ты узнать еще что-нибудь?

— Нет, чтоб ты провалился прямоком на Серые Равнины! — с неожиданной яростью ответил астролог. — Чтоб тебя загрыз пещерный волк, чтоб ты...

— Умерь поток своего красноречия, старик, — сурово сказал Конан, поднявшись. — Здесь никто не нанес тебе никакого урона. Их поженили по свидетельству о сговоре, подписанным тобою и отцом Юлдуза луну назад. Подобные бумаги теряют силу только по истечении пяти лет.

— Но моя дочь! — простонал Бахрам, закрывая лицо руками. — Моя бедная птичка! Куда она пойдет с этим оборванцем? Где преклонит голову? У него ведь нет даже дома!

— Я думаю, им это все равно, мой ученый друг, — послышалось вдруг позади, и к Бахраму подошел Магриб. — Пойдем со мною, сядем на циновки и обсудим, что же с тобой приключилось.

Бахрам покорно дал себя увести на веранду и усадить перед кальяном.

— Не хочешь ли, почтенный Бахрам, я расскажу тебе одну историю, — напевно сказал Магриб, подавая

расстроенному астрологу трубку. Тот жадно втянул в себя воздух, раскурил кальян и затянулся. Магриб расценил это как согласие.

— Тогда слушай. Когда-то в Иранистане, что лежит не так далеко от наших земель, в одном из городов правил суровый и усердный в постах и молитвах мадрант по имени Рамир. Было у него двое детей — родной сын и приемная дочь. И принц, и принцесса очень любили друг друга. Они прожили детство как брат и сестра, выросли и узнали, что не родные друг другу, и тогда в их сердцах вспыхнула страсть. Солнце казалось им черным, море казалось им глыбой льда, ничто не радовало взор и не услаждало слух, если были они не рядом.

У мадранта в сокровищнице хранилась одна диковина: рукотворный летающий конь. Его сделал древний мастер-атлант, давно сгинувший во мраке времен. Но металлического коня хранили с тщанием и заботой, и ни одно пятнышко ржавчины не смело поселиться на его полированных позолоченных боках. Внутри коня был заключен сложный механизм, позволявший ему подниматься в воздух. Отец Рамира, от которого тот унаследовал это сокровище, сказал сыну, умирая: «Сын мой, храни главную нашу драгоценность, но помни, что если хотя бы раз в год не поднимать коня в воздух, зубчатые колесики и сложные пружинки разладятся и выйдут из строя. И вся ценность этого несравненного сокровища уйдет, останется лишь груда металла».

С этими словами старый мадрант умер. Рамир и сам понимал, что чудесный механизм не может простаивать годы без дела. Но вот беда — он очень боялся высоты. И поэтому на коне поднимался раз в год его сын, отважный принц. Он взлетал с высокой крыши дворца, делал круг над городом и опускался на крышу снова.

Годы шли, принц и принцесса подрастали, а мадрант старел.

Жизнь и весна перестали радовать его. И решил он, что женитьба на юной принцессе вернет ему силы и

вкус к жизни. И он объявил ей о том, что решил взять ее в жены, велел радоваться и плясать. А бедняжка не знала, куда деваться от горя. Тогда пришел к мадранту сын и сказал: «Отец, ты обезумел! Ты неволишь свою приемную дочь идти за тебя замуж, а она вдвое тебя моложе! И неужели ты не видишь, что мы давно и страстно любим друг друга. Пожени нас, твоя воспитанница народит тебе внуков, и радость снова вернется в твое сердце, ибо детский смех есть соль земли». Но мадрант не захотел слушать разумные речи сына. Он запер девушку в высокой башне, а принца велел изгнать из города. И тогда юноша, которому, конечно же, были ведомы все тайные ходы отчего дома, пробрался ночью в сокровищницу и украл волшебного коня. Это было смелое, но рискованное решение, потому что никто не знал, в каком состоянии теперь древний механизм, и поднимет ли он двоих, а если поднимет, то далеко ли унесет. Но юноша сумел подняться на коне не с крыши дворца, а от земли, и помчался по облакам к башне, где томилась его возлюбленная.

И он выкрал ее и увез в далекий край, где их не мог уже найти жестокий мадрант. Они улетели и были счастливы. А мадрант из-за упрямства и глупости своей потерял в один час все: и воспитанницу, и сына, и сокровище. И на внуков ему тоже не пришлось порадоваться. Рассказывают, что он вскоре после этого умер в своем дворце один-одинешенек.

— Прекрасная сказка, — заметил Хамир, стоявший у веранды и слышавший все почти с первых слов. — Очень подходящая.

— К чему подходящая? — жалобно заскулил Бахрам. — Неужели ко мне? Но разве я враг своей дочери? Какой отец согласится отдать родное дитя за оборванца без гроша за душой? И Амаль — такой славный юноша!

— Ты, несомненно, враг своей дочери, — кивнул Магриб. — Все мы враги своим детям. Но сейчас ты еще и пытаешься быть врагом самому себе. Мадрант лишился всех своих сокровищ, лишишься и ты.

— И умрешь здесь один-одинешенек, — подхватил, смеясь, Хамир. — У меня у самого трое внуков, и я знаю, какое это счастье — кратковременная тишина в доме. Но как тревожно замирает сердце, когда чувствуешь, что тишина эта длится что-то слишком долго!

— Ах, друзья мои! — вздохнул астролог. — Как вы не понимаете: я вовсе не против внуков, я против этого полукровка! Кто может поручиться, что отец его не мошенник и не проходимец? Один только Эрлик знает, отчего он бежал из своего Кхитая!

— Ты ведь говоришь о мастере Тае, верно? — уточнил Магриб, и с удовольствием увидел, как насторожился Хамир.

— Мастер Тай? — перспросил он. — Тай Цзы? Так этот мальчик — сын мастера Тай Цзы? Того самого, что учился у туранцев, но изображал не затейливые узоры и сложные орнаменты с вплетенными письменами, а бабочек, птиц, барсов и леопардов, цветы и травы? Ведь это про его ковры говорили, что когда на них вытканно отражение луны в озерной глади, его хочется зачерпнуть ладонью?

— Он самый, — подтвердил Магриб.

— Друг мой Бахрам, да ты лишился рассудка! — воскликнул Хамир. — Упустить такого зятя! Он же сам прославленный мастер! Он прокормит и себя, и твою Фейру, и тебя, если придется!

— Не нужен мне такой зять, — упрямо проворчал Бахрам. — И Фейре такой муж не нужен.

— Бахрам, — произнес Магриб почти сурово. — Вспомни рассказанную мною сказку. Ты потеряешь все — и дочь, и сына, и летающего коня!

Старый астролог посмотрел на Небесного Визиря почти испуганно, но вскоре оправился.

— И все же я не вижу смысла в твоей сказке, сительный Магриб, — сказал он и вздрогнул, когда звездочет ответил:

— Еще увидишь, мудрейший Бахрам. Но будет уже поздно: принцесса и принц улетят на коне.

Магриб поднялся, вслед за ним поднялся и Хамир. Бахрам остался сидеть на веранде — с погасшим кальяном и обуреваемый самыми страшными подозрениями.

— Колдун, настоящий колдун, — прошептал он еле слышно, имея в виду Магриба. Затем вздохнул и снова поплелся к казарме.

На этот раз все получилось так, как он хотел. Грозного ун-бани не было поблизости, а в тени виноградной решетки сидел Юлдуз и шелковой масляной тряпкой полировал свой меч. Бахрам подсел к нему.

— Ну, на что она тебе, — зашептал астролог, склоняясь к самому уху юноши. — Неужели мало девушек вокруг. Ведь ты увезешь ее, увезешь далеко, и я больше никогда не увижу мою девочку... — Казалось, Бахрам вот-вот расплачется.

— Ни я не откажусь от Фейры, ни она от меня, — жестко сказал Юлдуз. — А тебе, лживый старик, лучше держаться от меня подальше. Я хорошо знаю, что свело в могилу моего отца.

Бахрам всплеснул короткими ручками.

— Столько шуму из-за какого-то ковра! Да можешь забирать его, если он тебе так дорог. — Тут он снова пригнулся к Юлдузу. — Только Фейру оставь мне — и забирай его. Знаешь, сколько мне за него предлагал Магриб? Тебе на всю жизнь хватит.

Юлдуз поднялся.

— Я сказал, а ты слышал, — равнодушно сообщил он. — Окончится Гадание, и я увезу Фейру в Аграпур. А ты можешь делать все, что хочешь. Можешь по частям съесть последний ковер моего отца.

Он вбросил катану в ножны за спиной, подхватил со скамьи кожаную безрукавку, несколько защищающую при тренировочных боях, и ушел за конюшню. Там находилась небольшая арена, посыпанная белым песком. На ней отряд Конана тренировал руку и глаз, отрабатывая точность ударов друг на друге. На арене уже поджидали Юлдуза Харра и Закир, одетые в такие же безрукавки.

— Ты еще попляшешь у меня, молокосос! — скрипел ему вслед Бахрам, багровый от злости. — Я найду на вас на всех управу!

И он, прихрамывая на затекшую ногу, направился к дому.

Вслед ему посмотрел Конан, не замеченный ни Юлдузом, ни Бахрамом.

— Клянусь Кромом, — пробормотал киммериец, — старик что-то затевает. И я готов дать палец на отсечение, что-то весьма недоброе.

Беспокойно прошло утро, беспокойно прошел день, беспокойно начинался вечер. Конан отпустил большую часть отряда в город до утра, и на дворе было тихо, но тишина эта напоминала затишье перед бурей, когда воздух так плотен, что его, кажется, можно резать ножом, а кожу на руках покалывают тысячи мельчайших иголочек.

После стычки в «Трех негодях» Конан не требовал от солдат непременно возвращения в усадьбу на ночь, чем вызвал бесконечную признательность Руты, которая предпочитала для веселья темное время суток, да и боялась оставаться в трактире без мужской поддержки.

Быстро темнело. Сверчки снова надрывались в траве. Конан сидел на своем обычном месте на крыше и вслушивался в ночную тишину. Вечер был так тих и звонок, что Конан слышал даже плеск играющей рыбы в воде.

В крохотном оконце башни снова горел огонь, перемигиваясь с негасимой лампадой внизу. Конан мечтательно глянул вверх, где в вышине башни трудился Магриб абн Рудаз. Зеленый огонек мигнул, и киммериец опустил взгляд, почти ожидая, что желтый мигнет ему в ответ. Но вместо этого он погас совсем.

Конан нахмурился и привстал на крыше, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в неверном свете убывающей луны. Желтый огонек лампадки снова вспыхнул и снова погас. Это могло означать только одно: его закрывала чья-то тень.

Как и накануне, Конан бесшумно соскользнул с крыши и широкими, стелющимися прыжками пересек открытое пространство между деревьями. Припав к стене внутреннего двора, Конан слышал голоса.

В следующий миг воры уже выходили из дверей, и киммериец не успел подготовиться как следует.

Прыгнув на того, который оказался ближе, ун-баши одним движением повалил его и сел сверху на грудь. После чего резким рывком вывернул ему голову, сломав шею. Второй вор тем временем, не дожидаясь, пока его постигнет участь товарища, бросился бежать. Конан обернулся — и увидел у беглеца зажатый в руке пергамент.

С рычанием разъяренного тигра киммериец бросился вдогонку. Но то ли вор очень хотел жить, то ли хорошо бегал, потому что Конан почти сразу потерял его из виду. Но зная, что бежать здесь можно только в сторону дороги на Хоарезм, кинулся ему наперерез. Настиг он его только у самого оврага, за масленичной рошей.

А на краю этой роши, в густой кроне масленичного дерева, скрытый листвой и непроглядной тьмой убывающей луны, сидел, замерев, Ягинар, прозванный за битву в Холодном ущелье Бесстрашным.

Посылая его вслед за двумя опытнейшими ворами, Мардуф рассчитывал если не избавиться от них, заполучив свиток, то хотя бы проследить их судьбу.

И вот, сидя в ветвях, как в огромном плетеном кресле, Ягинар мог со всею отчетливостью видеть, как расправился варвар с двумя незадачливыми похитителями свитка. Поистине, пока этот ун-баши находится поблизости, свиток остается вне досягаемости воров, даже самых изощренных!

Ягинар готов был себе локти кусать от злости. Владыка Мардуф уже третью ночь подряд призывал его к себе под утро и мягко спрашивал, когда он наконец увидит свиток. И каждый раз голос государя звучал все мягче и ласковее, и если военачальник Ягинар не

принесет своему повелителю добрых вестей и в этот вечер, тень Ягинара укоротится задолго до наступления полудня.

И разве не пытался Ягинар поймать варвара в городе, после попойки и дебоша? Едва его шпионы донесли, что пять человек из отряда с Конаном во главе заперлись в «Трех Негодях», Ягинар помчался с этой вестью к владыке. Мардуф разрешил попытаться взять подвыпивших наемников, только велел послать не десять человек, как собирался Ягинар, а пятнадцать. Из этих пятнадцати вернулись только пятеро, причем изрядно ощищенные, а отряд киммерийца меж тем не потерял ни перышка!

Ягинару в тот день крепко досталось от государя. Он валялся у Мардуфа в ногах, вымаливая прощение, потому что знал: это единственный способ разжалобить каменное сердце наместника Хоарезма. Он клялся и обещал, что либо достанет свиток, либо уберет с дороги киммерийца, и государь отпустил его. Но правду сказать, Ягинар ни в малой степени не представлял, что же теперь делать.

И вот, глядя с высоких ветвей на варвара, который, что-то насвистывая себе под нос, прятал под мостом в овраге сначала один труп, затем второй, военачальник с тоской думал, что это были последние воры из лучших, что осталось только жулье, не способное отнять и кусок халвы у младенца, куда их выпускать против этой помеси быка и тигра!

Тем временем Конан забросал лозой трупы и вернулся к дому — но не забрался на крышу казармы, а направился ко Двору Гаданий. И тут Ягинар увидел невероятное. Присев перед столиком с ларцом, в скудном свете лампы, Конан развернул свиток и прочел его — от начала и до конца. В это мгновение он был обречен.

Торопясь спрыгнуть, пока варвар занят чтением свитка, Ягинар белкой скользнул вниз по стволу. Не обращая внимания на то, что у него ободраны руки и

вся одежда в соке и смоле, военачальник осторожными, тихими шагами принялся отступать в сторону своей лошади, привязанной в роще со стороны деревенской дороги. Пройдя так, пятась и оглядываясь, он вдруг услышал в роще шум, какой не под силу было бы произвести и медведю — кто-то с треском и бранью ломился сквозь кусты. Ягинар замер, застыв на одной ноге.

Треск и сопение слышались все ближе, в кустах мелькнула грузная светлая тень. Ягинар вгляделся в ночной сумрак и вдруг устремился навстречу позднему прохожему, так странно решившему сократить свой путь от озера до усадьбы.

— Ты, кажется, заблудился, почтенный Бахрам! — крикнул военачальник Мардуфа еще издали. — Позволь мне подойти и помочь тебе!

Астролог, сопя и бранясь, тщился выпутать бахрому своего нарядного шелкового пояса из колючек ежевики. Ягинар подошел и, заставив Бахрама снять пояс и оттеснив старика, высвободил изрядно пострадавший кушак.

— Мой доблестный Ягинар! — воскликнул Бахрам, не скрывая своего удивления. — Что ты делаешь здесь в столь поздний час, о начальник дворцовой стражи?

— Это, скорее, я должен спросить у тебя, почтенный Бахрам, почему ты бродишь в темноте среди пней и колючек? Ибо в твоём возрасте, мудрейший мой друг, ночные прогулки могут обернуться любой хворью... или еще чем похуже. Но я вижу, ты расстроен? Что же заставило тебя выйти ночью из дома и бродить вокруг озера, словно душа грешника, не нашедшая пристанища на Серых Равнинах?

Бахрам сокрушенно махнул рукой:

— Не спрашивай, любезнейший Ягинар! Огорчения мои бесконечны, а думы тяжелы... Но ты все же не ответил на мой вопрос. Ибо то, что я, мучимый бессонницей, брожу вокруг собственного дома, еще понятно; но мне не верится, что даже самая жестокая бессонни-

ца может выгнать тебя столь далеко — ведь дом твой, насколько мне известно, находится в Хоарезме, в добром часе езды отсюда! Уж не одолела ли тебя лунная болезнь, о доблестный воин? Если так, у меня есть прекрасное средство — красное барахтанское, горячее и нежное, как молодая девушка, оно, несомненно, облегчит твой недуг! — Последние слова были сказаны не без ехидства, ибо кому, как не придворному астрологу, было знать, что приступы этой ужасной болезни не одолевают при ущербной луне.

— Нет, недуги не терзают меня, любезнейший Бахрам, — с тонкой улыбкой, означавшей, что намек астролога услышан и понят, ответил Ягинар. — И я бы с радостью принял твое приглашение, если бы не находился здесь по долгу службы. Уже которую ночь я и мои люди охраняем покой собравшихся здесь мудрейших провидцев Турана.

Бахрам изобразил на лице крайнее изумление:

— Но ведь отряд воинов Повелителя Илдиза и так охраняет наш покой! Или владыке Мардуфу известно о каких-либо кознях, кои замышляют наши враги?

— Нет, — усмехнулся военачальник, — врагам нашим не до козней. Эти иранистанские шакалы сейчас скулят илизывают раны в своем вонючем логове после трепки, которую мы задали им этой зимой...

— О да, — лстиво ввернул Бахрам, — я слышан о твоих победах, Ягинар, по заслугам прозванный Бесстрашным!

— ...Просто государь очень озабочен тем, чтобы Весеннее Гадание прошло благополучно, — словно не слыша его, закончил Ягинар. — Ты говоришь о гвардии Владыки Турана — но где они, эти доблестные львы Повелителя Илдиза? Прислушайся, любезный Бахрам, не их ли храп тревожит ночной покой твоего прекрасного озера? Что-то я не видел тут ни одного за все эти ночи!

— О нет! — вскипел Бахрам, мгновенно побагровев. — Среди них есть один — великий любитель не

спать ночами и обдѣлывать у меня за спиной всякие грязные делишки, недостойные славного звания ун-баши туранской армии!

Ягинар насторожился:

— Уж не о Конане ли из Киммерии говорит почтенный Бахрам? — вкрадчиво осведомился он. Одним из талантов Ягинара было умение мгновенно оценивать ситуацию и обращать ее ко всяческой своей пользе. — Чем же мог прогневить великого астролога, прорицателя судеб, какой-то северный варвар?

— Посети его дух Серых Равнин! — подхватил Бахрам. — Этот насмешник ни во что не ставит ни заслуги мои, ни седины, ни почтенное имя — горе мне, несчастному отцу!

— Эрлик милосердный! — изобразив на лице приличествующие случаю ужас и сочувствие, попытался вклинить Ягинар. — Неужели этот презренный сын шакала осмелился покуситься на честь прекрасной Фейры?..

Но ослепленный собственной яростью, астролог неся вперед на коне своих рассуждений, не замечая ни дороги под копытами своего скакуна, ни встречающих на ней.

— Я так мечтал увидеть свою девочку замужем за Амалем, будущим придворным звездочетом правителя прекрасной Замбулы! Но стоило мне вчера объявить сговор, как этот проклятый ун-баши, да уязвит его скорпион в его расплзшуюся от бесконечного пьянства печень, приволок откуда-то ее прежнего жениха, этого узкоглазого ублюдка, оставшегося после смерти отца без гроша в кармане! Вообрази себе подобную наглость, мой добрый Ягинар, — нынче утром этот сын греха является ко мне с подписанным брачным договором. Я бы стер этого оборванца в порошок вместе с его свидетельством, но Конан принял его к себе в отряд, и стоит мне промолвить хоть слово, этот киммериец вырастает, словно ифрит из-под земли! Пусть проклят тот, кто надумил Повелителя Илдиза прислать на весеннее гадание отряд

под предводительством этого наемника-северянина.

— Воистину будь проклят, — с готовностью откликнулся Ягинар.

В отличие от Бахрама, он прекрасно знал, на чью голову падают сейчас яростные проклятия уязвленного астролога.

— И что же, этот варвар совсем не спит по ночам?

— Право, не знаю, мой добрый Ягинар, — отдуваясь, буркнул Бахрам. При его тучности подобные вспышки ярости не проходили бесследно, и теперь тысячи маленьких стеклистых червячков плавали перед ним в воздухе. — А по мне, так было бы неплохо, если б он заснул покрепче на день-другой — и предпочтительно, подальше от моего дома, в каком-нибудь грязном хоарезмском трактире, где ему самое место!

Ягинар помолчал, словно бы раздумывая, а потом медленно проговорил:

— Если бы я осмелился предложить моему старинному другу всю помощь, на какую способен...

— Ах, да какая тут может быть помощь! — с досадой отмахнулся Бахрам. — Не можешь же ты силой запереть его в Хоарезме!

— Ну, почему же... — вкрадчиво протянул Ягинар. — к тому времени, как ехать в город, он будет уже достаточно пьян... или, скажем, кто-нибудь подмешает ему в вино сонного зелья... то я, пожалуй, смогу продержать его в надежном месте дня два, а то и все три.

Бахрам взглянул на него с робкой надеждой:

— Ты в самом деле сделаешь это ради меня, мой добрый друг?

— Я всегда готов прийти на помощь старинному приятелю, — с любезным поклоном отозвался Ягинар. — Если только я буду уверен, что зелье подействует...

— Подействует, — с воодушевлением заверил его астролог, — подействует, можешь не сомневаться!

— ...Так вот, если зелье подействует, — невозмутимо продолжал военачальник, — мои люди будут ожидать

его у озера, там, где к нему близко подходит дорога. И клянусь милостями пророка Тарима, ты, почтенный Бахрам, не увидишь его ни завтра, ни послезавтра.

— И вероятно, более никогда, — добавил он про себя.

Толстый астролог расчувствовался до слез.

— Сколь приятна дружеская поддержка, — всхлипнул он, — в час, когда твоя же собственная дочь, свет очей твоих, услада твоей одинокой старости, — он снова всхлипнул, — дерзит тебе и мешает твое имя с грязью! — Тут он шумно высморкался в столь отважно спасенный доблестным другом пояс.

Ягинар, справедливо опасаясь, что дело может дойти и до рыданий у него на плече, поспешно сказал:

— Уже светает, почтенный Бахрам. Мне пора, с восходом солнца я должен быть с докладом у государя. И, если мы обо всем договорились... а мы несомненно договорились...

— Можешь смело на меня положиться!

— В таком случае я оставляю тебя, почтеннейший, — надеюсь, в лучшем расположении духа, чем застал, — поклонился Ягинар и скрылся в густом кустарнике прежде, чем Бахрам успел еще что-то сказать.

Глава 7. Ночной допрос. Мардуф

Первое, что услышал Конан ранним утром Восьмого дня Гадания было возмущенное:

— Ты опять разбудил меня, да еще и завалился спать сам! Я вскочил, как встрепанный, заслышав рядом с собой твой самозабвенный храп! Хорошо хоть, что свиток на месте, я уже проверил!

— Еще бы ему не быть на месте, — пробормотал Конан сонно. — Я сегодня утром убил двоих чересчур любопытных — одного у ларца, а второго в саду. Их трупы лежат в овраге за домом, у масленичной рощи.

Харра расширил глаза и умчался посмотреть. Конан удовлетворенно хмыкнул и повернулся на другой бок.

Но не успел он задремать, как Харра снова тряс его за плечо. Ун-баши подскочил на топчане и одним ударом кулака отправил помощника в дальний угол сарая.

— Отрыжка Нергала! Дашь ты мне сегодня выспаться наконец или нет?

— Трупов там нет, — тихо сказал Харра, вставая и отряхиваясь. — Зато есть много следов сапог с высокими каблуками, какие носят старшие стражники Мардуфа. И пара лошадей там тоже побывала. Они расписались на влажной глине у родника так ясно, что считал бы и ребенок.

Улегшийся было киммериец снова сел на топчане.

— Кром! Это означает, что сегодня ночью они придут всей толпой — если не побоятся... — пробормотал он. — Не вовсе же они дураки, поймут, что мы увидим следы их посещения. Если только...

— Что если только? — насторожился Харра.

Конан наконец проснулся.

— Если только они не видели, что я прочел свиток! — рывкнул он. — Раз они видели, куда я дел трупы, — я ведь их неплохо припрятал, под мостом — если бы не видели, в темноте не отыскали бы... Вот что, Харра, сегодня мне, видно, стоит прогуляться в город — разнюхать, чем там пахнет. Да и проветриться заодно. А то вчера мне эти вояки все настроение испортили.

— Один не ходи, — сказал Харра и тут же пожалел о сказанном.

Ибо древняя мудрость гласит: не стоит давать советы начальнику, если он в ночь убил двоих и злится на себя за то, что упустил третьего. Следовало подождать хотя бы до тех пор, пока Конан не отоспится и не поест.

Поэтому Харра не очень удивился, а лишь сокрушенно вздохнул и возвел очи горе, когда ун-башиглянул на него, прищурился злые глаза, и язвительно поинтересовался:

— За кого ты опасаешься больше, мой бессонный страж, — за меня или за себя? Я уж как-нибудь обойдусь без нянек! А теперь, пока я не вышиб тебе твои куриные мозги, выметайся и дай мне поспать!

Харре ничего не оставалось, как убраться и сказать остальным, чтобы не совались в казарму, не то попадутся ун-баши под горячую руку.

— Может, в самом деле проветрится у Руты и немного придет в себя, — пробормотал он, подпирая жердью дверь сарая. — А то вон какой стал, тощий и осунувшийся — одни скулы да глазищи синие остались! Возьми тебя Нергал, всеведущий Мишрак абн Сулейн, со всеми твоими поручениями!

Проспав до полудня, Конан неспешно выкупался в озере и выпил полкувшина вина, после чего наконец почувствовал себя более или менее сносно. Харра предупредил отряд, что ун-баши нынче не в духе, и свободные от стражи воины усердно трудились на засыпанной свежим песком арене за конюшней.

Конан какое-то время скептически наблюдал за тем, как Фархуд и Омра с пиками в руках обороняются от наседающих на них близнецов, а Рамас, Тувим, Джамла и Сагир стреляют по большой корзине с соломой. Корзина уже видом своим напоминала большого морского ежа. Хмыкнув, но ничего не сказав, ун-баши сунулся в конюшню и застал там Ихора и Рустада, наводящих последний глянец.

— Эй, воплощение гнева Пророка, — окликнул его голос Харры. — Не хочешь ли глоточек барахтанского красного?

Конан вышел и увидел своего помощника сидящим в тени деревьев с кувшином и кружками.

— А то мне вот-вот идти менять Юлдуза и Хасима! Тут еще осталось на донышке.

— Шельмец! — несильно пнул его в бок ун-баши и плюхнулся на циновку рядом с помощником. Заглянув в кувшин, он действительно увидел — и унюхал! — восхитительное вино с Барахских островов, терпкое и

сладкое, темно-красное, как кровь из вен. Вопреки уверениям Харры, кувшин был полон почти до краев. Конан сделал большой глоток и прищелкнул языком. — Где ты его раздобыл?

— В погребке многомудрого Бахрама! — расхохотался Харра. — Этот сын гиены примчался ко мне сегодня ни свет ни заря и лебезил, как побитый пес. Очень хотел тебя лицезреть, да я не допустил, оберегая священный покой величайшего воина всех времен и народов... Ай! Пинаться-то зачем?

— Что было нужно этому смрадному шакалу? — поинтересовался Конан, наливая себе полную кружку. — Не зевай, а то ничего не достанется.

— Пей, пей, это тебя задабривали, а не меня. Вчера Магриб его пристыдил, и он, кажется, одумался. Во всяком случае, объяснял мне сегодня со лстивой улыбкой, что все, конечно, понимает, дело молодое, но ведь и его, бедного родителя, можно понять, как же он останется на старости без единственной улады — и прочая чушь в этом же роде. Я важно кивал, потом забрал у него кувшин и ушел, потому что началась церемония. И слава Эрлику, а то он бы мне до самого полудня объяснял, какой он одинокий и несчастный.

— И чем они там занимались сегодня? — миролюбиво поинтересовался Конан. Астролог, конечно, заискивал неспроста, наверняка он что-то задумал. Но вино было великолепно, оно до некоторой степени оправдывало существование вздорного старика.

— А кто их разберет? — пожал плечами Харра. — Эрлик, слава его мудрости, не сподобил меня рвением к наукам! Перебирали какие-то палочки и сухие стебли, кидали их так и эдак. — Он заглянул в уже почти пустой кувшин, отхлебнул глоток, а остаток вылил в кружку Конану. — Пора ребят снимать.

— Иди-иди. Хоть один день я посижу спокойно, — отозвался ун-баши. Его немного развезло от выпитого на пустой желудок, во всяком случае, вставать на ноги ему не хотелось. Солнышко пригревало, молодая листва

сквозь его лучи казалась прозрачно-золотой. Солнечные зайчики скакали по еще не пожухлой траве — или это рябило в глазах у Конана? Он смежил отяжелевшие веки — и в затылок его ударилось что-то твердое. Открыв глаза, он с удивлением обнаружил, что лежит навзничь на земле, а над ним, пестро-золотая против солнца, мельтешит листва масленичных деревьев.

— Прах и пепел, — пробормотал озадаченно Конан. — Не мог же я так опьянеть с одного кувшина?

Недоброе предчувствие шевельнулось у него в груди, он собрался с силами, поднялся и на нетвердых ногах пошел вниз к озеру.

По тому, как все кружилось и прыгало у него перед глазами, он понял, что в вине был яд — или очень сильное сонное зелье. Нужно было немедленно напиться воды, причем выпить столько, чтобы его стошнило, иначе...

Добравшись до озера, он упал животом на камни и, склонившись над водой, принялся с жадностью пить.

И тут чья-то рука макнула его голову в воду.

Несмотря на звон в ушах и темное, кровавое марево перед глазами, у Конана еще достало сил высвободиться и отшвырнуть убийцу. Ярость придала ему сил, он с рычанием бросился на темные, расплывающиеся фигуры, осторожно подбиравшиеся к нему со всех сторон. Выватив нож из сапога, киммериец успел расправиться с двумя из них, прежде чем на него упала тонкая шелковая сеть. Он вспорол ее, действуя с отчаяньем загнанного в ловушку барса, когда зверь, уже видя, что гибель неизбежна, раздает удары направо и налево в слепой жажде крови тех, кто забивает его камнями.

Ибо в Конана летели камни. Видя, что даже едва держась на негнувшихся ногах, жертва еще способна унести с собой на Серые Равнины не одну жизнь, убийцы забрасывали его камнями издали, метя в голову. Он уворачивался, как мог, слепо тычась во все стороны в поисках выхода, но тут камень угодил ему в висок, и Конан упал.

Он еще помнил, как его, полуголодного и задыхающегося под грудой вонючих одеял, волокли куда-то, а потом везли в тряской крытой повозке, сквозь вошеную дырявую тряпку которой били тонкие лучи солнца, раскаленными иглами впиваясь ему в мозг.

Единственное, что он сумел сообразить в этой немыслимой кутерьме: убивать его явно не собираются, кому-то он надобен живым.

Потом его снова волокли, как ему показалось, в крошечной тьме, бесконечными коридорами и переходами. Он плохо сознавал, что с ним пытаются сделать и чего добиться. Наконец тряска и выпитая вода дали долгожданный результат, его стошнило — как он не без удовольствия отметил, на чьи-то штаны.

Видимо, на какое-то время он все-таки потерял сознание, потому что не помнил ни как срывали с него одежду, ни как прикручивали к большой деревянной крестовине наискось.

Очнувшись он от того, что в лицо ему плеснула ледяная вода. Он встряхнул мокрыми волосами — и сознание снова расплылось, потому что низ поменялся с верхом, а в висках тяжело и гулко застучала кровь.

— Еще! — негромко велел чей-то голос.

Его снова окатил поток воды, и Конан окончательно пришел в себя.

— Приветствую тебя в моем доме, прославленный Конан из Киммерии! — услышал он тот же голос. Чем-то он был знаком Конану, но голова у него еще кружилась слишком сильно, чтобы понять, где он уже слышал эти насмешливые интонации. — Мне пришлось потрудиться, чтобы залучить тебя в гости!

Конан еще раз помотал головой и открыл глаза.

Он был распят вниз головой у влажной каменной стены не то подвала, не то каземата. Скучный свет факелов и масляной лампы на столе писца только сгущал крошечную тьму. Но даже этого света было довольно, чтобы разглядеть того, кто восседал в пяти шагах от него в складном золоченом кресле с грудой подушек.

Это был Мардуф, наместник Хоарезмский.

Киммериец с интересом всматривался в лицо молодого вельможи, которого до тех пор видел только издали на больших дворцовых праздниках. Ко времени прибытия Конана в Туран Мишрак уже отослал Мардуфа из столицы, но новый наемник еще успел застать поток полуправдивых сплетен о знатном повесе и моте. О нем рассказывали тысячи небылиц, одну ужаснее другой. Будто бы дочери владыки потому были так спешно отданы замуж, что Мардуф сожительствовал со всеми тремя, и плоды этого сожительства становились слишком явны. Будто бы выезжая в поля на соколиную и гепардовую охоту, он травил не степных лисиц и горных антилоп, а молодых деревенских девушек. Будто бы он родился таким же уродом, как и его отец, но повстречал однажды искусного мага из Стигии и получил от него красивую внешность за обещание служить Сету и сеять вокруг себя только зло.

Большей части этих сплетен Конан не верил. Случалось, он сам развлекался с тремя девчонками разом; случалось ему, повстречавшись в безлюдье с красавицей, обнаружить в ней ведьму, подстерегающую на дорогах молодых любовных олухов, и как правило, такая встреча кончалась для красавицы смертью. А услышав басню про купленную у Сета внешность, он просто расхохотался удивленному рассказчику в лицо и заявил, что давно не слыхал такой чуши. Попадая под Хоарезм, Конан убедился, что правит Мардуф разумно, не обременяя город излишними поборами. Базар Хоарезма был шумен и многолюден, дела купцов процветали — а ничто так не говорит о толщине кошелька горожанина, как процветающая торговля.

Единственно верным из всех слышанных Конаном утверждений являлось одно: Мардуф был красив. Разве что несколько бледен, но вкупе с черными как вороново крыло волосами и бровями это придавало его лицу ту загадочность призрака, что так нравится женщинам. Его темные глаза, всегда чуть сощуренные, светились

тем же неземным светом, что и у его отца. Глядя в эти глаза, можно было с равным усердием совершить величайший подвиг и величайшую низость.

Кресло наместника стояло на небольшом возвышении. Рядом с этим возвышением, за низеньким столиком, погребенным под бумагами, сидел писец с отсутствующим выражением лица. Но как только золоченая трость Мардуфа коснулась его спины, он обернулся, задирая голову, глядя на хозяина с вниманием собаки, ждущей приказаний.

Мардуф снова заговорил.

— Мне известно, что этой осенью у Илдиза должен родиться ребенок. Также мне известно, что перед отъездом из Агранура ты посетил дом Мишрака абн Сулейна, где несомненно получил точные указания, как тебе следует действовать, услышав шорох в кустах рядом с драгоценным ларцом. Видишь, — тут он улыбнулся, и Конан пожалел, что не смотрел в другую сторону, — я вполне откровенен с тобой. Мне нужно было знать, что написано в свитке, а ты одного за другим убил троих моих людей. Хорошо ли это, о прославленный ун-баши непобедимой туранской армии?

Конан молчал. Похоже было, что не один Мишрак имеет в Туране искусных шпионов за каждой дверью.

— Я уже не говорю о той стычке у таверны «Три негодяя». Я согласен, было бы глупо надеяться, что банда числом десять человек убьет пятерых, один из которых — Конан-киммериец. И я послал пятнадцать. И где они, мои умелые воины? У трех из них была снесена с плеч голова! Не спорю, они не заслуживали лучшей участи, и рано или поздно познакомились бы с топором палача, но до того еще послужили бы мне. Список моих обид велик, варвар, но ты можешь перечеркнуть его одним лишь словом.

Конан по-прежнему молчал.

Мардуф вздохнул с таким видом, словно его вынуждали на поступки, которых по собственному желанию он никогда бы не совершил.

— Обрати внимание на всех этих людей вокруг тебя, — продолжал он. — Вон те двое карликов — просто прислуга, они глухонемые. А мой добрый Ами, — он указал на худого, с безумными запавшими глазами человека, раскладывавшего на низком столике какие-то инструменты, весьма гнусные на вид, — самый искусный палач своего времени. Поклонись нашему гостю, Ами.

Худой Ами, осклабясь, согнулся перед распятием. Руки у него были длинные, узловатые, с крючьеобразными пальцами, каждый из которых, казалось, гнулся не в трех суставах а по меньшей мере в пяти.

— Он — только немой. Узнав об опытах Мишрака, я понял, до чего разумен этот визирь в подборе слуг. И следуя его примеру. Писец Сулла — глухонемой от рождения, но прекрасно читает по губам, даже таким распухшим, как твои. Верно, в них попал камень? Прими мои извинения. Теперь, если ты скосишь глаза влево, то увидишь возле себя человека с колотушкой.

Конан чуть повернул голову и действительно увидел толстяка с глупейшим выражением лица. В руках у него был обмотанный войлоком деревянный молот на длинной рукояти.

— Если ты будешь вести себя неподобающе званию ун-баши, он будет тебя бить, — пояснил Мардуф. — Это не больно, но неприятно. Обычно на десятом ударе люди лишаются разума, поэтому води точный счет.

Толстяк был единственным, до кого мог дотянуться беспомощный пленник, и не успел Мардуф договорить, как Конан изловчился и плюнул прямо в бессмысленно помаргивающий глаз. Лицо толстяка не утратило своего блаженно-идиотского состояния, когда он, не сильно размахнувшись, ударил молотом Конана по голове. Новая порция воды привела пленника в чувство.

— Что записано в свитке?

Конан попытался плюнуть в Мардуфа, но не сумел.

— Ты будешь висеть так, пока не осознаешься, или пока не лопнут все сосуды в твоей дубовой голове, и

мозги, плаваясь, не потекут из глаз. Я точно знаю, что ты читал этот проклятый свиток, мой Ягинар видел тебя, — равнодушно сообщил Мардуф. — Виси, варвар. Я знаю, что ты живуч и не умрешь слишком скоро от одного только висения вниз головой, а потому времени у меня вволю. Только учти, что скоро рассвет, а я иногда хочу спать. Еще раз пропоет петух, и я отправлюсь в свою опочивальню. — Мардуф нарочито сладко зевнул, изящно прикрыв рот рукавом парчового халата. — И тогда ты провисишь здесь еще и весь день. Кричать здесь можно. Кричи громче, во всю силу своих легких. Очень удобное место, чтобы вволю накричаться...

«Какой же ты самовлюбленный осел в павлиньих перьях! — думал Конан, глядя на наместника. — Это при таком-то отце!»

Но вслух он пока не говорил ничего, решив посмотреть, как будут развиваться события.

Зато говорил Мардуф: прикрыв глаза тонкими синеватыми веками, чуть раскачиваясь, монотонно и негромко. Ему доставляло явное удовольствие слушать самого себя.

— Толстяк с колотушкой — не глух, но тоже с отрезанным языком. Когда-то его судили за крайнее бесчинство и прелюбодеяние. И теперь помимо языка у него отрезано и еще кое-что, посему он крайне извращен и очень любит мужчин...

Толстый кастрат с колотушкой, услышав эти слова, умильно улыбнулся Конану, и того чуть не стошнило.

— О, — по-прежнему не открывая глаз, все тем же бесцветным голосом, но со змеиной улыбкой на тонких бескровных губах отметил Мардуф, — я чувствую, что ты вздрогнул от омерзения. Когда мне захочется поразвлечься, я разрешу ему ласкать и гладить тебя, я разрешу ему довести тебя до иступления, а он умеет это делать, поверь мне. Ибо причинять тебе физическую боль я не вижу никакого смысла, поскольку, судя по твоим шрамам, ты перенес ее больше, чем все, кто побывал здесь до тебя... Только представь себе, варвар:

такое жирное, слюнявое, омерзительное существо, не мужчина и не женщина, будет касаться тебя своими толстыми мягкими пальцами... Ты здоровый, не увечный мужчина, и рано или поздно он добьется своего, потому что природа наша сильнее нас. Никто никогда не узнает, что Конана любил жирный, слюнявый кастрат, но ты после этого возненавидишь сам себя...

По безволосому подбородку кастрата и в самом деле текла струйка слюны, он смотрел на Конана, как...

«Как пес на течную суку! — вспомнил Конан слова Фейры. — Кром Владыка! Если бы этот осел с позолоченной шкуркой знал, как немного я могу ему рассказать... Он бы просто лопнул от злости». Эта мысль его развеселила, и он улыбнулся. Кастрат принял это на свой счет и немедленно улыбнулся в ответ. Улыбка у него была самая идиотская.

— Что написано в свитке, варвар?

Конан по-прежнему молчал, но мысль сказать Мардуфу правду нравилась ему все больше и больше.

— А то еще можно кликнуть палачей, и они приведут сюда премиленьких мальчиков и девочек, — продолжал тем временем Мардуф. — Их разложат на тех больших столах, чтобы тебе было как следует видно, и будут долго рвать на части, так долго, как умеют это делать только мои палачи. А в заплечных дел мастеров я набирал сумасшедших маньяков, они любят свою работу, варвар, смотреть на них — просто загляденье...

Наконец Конан решился. Сказав правду, он не терял ничего, кроме жизни, но сейчас его жизнь или смерть и так находилась в полной власти этого сумасшедшего.

— Зачем тебе знать то, что записано в свитке? — хриплым, севшим голосом спросил Конан. — Разве ты Владыка Турана? Разве тебе есть дело, нападут на нас враги или нет, каков будет урожай и не случится ли засухи?

— Нет, все это мне не интересно. Ты знаешь, что я хочу знать: кто родится этой осенью. Если мальчик —

его ждет смерть еще в утробе. Если девочка — я возьму ее в жены. Да, я не Владыка Турана, но очень скоро им стану, варвар. Подумай об этом, если хочешь остаться в войске Повелителя Аграпура. Тебе выпадает редкий случай начать свою службу новому государю прямо сейчас.

Стараясь не выдать себя смехом или просто странным для пленника выражением лица, Конан начал торговаться.

— А что я получу за то, что скажу тебе правду? За то, что предам своего повелителя и нарушу клятву, которую давал, вступая в его войско? Предательство стоит дорого, а ценится дешево.

Мардуф, оживившись, подался вперед.

— Наконец-то я слышу речи не наемника-варвара, а мудрого человека, знающего, что не все на свете зависит от одной только силы мышц! Я сделаю тебя кир-баши своей армии, а когда стану Владыкой Турана, назначу Верховным военачальником взамен старого Азала!

— Это только обещания, — заявил Конан, видя, что наживка проглочена вместе с крючком. — А кто потом удостоверит твои слова, сказанные при глухих и немых?

— Сулла записывает за нами каждое слово, Конан, — ответил Мардуф, проявляя нетерпение. — Но вот здесь лежит мой фирман о назначении кир-баши, в него осталось только вписать имя. Говори!

Если бы он мог двинуть хотя бы пальцем, Конан, наверное, не удержался бы от какого-нибудь непристойного и обидного жеста — и, вероятно все бы этим испортил. Мардуф ждал, постукивая свернутым в трубку фирманом о поручень кресла.

— Говори! Ты и помыслить не можешь, варвар, как прекрасна станет туранская земля, когда я воссяду на трон во дворце Аграпура! Сколько раз, размышляя об этом, я ясно видел нашу страну в довольстве и великолепии! И неужели одно злое дело не искупят тысячи добрых и угодных богам! Ну, скажи мне, что родится

девочка — и не будет во всем мире принцессы счастливее, чем она, такой лаской и заботой я ее окружу! Но мне нужно опередить негодяя Рагдрима, брата Илдиза! Он тоже мечтает о короне и непременно захочет племянницу в жены, хоть это и против закона Пророка!..

— Хорошо, я все скажу тебе, — проворчал киммериец, стараясь придать своему голосу оттенок не насмешки, но усталости и раздражения. — Я скажу тебе, что знаю, только вели перевернуть меня, потому что мне уже очень надоело изображать на стене ящерицу-геккона!

Наместник Хоарезма вздрогнул, оборвав поток красноречия на середине слова: он не ожидал, что варвар сдастся так скоро. Посмотрев на Конана, из всех сил изображавшего мрачную сломленность, он милостиво кивнул. Карлики подскочили к вороту, цепи и блоки пришли в движение, крестовина с Конаном медленно повернулась.

— О будущий Владыка Турана! — обратил к Мардуфу Конан свою речь, и меда в его голосе было столько же, сколько и яда. — Я и в самом деле читал тот свиток, хотя, наверное, не должен был этого делать, и теперь гнев Эрлика Огненноликого, несомненно, падет на мою главу никак не позже новолуния...

— Покороче! — оборвал его Мардуф. С каждым словом Конана лицо его все больше темнело, он начал понимать, что варвар попросту потешается над ним. — Иначе мой гнев падет на тебя задолго до гнева Эрлика!

А Конан едва сдерживал рвущийся наружу смех.

— Гадание о наследнике произойдет на десятый день, о ты, коронованный ослиными ушами! — выкрикнул он, уже открыто смеясь.

— В том свитке было все, кроме этого, о Мардуф Ишачья Задница! Можешь пойти и проверить сам, если сомневаешься в моих словах!

Глядя на то, как вытягивается бледное лицо будущего Владыки Турана, он залиvisto расхохотался.

Мардуф оскалил по-волчьи белые и острые зубы и махнул рукой со своих подушек. Тяжелый деревянный молот опустился на голову Конана. Все поплыло у него перед глазами, и уже теряя сознание, он успел услышать спокойный голос, исполненный невыразимой злобы:

— Заточить в Черную башню. Сначала, киммериец, ты будешь жрать крыс, а потом крысы сожрут тебя. Еще никому не удавалось безнаказанно потешаться надо мной, клянусь алмазной короной повелителя Турана!

И больше Конан ничего не помнил.

Очнулся он уже в цепях.

В голове у него после вчерашней отравы изрядно гудело, все мышцы ныли, поэтому он не сразу пошевелинулся в ответ на пинки стражников. Но те в конце концов подняли его на ноги и, окружив плотным кольцом, поволокли, почти нагого, с одной только грязной тряпкой на бедрах, на главную площадь перед дворцом. Здесь, под высокими стенами обители отца и благодетеля города, светоча справедливости и милосердия, находилось лобное место и высилась зловещая Черная башня, узилище для самых отъявленных злодеев.

Солнце пекло немилосердно. Конан едва стоял на высоком помосте, мутными глазами глядя на зевак внизу. Монотонный голос зачитывал обвинение, в котором упоминалось и чернокнижие, и осквернение трупов, и гнусные помыслы о свержении законной власти от Повелителя Илдиза, милостью Эрлика владыки Турана.

При взгляде на огромные плечи и сильные руки обвиняемого во все это верилось с трудом. Если бы и задумал этот злоумышленник свергнуть правителя Хоарезма, то уж скорее не чернокнижием, а мощью молодого, ловкого тела, думал в этот час каждый, кто стоял тогда на площади. Опять же всем было известно, что двадцатилетние юноши не слишком-то охочи до колдовства и прочей премудрости. Но обо всем этом народ шептался украдкой, боясь, как бы и их не постигла участь этого пришельца издалека. А участь его была незавидна.

В Башню вел только один ход. Сажая в нее злодея, ход замуровывали, и узник погибал вскоре от голода и жажды. Случалось, что заключенный был еще жив, когда стену ломали и сажали к нему нового осужденного на мучительную смерть. Тогда новичок как правило добивал соседа и какое-то время еще жил, питаясь его соками и плотью. Ибо на девятый или десятый день поста у несчастного мутился рассудок, он становился подобен зверю и не разбирал, что хорошо и что плохо, одержимый одним лишь желанием: выжить еще день и еще ночь.

Конана, скованного по рукам и ногам, втокнули в душный подвал.

Каменщики приволокли большие плиты и раствор и принялись споро заделывать узкий лаз. Конан смотрел на них с равнодушием, достойным плененного тигра, с которым тот смотрит на служителей, убирающих его клетку, хотя мог бы одним ударом лапы переломить хребет любому из них. Ярость, безумная, темная ярость клокотала в душе киммерийца, но эта ярость была направлена не против подневольных рабочих, а против Мардуфа, их хозяина.

— Ты уж прости нас, брат, — вымолвил виновато один из каменщиков, выкладывая последний ряд. — Тут дело такое. Сегодня ты в этой проклятой башне, а завтра, глядишь, и я.

Луч света становился все тоньше по мере того, как один за другим ложились камни, пока не мигнул и исчез совсем. Конан оказался в кромешной тьме.

Впрочем, волчьи глаза варвара быстро привыкли к темноте. Какой-то источник света в подземелье все-таки был. И в этом призрачном, голубоватом свечении Конан разглядел кости, белеющие на каменном пыльном полу: череп, остатки ребер, осыпавшиеся по форме грудной клетки...

— Вот что тебя ждет, если не пошевелишься, — сказал он сам себе и попробовал порвать цепи. Опыт в подобных делах у него имелся. Доводилось в юности,

когда оставался без гроша, таким образом зарабатывать на ярмарках, заставляя восхищенно охать красоток и завистливо хмуриться — их кавалеров.

С цепью на ногах он справился легко. Стальные звенья, жалобно тренькнув, лопнули от мощного рывка, и варвар хохотнул, презрительно сплюнув на камни. Не на того напал, Мардуф! Не по зубам тебе, шакалу, киммерийский волк!

Освободить руки, правда, оказалось потруднее. Они были скованы слишком тесно, всего пять или шесть звеньев отделяло друг от друга стальные браслеты на его запястьях. Пошарив вокруг, Конан нашел какую-то балку с торчащим из нее толстым железным штырем. Обдирая кожу, он просунул штырь в браслет на левой руке и рванул. Ему пришлось повторить это трижды, но в конце концов кольцо лопнуло, и пленник высвободил одну руку. Тем же способом он расправился и со вторым браслетом.

Покончив с цепями, Конан приступил к более тщательному осмотру подвала. Очень скоро он обнаружил лестницу, обвивающую стену башни изнутри. Она изгибалась вверх широкой спиралью, упиралась в высокое деревянное перекрытие и продолжалась над ним еще дальше. Свет шел оттуда, и Конан начал подниматься.

Старые прогнившие ступени нутужно скрипели под тяжестью его тела. Ступить на доски перекрытия Конан не решился — они были совсем черные от гнили. В центре настила зияла огромная дыра от провалившейся когда-то балки, той самой, которая освободила Конана от цепей. Лестница уходила вверх, к новому перекрытию. Здесь, следуя за ее подъемом, через каждые двадцать ступеней были побиты в толще стены окна: узкие бойницы, в которые Конан не сумел просунуть руку дальше запястья. Как ни скуден был свет, проникавший сквозь них, его все же хватало на то, чтобы разогнать вечный сумрак, царивший в башне.

Сознавая, что не приближается к спасительному выходу, а лишь поднимается все выше над городом,

киммериец упрямо карабкался вверх по ступеням. Он миновал еще шесть перекрытий и подсчитал, что если высота каждого составляет около тридцати локтей, то он должен уже достичь высоты птичьего полета. Чем выше он поднимался, тем суше и свежее становился воздух, крепче казались ступени лестницы, опорные балки и доски настилов. В последнем, восьмом по счету, перекрытии над лестницей была просто дыра, сквозь которую щедрым потоком лился солнечный свет. Как ни иллюзорен был этот выход, это был все же выход, если не на свободу, то хотя бы на свежий воздух. Конан в три прыжка одолел последние пятнадцать ступеней и выбрался наверх.

Здесь гулял ветер. Яростный верхний ветер толкнул его в грудь, разметал черные волосы, сдул с него паутину и пыль нижних этажей Башни. Какое-то время Конан просто стоял, захмелев, раскинув руки, всем телом подставившись под этот поток свежести и весенних вечерних запахов. Сила вскипала в нем, кровь оглушительно-звонко гремела в ушах. Он снова был один на один с ветром и солнцем, снова под необъятной ширью неба, он найдет выход из этой ловушки, пусть только стемнеет. Человеческие руки еще не выстроили такой стены, по которой не мог бы спуститься Конан-киммериец.

Между тем солнце клонилось к западу. Где-то внизу щебетали первые ласточки, черными молниями проносясь над крышами домов. Конан подошел и, осторожно улегшись на каменную кладку полуобвалившегося зубца, заглянул вниз.

Перед ним как на ладони был весь Хоарезм. Черная Башня, видимая отовсюду, вздымалась выше башен и шпилей дворцовых куполов, выше изразцовых, пронзительно-голубых с вкраплением золота и киновари шапок минаретов. Отсюда Конану были видны все окрестные дворы домов вельмож и богатых купцов, селившихся поближе ко дворцу, виден был сам дворец со всеми своими галереями, висячими садами и внут-

ренными двориками. Более того, сверху отчетливо прослеживались два тайных хода: один от сокровищницы, а второй от стены, окружавшей дворец. По другую сторону стены вход закрывал большой камень, на первый взгляд пролежавший в зарослях сирени не один десяток лет. Оба хода вели к спальне наместника. Захоти теперь Конан пробраться к Мардуфу никем не замеченным, он мог бы сделать это в любую безлунную ночь. «Дай мне только спуститься отсюда, о ты, недостойный и мизинца своего благородного отца, — пробормотал Конан с коротким злым смехом, — я расскажу тебе, какие здесь вкусные крысы».

Но сейчас на площади перед дворцом толпились стражи, а у Конана не было даже обломка ножа. До темноты оставалось еще не менее пяти часов, и киммериец, руководствуясь здравым смыслом варвара, решил выпастись на солнышке. Кровоподтеки его понемногу подживали, головная боль прошла. Он вытянулся на теплых досках и мгновенно заснул.

Снился ему отец. Отблески пламени плясали на его мокрой от пота и жара горна спине. Он мерно ударял тяжелым молотом по куску стали, превращая его в тонкую полосу, сияющую ослепительным белым светом. Конан, почему-то не мальчик, а уже взрослый, такой, каким он был сейчас, трудился над мехами.

— Тише ты, медведь! — прикрикнул на него отец, — Отрастил себе руки, а ума не набрался. Сожжешь мне все, охолонишь!

Конан перевел дыхание и выпрямился. Сталь пласалась по наковальне, в ней уже можно было узнать будущий меч.

— Жаль, — сказал Конан, замороженно глядя на белую полосу, переливающуюся жидким огнем.

— Что — жаль? — буркнул отец, не отрываясь от работы. — Давай теперь, только полегоньку.

— Жаль, что меч не остается вот таким навсегда, — пояснил Конан, снова берясь за мехи. — Какое это было бы оружие — струя белого пламени! Как молния Эрлика.

— Это еще что за речи? — загремел отец. — Какое такого Эрлика? Твой народ чтит Крома, Владыку Могильных Курганов, а не заморских богов! Пошатался по белу свету, волчонок, нахватался всякого мне на позор! Ума надо было набираться, а не новых богов искать. Сиди вот теперь в своей Черной башне, как привязанный!

Отец отвернулся, а Конан с ужасом осознал, что он снова в темном и душном подвале, только лестницы вверх больше нет. Он вскочил на ноги и заметался, застонав во сне.

И снова услышал голос отца:

— Оружие воина не в руках у него, а в голове, сын мой. Ты убиваешь не рукой, ты убиваешь желанием убить, яростной, стремительной мыслью, быстрой, как молния Эрлика... — Конан изумленно обернулся: его отец не мог сказать так! Перед ним, маяча призраком во мраке подвала, стояла скрюченная фигура Магриба. — Ищи, и обретишь эту силу.

И она не так далеко от тебя, как кажется, она всегда рядом, стоит только захотеть. Если желание достаточно сильно, пусть даже это желание сравнится силой и властью с богами — неси его в себе всю жизнь, ищи пути достичь желаемого, борись за него. И оно исполнится. Ибо нет в подлунном мире ничего, что не было бы в силах человеческих.

Ты слушаешь меня, Конан?

Конан!..

Киммериец открыл глаза. В первый миг он подумал, что сон обернулся явью — вокруг царил тьма. Но тут же понял, что это просто ночь. Ясная весенняя луна, предвестница добрых всходов, заливала белым светом вершины Башни.

— Конан! — услышал он снова. — Да проснись же ты!

Он приподнялся на локтях.

За стеной, скрестив ноги словно вендийский заклинатель змей, парил в воздухе Юлдуз.

Конан вскочил, готовый голыми руками драться не на жизнь, а на смерть с этим полукровкой, сыном страны, о которой ни один путешественник, ни один купец, ежегодно водящий туда караваны, не мог рассказать ничего определенного. Парень все-таки оказался колдуном! Иначе как бы он мог вот так висеть на высоте более двухсот локтей?

— Тише! — зашептал Юлдуз. — Давай ко мне сюда! Только осторожно, а то он может перевернуться. Я сам не встаю, чтобы случайно не накренить его.

Конан подошел поближе — и помотал головой, не веря собственным глазам. Под Юлдузом, чуть покачиваясь в потоке воздуха, как покачиваются на мелкой волне корабли в порту, распластался голубой ковер со стаями диковинных птиц, тот самый, который так часто рассматривал Конан в томительные часы ежедневных церемоний. Край ковра приходился вровень с краем стены, вот почему казалось, что Юлдуз парит в воздухе.

— Кром Владыка! Как ты заставил его подняться? — вымолвил наконец Конан. — Скажи правду, парень, ты все-таки колдун?

— Я не колдун, сколько раз тебе повторять! — прошептал Юлдуз сердито. — Садись скорее! Уже три часа пополуночи, а летает он очень медленно. Надеюсь, коврик, ты выдержишь нас обоих, — добавил юноша и ласково погладил густой ворс. Оглянувшись на недоверчиво разглядывающего ковер Конана и снова замахал рукой: — Садись, садись, я все расскажу по дороге!

— Хо! Это будет самый удивительный способ бегства из всех, какие я пробовал! — пробормотал Конан.

Сев на стену, он начал осторожно спускаться, постепенно перенося тяжесть с рук, опирающихся о камни, на ноги, тонущие в мягком длинном ворсе. Ковер, в первое мгновение просев под ним, но скоро выровнялся и снова принялся покачиваться на ветру.

— Не стой, сразу садись, так ему будет легче, — сказал Юлдуз.

Конан сел рядом с ним, так же скрестив ноги. Юлдуз негромко произнес что-то по-кхитайски, и они полетели.

Выглядело это так, словно Черная башня дрогнула и начала плавно удаляться. Она становилась все меньше, как корабль, постепенно уходящий за горизонт, потом сдвинулась в сторону, и из-за нее показались ярко освещенные факелами дворы и золотые крыши дворца Мардуфа.

— Погоди-ка, — спохватился Конан. — У меня тут остался один должок...

— У нас нет на это времени, — возразил Юлдуз. — Не скачи, как белка, свалишься.

— Останови ковер! — рявкнул Конан. — Я поклялся, что доберусь до горла этого ублюдка, и я...

— Сделаешь это в другой раз, — твердо закончил Юлдуз. — Ковер летит не быстрее, чем идет лошадь. А мы должны быть на озере до света. Если тебе все равно, что станется с твоим отрядом, после того, как тебя за убийство племянника Повелителя казнят на главной площади Аграпура, — при этих словах Конан презрительно фыркнул, — представь хотя бы горе отца Мардуфа, благородного Магриба абн Рудаза. Я буду последним человеком, который причинит ему зло, вольно или невольно. — Видя выражение упрямства на лице своего командира, Юлдуз сердито продолжал:

— Хочешь сводить счеты — прыгай вниз. Но не для того я помчался за тобою к Башне. Ребята этой ночью собирались разнести весь город, да я отговорил. Сказал, что так мы ничего не добьемся, и что я лучше сначала потолкую с одним парнем из дворцовой стражи. Они мне дали срок до утра и ждут с ответом. Если я вернусь без тебя или не вернусь вовремя, Харра пойдет брать Башню приступом. Так что выбирай — либо утолненная мечь, либо весь наш отряд, перебитый людьми Мардуфа.

Слова эти прозвучали с вызовом, почти сурово. Но Конан против обыкновения не стал спорить. После упоминания имени Магриба, в продолжение всей остальной тирады Юлдуз он молча сидел на ковре, поставив лицо ночному ветру, задумчиво глядя на множество огней внизу. Желтые, красные, оранжевые, они горели приветливым домашним светом, и мигающими светляками мерцали в ночи огоньки лампад в садах перед домашними алтарями. Близился праздник, и в канун его каждый спешил высказать заветное желание. Если лампада не погаснет до утра — желание непременно сбудется.

— Сегодня канун Солнцестояния, — вымолвил наконец Конан. — А ты загадал заветное желание, Юлдуз?

— Мое заветное желание уже исполнилось, — ответил юноша. — Нынче утром мы улетим с Фейрой в Кхитай, как завещал мне отец. Ты уж не брани меня, но поднять этот ковер в воздух и было единственной моей целью, когда я пришел к тебе в отряд.

— Это я давно понял, — усмехнулся Конан. — Что же это все-таки за чудо-ковер?

— Я расскажу, — кивнул Юлдуз. — Слушай.

Он уселся поудобнее и начал свой неторопливый рассказ, словно не летел по воздуху на головокружительной высоте, а сидел у костра, коротая с друзьями ночь за сказкой и кувшином вина.

— Да будет тебе известно, о прославленный ун-баши туранской армии, что отец мой, Юэй Тай Цзы, был начальником личной гвардии Императора Ян Суня, и носил шапку придворного четвертого ранга. Род моего отца старинный и знатный, потомки его и сейчас процветают в Кхитае. Но даже для потомка знатного рода мой отец быстро возвысился в глазах Императора — слишком быстро, как полагали многие завистники. Отцу не было и двадцати пяти, когда он занял свой пост, он был самым молодым из придворных высших рангов. А его дружба с принцем Ясу Вэй Сунем

и госпожой Весенних покоев, матерью принца и любимой женой Императора, еще больше вселяла тьму в сердца иных людей, годами добивавшихся хоть какой должности при дворе.

И вот чья-то злая душа измыслила черное дело. Рассказывая мне об этом, отец никогда никого не обвинял прямо, но позже дознались, что навет был выдуман придворным магом, И-Пыном. Он домогался любви госпожи Весенних покоев, но не преуспел в этом. Тогда он задумал погубить госпожу. Не буду пересказывать тебе всех подробностей, они скучны и не имеют значения. Мой отец был обвинен в соблазнении Императрицы, а юный принц — в содействии их греховной связи.

Лишенный всех титулов, земель и богатств, отец мой был сослан и попал в Туран. Принца отправили в одну из отдаленных провинций Поднебесной Империи, но все же участь его была не так жестока, как участь моего отца — он остался в родных краях. Что было делать молодому князю в чужом краю? Никакому ремеслу он не был обучен, но всегда слыл хорошим рисовальщиком. Он нанялся в ученики к прославленному мастеру ковроткачества, и через семь лет стал мастером сам. Его учитель мечтал соткать когда-нибудь чудо из сказки: волшебный летающий ковер.

Он нашел секрет — в чем он состоял, я тебе сказать не могу, потому что не знаю сам. Отец не успел мне его передать. Но летающие ковры учителя моего отца могли поднять в воздух только кошку, и не выше, чем на два локтя от земли. С годами отец сумел преодолеть и это. И раз в год, вычислив благоприятные для такой работы дни, он садился за особый ткацкий станок, сделанный из ствола старого карагача.

Нет ничего легче и летучее тополиного пуха... Он добавлял пух к шерсти, вплетая его в цветную нить, но это была лишь часть секрета...

Юлдуз замолчал, водя рукой по ворсу, в самом деле необыкновенно мягкому и пушистому. Конан тоже кос-

нулся ковра — и, закрыв глаза, ощутил, как в его ладонь словно ткнулся невесомый комочек тополиного цвета, что в конце весны теплой метелью вьется, подпрыгивает и плывет в воздухе над каждой деревней Турана.

— И что же, он ткал на этом тополином станке летающие ковры? — спросил Конан, не открывая глаз.

— Да, как только созревал новый урожай летучего пуха.

Этот сделан в неурочное время, из остатков от прошлых лет, поэтому он такой маленький. Бахрам поставил это непременно условием: мне — Фейру, ему — летающий ковер. Но, отдав ковер Бахраму, отец не сказал, как им управлять — это толстый астролог должен был узнать только после нашей свадьбы. Предлагаю, как он подпрыгивал на коврике, выкрикивая все заклинания, какие знал!

— Помнится, я и тебя застал за этим занятием, — вставил Конан. — Да не поверил ни единому твоему слову. Кром всемогущий! Трудно поверить в летающий ковер, если до тех пор не видел ни одного!

Тем временем огни города ползли под ними вбок, ярко освещенный факелами дворец постепенно исчезал из виду. Конан посмотрел ему вслед, и темная ярость снова шевельнулась в его душе. «Благодари своего отца, он спас тебе жизнь этой ночью, — с ненавистью подумал киммериец. — Но горе тебе, если я еще раз окажусь в Хоарезме!»

А Юлдуз продолжал рассказ:

— Один из ковров отца попал в Кхитай, в дом нашего родича. Он узнал в рисунке руку Тай Цзы, ведь каждый художник неповторим, к тому же на ковре был изображен мостик перед нашим домом в провинции Сян. Родич наш стал расспрашивать туранского купца, продавшего ему этот ковер, и выяснил, что благородный изгнанник живет в Хоарезме простым ткачом. Но кем бы ни считали его соседи, — с гордостью добавил Юлдуз, — мне он всегда повторял: «Помни, сын мой, что

в твоих жилах течет кровь принцев. Никогда не давай понять этого простым людям, что здороваются с тобою, как с равным, но если доведется встретиться с вельможей — не опускай раболопно глаз. Твой род не ниже, чем у него».

Конан с любопытством взглянул на юношу. Так вот чем объяснялась та отвага и готовность снести голову любому обидчику, будь он хоть сыном Великого визиря! Недаром этот мальчишка выделялся среди его молодцев, как выделяется чистокровный иранистанский жеребец среди обычных боевых лошадей.

— Родич наш — а он приходится мне двоюродным дядей — поспешил собраться в дорогу и выехал в Хоарезм вместе с караваном купца, к тому времени распродавшего свой товар и закупившего кхитайские шелка и шитую парчу, что так ценятся в Туране.

Здесь, в Хоарезме, он нашел своего брата с домом, женой и ребенком, и возрадовался, что отец мой жив и ни в чем не терпит лишений. К тому времени полных двенадцать лет прошло с черного года. Воспользовавшись изгнанием наследного принца, злокозненный И-Пын задумал извести и самого императора, чтобы на трон сел его другой, малолетний сын. Тогда бы ничто не помешало чародею править за его спиной, ибо все считали этого лукавого человека мудрым и преданным советником государя. И-Пын преподнес Императору в Праздник Урожая дюжину кувшинов лучшего вина со своих виноградников, подсыпав в каждый алмазной пыли. Это самый изощренный яд, ибо от него умирают медленно, словно от застарелой болезни. Но когда государь стал жаловаться на рези в желудке, его лекарь, не найдя иных возможных причин, догадался процедить подаренное вино сквозь десять слоев тончайшего шелка — и обнаружил драгоценный яд. Злодей был разоблачен и подвергнут пыткам, дабы выяснить, не успел ли он посеять семена иных черных дел. Не знаю, ведомо ли тебе это, но во всем подлунном мире нет более изощренного в дознании истины народа, чем мой...

— Да, — кивнул Конан. — Я слышал о пытках кхитайцев. Рассказывают, что они могут даже камни заставить заговорить, не то что имеющих язык.

— Итак, колдун был подвергнут пыткам, и открылись все его злодеяния, в том числе и навет на Императрицу. Госпожа и ее сын ко всеобщему ликованию вернулись во дворец, был объявлен всенародный праздник. Принц немедленно разослал во все земли гонцов на поиски своего изгнанного друга, но те вернулись ни с чем. И вот случай наконец помог родным отыскать моего отца.

Я помню приезд дяди, хотя был тогда лишь восьмью лет отроду. Он долго уговаривал отца вернуться в родные места, но тот отказался. Моя мать не хотела покидать Хоарезм. Она удивилась и испугалась, когда узнала, что ее муж, простой ткач, родился в княжеском доме. И уговорила его остаться тем, кем он всегда был для нее: мастером Таем.

Но мое сердце возликовало при мысли о том, как близки были мои предки к императорскому дому. Заметив это, отец стал поощрять во мне жажду узнать как можно больше о его родине. Сидя рядом с ним за своим маленьким станком, который он заказал специально для меня, я учился у него мастерству и слушал его долгие рассказы о Нефритовой Империи и ее столице, городе Тысячи Драконов. И понемногу, не сразу, постепенно, я начинал сознавать, что в жилах моих течет кровь пятнадцати поколений высокородных князей Кхитай. Я, как и мой отец, словно разделился на двух человек: один, сын мастерового, прилежно учился ткать ковры, а другой, сын князя-изгнанника, постигал науки, учил языки и часто вынимал из ножен отцовский меч, когда думал, что его никто не видит. Но отец видел и вскоре взялся обучать меня верховой езде и владению оружием.

Год спустя, весенним вечером, когда по крыше барабанил веселый теплый дождь, в наш дом постучался гонец из Кхитай. Он привез письмо от принца. Принц

писал, что старый Император умер, и по прошествии года траура состоится церемония возведения на престол нового Императора, то есть его, принца Ясу Вэй Суня. Он просил отца присутствовать на празднике и заодно представить двору сына и наследника. В письме он обращался к отцу полным именем и титулом, что означало восстановление во всех правах и возвращение всех земель. И через год мы отправились в Кхитай. На границе нас встретила присланная принцем свита, и по родной земле мы ехали со всеми почестями, какие положены прибывшему на коронацию князю.

Юлдуз вздохнул и мечтательно улыбнулся.

— С того сказочного путешествия мною овладело горячее желание поселиться там, на родине предков. Мой отец пообещал новому Императору, что после своей смерти он отпустит меня в столицу Поднебесной Империи, а до той поры удержит при себе. С кончиной моей матери некому было скрасить его одиночество, я не мог оставить старика. Но раз в год, когда там, на моей истинной родине, зацветала дикая слива, мы с отцом получали письмо от Императора, полное привета и заботы. Он помнил о нас и не оставлял надежды увидеть снова.

Конан слушал юношу и смотрел, как в небе гаснут одна за другой звезды. Луна уже давно скрылась за дальними вершинами гор, близился самый холодный и темный предрассветный час.

Миновав городскую стену, Юлдуз велел козлу лететь пониже, и теперь они скользили неслышной тенью над безлюдной ночной дорогой.

Впрочем, один ранний путник на ней все же был, разглядел Конан. Кто-то неспешно ехал из Хоарезма на белом ишаке. Как же он прошел ночью через городские ворота, удивился киммериец. Но Юлдуз продолжал рассказ, и Конан скоро забыл о верховом — мало ли у кого найдутся спешные дела и достаточно золота, чтобы подкупить алчных стражников.

— Время шло, глаза уже отказывали моему отцу.

Но к тому времени я сам стал мастером и заменил его у станка. Он мог наконец отдохнуть и рисовать не для ковров, а просто для собственного удовольствия, что было его сокровенной мечтой долгие годы. Жизнь наша текла легко и приятно, без волнений и суеты. Но пришла эта весна, и я встретил Фейру.

Мы полюбили друг друга сразу, с первого дня, с первого слова. Меня не радовали ни зеленеющие сады, ни солнечные погожие дни.

Вокруг все пробуждалось и расцветало, а я худел и мрачнел с каждым днем.

Конан недоверчиво покрутил головой и хмыкнул. Что толку сохнуть по девчонке, когда можно просто прийти и забрать ее? Тем более, если она сама не против. Но, может, у кхитайских князей принято все делать иначе? Поэтому на вопросительный взгляд юноши Конан лишь махнул рукой: не обращай, мол, внимания, продолжай.

— Остальное ты почти все знаешь сам. В тот день, когда наш слуга пришел с отказом, отец по собственной неосторожности сильно простудился и слег. Известие о беспричинной вспышке астролога — ибо они договорились, что ковер полетит только после нашей с Фейрой свадьбы, — доконало его. В этот год ему должно было исполниться всего пятьдесят шесть лет, но он очень постарел со смертью Наирин, моей матери. Умирая, он успел лишь мне завещать, чтобы я раздал все наши богатства и улетел с Фейрой в Кхитай. «Мой последний ковер я ткал не для Бахрама, — прошептал он тогда. — А для тебя и черноокой Фейры. Она так похожа на твою мать... Летите с ней на мою родину, не взяв отсюда ничего, кроме того, что будет на вас. Император примет вас, как собственных детей...» — «Но что я должен сказать, чтобы ковер взлетел?» — спросил я. — «Скажи ему просто: «лети»...» — ответил мой отец и закрыл глаза.

— Я сделал все, как он сказал. — Тут Юлдуз смущенно улыбнулся: — Только немного не рассчитал с

деньгами... Продавая дом и избавляясь от имущества, я ломал голову над тем, как же мне попасть в дом Бахрама и заставить ковер взлететь. Но я уповал на Великий Счастливым Случай, потому что если терпеливо добиваться чего-то, рано или поздно боги помогут тебе. И как раз в тот день, когда я потратил последние деньги, я встретил наших ребят.

В первую же ночь я подобрался к коврику и, сев на него, сказал:

«Лети!» — в точности так, как велел отец. Но, как ты помнишь, ничего не получилось. И только сегодня вечером я догадался, что нужно сказать это слово *по-кхитайски*. Я повторил его три раза — и поднялся в воздух! Хорошо, что рядом никого не оказалось. Тогда я отговорил ребят брать приступом Башню, дождался, пока совсем стемнеет, тайком вынес ковер за масленичную рошу и полетел в Хоарезм. Я так торопился, думал, ты мечешься в своей клетке, как пятнистая пантера, и все тут уже разгромил в щепки. Я чуть с ковра не свалился, когда увидел, как ты спокойно похрапываешь себе наверху!

Конан рассмеялся.

— Я собирался просто слезть по стене, когда стемнеет, а до того решил как следует выпастись, — пояснил он.

Юлдуз с сомнением покачал головой.

— Даже если бы тебе это удалось, в чем я не уверен, ты не выстоял бы безоружный против двух десятков стражей внизу.

— Не многовато ли для замурованного в башне и закованного в цепи узника? — жестко усмехнулся Конан.

— Слава о твоих подвигах летит далеко, Конан, — серьезно сказал Юлдуз. — И Мардуф знал, что делал, когда выставил под Башню усиленную охрану. Но он, я думаю, не столько предвидел твой побег, сколько догадывался, что в первую же ночь отряд агралурских головорезов явится спасать своего ун-баши. И так бы оно и

случилось. Потому что Харре к вечеру стало худо. Если до того он еще думал, что ты ушел в город, как и собирался, то теперь начал сомневаться. Он послал нас обшарить все вокруг, а сам взял за глотку Бахрама, и тот ему живо все выложил.

Он сговорился с военачальником Ягинаром, которого, оказывается, отлично знал. Подсыпал тебе в вино несильной отравы без вкуса и запаха — у него в погребе целый сундучок этих снадобий. О том, что Мардуфу нужен свиток, он, конечно, не знал. Ягинар обещал ему помочь без всякой корысти, просто из дружеского расположения. Думаю, Бахрам не хотел твоей смерти, просто надеялся таким образом хотя бы на короткое время избавиться от главной помехи его планам: он кричал, что Ягинар обещал тебя выпустить дня через два. После этого он рассчитывал под каким-нибудь предлогом отослать Фейру, разделаться со мной и выдать мою вдову за Амаля. Как он собирался это сделать при дюжине вооруженных солдат в доме — спрашивай не у меня.

— Самый опасный дурак — тот, который возомнил себя мудрецом, — поморщился Конан. — Вот ведь жабья морда! Пусть только попадется мне теперь, я из него всю душу вытрясу!

— Делая это, не забывай, что он все-таки приходится родителем Фейре, — улыбнулся Юлдуз. — А потом, Харра и так уже постарался. Не вмешайся мы с Фейрой — он исхлестал бы его ножнами до смерти. После этого почтенный Бахрам только и мог, что лежать на животе и стонать, а остальные мудрецы хлопотали вокруг него с примочками и целебными отварами...

— Ну вот, — продолжал Юлдуз, — Харра разбирался с Бахрамом, а мы обошли озеро и к ночи нашли четыре свежих трупа, порванную сеть и следы крови на траве. Что есть духу мы помчались в город — но было уже поздно, и ворот нам, конечно, не открыли. Ночь мы просидели у костра, а едва рассвело, были уже в Хоа-резме. Никаких определенных планов у нас не было, мы

просто не могли сидеть на месте. Ты был где-то в темнице у Мардуфа — вот все, что мы знали. Рута предоставила нам весь второй этаж своей таверны, мы засели там и начали строить планы. А в полдень услышали оглашенный на всех площадях приговор злоумышленнику с севера, не чтящему законы Пророка, а поклоняющемуся нечистому духу по имени Кром. Мы сразу догадались, кого велел уморить в Башне проклятый Мардуф. Перед праздником Тарима запрещено проливать кровь, иначе бы он просто казнил тебя на месте.

Мы вернулись в усадьбу и принялись придумывать план побега. Мы, несомненно, сумели бы справиться со стражами всем отрядом, но потеряли бы время. Из дворца выскочила бы подмога, и, освободив тебя, мы не ушли бы живыми. Я сумел втолковать все это Харре, и он согласился, что надо действовать хитростью. Он хотел идти со мной, но как бы я его взял, сам посуди? А так никто и не заметил, что птичка выпорхнула из клетки, — добавил он, посмеиваясь.

— Выстоял бы я против стражей, нет ли, но я благодарен тебе за неожиданное спасение, Юлдуз, — ответил Конан не без торжественности в голосе. — Лети со своей милашкой в Кхитай и будь счастлив... Смотри-ка! Это не озеро ли уже под нами?

Огромное чистое зеркало расстилалось под летящим ковром. Они скользили над ним так низко, что слышно было, как играла в воде рыба. Небо светлело, то здесь, то там слышались голоса просыпающихся птиц.

Перелетев озеро, Юлдуз опустил ковер недалеко от усадьбы.

— Побудь с ним пока здесь, — попросил он Конана. — Он долго лежал без дела, и теперь склонен к озорству. Окунется в воду, отяжелеет, и никуда мы не улетим.

Киммериец кивнул и уселся на коврик, пригвоздив его к земле тяжестью своего огромного тела. Тот горестно поплескал углами вслед уходящему Юлдузу, но без волшебных слов не мог сдвинуться с места.

Конан погладил его, как погладил бы лошадь или собаку.

— Сиди смирно, пестрая шкура! Хозяин скоро вернется.

Не успело еще Око Эрлика выкатить из-за деревьев, как на берегу появились Юлдуз и Фейра. Девушка, недолго думая, бросилась Конану на шею.

— Если бы не ты, никогда мне не видать моего счастья! — восклицала она. — Сами боги привели тебя в наш дом, о Конан из Киммерии!

— Скорее уж, Мишрак абн Сулейн, — ухмыльнулся Конан. — Ну, вы собрались? Надеюсь, вина и еды у вас вдоволь?

— Да, я уж давно все приготовила, — кивнула Фейра, указывая на две большие переметные сумы, которые с трудом волок на плече Юлдуз. — Я вас всю ночь прождала. Твои люди тоже не спали: я слышала, как они бродят по двору.

— Ничего, я их быстро призову к порядку. Да всыплю как следует Харре за то, что не дал выспаться отряду, — весело отозвался Конан. — А вы летите. Вон уже солнце встает. В Праздник Пророка люди поднимаются рано, как бы вас не увидели.

Молодые послушно уселись на ковре, пристроив рядом сумки, и Юлдуз произнес трижды свое кхитайское слово, прозвучавшее, как звон спущенной тетивы.

Ковер медленно поднялся над озером.

— Удачи! — крикнул Конан, вскинув вверх сжатый кулак.

— Прощай! — закричали муж и жена в один голос, и Фейра помахала рукой. — Будь счастлив!

Ковер набрал высоту, став едва заметной точкой в безоблачном синем небе, и улетел в сторону солнца.

Известно, что уходящий уносит с собою лишь треть разлуки, оставшийся же принимает на себя две трети.

Эти двое улетели в новый, сулящий им золотые горы край, оставив заботы и огорчения прошлого в старом доме, словно ненужную утварь. Они улетели, а

киммерийца Конана ждал новый день, полный обычных забот и тревог начальника отряда, на которого возложена тяжелая тайная миссия, от исполнения которой зависит судьба целого государства.

Киммериец встряхнулся и зашагал к усадьбе.

— Харра, вырви Нергал твою печень! — загремел его голос еще от масленичной рощи. — Вы в казарме или в веселом доме? Что здесь такое творится, я вас спрашиваю, сборище толстобрюхих байбаков!..

Но продолжить ему не удалось. На него налетели, едва не сбили с ног, облепили и затормошили. Хвала богам переমেжалась самой черной бранью, и громче всех был восторженный рев Харры, поминавшего Эрлика, Крома и всех прочих небожителей и демонов. Случайный прохожий, услышав он эти разноголосые вопли, решил бы, что этой ночью целый пантеон как светлых, так и темных сил, объединившись, вызволял из страшной беды какого-то легендарного героя.

— Да слезьте вы с меня! — отплевывался Конан. — Бешеный шакал вас покусал, или тарантулы ужалили в голые задницы? Мало мне Мардуфа, теперь мой собственный отряд вознамерился сжить меня со свету! А ну, строй-ся! — рывкнул он наконец во весь голос.

Привычная команда возымела действие. Оружий и машущий руками клубок распался и превратился в более-менее ровный строй. Конан перевел дыхание.

— Животы втянуть! Что за вид? Вы всю ночь кувыркались в соломе? Где твои сапоги, Фархуд? Чалмы грязные, шлемы не чищены! Через час начало Церемонии десятого дня, а у вас такие рожи, будто вы пили три дня без просыпу! Харра, ты сегодня будешь чистить конюшню. Один. Я оставлял на тебя отряд, а вернулся в барсучье логово!

Харра пробормотал что-то, ухмыляясь во весь рот. На остальных брань ун-баши тоже, видимо, не произвела должного впечатления, потому что после команды: «Марш в воду, глаза б мои вас не видели!» — весь отряд помчался к озеру с хохотом и гиканьем.

— Харра, останься, — велел Конан. Первый помощник, все так же ухмыляясь, подошел к нему. — Есть у нас что-нибудь поесть? Клянусь Кромом, я голоден, как волк с ванахеймских ледяных равнин.

— Сейчас все будет, — ответил Харра и, выставив перед командиром полный кувшин вина, ушел к кухне. Только сделав первый глоток, Конан понял, как хотел пить все это время. Он выпил, не отрываясь, уже почти половину кувшина, когда Харра принес холодную баранину, лепешки и урюк.

— Рассказывай, — потребовал он, сгрузив все это на стол.

— Потом, — буркнул Конан с набитым ртом. — Выставим первую смену, тогда все услышишь. А сейчас, ради Праздника Пророка, дай мне поесть спокойно!

Через час двое сияющих начищенным металлом воина встали в привычный караул во внутреннем дворе усадьбы. Разводил их лично Конан, и с удовольствием отметил, как вытянулось лицо у толстого Бахрама при виде живого и невредимого ун-баши. Астролог, видно, полагал, что несомненно теперь встретится с ненавистным северянином.

Вернувшись к казарме, Конан застал две трети отряда спящими в тени масленичных деревьев. На ногах были только сменщики караульных и Харра. Первый помощник, напевая что-то веселое про необъятные зады красоток, выгребал навоз из конюшни. Конан разделся до шаровар, взял вторые вилы и принялся ему помогать.

— Жила в Аграпуре девчонка одна, — самозабвенно пел Харра, орудуя вилами, — троих в один раз ублажала она... Такие себе отрастила бока...

Дальше шла уж вовсе непристойная строчка про то, что удовлетворить ее не сумел даже бык, как ни старался. Тут Харра заметил ун-баши и, прервав повествование об удивительной девушке, весело крикнул:

— Конан! Услышу ли я наконец поучительнейшую и занимательнейшую историю о твоих похождениях в Хоарезме, о мой усердный к труду военачальник?

— Вилами по хребту ты получишь, а не историю! — отозвался Конан, но все же рассказал обо всем, что произошло за эти две ночи.

— Потом Юлдуз оставил меня у озера, и сходил за Фейрой. Ловкая девчонка собрала все загодя, так что они скоро вернулись. Они уселись на ковер и улетели в свой Кхитай, а я пошел к дому. Вот и все, — закончил Конан.

Харра, слушавший с великим вниманием и не перебивший своего ун-баши ни разу, задумчиво присвистнул.

— Чего только не бывает на свете! — вымолвил он наконец. — Ну, а я тут управился с Бахрамом, как сумел, и собирался вытаскивать тебя с боем... В итоге больше всех пострадал вздорный старикан: я слышал, как он полночи кряхтел и потирал бока. Я его, наверное, просто убил бы вчера, но он ныл и скулил, как трусливый пес, и мне стало противно... Смотри-ка, я и не заметил, как мы с тобой все вычистили, пока ты рассказывал. Осталось только свежей соломы принести. Пойдем?

Но выйдя из конюшни, они нос к носу столкнулись с багровым от ярости Бахрамом. Очевидно, церемония последнего дня закончилась, старик отправился поднимать заспавшуюся дочь — и не нашел ее.

— Где этот узкоглазый? — вопил астролог, носясь по двору. — Где этот паршивый сын недостойного отца?

Увидев Конана, он в первый миг осекся, но затем бросился к нему, негодуя, воздев к небу руки.

— Пусть скажет мне доблестный ун-баши, где его новый воин?

— А почему ты не спросишь меня, где твой летающий ковер? — насмешливо поинтересовался Конан.

Увидев жалкого, в синяках и ссадинах старика, он понял, почему Харра не прибил его насмерть. Этот человек был достоин ни гнева, ни мщения. — Кажется, вместе с дочерью пропал и он, а, почтенный Бахрам?

Харра сделал знак проснувшимся и глазающим на эту сцену воинам: «Идите сюда, сейчас повеселимся». Астролог опешил.

— К-какой еще летающий ковер? — заикаясь, вымолвил он, ибо здесь уже пахло чернокнижием, а за чернокнижие полагались дознание под пыткой и смертная казнь. — Летающие ковры бывают только в сказках, доблестный ун-баши.

— Тот самый, что лежал у тебя перед садовой калиткой, — наступая на него, ответил Конан. — Синий, в пестрых птицах. Я видел, как твоя дочь улетала на нем сегодня. Может, она ведьма? Может, она летает по ночам на богомерзкие сборища, где совокупляется с Нергалом в образе черного козла? Отвечай, лживый старик, прикрывающий астрологией и ученостью свои бесчисленные грехи!

Бахрам, перепуганный насмерть, пятился, пока не уперся спиной в стену.

— Я не знаю, о чем ты говоришь! — завизжал он, словно придавленная крыса. — Этот ковер я продал, утопил, сжег! Мне подсунул его кхитайский колдун!

— В таком случае, я отвечу тебе: Юлдуз, твой зять, отпущен мною ради своей недавней свадьбы погостить к родным, и я не вижу ничего удивительного в том, что законная жена пожелала сопровождать его в этой поездке, — веско, раздельно произнося каждое слово, сказал Конан, нависая над струсившем астрологом, словно сторожевая башня.

И вдруг рявкнул:

— Тебе ясно?! Если так, то ты, конечно, сам давно сжег тот колдовской ковер, почтенный Бахрам.

Астролог, в котором заносчивость и крикливость уживалась с робостью и раболепием простолюдина, трясся и скулил, едва не ваясь на колени перед грозным ун-баши.

— Конечно, — лепетал он, — конечно, погостить... К родичам мужа, да... Я забыл... Я сам вчера собрал ее в дорогу...

— А теперь ступай в дом, потому что солнце печет немилосердно, а ты раскраснелся и весь в поту, — участливо говорил ему тем временем Конан. — Я провожу тебя. Вот так. Обопрись на мою руку, ты едва стоишь на ногах, многомудрый старец!

Он повел онемевшего астролога через двор, мимо прыскающих в кулаки солдат. Едва Конан и Бахрам скрылись за стеной сада, как во дворе послышалось веселое:

— А у почтенного Бахрама сбежал летающий ковер!

Эти слова были встречены дружным хохотом. Астролог вздрогнул и бросил на Конана умоляющий взгляд.

— Надо было покрепче его привязывать! — снова крикнул чей-то голос, и хохот стал громче.

— Это они не со зла, а единственно лишь от молодости и веселости нрава, — утешил астролога ун-баши. — Мы-то с тобою знаем, почтенный Бахрам, что летающие ковры бывают только в сказках!

Сдав все еще трясущегося старика на руки слугам в доме, Конан вышел в сад и вдохнул его тонкие, пьянящие ароматы. Каждое белое деревце с черной косой ствола напоминало ему Фейру в свадебном наряде, он от души смеялся над незадачливым астрологом, потерявшим из-за своей вздорности одновременно и ковер, и дочь.

Шел к концу десятый день Гадания, свиток был заполнен и запечатан, завтра предстоял опасный, но долгожданный путь домой. Конан истомился в душном безделии дней и темной тревоге ночей, он радовался завтрашней дороге и близости завершения возложенной на него миссии.

Чья-то рука тронула его за плечо. Киммериец развернулся, словно ужаленный.

— Я замечтался и не слышал, как ты подошел, благородный Магриб абн Рудаз! — воскликнул он с облегчением, увидев перед собой сгорбленную фигуру звездочета. — Дела ваши завершены, мы можем завтра отправляться домой?

— Да, свиток заполнен и опечатан в ларце, — кивнул Магриб. От пристального взгляда его больших темных глаз киммерийцу, как всегда, стало не по себе. — Но не об этом хотел я с тобой говорить, когда подошел.

— Тогда о чем же?

— Скажи, ты ведь не верхом выехал из Хоарезма этой ночью?

— Нет, — ответил Конан, удивленный вопросом.

— Тогда как же ты оказался у озера ранним утром? Или ты освободился сам, не ожидая, когда за тобой прилетит посланник Огненноликого Эрлика?

— Кто я такой, чтобы за мной прилетали посланцы богов? — напряженно сказал Конан, пытаясь в то же время угадать: шутит с ним Магриб или и впрямь обо всем догадался. — Я освободился сам.

— Я так и думал, — кивнул удовлетворенно Магриб, развернувшись и пошел прочь. Конан недоумевающе пожал ему вслед плечами. Слова и поступки этого человека были непостижимы для простых смертных вроде начальника отряда туранской армии. «Сующий нос в дела мудрецов теряет его вместе с головой», — повторил про себя Конан старую поговорку.

Проверив, сменил ли Харра караул у ларца в саду, Конан еще раз поел, а после забрался поглубже в тень, накрылся попоной и проспал весь остаток дня. Вечером, когда жара сменилась прохладой, а от костров и печей потянуло запахом плова и хлеба, Конан и Харра уселись с кувшином вина и лепешками на крыше казармы и стали держать военный совет.

Киммериец, проспавший до заката и заработавший на этом головную боль, был мрачен. Они с Харрой сидели спинами к дому, но слышали хохот и выкрики, доносившиеся из внутреннего двора: в ожидании праздничного ужина солдаты потешались над расстроенным хозяином. Рассевшись по пестрым коврам во внутреннем дворике, они убеждали хмурого астролога, что теперь, как никогда, необходимо неусыпно и неустанно сторо-

жить и эти, не то потянутся за улетевшим собратом, как, бывает, улетают домашние гуси, увидев в небе стаю диких. Бахрам в бессильной ярости пытался вытолкать воинов пинками, но те только громче смеялись.

А для Конана час потехи сменился множеством забот. Опасность нападения не исчезла, она лишь усилилась: ведь Мардуф был убежден, что главная помеха — начальник отряда — теперь устранена надолго. Да и Юлдуз оставил немало хлопот своему командиру.

— Я, конечно, рад за этого проходимца, а еще больше — за его девчонку, — проворчал Конан. — Но скажите мне, во имя всех богов, что я буду делать вот с этим? — И он потряс перед ухмыляющейся физиономией Харры фирманом владыки. — А? Куда подевался новый наемник, скажет мне государь. И какие это триста золотых я должен внести за него в казну Хоарезмского наместника? Ведь придется сказать, что его убили в какой-то стычке, и ее еще нужно будет придумать! Клянусь Кромом, Харра, я сейчас разобью о твою голову этот кувшин, если ты не уберешь свою поганую усмешку!

— Пожалей доброго вина, капитан. Давай лучше выпьем его за здоровье новобранца. — Хитро сощурясь, от чего его плоская рожа сделалась совсем шельмовской, Харра разлил вино по кружкам.

— За какого новобранца? — взревел вконец разъяренный Конан. — Наш новобранец стал новобрачным и упорхнул в свой Кхитай, пропади он пропадом!

Харра придвинул ему кружку и отпил из своей. Затем придвинулся ближе и заговорщически зашептал:

— Есть у меня младший братец. Живет он с отцом здесь же, в Хоарезме. Рафф, конечно, еще молод, но обещает вырасти редким рубакой, это я тебе скажу точно, мой ун-баши. Купца из него, как и из меня, судя по всему, не выйдет никогда. Так вот, отец готов заплатить за него все четыре сотни, лишь бы пристроить к делу. Пока ты спал, я съездил в город и обо всем с ним договорился. Он прямо-таки засиял весь от радости,

когда узнал, что у нас освободилось местечко. Братишка мой на днях набедокурил, и старик будет счастлив сбыть его под мое — а главное, под твое теплое крылышко. Он уж наслышан о нашем отряде. Видел бы ты, как он пыжится перед соседями — оба сына в королевской гвардии!

Конан расхохотался и хлопнул помощника по плечу так, что тот едва не свалился с крыши от неожиданности.

— Хитрец! Ладно, есть такое дело! А сколько лет твоему брату?

— Семнадцать без малого.

— Кром! У нас военный отряд, Харра, а не женская половина дома! Что он умеет, этот сосунок? — нахмурился Конан.

— Кром и Эрлик! — отозвался Харра, обидевшись. — А сам-то ты был намного старше, когда убил первого врага?

— Признаться, я был даже помладше, — смягчился киммериец, припомнив свой первый бой — ему тогда едва сравнялось четырнадцать. Одним глотком опорожнив кружку, он шумно выдохнул и хлопнул ладонью по столу.

— Ладно, твоя взяла. Приводи своего братца. Клянусь Кромом! У меня в отряде снова будет воинов ровно столько же, сколько рогов у Нергала!

— Говорят, это число приносит удачу тем, кто ничего не боится и крепок в вере, — философски заметил Харра, разливая остатки вина.

— Вот и проверим. — Конан снова помрачнел. — Ты не забыл, что нам еще надо привезти свиток владыке — в целости и сохранности? Посмотрим, какую удачу принесет нам Нергалова дюжина!

— Этим бритоголовым надо бы ввести еще одну строку в их волшебный свиток, — проворчал первый помощник.

— Какой? — заинтересовался Конан.

— Доедет ли в целости предсказание до государя!

Конан вдруг нахмурился, осененный внезапной мыслью.

— А это мы сейчас выясним, — медленно проговорил он. — Я слышу знакомые шаги за стеной, они направляются к калитке. Скажу тебе по секрету, Харра, летя над дорогой, я видел некоего путника на белом ишаке, ранним утром едущего из Хоарезма. Я не разглядел, кто это был. Но сегодня днем, после того, как Бахрам едва не лопнул от ярости, ко мне подошел в саду благородный Магриб абн Рудаз и спросил, как же я сумел освободиться. Ибо не имея лошади, я никак не мог домчаться до Чистого озера так скоро, а это значит, я освободился сам, а не волей правителя Хоарезма. Тогда я ничего ему не ответил, но теперь догадываюсь, кто был тот одинокий путник. И сейчас он направляется прямо к нам.

Харра нахмурился.

— А ведь сегодня ночью я сторожил ларец и видел, как старый горбатый лис седлает ишака Хамира! — воскликнул он, вскакивая с места. — Значит, он был ночью у сына! Так они в сговоре! Надо скорее...

— Погоди, — оборвал его Конан. — Давай сначала поговорим с сиятельным визирем повелителя. Он человек мудрый, как я уже не раз убеждался за эти дни. Вот он идет. Ну-ка...

Конан прыгнул с крыши и быстрым шагом устремился к горбуну. Тот, заметив это, остановился и склонил набок свою большую голову.

— Да простит меня высокородный и наимудрейший... — обратился к нему с поклоном киммериец, но Магриб перебил его.

— Ты хочешь знать, где я был этой ночью, не так ли, о мой любознательный воин? — спросил он.

— Ты прочел мои мысли, провидец. — Глаза унбаши смотрели с холодной настороженностью. Харра на всякий случай подошел поближе. — Твои слова, сказанные нынче утром, не идут у меня из головы. Сознайся, ведь ты виделся с сыном.

— Да, как только звезда Аш-Кииб встала против Звезды Девы, при совпадении звезд Лисички с Семейю Сестрами, знаками долгой жизни и обильного потомства, я понял, кто родится у жены государя, и поспешил с этой вестью к Мардуфу, — все так же улыбаясь, сказал Магриб. — Ибо мне показалось, что слишком много шпионов рыщет вокруг, и слишком долго задержался ты в городе, Конан, ты, не спавший с начала Весеннего гадания ни одной ночи спокойно. По-твоему, я поступил неверно?

Ошеломленный тем спокойствием и, более того, дружеским участием, с которым все это было сказано, Конан молча смотрел на придворного звездочета. В голове у него крутились обрывки мыслей, и все эти мысли начинались со слова «почему». Вид у него, наверное, был забавный, потому что Магриб негромко рассмеялся и сказал:

— В самом деле, почему?

— Что «почему»? — спросил окончательно сбитый с толку Конан. После летающего ковра он был готов поверить во что угодно, но верить в то, что Магриб читает мысли, ему совершенно не хотелось. Не потому, что такого не могло быть, а потому, что это превращало молодого воина в беспомощную игрушку этого загадочного человека.

— Ну, хотя бы, почему ты не спросишь меня, кто же все-таки родится этой осенью? Ведь именно ради этого пленил тебя Мардуф, мой беспутный и самонадеянный сын. Ты много выстрадал из-за этой тайны, неужели ты не хочешь ее узнать? Мардуф, к примеру, переменялся в лице и пьянствовал с друзьями весь остаток ночи, получив мою весть. Но моей целью было не вселить радость или беспокойство в его сердце, а заставить его прекратить преследовать нас и выпустить тебя. — Темный узловатый палец уперся Конану в грудь. — Ради тебя хлопотал я, глупый мальчишка, тебя, которого я назвал бы сыном с большей охотой, чем собственного единокровного отпрыска, вобравшего

внутрь себя мое уродство и не унаследовавшего ни капли ума... Впрочем, в двадцать зим все мы волею Митры глупы, как предписывает нам беспечность юности. Ну? Что ты молчишь?

Харра, приоткрыв в изумлении рот, смотрел на своего военачальника совершенно круглыми глазами. Он видел Конана в радости и горе, в ярости и азарте, видел раненым, видел смертельно пьяным, но никогда еще не видел у него такого бледного и застывшего лица. Кадык киммерийца дернулся, он сглотнул и спросил, еще не освоившись с вновь обретенным даром речи:

— Ну, и кто же родится этой осенью?

Магриб чуть подался вперед и, смеясь губами, глазами и всеми морщинками вокруг глаз, ответил:

— Девочка.

Еще мгновение Конан стоял, по-прежнему невидяще глядя перед собой, но его вывели из задумчивости странные звуки, раздавшиеся вдруг за спиной — не то всхлипывание, не то бульканье. Конан обернулся: осев в изнеможении на землю, трясаясь всем телом, корчился от смеха Харра.

— Девочка, — побагровев, повторил киммериец. — Ах ты, печенка Нергала! Жареные потроха пещерного медведя! Чешуя стигийского Змея! Девочка, заberi меня дух Серых Равнин!

Он сыпал ругательствами, все больше свирепея с каждым бранным словом, а рядом с ним, захлебываясь и бормоча что-то неразборчивое, хохотал Харра и беззвучно смеялся Магриб абн Рудаз.

Приподняв голову от холодных вод ручья, олень настороженно огляделся, со свистом втягивая ноздрями колющий морозный воздух. Зимнее солнце, низко парившее над горизонтом, серебрило его покрытые инеем ветвистые рога, сверкало на капельках воды, стекавших с губ, превращая их в сияющие брызги самоцветов. Зверь слушал, приглядывался, однако то, что встревожило его, больше не повторилось, и олень снова приткнулся к ледяной воде.

Тонкий слой только что выпавшего белого снега покрывал оба берега ручья. К воде, в которой плавали мелкие плоские осколки тонкого прозрачного льда, спускались густые заросли кустарников и ольхи, от мрачных стен темневшего неподалеку леса не доносилось ни звука — разве лишь едва заметное шипенье медленно тающего под лучами солнца снежного покрова. Но именно отсюда, из чащи, метнулось пущенное могучей и меткой рукой копье и вонзилось под лопатку потерявшего осторожность животного. Олень резко отпрыгнул в сторону, попытался бежать, но через несколько мгновений ноги его подогнулись и он, пятная снег вокруг себя свежей алой кровью, рухнул на землю. По его телу пробежала предсмертная судорога, глаза закатились; олень был мертв.

Тогда из-за стены деревьев возникли две человеческие фигуры. Первый из охотников был старше — не только возрастом, но, видно, и своим положением; он выглядел широкоплечим гигантом с буграми могучих мышц на длинных и сильных руках. На нем были только кожаные, заправленные в высокие сапоги, штаны, перепоясанные ремнем с золотой пряжкой, и раскрытый на обнаженной мощной груди плащ из волчьего меха с низко опущенным на лицо капюшоном. Когда он склонился над мертвым зверем, из-под капюшона выбились

золотистые, уже тронутые кое-где сединой пряди; лицо человека густо заросло такой же светлой, кудлатой, давно не стриженной бородой. По цвету волос, белой коже и светло-голубым глазам нетрудно было догадаться, что родом он из северного племени асиров.

Его спутник был значительно моложе. Но, хоть ему едва ли исполнилось семнадцать лет, тем не менее он лишь немного уступал ростом своему приятелю-гиганту, хоть был, разумеется, не столь могуч и широк в плечах, а худощав и строен. На плечи юноши падала густая спутанная грива черных волос, из-под широких дуг темных бровей сверкали яркие синие глаза, цветом чуть потемнее, чем у великана-аса. В этих глядящих исподлобья глазах блистал яростный огонь почуявшего кровь хищника, тогда как на лице старшего мужчины можно было прочесть только радость удачливого охотника, подстрелившего добычу.

Светловолосого человека звали Ньорд, и он был старейшиной одного из племен асиров — и, одновременно, предводителем промышлявшей на границе меж Асгардом и Гипербореей большой разбойничьей шайки, дружины опытных воинов, признававших его своим вождем. Его юный спутник откликался на имя Конана; он был уроженцем Киммерии, горной страны, лежавшей к югу от этих мест.

Радостно улыбаясь — добыча была поистине великолепной! — охотники, перебравшись вброд через ручей, подошли к распростертому на окровавленном снегу оленю.

Зверь был очень крупным, и унести его было не под силу даже двум таким сильным воинам. Старший из них вынул из-за пояса нож и одним ударом вспорол животному брюхо, после чего принялся свежевать добычу. Сделав несколько надразов, он ловко ободрал с оленя шкуру, разрубил тушу на несколько частей, отделяя крупные куски мяса, а потроха, голову и большие кости отложил, велел своему младшему приятелю выкопать яму и сбросить туда останки.

Молодой киммериец снял со спины свой боевой топор и, используя его вместо лопаты, без особого труда высек в еще не успевшей промерзнуть земле глубокую щель, чтобы скрыть следы удачной охоты. Пока асир, склонившись над ручьем, обмывал окровавленные куски мяса, Конан успел зарыть все отходы, позаботившись также и о том, чтобы уничтожить кровь на снегу. Отойдя немного в сторону, он снял с себя плащ, набросал в него чистого нетронутного снега и присыпал им яму, чтобы никто не мог заметить, что здесь произошло.

Ньорд тем временем укладывал мясо на содранную с оленя шкуру, потом завязал ее, превратив в подобие мешка. Конан, найдя подходящее деревце, срубил его; затем охотники, продев шест под узел, подняли мешок и двинулись в сторону леса.

Леса на границе Асгарда и Гиперборей были обширными и густыми, тянувшимися с севера на юг насколько хватало глаз, до самого горизонта. Сейчас вечнозеленые кроны хвойных деревьев были скрыты недавно выпавшим снегом, но под ними еще попадались широкие прогалины, заросшие мхом и пожухлой травой. Поскольку оба воина были хорошо вооружены, они могли не особенно опасаться хищных обитателей этих мест. Довольно часто им приходилось слышать протяжный волчий вой, а однажды они разглядели бредущего сквозь чащу огромного медведя-одиночку, которому лучше было уступить дорогу. Так и шли они, пробираясь в лесу подобно двум призракам, стараясь не производить ни малейшего шума и оставлять как можно меньше следов. Вскоре перед ними замаячило подножие горного хребта, где расположился на кратковременном привале их отряд.

Воины-асиры были опытными людьми, и, по давней привычке, сделали все, чтобы скрыть свой лагерь. Два охотника, тащивших нелегкий груз, не замечали спрятанный среди камней костер до тех пор, пока до слуха их не донеслись негромкие голоса товарищей — и то лишь потому, что расставленные здесь и там часовые

вовремя увидели путников и дали знать, что приближаются свои. От костра навстречу им поднялся немолодой асир с посеребренными временем волосами. Еще в молодости он потерял в одном из сражений правый глаз, и теперь пустую глазницу прикрывала черная повязка. За плечами воина висела бережно укутанная в чехол арфа, ибо старый Горм был признанным среди асирских племен скадьдом.

После краткого приветствия вождь, устало опустив на землю мешок с оленьим мясом, спросил:

— Что слышно об Эгиле и его людях?

— О них нет никаких известий, — озабоченно ответил старик.

— Это начинает меня беспокоить, Ньорд.

Предводитель отряда покосился в сторону Конана, но молодой киммериец сделал вид, будто ничего не замечает. Еще два дня назад отряд разведчиков во главе с Эгилем выступил к Халогге, гиперборейскому городу и крепости, находившемуся совсем недалеко от этого места, за ближайшим горным кряжем. Тридцать воинов, каждый из которых был испытанным и опытным бойцом, должны были разведать подступы к замку и узнать, насколько хорошо он укреплен. Конан тогда заспорил, утверждая, что здесь, на землях врага, в столь непосредственной близости от их цитадели, было бы опасно дробить отряд — ведь в любой момент они могли подвергнуться нападению превосходящих сил противника. Но никто не стал слушать молодого варвара; что касается Ньорда, то тот просто посоветовал юнцу придерживаться языка. Потом, вероятно, почувствовав, что не совсем справедливо обошелся со своим молодым соратником, вождь взял его с собой на охоту.

Гонцы с известиями от Эгиля уже давно должны были возвратиться к отряду, и теперь их отсутствие сильно тревожило Ньорда. Сейчас ему уже казалось, что не стоило отмахиваться от советов молодого киммерийца; в конце концов, и у юношей бывают дельные мысли. Основной же причиной беспокойства вождя было то,

из-за чего он привел свою дружину в гиперборейские земли. Половину луны назад работоторговцы из Гипербореи, с кроваво-красными эмблемами Халогии на черных плащах, похитили его единственную дочь Ранн, совсем юную девушку; и Ньорд собрал своих людей, желая освободить ее из плена.

При одной только мысли о судьбе дочери предводителя асов пронизала холодная дрожь. Было хорошо известно, что гиперборейские колдуны владеют страшной магией, а сама повелительница Халогии, о которой поговаривали, что она продала душу силам зла за вечную молодость, славилась изощренной жестокостью; в Асгарде называли эту ведьму не иначе как Черная Смерть.

С трудом взяв себя в руки, Ньорд, внешне спокойный, сказал Горму:

— Мясо пусть запекут в углях — не стоит рисковать, разжигая большой костер. И пусть люди не мешкают с ужином — мы выступаем, как только стемнеет.

На душе у предводителя асов было тяжело.

2

В течение всей ночи дружина светлородых рослых северян бесшумно, подобно волчьей стае, пробиралась по припорошенным снегом гиперборейским холмам. Дорогу освещали только мерцающие звезды, но через некоторое время от земли поднялся плотный туман, сквозь густую пелену которого не была видна даже взошедшая луна. Невзирая на то, что туман не позволял разглядеть пальцы вытянутой руки, воины Ньорда пробирались вперед, стараясь придерживаться любого прикрытия, будь то непроходимый бурелом или раскиданные тут и там по болотистой местности большие валуны. Халога считалась хорошо укрепленной цитаделью, и, вне всякого сомнения, стражи стояли не только на его стенах, но и обходили дозором дальние подступы к крепости. Если отряд асиров обнаружат, все будет кон-

чено — и быстро! Ньорд прекрасно знал, что успех ему может обеспечить только внезапность нападения.

Когда асы наконец достигли укрепленного замка, туман чуть рассеялся. Халога, мощная цитадель, была воздвигнута на холме в центре небольшой долины; ее высокие стены поднимались в сумрачное небо, тяжелые ворота были укреплены по бокам каменной кладкой. Окна-бойницы зияли только на верхних этажах башен, а ниже, на отвесной поверхности стен, чернели лишь узкие проемы, сквозь которые можно было лишь метнуть стрелу да ударить копьем.

Взять эту крепость штурмом будет нелегко, очень нелегко, — пронеслось в голове Ньорда. И еще его неотступно преследовала мысль о пропавших людях Эгиля, исчезнувших, как сухие листья в лесу.

«Скоро рассвет, — подумал вождь. — Придется потерять еще один день, снова дожидаясь темноты. Вряд ли эти потомки вонючих хорьков потеряют осторожность, вряд ли они опустят мост надо рвом или поднимут решетку на воротах...»

— Эй! — окликнул он одного из своих воинов, беглого рыжебородого раба из Ванахейма — страны, лежавшей на запад от Асгарда. — Передай парням: дальше двинемся лишь вечером, а пока они могут отсыпаться. Только плащи пусть припорошат снегом, чтоб днем нас не заметили со стен. На первой страже — люди Трора Железной Руки.

Потом Ньорд и сам упал на землю, поплотнее закутавшись в свой меховой плащ. Сон долго не шел к нему, а когда все же удалось забыться, сновидения были беспокойными и тревожными, полными кошмаров и отчетливого предчувствия страшной беды.

* * *

А Конану заснуть так и не удалось. Молодой киммериец скрипел зубами, никак не мог забыть нанесенную ему обиду. Конечно, Ньорд — вождь, а он, Конан, еще

молод, но уж выслушать-то до конца его ведь могли?! Здесь, в Асгарде, он все время чувствовал себя чужаком, хотя этим испытанным во множестве боев светловолосым воинам уже не раз представлялась возможность оценить его силу, ловкость, умение владеть оружием; как и они, он умел молча и спокойно переносить тяготы и лишения похода, как и они, умел голодать и не спать ночами, мог выследить и зверя, и человека. Кое-кому их асов пришлось испытать на собственной шкуре и крепость его кулаков — когда его слишком уж задирали, юный киммериец дрался, как злобный волчонок, и несколько раз его с трудом отрывали от уже сбитого с ног соперника. Но все равно он был чужаком! Вот если бы он совершил что-то необыкновенное, по-настоящему героическое... тогда его, наверно, наконец сочли бы своим!

Киммериец внимательно смотрел на высившийся перед ним замок. Крепость казалась ему совершенно неприступной, неподвластной ни времени, ни людям, ни богам. Конан родился и вырос в горной стране и с младых лет ловко, как белка, лазал по скалам; но в камне всегда можно было найти трещины или выступы, за которые удалось бы зацепиться пальцами. Стены же Халог, насколько было видно зорким глазам киммерийца, были гладкими, как стекло, без малейших промежутков меж каменных глыб, и вскарабкаться на них могла разве что ящерица. А вот бойницы... Их нижний ряд был расположен на высоте примерно в три человеческих роста — так находящимся за ними лучникам удобнее целиться в приближающегося врага. Добраться до них можно, но вот пролезть внутрь... Они были слишком узки, и ни один из рослых широкоплечих асиров через них не протиснется. Но он, Конан, куда более худощав и гибок...

Когда рассвело, воины ньордовой дружины испытали жестокое потрясение. Лучи восходящего солнца осветили стены крепости, и то, что они увидели там, повергло асиров в бессильную ярость, в смятение и гнев.

Так что когда обнаружилось, что куда-то исчез молодой киммериец Конан, Ньорд не придавал этому значения — да и стоило ли думать о киммерийце, когда на крепостной стене, привязанные к столбам с перекладинами, еще живые, висели разведчики Эгиля — все тридцать человек!

Рядом с ними стояла, кривя в презрительной усмешке алые губы, владычица Халог Вамматар, прозванная Черной Смертью. Холодный зимний ветер развеивал ее распущенные белокурые волосы, свободные белые одежды не скрывали очертаний гибкого стройного тела, в глазах горело торжество. Гиперборейская ведьма наслаждалась происходящим — и асиры, кусая кулаки от бессильного гнева и с трудом сдерживая рвущиеся из груди стоны, стали свидетелями того, как их товарищей предали страшной смерти. Слуги Вамматар терзали и рвали их тела изогнутыми ножами, клещами и крючьями; муки несчастных были столь жестоки, что они, испытанные и мужественные бойцы, не могли сдерживать нечеловеческих криков и мольбы. Но не жизни они просили, а лишь быстрой смерти; но этого избавления от страданий им пришлось ждать долго, очень долго! Время это показалось Ньорду бесконечным.

На вождя асов было страшно смотреть; взирая на муки своих людей, он постарел разом на многие годы. Больше всего его мучило собственное бессилие, ибо он ничем не мог помочь несчастным соплеменникам; его небольшой, не имеющий осадного снаряжения отряд был не в силах штурмовать неприступные каменные стены Халог. Если б под рукой его имелось многочисленное войнство, с таранами, катапультами и осадными башнями, тогда бы он, затратив немало дней, разрушил эти проклятые стены или подвел под них подкоп, и сам, обнажив меч, первым ринулся в рукопашную схватку с ненавистными гиперборейцами. В конце концов, можно было бы взять защитников замка не воинской силой, так измором! Но была еще одна возможность, о которой, кусая губы, размышлял Ньорд.

Даже имея столь малую дружину, какая выступила с ним в поход, можно было добиться успеха — подкрасться к замку и, используя приставные лестницы, пойти на штурм под прикрытием отряда лучников. Но незаметно! Скрытно! Неожиданно! Теперь же, после пленения асирских разведчиков, эффект внезапности был потерян.

Ньорд не мог понять, как воинам Халогии удалось взять в плен живыми всех людей Эгиля, из коих каждый предпочел бы смерть в бою мучительной и позорной казни. Но, так или иначе, теперь гиперборейцы знали, что дружина мстителей-асов находится где-то рядом. Конечно, размышлял Ньорд, здесь не обошлось без вмешательства черных колдунов Халогии — только с их помощью можно было застичь врасплох опытных воинов Эгиля. Похоже, мрачные слухи о силе их магии ходили не зря, и сегодняшнее страшное действо на крепостной стене было тому подтверждением. Гиперборейцы были предупреждены, а значит, ничто не могло помочь вождю асов взять замок и освободить свою дочь.

Внезапно Ньорд заметил, как из окна на одном из верхних этажей центральной башни вырвалось густое черное облако дыма. Заметили это и воины Халогии — оставив тела казненных асов, они бросились во двор с крепостных стен, желая разобратся, что происходит в башне. С лица жестокосердной владычицы Вамматар тоже исчезла самодовольная усмешка; теперь она казалась недоумевающей и озабоченной.

И тогда в душе Ньорда, предводителя асов, впервые затеплилась слабая надежда.

3

Крепостные стены Халогии оказались не столь уж неприступными, как это выглядело с первого взгляда. Правда, десять попыток вскарабкаться наверх закончились неудачей, но в конце концов Конан ухитрился закинуть веревочную петлю на выступающий над одной из бойниц водосток. Этот желоб выковали в виде голо-

вы дракона, и петля плотно охватила его железную шею. Молодой киммериец умел искусно пользоваться арканом, обычным приспособлением в его родных краях; на веревке было завязано множество узлов, и взобраться по ней на стену не составило теперь особого труда.

Добравшись до бойницы, юный варвар заглянул внутрь, желая удостовериться, что в комнате никого нет; к счастью, это оказалось именно так. Тогда он, придерживаясь одной рукой за веревку, просунул ноги в отверстие бойницы. Осторожно передвигая тело, он медленно протискивался внутрь, и вскоре по пояс пролез в узкий проем. И в этот момент его движение застопорилось, поскольку с внутренней стороны бойница была значительно уже, чем с внешней; обычная хитрость, позволявшая лучникам получить более широкий обзор для стрельбы. Широкая грудная клетка юноши никак не позволяла ему проползти дальше. По спине его пробежала холодная дрожь. Если его найдут здесь, жестокой расправы не избежать! А главное — он не сможет выполнить задуманное и даже после смерти будет мишенью для насмешек — как врагов, так и воинов Ньорда. Но тут Конана осенила спасительная мысль: с силой втянув в себя как можно больше воздуха, он резко выдохнул, а затем смог протиснуться дальше. Извиваясь как уж, он наконец нащупал ногами пол и соскользнул вниз, не выпуская из рук веревки; он знал, что аркан еще понадобится ему, когда придется покидать это логово.

Киммериец огляделся. Он стоял посреди небольшой и пустой сейчас комнаты, в которой обычно располагались лучники, защищавшие крепостные стены. В противоположной от бойницы стене была дверь, ведущая, видимо, на внутреннюю галерею; потолок казался невысоким и сложенным из толстенных сосновых балок. Тут имелось еще несколько щелей для стрелков, таких же узких, как бойница, в которую ему удалось влезть; больше Конан не заметил ничего.

Осмотревшись, он первым делом втянул внутрь веревку и надежно закрепил конец, постаравшись сле-

лать так, чтоб никто не заметил его тайного пути отступления. Затем несколько раз присел, расправил затекшие плечи и зашипел от боли — его бока, грудь и спина были покрыты глубокими ссадинами, и на узких стенах лаза явно остался не один кусок его шкуры. Но сейчас Конану было не до этого; пока его не заметили, следовало поторопиться. Он вытащил из ножен кинжал, внимательно оглядел пространство за дверью и крадучись шагнул на галерею. Невдалеке виднелась узкая винтовая лестница, но это единственное, что киммерийцу удалось рассмотреть; на стенах галереи чадил немногочисленные факелы, но их тусклый свет почти терялся в обширном и пустом пространстве.

Конан наморщил лоб. Где же в этом огромном замке могли держать знатную пленницу? Он не имел о том ни малейшего понятия; стало быть, начинать поиск, надеясь на свою удачу и милость Крома, придется прямо отсюда. Прижимаясь к стене, киммериец начал осторожно пробираться вперед, время от времени останавливаясь и внимательно прислушиваясь. Он все еще никого не встретил, но теперь его ушей достигали страшные крики и стоны, доносящиеся откуда-то сверху; видимо, большая часть обитателей замка находилась там, любуясь какой-то жестокой расправой.

Наконец юный варвар достиг места, где вбок от галереи отходил коридор, широкий и намного лучше освещенный. Осторожно заглянув туда, киммериец увидел двух человек — похоже, это были стражники, охранявшие какую-то зарешеченную дверь. Конан никогда прежде не встречал гиперборейцев, и, хоть был он парнем не робкого десятка, сейчас один их вид вызвал у юноши холодную дрожь. Эти стражи не походили на людей; так, по мнению Конана, могли выглядеть обитатели потустороннего мира, Серых Равнин, где властвует грозный Нергал. У воинов Халогии были бледные худые лица и ничего не выражающие желтые глаза, скрытые космами тусклых бесцветных волос; с плеч свисало черное одеяние, и лишь посередине груди яр-

ким пятном выделялась красная эмблема владычицы Вамматар. Киммерийцу вдруг вспомнились легенды, утверждавшие, что замок ее населяют не живые люди, а мертвецы, призванные черными колдунами из могил. Наверно, подумал он, эти кровавые пятна — след вырванных у них сердец...

Страхнув с себя недолгое оцепенение, Конан одним прыжком покрыл отделявший его от стражей десяток локтей. Один Кром ведал, мертвецы они или нет, но вот кровь из их ран текла — в этом он смог убедиться, вонзив кинжал под ребро ближайшего к нему гиперборейца; тот свалился мешком, даже не успев вскрикнуть. Второй стражник выхватил длинный меч, но Конан действовал быстрее: еще один стремительный взмах клинка — и противник рухнул на пол с перерезанным горлом.

Оглядевшись и увидев поблизости приоткрытую дверь в стене прохода, киммериец перетащил туда тела убитых, предварительно сняв с них оружие. Потом он вернулся к той темнице, которую они охраняли. За решеткой, широко раскрыв глаза невероятно глубокого и чистого голубого цвета, стояла стройная девушка. Она была высока и очень красива: правильные черты лица, густые длинные волосы, напоминавшие сноп спелой пшеницы, алые губы и брови, подобные птичьим крыльям. Затаив дыхание, она наблюдала за короткой схваткой, несомненно понимая, что сейчас решается ее участь. Однако на ее лице нельзя было заметить и тени страха.

— Кто ты, воин? — негромко спросила она.

— Меня зовут Конан-киммериец, девушка. Пришел твой отец со своими людьми, и я — из его отряда... — Конан немного помедлил и спросил: — Ведь ты — Ранн, дочь Ньорда?

— Да, Ранн, дочь вождя асиров, — гордо вскинув головку с копной золотистых волос, ответила девушка.

— Вот и отлично, — пробормотал варвар, шаря на поясе убитого стражника. Он нашел ключ, вставил его

в замок и провернул. — Видно, Кром покровительствует мне; я быстро тебя разыскал. А теперь мы можем идти. Быстрее!

— Ты пришел сюда один? — недоверчиво воскликнула Ранн.

Конан коротко кивнул и помог девушке выбраться из камеры. Один из клинков убитых стражей он взял себе, второй отдал спутнице, и они осторожно двинулись вдоль стены — прямоком в ту галерею, из которой появился киммериец. Поступь его была неслышной, в глазах отражался пляшущий огонь факелов; в любой момент он был готов отразить внезапное нападение. Девушке, что следовала за ним по пятам, он вдруг показался не человеком, а огромным, крадущимся по тропе диким зверем. Такому хищнику лучше не заступать дорогу — растерзает любого!

Но сам киммериец прекрасно понимал, что удача не может сопутствовать ему вечно — рано или поздно он все же наткнется на кого-нибудь из обитателей замка. Он опять обратился в мыслях к великому Крому, могущественному богу своей родной страны, испрашивая у него заступничества; всего-то и надо было помочь им незамеченными добраться до той бойницы, где он припрятал веревку. Но, поминая Крома, рассчитывал киммериец все же на собственные силы — и на поддержку своей юной спутницы; он знал, что женщины Асгарда умели неплохо обращаться с оружием и нередко плечом к плечу сражались рядом со своими мужьями. Так что с тремя-четырьмя противниками они справятся без труда, думал Конан, неслышно ступая по каменному полу. Но вот если их будет больше — шесть, десять?.. Что тогда?

Боевой опыт молодого киммерийца был невелик, но подсказывал ему, что от ударов со всех сторон уберечься невозможно. Если, обороняясь спина к спине, они с девушкой какое-то время смогут отбиваться от врагов, все равно шум схватки поднимет на ноги весь гарнизон замка. Ну что ж, выходит, надо отвлечь внимание гиперборейцев... Но как? В этот момент взгляд варвара упал на

торчавший в массивном железном кольце смоляной факел. Огонь — вот что может их спасти! Толстые стены замка сложены из камней, но перекрытия и потолки — деревянные; Конан удостоверился в этом, пнув носком сапога в пол. И гореть — тут на губах Конана зазмеилась не предвещавшая ничего доброго усмешка — они будут прекрасно! Только, пожалуй, одного факела для этого не хватит; неплохо бы найти место, где они хранятся в большем количестве.

Он стал наугад открывать все попадавшиеся по пути двери. Первые несколько попыток не принесли желаемого успеха, а когда он потянул за кованую ручку четвертую или пятую дверь, то услышал за поворотом голоса и тяжелый грохот сапог. К счастью, следующая дверь оказалась незапертой, и Конан, распахнув ее, сильным рывком втащил за собой девушку в какую-то темную каморку, знаком призывая ее к молчанию. Стиснув в руках клинки, они напряженно прислушивались к тому, что происходило снаружи; но шаги и глухие голоса гиперборейских воинов вскоре затихли вдали. Видно, Кром внял мольбам киммерийца: они вновь остались незамеченными!

Но вскоре Конан узнал, что везение его на том не закончилось — осторожно приоткрыв дверь и убедившись, что на галерее больше никого нет, он только сейчас разглядел, что же именно находится в их каморке. Это был как раз склад факелов! У одной стены висилась целая груда факельных стволов с просмоленными концами, а в углу стояла бочка со смолой. Киммериец тут же опрокинул ее набок, и густая черная смола начала медленно растекаться по полу. Снова выглянув в коридор, он сорвал со стены горящий факел и с довольной ухмылкой швырнул его в смоляную лужу. Спустя некоторое время она занялась огнем, и из комнаты повалили клубы густого черного дыма.

Выскочив на галерею, Конан потащил едва поспевавшую за ним девушку к двери — к той самой, где была комната с бойницей, через которую он проник в

крепость. Возможно, начавшийся пожар отвлечет внимание гиперборейских воинов, и они успеют вылезти наружу; а там, спустившись по веревке, незаметно доберутся до лагеря людей Ньорда. Во всяком случае, так рассчитывал Конан; и в тот день Кром был к нему милостив.

4

Вождь асиров, не помня себя от счастья, прижимал к груди вновь обретенную дочь. Суровый воин не скрывал выступивших на глазах слез; ему трудно было найти слова, что выразили бы его благодарность, но он взирал на Конана с такой признательностью, что юный киммериец счел себя вполне вознагражденным за все свои лишения, обиды и труды.

Не медля, отряд двинулся к рубежу Асгарда. Все понимали, что, несмотря на замешательство и переполох, царившие сейчас в Халоге, рано или поздно за ними будет выслана погоня. Замок пылал, над ним клубились облака черного дыма, и асы надеялись, что если не все, то хотя бы часть белесых нелюдей-гиперборейцев сгинет в страшной пламенной пучине.

Уходить полагалось немедленно и быстро; лишь в глубине асгардских земель воины могли чувствовать себя в относительной безопасности. Ньорд решил, что не имеет особого смысла маскироваться при отходе; главным сейчас было как можно скорее покинуть окрестности пылающего замка.

Но сквозь клубы огня и дыма с высокой стены своей цитадели вслед отступающему асирскому отряду смотрела прекрасная и жестокая владычица Халог; и взгляд Вамматар был полон ненависти, а губы кривила злая усмешка.

К вечеру от еще не промерзших болот начал подниматься туман, вызывая у людей не только дрожь озноба, но и какую-то странную неосознанную тревогу.

Воины Ньорда опасались неминуемой погони, и

время от времени то один, то другой прикидывал ухом к заснеженной холодной земле, а, поднявшись, успокаивал соратников, говоря, что отдаленного гула копыт все еще не слышно. Туман сгушался, сырой морозный воздух обжигал глотки, но асы не останавливались и старались двигаться как можно быстрее. Вдруг в наступающих сумерках Конан оглянулся назад и, присмотревшись, воскликнул:

— Кром! Они уже близко!

Встревоженные воины замерли, но ни один из них не мог рассмотреть что-либо, напоминающее погоню. Не было слышно ни стука лошадиных копыт, ни топота сапог, ни голосов, ни звона оружия; над снежной равниной волглым сырým пологом лежала тишина. Успокоившись, асы уже начали было подтрунивать над молодым киммерийцем, когда один из воинов, отличавшийся острым зрением, крикнул:

— Конан прав — они приближаются! Не на конях! За нами идет пешее войско!

— Прибавить шагу! — зычно скомандовал вождь асиров. — Сегодня ночью привала не будет; у бледных хорьков больше людей, и в таком тумане они могут незаметно к нам подобраться. Мы не сможем выставить столько дозорных, сколько надо, чтоб заметить их. А потому — вперед! Быстрее!

Отряд продолжил свой путь. Солнце село, на землю опустились сумерки, потом — ночная мгла. И, когда болотистую равнину осветили холодные серебряные лучи взошедшей луны, воины асов содрогнулись от ужаса. Те, кто преследовал их, были близко, совсем близко! Это казалось невероятным, но это было так.

Из последних сил люди Ньорда пытались уйти от настигающей погони. Сам вождь нес на руках вконец измученную Ранн, но двигался с такой быстротой, что остальные воины едва поспевали за ним. Однако все их усилия были тщетны — преследователи, как видно, не знали, что такое усталость, и воинство Халог неумолимо нагоняло беглецов. Отчаянно бранясь, Ньорд

подгонял своих людей, пока не понял, что от погони не уйти. Оставалось одно — повернуться к противнику грудью, обратить на него острия мечей и лезвия секир и, собравшись с силами, принять неравный бой.

Теперь уже всякий из ньюрдовой дружины мог ясно разглядеть, что в наступающем их отряде по меньшей мере вдвое больше воинов. И, что вызывало у асиров наибольшую тревогу, в их облике было нечто странное и необычное. Но что именно, сказать никто не мог.

Спустя некоторое время погоня приблизилась, и удалось увидеть, что среди преследователей — не только гиперборейцы, которые были выше ростом и более худощавы, чем асы. С изумлением люди Ньюрда глядели, как из туманной мглы выступают широкие плечи и украшенные изогнутыми рогами шлемы — такие носили только воины из Асгарда и соседнего с ним Ванахейма. По спине асирского вождя пробежал предательский холод, подобный ледяному дыханию самой смерти.

И двигались эти существа хоть и быстро, но какой-то странной поступью; казалось, не люди идут, а стремительно скользящие над землей тени...

Когда впереди завиднелся холм, более высокий, чем те, через бессчетное множество коих прошел отряд, Ньюрд понял, что отступать дальше не имеет смысла. Если от сражения не уйти, что ж, они будут биться здесь! Он обернулся к своим воинам и, махнув рукой, крикнул:

— Туда! Займем оборону на холме! Все туда — и поживее!

Асы, словно забыв об усталости и грузе доспехов, сгибавших плечи, бегом начали взбираться на склон холма. Прирожденные воины, они были готовы с бесстрашием их расы вступить в бой с превосходящими силами врага; сейчас они уже не помышляли о бегстве, и в их глазах горел огонь азарта и отваги.

Помощники Ньюрда роздали последние флаги с водой и вином. Используя последнюю возможность для отдыха, асы восстанавливали дыхание, негромко пере-

говаривались, проверяли свое оружие, длинные клинки и тяжелые, грубо откованные секиры.

Старый Горм, скальд, достал из-за плеча арфу, и зазвучала, поднимая дух воинов, старинная асирская песня:

*Огонь глубин земных
Наши мечи породил,
Холод вод ледяных
Твердо их закалил.
Кости врагов остались
Под струями темных вод...
Так предки наши сражались,
И их не забудет народ!*

Но отдых был недолгим — противник достиг подножия холма. Не перестраиваясь, без боевых кличей и возгласов, наводящие ужас шеренги гиперборейцев мертвым шагом двинулись вверх по склону. С близкого расстояния сделалось понятным, что было странного в их поступи: они как бы не видели ничего перед собой, движения их были резкими, угловатыми, словно кто-то дергал за веревочки огромных кукол.

Воины асов, прикрыв свой строй большими, обтянутыми кожей щитами, ждали в молчании; затем раздался громкий голос Ньюрда, и в нападающих густым градом полетели копья и стрелы. Но это их не остановило; зловещие вражеские шеренги надвигались с прежней уверенностью. И тогда, издав громоподобный боевой клич, асы приготовились вступить в рукопашную схватку.

Но едва лишь Ньюрд увидел перед собой первого противника, как крик застрял у него в глотке.

Подняв меч, к нему приближался Эгиль — верный Эгиль, правая рука вождя, чью мученическую смерть на крепостной стене он видел сегодня утром.

Ошибки быть не могло: в бледном лунном свете предводитель асов ясно видел своего прежнего соратника. Мертвый Эгиль шел, чтобы сразиться с ним!

Да, перед Ньордом был именно Эгиль, но он не узнавал своего вождя, глядел на него пустым взглядом, не выражавшим ни радости, ни горя, ни ненависти. Он равнодушно вздымал меч, и, защищаясь, предводитель асов нанес ему скользкий укол в грудь в напрасной надежде, что это заставит Эгиля очнуться. Но из ранки, оставленной клинком, не показалось ни капли крови; Эгиль как будто и не заметил удара. За плечом его Ньорд увидел еще одну страшную фигуру — вероятно, то был погибший в утреннем пожаре гипербореец. Плоть его была обуглена, местами сквозь нее проглядывали кости, черные язвы расплзлись по груди и плечам.

На дружину асиров надвигалось воинство мертвецов!

Но отступать было некуда. И, понимая это, не видя другого выхода, Ньорд мысленно простился со своим соратником и другом, прошептал беззвучно: «Прости меня, брат!» — а затем мощным ударом развалил Эгиля напополам, от плеча до паха. Однако передышки вождю не было — теперь на него ринулся дочерна обгоревший гипербореец.

Предводитель асов был опытным и закаленным во многих схватках воином, умелым и сильным бойцом, но сейчас ему было ясно, что дружина его обречена. Можно ли рассчитывать на победу в бою с противником, способным оживить мертвецов? Разумеется, нет! Можно только сражаться и погибнуть — погибнуть с честью!

Стоявшие в первых рядах люди Ньорда дрались со своими погибшими товарищами. Но не это было самым страшным, а то, что многие из восставших покойников умерли не сегодня и не вчера, а полгода или год назад; и теперь, при каждом ударе, из их полуразложившихся тел появлялась не кровь, а мерзкие трупные черви. Эти чудовища, источавшие нестерпимый смрад, туло надвигались на асиров, шли без оружия и грозили похоронить отряд Ньорда под холмом вонючей плоти. Их было много, слишком много!

Старый Горм запел, но, сбившись с ритма, оборвал свою сагу. Затем раздался его хриплый голос:

— Мужайтесь, воины, ибо лишь боги могут нам помочь! Нам не на кого надеяться, кроме них! Мы сражаемся с самой смертью! С черной смертью! Боги, придите к нам!

Но боги не приходили.

Строй асов редел на глазах; смерть, словно подтверждая слова Горма, находила воинов одного за другим, холодные мертвые руки нападающих тварей разрывали их на части. Очень много, слишком много было этих оживших мертвецов! Они дрались без оружия, впиваясь в свои жертвы зубами и скрюченными пальцами.

Конан бился во второй шеренге. Впереди него стоял старый опытный воин — стоял, а потом упал, когда оживший мертвец перегрыз ему горло. С грозным боевым кличем Конан ринулся вперед, мощным взмахом добытого в замке меча срубил гиперборейцу истлевшую голову... И тут его глотку сжал ледяной обруч ужаса: почти разложившийся труп, без головы, все еще тянулся к нему жуткими костлявыми пальцами, пытался достать, впиться в живую плоть. Овладев собой, киммериец вонзил меч в торчавшие под истлевшей кожей ребра мертвеца; труп отступил, но тут же снова двинулся вперед. Снег заскрипел под его костлявыми ступнями.

С отчаянной силой Конан, схватив меч обеими руками, нанес страшный удар. Теперь он, наконец-то, достиг цели: покойник, разрубленный наискось, от плеча к бедру, больше не смог подняться с земли. Получив мгновение передышки, Конан смахнул со лба пот и огляделся вокруг.

Могучий предводитель асиров был уже мертв, успев перед смертью разметать в клочья не менее трех десятков живых трупов. И хотя одноглазый Горм неумоимо продолжал вращать своим боевым топором, результат сражения казался уже очевидным.

— Не трогайте оставшихся в живых! — прозвучал над гулом схватки холодный безжалостный голос. — Взять их в плен! Я приказываю пленить их!

Кто произнес эти слова? Конан, напрягая зрение и вглядываясь в темноту, вдруг увидел вороного жеребца, на котором восседала Вамматар, сама Черная Смерть. Конечно, это ее магия оживила трупы! И, повинуясь ее приказам, войнство мертвецов уничтожает асиров...

Внезапно взгляд киммерийца упал на еще одну женскую фигуру. Ранн! Она видела гибель своего отца, видела, как упал, погребенный под тяжестью мертвых тел, старый Горм... Девушка подняла с земли меч и сжала его в руках, готовая погибнуть в сражении; в ее глазах, залитых слезами, не было страха. Черная смерть не пугала ее.

И этот миг в голове Конана — внезапно, как дар Крома, — родилась спасительная мысль. Битва проиграна, решил он; это так же ясно, как то, что утро сменит день. И неизвестно, кому повезло больше, погибшим или живым, которые попадут в рабство к гиперборейцам. Надо дать шанс спастись хоть кому-то, хоть одному человеку оставить надежду...

Едва подумав об этом, Конан метнулся к девушке, схватил ее, закинул на плечо и, прорубая путь страшными ударами, ринулся к подножию холма — туда, где одетая в белое владычица-ведьма поджидала, когда завершится сражение.

Зрелище битвы настолько увлекло Вамматар, что она не заметила приближения Конана — до того мига, когда киммериец стальной хваткой стиснул ее запястье. Коротким движением он сбросил ее с коня, и повелительница Халогии рухнула в болотную грязь. Несмотря на яростные крики Ранн, варвар усадил ее в освободившееся седло.

Но сам он не успел запрыгнуть на круп скакуна — на его плечах, подчиняясь приказу Вамматар, отчаянно вопившей из болотной жижи, повисли два трупа.

— Скачи домой, девушка! — яростно отбиваясь от мертвецов, крикнул киммериец. Ему удалось поднять меч, и в последнем усилии он кольнул им в бок вороного жеребца. — Скачи домой, в Асгард!

Скакун, напуганный шумом сражения, всхрапнул, почувствовав острую сталь, взвился на дыбы и стрелой полетел над заснеженным полем. Золотистые волосы Ранн развевались на ветру, переплетаясь с темной гривой коня; она прижималась заплаканным лицом к его шее, а благородный скакун мчался в бешеном галопе, все дальше и дальше уносил дочь племени асов от страшного поля битвы, где живые бились с мертвыми.

Пока жеребец огибал склон холма, на котором затихали последние отзвуки боя, Ранн успела увидеть, как отважный юноша, дважды в этот день подаривший ей жизнь, исчез под грудой костлявых тел. Владычица Вамматар уже успела выбраться из трясины и стояла, озаренная призрачным светом луны; жестокая улыбка змеилась на ее губах. Мгновение — и ужасная картина исчезла, скрытая туманом и склоном холма.

* * *

С трудом волоча ноги, со стянутыми за спиной руками, по снежному полю брели десятка два асиров, которым удалось уцелеть в побоище. Сопровождали пленных мертвецы. За владычицей Вамматар, возглавлявшей эту скорбную колонну, шел Конан.

Время от времени госпожа Халогии, с искаженным звериной яростью лицом, оборачивалась и обрушивала на молодого киммерийца удары хлыста. Конан шел, не сгибаясь и не склоняя головы, хотя множество кровавых рубцов пересекали его грудь, плечи и щеки. Страшнее боли, терзавшей тело, была мысль о том, что ни одному рабу еще не удавалось бежать из Халогии, из Гипербореи, из этой проклятой богами страны.

Быть может, он ошибся? Быть может, зря не лишил жизни владычицу Вамматар, когда она валялась перед ним в болотной грязи? Он успел дотянуться до нее клинком...

Но были обычаи и законы, впитанные им вместе с материнским молоком; были заветы его страны, не

позволявшие обращать меч против женщины — и он не мог преступить их, даже пылая жаждой мщения. Не мог, хоть женщина эта являлась безжалостной ведьмой!

Пока не мог. Время его мести было впереди.

* * *

На утренней заре скакун домчал Ранн, дочь Ньорда, до асгардских рубежей. Тяжело и тоскливо было у нее на душе, но внезапно припомнились ей слова боевой песни — последние слова, которые спел в ночном бою старый Горм:

*Пусть паду я, пронзенный мечом,
Кровью алой камни обагрив,
Все равно я буду отомщен —
Теми, кто останется в живых!
Гей, северяне, вперед!
Пусть в рабстве тяжелая доля,
И пусть меня будут пытать,
Но сердца свободного волю
Врагу никогда не сломать!
Гей, северяне, вперед!*

Плечи Ранн гордо распрямились; слова песни, спетой старым воином и скальдом, напомнили ей, чья она дочь и чья кровь течет в ее жилах.

Взошло солнце, и лучи его высушили слезы на щеках девушки, а ветер сдул с них крохотные крупички соли и разнес над снежной равниной. Твердой рукой взявшись за поводья, Ранн направила жеребца к дому.

ЛЮДИ ТУМАННЫХ ГОР

Узкое ущелье окружали вздымающиеся вверх изрезанные склоны бурых скал, опаленных солнцем и покрытых редкими пятнами лишайника. Два воина на конях мчались в этом горном проходе, нахлестывая своих жеребцов и с тревогой поглядывая на окружавшие их каменные стены. Их наряд — красные рубахи и белые шаровары, сейчас грязные и пропотевшие, — выдавал принадлежность к туранской пограничной страже; их головы венчали шлемы, окутанные тюрбанами, широкие концы которых спускались вниз, чтоб защитить лицо от солнца и пыли. Внезапно один из всадников, широкоплечий гигант с яркими синими глазами, из-под шлема которого спадала на плечи тяжелая спутанная грива черных волос, сделал знак рукой, и его спутник, небольшого роста худощавый туранец, натянул поводья и резко остановил скакуна, удивленно взглянув на товарища.

— В чем дело? — воскликнул он. — Мы не можем сейчас остановиться! Проклятые козгары, потомки свиньи, все еще сидят у нас на хвосте!

— Лошадям нужен отдых, Джамаль, — сказал рослый всадник — видимо, командир, о чем свидетельствовала нашивка в форме изогнутой золотой сабли на рукаве его рубахи, знак чина ун-баши, десятника. Отбросив с лица край тюрбана, он ласково похлопал покрытую пеной морду своего жеребца. Его бока тяжело поднимались и опускались; похоже, несчастное животное едва держалось на ногах. В глазах синеглазого гиганта промелькнуло сочувствие, затем выражение его лица изменилось, и он со злобой сплюнул на камни.

— И все из-за этого посла! — прорычал он. — Копыта Нергала ему в задницу, зачем его понесло в селение козгаров? Я сто раз предупреждал ублюдка: доверять им нельзя — нельзя ни в коем случае! А этот болван только и думал, что о торговых договорах да

караванных путях... Ну, и доигрался! Теперь его башка торчит перед алтарем козгарских жрецов, а рядом — головы семи наших парней... Ну, ладно, посол — недоумок, но куда смотрел наш сотник, ок-баши? Он-то должен был знать, что представляют собой обещания козгаров!

— А что ему было делать, Конан? — возразил второй всадник.

— У ок-баши был приказ — во всем подчиняться посланнику и охранять его. Ты же знаешь, как с ним поступили бы, если б он не подчинился — сорвали перед строем знак власти сотника да высекли! Был ок-баши, а стал простой воин с исхлестанной плетью задницей!

— По мне так лучше быть простым солдатом, но с головой на плечах, — буркнул Конан. — Нам с тобой повезло, приятель, что мы удрали оттуда. Теперь еще бы избавиться от погони... Подожди-ка! — Рослый синеглазый ун-баши внезапно прервал свою речь и предостерегающим жестом поднял руку. — Ты слышал какой-то шум? Во имя Крома! Что это может быть?

Привстав в стремених и наполовину вытащив из ножен кривую саблю, он внимательно вглядывался в окружающие всадников склоны ущелья. Джамаль провел рукой по притороченному к седлу копыю, потом выхватил из-за спины лук и приготовил стрелу.

Внезапно Конан спрыгнул с коня и метнулся к торчавшей слева скале. У себя на родине, в Киммерии, что лежало далеко на севере от знойного Турана, он сызмальства привык лазать по отвесным скалам, и сейчас ловко, как белка, начал карабкаться на остроконечный пик.

Добравшись до гребня утеса, он осторожно высунул голову и тут же резко отшатнулся в сторону: его череп едва не разнесла тяжелая дубинка. Второй удар неведомый противник нанести не успел — киммериец мгновенно подтянулся, перекатился на бок и, вскочив, перехватил его руки.

Каково же было изумление Конана, когда он понял, что в сильных его объятиях бьется, тщетно пытаясь вырваться, девушка — причем ни грязное лицо пленницы, ни растрепанные пыльные волосы не могли скрыть ее удивительной красоты, а стройная фигура была достойна резца лучшего скульптора.

— Кром! Кто ты? — удивленно произнес киммериец. — И как очутилась в этих горах?

— Меня зовут Шания, я дочь Шафа Караза, и эти горы — владение моего отца, верховного вождя козгаров! — гневно блеснув на варвара нефритовыми глазами, ответила девушка. — И если ты в сей же миг не уберешь свои грязные лапы, то горько пожалеешь об этом!

Конан ухмыльнулся.

— Хмм... Дочь вождя, говоришь? Верховного вождя? А почему такая важная птичка в столь неподобающем виде болтается в столь неподходящем для нее месте?

— Когда я охочусь, никому из нашего племени и в голову не придет показаться поблизости, пес! Все козгары знают, как страшен гнев моего отца! И все обходят эти места стороной. А теперь, туранская собака, отпустишь ты меня или нет?!

Девушка снова рванулась, но разомкнуть стальное кольцо рук киммерийца было не так-то легко.

— Конечно, отпущу, красавица, только немного попозже. Видишь ли, у нас, у меня и моего приятеля, возникли кое-какие неприятности, и мне показалось, что если с нами будешь ты... словом, так мы гораздо успешней доберемся до безопасного места. Мы направляемся в Самарру, и я надеюсь, что ты, достойная Шания, не откажешься прокатиться на крупе моего скакуна. Прокатиться добровольно! Потому что в ином случае ты проделаешь тот же путь, только связанной по рукам и ногам и с кляпом во рту.

— Мерзавец! — прошипела девушка, но, бросив быстрый взгляд на незнакомца, поняла, что он не шутит, решила попробовать иную тактику.

— Хорошо, я согласна, — быстро проговорила она. — Но если ты думаешь, что это сойдет тебе с рук...

— Хочешь напугать меня, красотка? Не выйдет! Несколько десятков ваших воинов уже пытались сделать это — только, как видишь, нам с Джамалем их старания не помешали. По-моему, ваши лучники не способны попасть в лошадиную задницу, не то что в глаз человеку... Что, их не учили как следует стрелять? — Конан усмехнулся и добавил: — Ну, хватит болтовни, красотка, мы и так уже задержались. И помни: сиди смирно, а коль попробуешь подать голос, ротик мы тебе заткнем очень быстро.

Лицо девушки исказила гневная гримаса; видно было, что гордая красавица едва сдерживается, чтобы не впцепиться в лицо дерзкому похитителю.

— Эй, ун-баши! В какую сторону поедem? — подал голос спутник Конана.

Варвар пожал плечами.

— Я думаю, нам лучше направиться на юг — неохота мне возвращаться назад, даже прикрываясь заложницей. А там двинемся по дороге на Тарму, достигнем Туманных Гор, миуем перевал Бханбар и через пару дней будем в Самарре.

При этих словах киммерийца девушка вздрогнула. Повернувшись к нему, она заговорила прерывающимся от волнения голосом:

— Видно, ты потерял остатки разума, туранский пес! Тебе так надоела твоя собачья жизнь? Только сумасшедший может вообразить, что пройдет через Туманные Горы! Ты что, никогда не слышал о Нарoде Вершин? Это их владения, и никому еще не посчастливилось возвратиться оттуда живым! Владыки Турана много лет назад пытались вытеснить их оттуда, но лишь теряли свои армии, ибо Народ Вершин владеет страшными колдовскими чарами, одолеть которые никому не под силу. К тому же под их властью находятся какие-то ужасные чудища... Заклинаю тебя: ради наших жизней забудь о Туманных Горах!

Спокойно выслушав сбивчивую речь козгарской красавицы, Конан беспечно усмехнулся.

— Я уже сотни раз слышал эти страшные сказки про колдунов, колдовские чары и чудовищ. Не думаю, что встретиться с ними доставило бы мне удовольствие — если, конечно, они в самом деле существуют, — но, видишь ли, нам нужно выбрать самый короткий путь. Иначе по возвращении мне не миновать плетей или чего похуже — наш тысячник очень не любит, когда его люди болтаются Нергал знает где. И, кроме того, если твои козгары верят в чудищ, магию и колдовство, они вряд ли сунутся за нами в горы. Клянусь Кромом, меня это вполне устраивает! Так что хочешь ты того или нет, но поедem мы через владения этого Народа Вершин.

И киммериец, одним движеньем закинув девушку в седло, дернул поводья своего скакуна. Джамаль последовал за своим ун-баши, и мертвую тишину ущелья снова нарушил звонкий цокот копыт.

* * *

— Я ничего не вижу в этом проклятом тумане, — встревоженно сказал Джамиль. — Он густой, как молоко, и вязкий, словно кунжутное масло!

Узкая тропинка, по которой двигались путники, просматривалась лишь на несколько шагов. Их кони, повинаясь животному инстинкту, двигались очень осторожно, то и дело останавливаясь и боязливо прядая ушами.

Все чувства Конана были обострены до предела. Одной рукой он держал наготове обнаженную кривую саблю, другой обнимал прекрасную пленницу. Вдруг девушка испуганно вскрикнула.

Прижавшись к груди киммерийца, она прошептала:

— Там, впереди! Я только видела кого-то, но это не человек!

Пытаясь заглушить собственную тревогу, он насмешливо спросил:

— Что могло так напугать отважную дочь владыки козгаров?

Но не успели они проехать и нескольких шагов, как увидели прямо перед собой страшную картину.

К скале слева от тропинки был привязан человеческий скелет. Выбеленные дождями и ветром кости были переплетены ссохшимися кожаными ремнями, череп лежал рядом на земле, и над его пустыми глазницами зияла огромная трещина; видимо, человеку проломили висок ударом топора или боевого молота.

Внезапно до путников донеслась жуткая какофония звуков — нечеловеческий хохот сменялся хриплым рычанием и стонами, переходившими в жалобный визг. Еще теснее прижавшись к киммерийцу, Шания в тревоге воскликнула:

— Это они, демоны Народа Вершин! Никому не удалось живыми вырваться из их лап! Ну, теперь ты доволен, глупец? Еще до захода солнца наши тела будут валяться здесь, рядом с этим скелетом! Зачем ты не послушал меня? Зачем? Я не хочу, не хочу умирать!

По спине Конана пробежала холодная дрожь, в глазах потемнело.

Однако, взяв себя в руки, он сказал с нарочитым спокойствием:

— Теперь уже поздно о чем-то жалеть и оплакивать нашу судьбу. Едем вперед, и если эти горластые твари осмелятся подойти поближе, то запоют совсем по-другому.

Киммериец тронул поводья, и тут за его спиной раздался страшный грохот. Он стремительно обернулся, вздымая клинок, и в этот же момент почувствовал, как плечи сидевшей перед ним девушки захлестнула брошенная кем-то невидимым петля аркана. Сдавленно вскрикнув, Шания полетела на землю и сразу же скрылась в густом тумане. Конь киммерийца встал на дыбы, и Конан не смог удержаться в седле; испуганное живот-

ное, освободившись от двойной ноши, умчалось вперед, тоже исчезнув за пологом белесой мглы.

Вскочив на ноги, киммериец увидел, что позади него на тропу упал — или, скорее, был кем-то сброшен — огромный валун, придавивший его спутника вместе с лошастью. Из-под камня виднелась только рука Джамалы, все еще судорожно сжимавшая лук и колчан; под ней уже скопилась лужица крови.

— Я отомщу за тебя, приятель. Клянусь, отомщу! — пробормотал Конан, выхватывая из пальцев мертвого туранца лук и перекидывая за спину колчан со стрелами. Вскинув свой кривой меч, он приготовился встретить невидимого пока противника.

Острый слух и звериное чутье помогли киммерийцу избежать участи Шании — услышав тонкий свист брошенного аркана, он успел отпрянуть в сторону. Затем в голове его мелькнула спасительная мысль: поймав в воздухе веревку и натянув ее, он издал придушенный вопль человека, горло которого захлестнула петля. Кто-то невидимый сильно дернул аркан, и киммериец, вцепившись в него, пополз прямо в туманную мглу.

Противник показался на глаза, когда Конана уже подтащили к скалам — правда, в тумане можно было разобрать лишь неопределенные и бесформенные силуэты. Но это не помешало киммерийцу, вывернувшись из схвативших его сильных рук, вонзить саблю в ближайшую из теней. Раздался яростный вскрик, и он понял, что лезвие рассекло живую плоть. Остальные смутные фигуры, выступив из тумана, в молчании окружили киммерийца.

Нападающие были почти невидимы и потому казались неуловимыми словно призраки; вести с ними бой было непросто. Нанеся удар, они тут же скрывались за туманной завесой, и снова появлялись в самом неожиданном месте. Однако, отразив несколько десятков выпадов и не раз обогрив свой меч кровью, Конан с облегчением сообразил, что искусством фехтования они не владеют, а пытаются одолеть его силой или нахрапом.

Успокоившись на сей счет, он принялся издеваться над незадачливым противником:

— Ну что, ублюдки, довольны? Я вас и в тумане достану! Похоже, вы и меч-то в руках держать не умеете, а лезете в драку! Лезете к людям, что шли себе по тропе и никого не трогали. Придется поучить вас, вот только успеете ли вы освоить все премудрости? А дело-то простое: клинком под ребро — раз! По шее — два! Прямой выпад в горло — три! Теперь — в грудь, в брюхо, по хребту! И все!

После каждого удара одна из теней со стоном оседала на землю и больше уже не поднималась. Конан фехтовал искусно и хладнокровно. Наконец, когда еще один нападавший свалился мешком с перерезанной глоткой, оставшиеся в живых остановились, а затем бросились прочь, тут же исчезнув за густой пеленой тумана.

Переводя дыхание и отирая со лба обильную испарину, киммериец склонился над трупом одного из валявшихся на тропе противников. Из груди его вырвался непроизвольный возглас изумления: перед ним был не человек! Низкий, покатый, шириной меньше ладони лоб, маленькие, близко посаженные темные глазки, приплюснутый, с огромными вывернутыми ноздрями нос, гигантская нижняя челюсть... Без сомнения, перед ним на тропе валялась громадная обезьяна! Конан не впервые встречался с этими животными; подобных им четырехруких тварей он видывал в джунглях на южном побережье моря Вилайет, но те были с головы до ног заросшими шерстью, эти же — совершенно безволосыми. Он мог рассмотреть чудище совершенно отчетливо, так как голый живот монстра обвивала толстая веревка, и, кроме нее, никакой одежды на нем не было.

Но где эта обезьяна взяла оружие? Ведь в лапе ее была зажата острая, как бритва, туранская сабля! И кто научил зверя обращаться с клинком? На такие вопросы киммериец ответить не мог, и тревоги его от этого не уменьшило.

От мертвого тела твари исходил острый мускусный запах. Конан принюхался и постарался его запомнить; теперь он даже в тумане сумел бы найти своих недавних противников.

— Придется спасать девчонку, — пробормотал он недовольным голосом. — Кром! Хоть она и из вражеского племени, но все же человек... не оставлять же ее в лапах этих голозадых тварей! Это было бы слишком!

И киммериец, принюхиваясь, широко раздувая ноздри, двинулся вперед по тропе.

* * *

Чем выше он поднимался в горы, тем менее плотной и густой становилась завеса тумана. Оставшийся после обезьян запах ясно указывал, что твари двигались зигзагами, видимо, стараясь запутать следы. Конан зловеще усмехнулся: это его не собьет и не обманет! Теперь их роли переменились — из преследуемой дичи он превратился в охотника, и такое положение дел устраивало его куда больше. Он полагал, что сумеет справиться с сотней голозадых; слишком они были неуклюжими и беспомощными перед его клинком и боевым искусством. К тому же у него имелся лук и полный колчан стрел!

Он двигался осторожно, но быстро, принюхиваясь и осматриваясь по сторонам. Время от времени сквозь туман проступали сложенные из больших камней курганы или грубые пирамиды — то были древние захоронения вождей туранских племен, некогда кочевавших в этих местах. Владыка Турана Ангарзев в свое время послал целую армию в Туманные Горы, дабы сохранить в неприкосновенности эти священные для туранцев могилы. Однако войска его были разбиты, и теперь ветер, дожди и солнце без помех трудились над древними камнями, оставляя на них свои разрушительные следы.

Поднимаясь все выше и выше, Конан за очередным поворотом разглядел, что тропа тянется по узкому гребню скалы, по обе стороны которого зияли глубокие

пропасти. А вдаль сквозь туман уже смутно просвечивали контуры высокой и массивной башни, сложенной из цветного камня и, казалось, плывущей к нему словно мачта огромного корабля. Скорее всего, решил Конан, его голозадые противники скрылись именно там. Прежде чем предпринимать что-либо, киммериец спрятался за очередным надгробием, намереваясь сначала приглядеться, что происходит в этом странном и загадочном месте. Он довольно долго просидел, затаившись за камнями, но ничто не нарушало царившего вокруг безмолвия и покоя.

* * *

Когда Шания очнулась, то поняла, что лежит, полностью обнаженная, на постели, покрытой черным шелком. Подняв глаза, она увидела, что рядом с ее ложем, в дубовом кресле с резным орнаментом, расположился странный человек — такой, каких дочь вождя козгаров никогда раньше не встречала. Лицо незнакомца было мертвенно-бледным, на месте глаз зияли черные провалы, череп был лишен следов растительности. Он кутался в широкую черную хламиду, скрывающую его фигуру от самой шеи до пят.

— Ты появилась здесь очень кстати, красавица, — заговорил странный человек резким свистящим шепотом. — Много лет в башне Шангара не было ни одной молодой женщины, а нам, людям Туманных Гор, древней расе Народа Вершин, необходима свежая кровь. Ты красива, сильна и молода; ты родишь много прекрасных наследников — и мне, и моим сыновьям.

Девушку затрясло от ужаса и омерзения, но запугать гордую дочь племени козгаров было не так-то легко.

— И ты воображаешь, что я, дочь вождя, чьи предки были вождями в течение ста поколений, стану твоей наложницей и рабыней твоих ублюдков?! — гневно воскликнула она. — Да я скорее брошусь с обрыва в

пропасть, чем подпущу к себе кого-нибудь из вас, мерзких псов! Выпусти меня отсюда, или, клянусь Священным Очагом, даже стены крепости не спасут тебя от копий козгарских воинов!

Губы незнакомца искривила презрительная усмешка.

— Глупая девчонка, о чем ты говоришь? О каких копьях, каких воинах? Нас надежно защищают туманы перевала Бханбар, так что забудь и думать о том, что кто-то из смертных придет к тебе на помощь. Ну, а если ты не проявишь должной покорности, тебе придется горько пожалеть, что ты родилась на свет! Думаешь обмануть судьбу, бросившись в пропасть? О, нет, нет! Тебя будет ждать куда более страшная участь!

Зловещая улыбка не сходила с его уст.

— Если не покоришься, твое прекрасное юное тело, твоя плоть будет отдана Безымянному — тому, кто долгие века наводит ужас на путников в Туманных Горах, а теперь верно служит Народу Вершин. С его помощью были разбиты много веков назад войска правителя Турана, и остались от них только истлевшие кости да ржавые доспехи... Но в те дни Народ Вершин был многочислен и могуч, а сейчас нас осталось совсем немного... Но страшиться нам по-прежнему некого: туманы и горы скрывают нас от нежеланных гостей, а если кто-то сумеет преодолеть сию преграду, Безымянный уничтожит дерзких пришельцев. Сейчас ты посмотришь на него, и у тебя не останется сомнения, какую судьбу избрать.

Человек с бледным лицом хлопнул в ладони, в комнате возникли двое его соплеменников, таких же бледных, но выглядевших моложе. Повинуясь жесту старшего, они отодвинули тяжелые каменные створки — нечто вроде двери, скрытой в нише одной из стен. За ней, видимо, находилось еще одно помещение, затянутое густым клубящимся туманом. Сквозь него можно было разглядеть огромный бесформенный силуэт, чудовищный и ужасный; и когда девушка догадалась, кто предстал перед ней, она вскрикнула и потеряла сознание.

Конан изнывал от скуки и бездействия. Он уже довольно долго просидел в засаде за своей каменной пирамидой, но в башне не замечалось никакого движения, и его чутких ушей не достигал ни единый звук. Однако острый мускусный аромат, который доносили порывы ветра, ясно подсказывал, что обезьяны скрылись именно здесь, в этом массивном строении из цветного камня. И потому киммериец терпеливо ждал, а его рука продолжала непроизвольно сжимать эфес кривой сабли.

Наконец, его долгое и тоскливое ожидание увенчалось успехом: на вершине башни появилась какая-то фигура, облаченная в широкие развевающиеся одежды. Конан злобешне усмехнулся, отложил меч, сбросил с плеча лук и колчан, а затем натянул тетиву. Тонко просвистев в воздухе, стрела вонзилась в грудь стоявшему на площадке башни человеку; без единого звука, не вскрикнув и не застонав, тот покачнувшись и полетел вниз головой в казавшееся бездонным ущелье.

Не мешкая, киммериец потянулся к колчану и достал еще одну стрелу. На этот раз ждать пришлось значительно меньше: потом в каменном подножии башни, у самой земли, распахнулась окованная железом дверь, из нее высыпала большая стая безволосых обезьян. Они помчались к нему, но рассеявшийся туман теперь не мешал киммерийцу стрелять, и каждый выпущенный им снаряд находил свою цель. Мерзкие твари одна за другой падали с обрыва в пропасть.

На всех них, правда, стрел не хватило: когда колчан Конана опустел, на тропе еще оставались две неуклюжие огромные фигуры. Бросившись на них с саблями в руке, киммериец без труда увернулся от неумелого выпада одного из противников и вонзил клинок ему в брюхо. Но со второй обезьяной возникли проблемы: пока Конан пытался освободить застрявшую в мертвом теле окровавленную саблю, он едва избежал сильного удара по голове. Потеряв равновесие, он рухнул на колени в

опасной близости от края обрыва. Яростно взыв, обезьяна бросилась на него, пытаясь столкнуть в пропасть, но Конан откатился в сторону, а безволосая тварь, не рассчитав усилия и споткнувшись об его ногу, полетела вниз с обрыва.

Дело было закончено, путь к башне свободен. Преодолев с полсотни локтей, киммериец приблизился к двери, рванул ее на себя — и тут прямо над его плечом просвистел клинок. Реакция опытного воина не подвела и на этот раз: он нырнул в сторону и ответным выпадом поразил врага. На сей раз это оказался человек, а не обезьяна — одетый в черное воин, стоявший за дверью. Сабля Конана пронзила ему горло, и он мгновенно захлебнулся кровью. Склонившись над телом, киммериец присмотрелся к противнику повнимательнее: перед ним лежал высокий, хрупкого сложения мужчина с остановившимся взглядом мертвых глаз, состоящих как бы из одного черного зрачка. Его лицо прикрывала маска из странного прозрачного, неведомого Конану материала. Повертев ее в руках, он на всякий случай спрятал маску за поясом и шагнул внутрь башни.

Теперь перед ним была широкая, спирально поднимающаяся вверх лестница с истертыми каменными ступенями. Быстро преодолев ее, киммериец очутился в большом круглом зале, с нишами и каменными дверями, темневшими в их глубине. У стен зала в неподвижности замерли с десятков существ в черных одеждах, таких же высоких, тонких и хрупких, как убитый у подножия башни человек. Люди эти сжимали в руках клинки с длинными острыми лезвиями, а в самом центре зала возвышался огромный каменный алтарь, и на его гладкой полированной поверхности недвижимо засыпала нагая красавица.

Великий Кром, то была Шания! Слегка вздымавшаяся при дыхании грудь говорила о том, что девушка еще жива, но находится либо в глубоком обмороке, либо под воздействием какого-то наркотического снадобья.

К Конану повернулись бледные лица с жуткими, пылающими злобой и ненавистью черными зрачками. Затем молчание нарушил высокий мужчина с голым черепом:

— Зачем ты явился сюда, чужак? Откуда ты? Что тебе надо? Хоть ты и носишь облачение туранского воина, я вижу, что ты — не туранец! Так кто же?

— Конан, туранский ун-баши! Запомни это имя, безволосый! Конан, родом из Киммерии! А теперь вернемся к нашим делам. Я пришел за этой девушкой, и если вы отпустите ее добром, то не буду вступать с вами в ссору и отправлюсь своей дорогой. А не отпустите... Что ж, тогда Кром поглядит, какого цвета у вас печень!

Казалось, предводитель бледнолицых не обратил внимания на эту угрозу. Оглядев Конана с головы до ног, он произнес:

— Киммерия? Никогда не слышал о такой стране. А раз так, то ее и не существует! Ты, пришелец, похоже, смеешься над нами? Только запомни, что Народ Вершин не любит шуток!

— А ты запомни, что Киммерия, моя страна, лежит далеко на севере, и что киммерийцы тоже не очень-то любят шутить. И не грози мне! Я могу в одиночку выпустить кишки всей вашей компании!

Конан угрожающе вскинул меч и уставился на безволосого:

— Ну, я жду! Отпусти девушку, отродье Нергала!

— Ты лжешь! — прошипел предводитель, бледнея от ярости. — Там, на севере, за Страной Ветров, нет ничего, кроме безлюдных снежных пустынь, где не может жить человек! Я знаю об этом, дикарь, и ты меня не обманешь, толкуя о какой-то Киммерии! А что касается девушки, то она — наша! Наша! Ей предстоит вдохнуть новую силу в древний Народ Вершин; она будет вынашивать в своем чреве наследников моего племени. А ты, дерзкий пришелец, тоже останешься здесь навсегда. Ты будешь отдан в жертву Безымянному, могущественному нашему защитнику и покровителю!

— Сначала попробуйте взять меня! — насмешливо ответил киммериец. — Поглядим, кто раньше окажется на Серых Равнинах, в царстве Нергала!

Не удостоив его ответом, человек в черном повернулся и ударил в висевший на стене серебряный гонг. По этому сигналу двое его соплеменников бросились к одной из дверей с тяжелыми каменными створками и, напрягая силы, чуть раздвинули их. Открылась узкая щель, и из нее в комнату поползли густые клубы тумана, серого и вязкого, которые мгновенно заволокли все помещение. Мглистая пелена скрыла от глаз киммерийца находившихся в зале людей, но он успел заметить, как все они прижали к лицам прозрачные маски.

Вспомнив об убитом у двери башни охраннике, Конан быстро вытащил из-за пояса такую же маску и прижал к лицу. Прозрачный материал как будто прилип к его коже — и киммериец с немалым удивлением отметил, что теперь способен видеть то, что происходит за пеленой густого клубящегося тумана. Его противники не мешкали; двое из них уже подбирались к нему, занося для удара свои длинные клинки.

Свистнул кривой меч Конана, и битва началась. Не битва, скорее — бойня, ибо у людей в черном не было ни единого шанса на спасение, и они один за другим со стонами и предсмертным хрипом падали под ударами киммерийца. Среди них Конан с удивлением заметил двух женщин — таких же бледных и хрупких. Сперва он пытался лишь уклониться от их оружия, так как на родине его, в Киммерии, не сражались с женщинами; однако эти две ведьмы никак не могли уgomониться, и ему пришлось ответить ударом на удар.

Вскоре все было кончено. Конан огляделся; на полу просторного круглого зала валялись трупы, Шания по-прежнему неподвижно лежала на жертвенном камне, и над ней вился туман. Вдруг киммериец заметил, что один из его противников еще жив — бледнолицый с угрозой тянул к нему руку и хрипел в предсмертной агонии:

— Дикарь... Презренный варвар... Ты уничтожил наш древний народ, но и тебе не избежать мучительной смерти... Сейчас ты узришь нашего защитника... узришь его, и это будут последние мгновенья твоей жалкой жизни! О, Безымянный! О, великий, дай мне сил совершить это!

Конан в изумлении раскрыл глаза: умирающий невероятным усилием сдвинул с места свое израненное тело и подполз к одной из перекрытых каменными створками двери. Вцепившись в нее, он всем своим весом навалился на створку, потянул, и каменная плита сдвинулась с пронзительным скрипом.

Глазам киммерийца предстало поистине страшное зрелище: перед ним в густых клубах тумана дергалось и шевелилось жуткое чудище, напоминавшее огромного паука. Туловище с раздутым брюхом, белесым и округлым, как бы готовым брызнуть гноем, поддерживали десяток длинных мохнатых коленчатых лап; над ними грозно подрагивали выставленные вперед челюсти, а маленькие красноватые глазки светились лютой злобой. Быть может, такие твари обитали на земле в то время, когда на ней не было людей, промелькнуло в голове у киммерийца. Сможет ли он противостоять подобному чудищу? Сейчас Конан не задумывался об этом; в первую очередь он хотел спасти девушку. Метнувшись к алтарю, он подхватил безжизненное тело Шании и перекинул ее через плечо; затем, не дожидаясь атаки жуткого монстра, бросился к винтовой лестнице, стремительно скатился по ней вниз, распахнул двери и помчался по узкой тропе. Когда он обернулся, то увидел, что чудовищный паук, резво перебирая своими многочисленными ногами, почти настигает его.

Ему удалось увернуться от первого броска чудовища, и тогда Конан резким и мощным ударом сабли попытался перерубить одну из ног твари. Сталь скользнула по твердой хитиновой броне лишь разъярив чудовище, и гигантский паук снова бросился в атаку. После нескольких попыток Конан убедился, что его сабля не может

пробить панцирь этой многоногой твари. В отчаянии киммериец огляделся, и его взгляд упал на погребальную пирамиду, сложенную из угловатых обломков скал. Камень — тоже оружие, подумал он; затем с усилием поднял над головой огромную глыбу и швырнул ее в чудовище, уже тянувшее к нему мохнатые лапы.

Спас ли киммерийца точный и сильный удар, или помогли древние таинственные заклятия, охранявшие могилы туранских вождей, но жуткая тварь внезапно испустила протяжный предсмертный вопль и рухнула наземь, судорожно дергая длинными лапами.

Не дожидаясь, пока монстр снова поднимется, Конан запустил в него еще одну глыбу, выломав ее из основания пирамиды; потом еще и еще...

Он метал камни не переставая, и когда древняя усыпальница лишилась части своей опоры, каменный холм зашатался и с грохотом рухнул на быющего в конвульсиях монстра.

Затем лавина камней скользнула в бездонную пропасть, утащив с собой чудовищного паука.

Устало вытирая капли пота, градом катившего со лба, Конан взглянул на девушку и увидел, что Шания пришла в чувство и отрешенно смотрит на него.

— Где я? И где этот старик со смертельно бледным лицом? Он хотел... хотел отдать меня... — Девушку передернуло от отвращения.

Конан успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Можешь не бояться, красавица, я выкурил из логова всех этих бледных гадюк. А того зверя, что так тебя напугал, я отправил в пропасть — вернее, он сам отправился туда. Вообще-то тебе повезло, моя красотка! Задержишься я еще немного...

В глазах дочери вождя козгаров вновь появился непримиримый блеск.

— Ты слишком много вообразил о себе, дикарь! Я и сама справилась бы с мерзавцами... да, справилась бы, если б удалось выпустить немного времени. А там бы и отец подоспел со своими воинами!

Киммериец только усмехнулся в ответ.

— Отец, говоришь? С воинами? Да если бы они и нашли путь к башне сквозь эту проклятую мглу и не попались в ловушки голозадых обезьян, то, думаю, у паука вышел бы неплохой ужин из твоих козгарских воинов! Мне ведь повезло, что я нашел оружие, способное одолеть эту тварь, а конья, стрелы и мечи против нее бессильны! — Он покачал головой и протянул девушке мускулистую руку. — Ну, ладно, вставай! Слишком мы тут заболтались, а мне надо торопиться, я давно уже должен быть в Самарре. И пока мы пробираемся через земли козгаров, мне по-прежнему не помешает заложница. Так что идем, красotka!

Шания внимательно посмотрела на великана-киммерийца, стройный силуэт которого вырисовывался на темном пологие звездного неба.

— Тебе больше не нужна заложница, северянин; я сама проведу тебя по нашим землям. В конце концов ты в самом деле спас мне жизнь, так что моя помощь будет за это не слишком большой наградой.

Внезапно тон ее изменился, в голосе появились грудные бархатистые нотки, ласковые и нежные, как пух одуванчика. Брови Конана удивленно приподнялись.

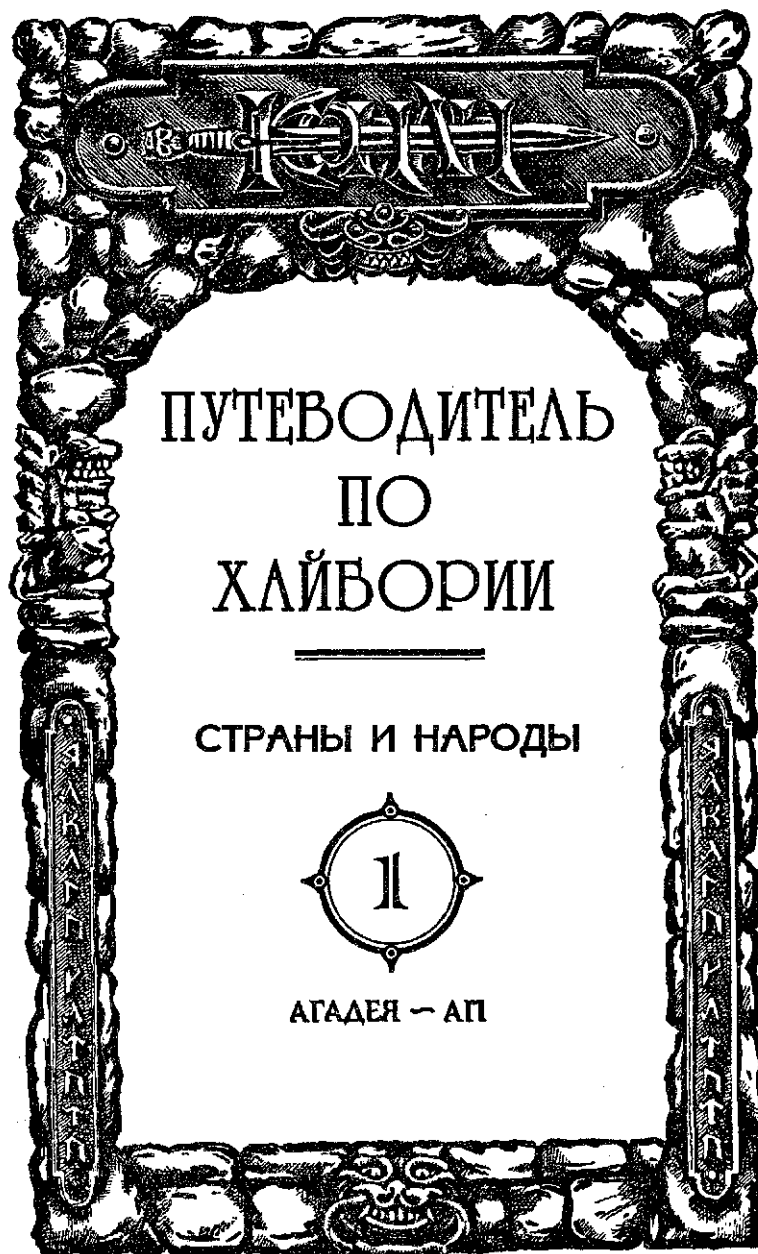
Глядя на него, девушка сказала:

— Мы пойдем с тобой на запад, к закату солнца, а по дороге ты мне расскажешь о своей далекой северной стране. Я думаю, это будет очень увлекательная история... И мы можем не торопиться в Самарру!

Опираясь на руку киммерийца, она легко поднялась на ноги. Солнце, садившееся за горы, озаряло алыми лучами её прекрасное обнаженное тело и яркими искорками отсвечивало в глазах.

Конан не мог отказать себе в удовольствии вдоволь налюбоваться этим чудесным зрелищем. Он кивнул:

— Ты права, красавица, мы можем не торопиться в Самарру. Клянусь чреслами Крома, хорошая мысль! В конце концов, что сделает мне тысячник за опоздание? А наше путешествие и впрямь обещает стать приятным!

Дорогие друзья!

В редакцию приходит много писем на тему «Саги о Конане». Приятно, что жизнеописание отважного киммерийца не оставляет равнодушным любителей «героической фэнтези». На сегодняшний день нашими издательствами вынуждено девятнадцать томов, до конца года выйдет еще шесть-семь. И останется совсем немного до обещанных тридцати...

Но «Сага» не закончится!

Идя навстречу просьбам наших читателей, мы подготовили двадцать новых книг, и теперь «Сага о Конане» будет издана в пятидесяти томах. Станет ли пятидесятый том последним или нет пока сказать трудно! Во всяком случае мы выполним свое обещание рассказать о жизни киммерийца «от колыбели до могилы».

Часто нас просят выслать недостающие выпуски сериала. К сожалению, издательство не располагает этими книгами — они давно уже стали библиографической редкостью. Но мы приложим все усилия, чтобы переиздать наиболее редкие тома.

Сериал о Конане — один из самых больших в мире. Из-за своего объема и постоянного выхода новых произведений он публикуется не в хронологическом порядке. Поэтому мы решили помочь конанологам полнее разобраться в сложных реалиях хайборийского мира и подготовили справочное пособие, которое назвали «Путеводитель по Хайбории». В создании этого уникального труда приняли участие как отечественные специалисты по творчеству Говарда, так и зарубежные коллеги из США, Норвегии и Японии. И теперь любой интересующийся подробностями хайборийской жизни сможет почерпнуть для себя много любопытного.

«Путеводитель» состоит из четырех частей.

Первая — «Страны и народы» — представляет собой уникальный справочник по географии, истории и культуре стран хайборийского мира. Мы отказались от намерения иллюстрировать каждую словарную статью картами. Вряд ли будет удобно каждый раз рыться в путеводителе, чтобы посмотреть на очертания той или иной державы. В ближайших томах мы опубликуем на наших форзацах новую карту Хайбории. Причем на переднем форзаце будет расположена карта западного полушария, а на заднем — восточного. Надеемся, что новые, уточненные карты помогут вам лучше «сориентироваться на местности».

Вторая часть путеводителя называется «Боги Хайбории». В ней рассказано практически о всех религиях мира Конана — от общеизвестного культа Митры, до редкостного культа Золотого Павлина Сабатеи.

В третьей части приведен перечень всех личных имен и терминов, встречающихся в произведениях о Конане Роберта Говарда. Возможно, впоследствии мы сумеем опубликовать продолжение этого исследования, дополнив его и героями, описанными последователями Мастера, но пока мы ограничимся классикой — произведениями самого Говарда.

Наконец, в четвертую, заключительную часть мы включили *полную хронологию жизни Конана*, составленную на основе всех опубликованных романов. Здесь же содержится и полная библиография Конанианы, а также уточненная биография киммерийца, так как хрестоматийная биография написанная Леоном Спрэггом де Кампом, к сожалению, страдает неполнотой.

В качестве приложения, мы, по-прежнему планируем публиковать статьи о творчестве Мастера и о Хайборийском мире.

Обращаем ваше внимание на то, что написание некоторых имен и названий может отличаться от тех, которые уже встречались вам на страницах «Саги». Ведь к работе над сериалом привлекалось много переводчиков, многие из которых достаточно вольно обращались с оригинальным текстом. Везде, где возможно, мы давали все известные варианты написания, а в спорных случаях всегда приводили оригинальное английское слово, чтобы читатель мог увидеть, как то или иное название выглядит в первоисточнике.

Несмотря на значительный объем «Путеводителя», мы отдаем себе отчет, что он отнюдь не всеобъемлющ. И поэтому будем очень благодарны, если вы внесете свою лепту в работу над ним и пришлете замечания, поправки, уточнения, равно как материалы и собственные исследования о хайборийском мире. Лучшие из них будут опубликованы на страницах «Путеводителя».

«Путеводитель по Хайбории» мы вынуждены издавать по частям. Нам представляется, что это будет наиболее корректным по отношению к нашим читателям — в конце концов, конанолубы покупают очередную том «Сага», чтобы насладиться приключениями любимого героя, а не для того, чтобы читать трактаты о мире в котором он действует. Общий объем «Путеводителя» составит около двухсот страниц и будет опубликован в пяти-семи томах.

Кроме того, мы хотели бы составить своеобразный «рейтинг» творчества авторов, пишущих о Конане. Поэтому просим вас прислать нам список из десяти ваших любимых романов (повестей, рассказов) о киммерийце и расположить их в порядке убывания, начиная с того, который занимает, по вашему мнению, первое место, и заканчивая тем, который достоин только десятого. Обработав эти результаты, мы сможем опубликовать список наиболее популярных авторов «Саги».

Приятного чтения!

Коллектив редакции

АГАДЕЯ

А. — небольшой по площади анклав, описанный в романе *Г.Эйлата «Бич Нергала»*, расположен восточнее моря **Вилайет** и южнее истоков р. **Запорожки**. Обитаемая часть страны — **Междугорье**, плодородная долина треугольной формы, окружена цепями высоких гор. Горы служат естественной крепостью, малочисленные перевалы надежно охраняются элитными войсками — горной гвардией. С востока А. граничит с царством **Нехрем** и подвассальным ему **Когиром**, а также с царством **Пандра**; на юге за ее границей начинаются отроги **Гимелийских гор**, юридически принадлежащие **Вендии**, а фактически, контролируемые афулами (кланами западных гулистанских племен, полускотопастухов-полуразбойников).

История. Предки коренных агадейцев (самоназвание «агади», или «акади») — кочевники-овцеводы, выходцы из полупустынь, лежащих южнее хребтов **Гимелии** (современный **Конану Иранистан**). В незапамятные времена они активно участвовали в свирепой межплеменной расправе, вызванной целым рядом причин, из которых не самая главная, но наиболее яркая — борьба пантеонов **Нергала** и **Иштар** за всемирное владычество (как всегда, орудием богов в этой войне служили смертные). Поначалу агади, фанатичные приверженцы **Нергала**, действовали напористо и успешно. Им удалось обратить в свою веру несколько родственных языческих кланов и значительно расширить подконтрольную им территорию. Но затем подлюжины крупных племен, исповадовавших религию **Иштар**, объединились и нанесли агади ряд тяжелых поражений. Союз адептов **Нергала** распался; одни кланы неопитов бежали в **Вендию**, где благополучно смешались с туземным населением, другие ушли на север, рассредоточились по долинам Гимелии, там столкнулись с дикими предками **вазулов** и, в конце концов, были поголовно вырезаны. Агади повезло, куда больше — они сумели проникнуть в **Междугорье** и совершенно мирным путем подчинили себе и **Нергалу** слабое племя коренных жителей, т.к. борьба за выживание в безводных, бесплодных песках способствовала развитию не только военного, но и дипломатического искусства. Дальнейшая история А., до появления южнее ее границ **Великого Пути Шелка и Нефрита**, малопримечательна — крепил тенденции традиционализма, а под их влиянием сформировалась и сугубо оборонительная военная доктрина. Ситуация в корне изменилась с появлением **Великого Пути Шелка и Нефрита** — полноводной реки прежде невиданных, невообразимых товаров. Один из северных рукавов этой реки обтекал южные склоны агадейских гор. Очень недолго А. служила ему естественной плотиной — указом **Клатана Второго** страна была открыта для внешней торговли, и вскоре на равнине **Междугорья**, на пути между двумя южными перевалами, возник

торговый город **Дадар**, а чуть позднее невдалеке от него бурно разрослась столица **Шетра**. История последних десятилетий вкратце изложена в романе.

Текущие дела.* Бесславное фиаско молодого короля **Абакомо**, провозгласившего себя Великим Императором А. и замыслившего покорить мир с помощью науки и магии, приводит к катастрофе. Искусственность созданного за последние десятилетия государственного строя, химеричность национальной идеологии, острейший религиозный кризис и мгновенный распад армии чудовищно обостряют ситуацию. Вероятнее всего Агадея легко падет под натиском более целеустремленных соседей.

Враги и союзники. В те или иные времена А. приходилось сражаться со всеми соседями, кроме миролюбивых рыцарей **Когира**. Наиболее часто она подвергалась нападениям **аппийцев**; неудачи остужали воинственный пыл степных разбойников, но алчность и боевая удача снова и снова гнала их на штурм грозных перевалов. Восточные завоевательные походы нехремцев прекратились после ряда жестоких контрударов, нанесенных агадейскими горногвардейцами тогда еще молодому царю **Токтыгаю**; затем, вплоть до авантюры короля **Абакомо**, **Тогтыгай** предпочитал мирную торговлю. Доводилось А. сражаться и с **Пандрой**, но после воцарения **Сеула Выжиги** пандрицам стало не до нее. Лишь изредка **Сеул** посылал на восток конные экспедиции, но это всегда носило чисто демонстрационный характер — после первого же боевого столкновения с агадейцами пандрицы стремглав удирали, и горная гвардия их не преследовала. К друзьям А. следует отнести внутреннюю оппозицию соседних стран. Короли **Междугорья** всегда охотно селили на своей земле талантливых беженцев. В иные годы поток эмигрантов из **Пандры** и **Нехрема** необычайно усиливался и вынуждал западных деспотов принимать меры — наглухо закрывать границы, бряцать оружием перед А. и даже ослаблять гнет в своих пределах. Но это, как ни странно, чаще всего давало противоположный результат.

География. А. — широкая, плодородная долина в обрамлении горных кражей и альпийских лугов. Реки ее несудоходны, города немногочисленны. На западе она граничит с **Аном**, **Когиром**, **Нехремом** и **Пандрой**, на юге — с горами **Вендии** (западные **вазулы** считают эти кражи своими).

* Данный раздел в каждой словарной статье описывает период, приходящийся на первые годы правления короля **Конана** в **Аквилонии** (здесь и далее — примечания редактора).

Географический справочник.

Дадар (Dadar) — торговый город на юге А.

Сам-Хтан (Sam-Chtan) — перевал на западе страны (граница с **Аном**). Так же называется и крепость на этом перевале.

Шетра (Shetra) — столица А.

Климат. А. равнина расположено довольно высоко над уровнем мирового океана, поэтому, хотя она и вклинивается в субтропические широты, климат можно назвать южным умеренным. За счет таяния горных снегов и схода селевых потоков, периферия долины увлажняется достаточно. В самом центре **Междугорья** раньше встречались бесплодные земли, но агади, перейдя к оседлому образу жизни, окультурили их при помощи ирригации.

Экономика. Во время событий, описанных в романе **Г.Эй-лата**, экономика А. — одна из самых развитых и перспективных в хайборийском мире. Все без исключения ее области претерпевают реформы. Идет очень бурное развитие науки и невиданная мобилизация возможностей магии. Под патронажем королей церкви **Эрешкигали** и **Инавны** (последняя в особенности) не жалеют сил, средств и времени на эксперименты, в коих живейшее участие принимает горная гвардия. Страна вовсе не полагается на добычу собственных природных ресурсов — им присвоен статус стратегических, а все необходимое сырье завозится извне в обмен на плоды агадейского прогресса, таким образом, практически вся экономика, основывается на импорте продукции.

Карта магических областей. До прихода агади **Междугорье** представляло собой аномалию в магическом поле **Хайбории** — массивные горные хребты долго мешали его проникновению. Волшебство автохтонов было донельзя примитивным, зачатки лечебной и охотничьей магии существенно не влияли на уровень магии в целом, хотя, надо заметить, среди колдовской символики агадейского жречества (присущественно храма **Эрешкигали**) встречаются заимствованные у местных дикарей пиктографические изображения. Но природа не терпит пустоты: вместе с пантеоном **Нергала** в **Междугорье** вторглось и волшебство небывалой концентрации, сыгравшее существенную роль в истории страны.

Общество. Социум А. сугубо дифференцирован на крестьянство — жителей горных и равнинных сел, скотоводов и земледельцев, и ремесленников-горожан. В последние десятилетия многочисленные монахи тоже гораздо охотнее занимались ремеслом, нежели земледелием, поэтому в монастырях общество складывалось по типу городского. Население городов и пограничных крепостей постоянно пополнялось беженцами из сопредельных стран, но тонкая политика правящего двора направляла их энергию в русло мирного развития стра-

ны. Благодаря этому, в социальной динамике преобладали центрос-тремительные силы. Агадейцы, несмотря на огромное число инородцев, — монолитная нация.

Право. Гражданская законотворческая деятельность — исключительная прерогатива короля; в монастырях правят Священные Суды, в городах — Мирские Суды. Преступления в армии, по причине ее малочисленности и привилегированного положения, рассматривает сам король или, по его поручению, кто-нибудь из вельмож, носящих высокие гвардейские чины. Тяжбы между крестьянами чаще всего разбираются в ближайших монастырях.

Вооруженные силы. В мирное время горная гвардия составляет львиную долю армии, при угрозе вторжения неприятеля производится частичная мобилизация и в крепостях, а также в некоторых монастырях, формируются вспомогательные армейские части и отряды ополчения. Во время, описанное *Г. Эйлатом*, Абакомо не исключал возможности войны на несколько фронтов и готовился к всеобщей мобилизации. Горная гвардия спешно оснащалась новым оружием, созданным алхимиками-инаннитами; ее резервом должны были стать монахи, прошедшие специальную подготовку.

Религия. Вся история храмов Эрешкигали и Инанны подтверждает немудреную истину, что человеку жрец нужен чаще, чем бог. Когда-то агади, воюя в голодных степях с другими кочевыми племенами, нуждались в поддержке бога и выбрали себе самого грозного. Надежды на победу не сбылись, агадейцы бежали на север и там превратились в земледельцев. Оседлым народам нужны покровители совсем иного толка — боги плодородия, торговли и т.п. Но ведь не откажешься от поклонения страшному *Нергалу*, знаменитому своим дурным нравом владыке мертвых. Но его жрецы предпочитают общаться не с ним, а с более мягкосердечными богинями, и то лишь в самых исключительных случаях.

Язык. Диалект агади близок иранисто-вендийской языковой семье, но и шемит, и хауранец, и афгул без поймут агадейца особого труда.

Имена и названия. Наряду с типично восточными именами (*Бен-Саиф (Ben-Saif)*, *Ибн-Мухур (Ibn-Muchur)*) встречаются и западные имена. На то есть две причины: во-первых, многолетняя иммиграция, во-вторых, мода на все иноземное, которая охватила долго жившую в изоляции А., особенно Шетру и Дадар, с появлением Великого Пути Шелка и Нефрита. Следует отметить еще одну категорию имен — жреческую. Послушник берет монашеское имя, как только поселяется в монастыре, а не дожидается пострига.

АКВИЛОНИЯ

«... самое гордое королевство в мире - Аквилония, жемчужина Запада»

Немедийские хроники

А. — передовое хайборийское королевство, основная военная и экономическая сила на западном побережье моря Вилайет.

История. Основание А. — покрыто мраком. Согласно легенде, жрец *Энимитриус* основал небольшое королевство, которое в будущем превратилось в А., что было предreshено самим *Митрой*. *Энимитриус* предсказал, что настанут времена, когда сила *Сета* вновь возрастет и Великий Змей захочет покорить хайборийские народы. Сам *Энимитриус* боролся с *Сетом* в течение двух столетий и в конечном итоге низверг Змея в бездну преисподней, но и сам погиб. Согласно легенде, его прах погребен у подножия горы *Голамайры (Golamira)*, но его дух является королям А. в дни невзгод. Другая версия основания А. Состоит в том, что А. — это часть древней *Валузии* и *Ахерона*. После того, как эти страны были разгромлены хайборийцами, коренное население смешалось с племенами варваров, что и дало начало новой нации. В романе *Р. Говарда «Час Дракона»*, в частности, говорится, что северные части *Ахерона* находились в долине р. *Ширки*. В течение 1200 лет, А. росла на запад, поглощая мелкие королевства. К таковым относятся *Гандерланд* и *Пуантмен*. Непокорные, не желавшие присоединиться добровольно, попросту завоевывались с помощью меча и огня, как, например, *Боссонские топи*. История А., мало отличается от истории других хайборийских государств: мятежи против завоевателей, междоусобные войны, зарождение и гибель династий, эпидемии и засуха. Несмотря на это А. развивалась и расширяла свои границы. Но стратификация общества приводила к опрделенному гедонизму, аквилонцы постепенно становились изнеженной, утонченной нацией, ибо военные кампании затрагивали лишь профессиональных военных. Крестьяне спокойно пахали и жали, не заботясь о вражеском нашествии, щедрая земля дарила урожаи, население увеличивалось. Через какое-то время, населением А. мог управлять самый слабый самодержец — народ был доволен и причин для восстаний не было. В 1278 г. п.п.А.*, король Хаген решил расширить А. за счет *пиктских* земель между р. *Громовой* и *Черной*. Он разделил эту территорию на четыре части — *Конаджохару (Conajohara)*, *Орисконти (Oriskontie)*, *Конавагу (Conawaga)* и *Чохиру (Schohira)* —

* п.п.А. — после погружения Атлантиды.

и назначил правителем каждой своего доверенного вассала. Эти нобили были обязаны предоставлять земельные наделы на вверенных им территориях каждому, кто имел силы и желание удержать их и дать отпор набегам пиктов. Вскоре после этого король **Вилер** погиб, и данная политика стала проводиться в жизнь его племянником **Нумедидесом**. Гораздо труднее было защитить водные границы. Ибо, в отличие от **Боссонских Топей**, имеющих в качестве естественной границы р. **Грамовую**, широкую и полноводную, р. **Черная** была гораздо уже, имела более медленное течение и легко могла быть пересечена пиктскими каноэ. Боссонцы и пикты воссоединились между собой тысячелетие. С тех пор, как **Боссонские Топи** стали частью А., то королевская власть старалась защитить своих подданных от набегов дикарей. К счастью, пикты были разделены на тысячи племен, неспособных объединиться в единую силу. Это помогло А. постепенно очистить свою западную границу от **пиктских племен** и обживать эти дикие местности.

Восстание пиктов. Произошло в 1285 г. п.п.А. Возглавил в.п. **пиктский** колдун **Зогар Саг**, после того, как был захвачен и оскорблен аквилонскими пограничными отрядами. Он сумел взять в союзники вождей нескольких пиктских племен около **Конаджохары**, которые объединили свои силы, чтобы напасть на аквилонцев. **Зогар Саг** отравил несколько колодцев в форте **Тусцелан**, и повел пиктских воинов на штурм форта. Так, за одну ночь форт **Тусцелан** и **Конаджохара** были потеряны. Из 750 человек, составляющих гарнизон **Тусцелана**, в живых остался только один. В ту пору **Конан** находился в форте **Тусцелан**. Он первым обнаружил нападающих и предупредил об опасности поселенцев, которые вместе с аквилонскими частями сумели остановить орды пиктов, и избежать нападения на **Велитриум**, но **Тусцелан** и **Конаджохара** так и не были восстановлены. После падения **Конаджохары**, многие поселенцы бежали в **Орискони** или **Чохиру**, но другие основали новые поселения близ форта **Тхандара** на р. **Боевого Скакуна**, южнее **Чохиры**. Эти поселения впоследствии выросли в собственную провинцию **Тхандара**, во главе с избранным военным губернатором и только номинально входили в состав А. Король **Нумедидес** почти не обратил внимания на вновь созданную провинцию. Он не стал посылать туда отряды и одобрил кандидатуру выбранного губернатора — **Бранта**, сына **Дрого**. Тхандарцы образовали собственную армию, назвав своих солдат рейнджерами, построили собственные укрепления и сумели выжить без помощи А..

Гражданская война (1286—1288 г. п.п.А.). В соответствии с феодальными обязательствами, аквилонское крестьянство вынуждено было тяжело трудиться, чтобы обеспечивать богатые и мощные кланы своих нобилей. Несмотря на то, что многочисленные мятежи и революции меняли династии — социальная система общества оставалась неизменной. Классовые различия в А. были гораздо

жестче, нежели в других странах, например в **Немедии**. Дворянство А. всегда имело неограниченные привилегии по отношению к другим классам. Король **Нумедидес** был последним из династии тарантийских венценосцев и имел небольшой политический авторитет в правительстве. В эпоху правления **Нумедидеса** процветало чернокнижие, разврат, взяточничество и чинопочитание. Сам король окружил себя фаворитами, а всю имперскую власть сосредоточил в руках колдуна **Туландра Ту**. Фактически, **Нумедидес** был безумен, что объясняло его противоречивые действия. **Туландра Ту** сумел создать обширную сеть собственной тайной полиции, поэтому аквилонские нобили, чрезвычайно недовольные происходящим, вынуждены были соблюдать строгую конспирацию. В 1286 п.п.А., **Конан** вернулся в **Тарантию** героем **Конаджохары**. Со временем его авторитет стал мешать многим дворцовым фаворитам, осуществлять свои интриги и **Конан** был подложно обвинен в измене и после королевского суда заточен в Железную Башню, откуда он сумел сбежать и тайно покинуть **Тарантию**. Несмотря на то, что **Нумедидес** не имел поддержки ни у дворянства, ни у народных масс, никто из благородных нобилей не сумел бы найти союзников, чтобы выступить против законного короля и свергнуть его. Равно, как никто из нобилей не имел достаточно авторитета, чтобы возглавить мятеж. Все хорошо помнили, чем закончился бунт **Фельона Тауранского**, случившийся вскоре после гибели короля **Вилера** (см. **К. Грант**, **Н. О'Найт** «**Конан — полководец**», в рус. пер. «**Псы войны**»).

Но **Конан** пользовался всеобщим уважением, как герой **Конаджохары** и идеально подходил на роль вождя. Видя это, к нему примкнули дворяне южных областей, под предводительством **Троцера** графа Пуантенского; духовенство, недовольное развитием антимирианских культов (**Декситей**); и частично, армия. Началась борьба за аквилонскую корону. **Конан** нашел сокровища **Траникоса** и, благодаря обретенным средствам, смог начать формировать армию на юге **Пуантена** и в **Зингаре**. В стране произошел раскол — половина аквилонцев поддержала **Конана**, другая половина — **Нумедидеса**, главным образом из-за того, чтобы не допустить восшествия на трон чужеземного варвара. Некоторые дворяне тайно поддерживали **Конана**, но публично сохраняли нейтралитет, умело сообщая **Нумедидесу** ложные сведения о численности и дислокации войск **Конана**. Но, с течением времени, к **Конану** примкнули даже **Черные Драконы**, личная гвардия короля. **Туландра Ту** обрушил мощь своего колдовства против **Конана**. Казалось, сама природа борется против Освободителя — ураганы сверхъестественной силы мешали продвижению освободительной армии. Многие новобранцы (особенно крестьяне) дезертировали, испугавшись колдовства. Однако в 1288 п.п.А., **Конан** тайно прибыл в Тарантию с небольшим отрядом. Он сумел войти во дворец и задушил **Нумедидеса** прямо на ступенях трона и провозгласил себя королем Аквилонии. (см. **Л. Спрэг де Камп** «**Конан Освободитель**», в рус. пер. «**Под знаменем Черных Драконов**»).

Текущие дела. Положение **Конана** все еще неустойчиво. Хотя его контроль над **Пуантеном** и **Западной Маркой** бесспорен. Однако многие провинции видят в лице **Конана** узурпатора-варвара, бесчестно занявшего трон **Тарантии**. Враги А. неустанно следят за событиями в этой стране. Так, **Немедия** крайне не заинтересована в усилении власти **Конана**. Она готовит военные отряды в поддержку законным претендентам на трон. **Коф** и **Шем** относятся лояльно к новому королю и собираются признать его полномочия. **Стигия**, как всегда, занимает выжидательную позицию.

Враги и союзники. Союзники А. — **Аргос** и **Офир**. Но хайборийская политика инициирует определенные разногласия у трех стран по политическим вопросам. Поэтому на дипломатическом поприще эти страны занимают определенную оппозицию, по отношению к А. **Зингара** не является союзником, но поддерживает дружеские отношения со своим северным соседом, ибо недостаточно сильна, чтобы воевать за приграничные земли. Но и А. не проявляет своих интересов к аннексированию приграничных земель у **Зингары** и увеличению своей территории в юго-восточном направлении. Врагов у А. множество. Прежде всего — это **Немедия** и **Коф**, страны, оспаривающие у А. лидерство на западном континенте. Недоверчиво относятся к А. и **Шем**, а феодалы **Пограничного Королевства** настроены по отношению к А. воинственно, поскольку большую часть их составляют изгнанники из А. Однако, наиболее серьезный враг — **Стигия**, и вражда происходит на религиозном уровне, т.к. А. — оплот **Митры**, а **Стигия** — **Сета**.

География. А. ограничивает на западе р. **Громовая**. На север, королевство доходит до лесистых холмов **Киммерии**. На востоке, А. граничит с **Немедией**. На юге, р. **Тайбор** и р. **Алимана** отмечают границу с **Офиром** и **Зингарой**. В А. умеренный континентальный климат. Большое количество пахотных земель, многие из которых находятся в ведении крупных феодалов. Это заставляет вольных крестьян искать новые земли на западной границе А. В центральной А. леса гуще, нежели в **Боссонских Топях**, **Гандерланде** и **Западной Марке**. На западной границе лесной массив становится практически непроходимым.

Географический справочник

Алимана (Alimano) — р. отмечающая границу между А. и **Зингарой**.

Амилия (Amillus) — баронство в А. Хозяин, барон **Тиберий**, был изгнан **Валерием** в 1293 н.п.А. **Тиберий** продолжал бороться с узурпатором и был убит **Валерием** в 1294 н.п.А.

Атталус (Attalus) — баронство на юго-востоке А. Атталус один из наиболее крупных торговых и культурных центров в А. Барон **Дион**

Толстый, кузен короля **Нумедидеса**, который управлял **Атталусом**, публично принес присягу **Конану**, но на деле был одним из зачинщиков **Бунта Четырех**, пытавшихся убить **Конана**. Впоследствии **Атталус** был отдан во владение генералу **Паллантиду**.

Боссония, Боссонские Топи — область, граничащая между центральной А. и **Пустошами Пиктов**. Они простираются по пиктской границе от **Киммерии** на севере, до **Зингары** на юге. Недавнее расширение на запад поместило **Западную Марку** между **Боссонскими Топями** и **Пустошами Пиктов**, но, тем не менее, Боссония и на сегодняшний день все еще остается форпостом между пиктами и А.

Велитриум (Velitrium) — столица **Западной Марки**, находится в **Конаджохаре**. Велитриум стоит на западном берегу р. **Громовой** и представляет собой единственное оставшееся поселение в **Конаджохаре**, после пиктского восстания в 1286 н.п.А.

Гандерланд (Gunderland) — северная область между центральной А. и **Киммерией**. Ранее Гандерланд был суверенным королевством, но в 787 н.п.А., присоединился к А., предпочитая дать феодальное обязательство, нежели воевать и истреблять собственный народ. Однако гандерландцы (гандеры) до сих пор рассматривают себя как полунезависимое государство, а гандерландские наемники присутствуют в армиях многих хайборийских королевств.

Западная Марка (Westermarck) — область между **Пиктскими Пустошами** и **Боссонскими Топями**. Разделена на несколько областей из которых наиболее крупными являются **Конаджохара** (Conajohara), **Орисконти** (Oriskontie), **Конавага** (Conawaga) и **Чохира** (Schohira) (см. **Р.Говард**, **Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»**). На территории Западной Марки протекают р. **Громовая**, **Черная**, **Боевого Скакуна**, **Кинжальная**. Три последних — мелководны.

Имирус (Imirus) — графство, которым управляет граф **Гильом** (Guilaine).

Карабан (Karaban) — графство в А. Обедневший Карабан восстал и его граф **Карлик Волмана**, стал одним из участников **Бунта Четырех**; погиб в попытке убийства **Конана** в 1288 н.п.А. (см. **Р.Говард «Феникс на мече»**).

Кваньяра (Kwanyara) — форт, самая южная граница **Тхандары** (см. **Р.Говард**, **Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»**).

Койяга, Коджага (Cojaga) — поселение в **Западной Марке** (см. **Р.Говард**, **Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»**).

Конавага (Conawaga) — самая большая, богатая, и наиболее плотно заселенная область в западных областях А. Барон **Брокас Торхский** (Brogas Torh) управлял Конавагой в течение гражданской войны, и вынудил область поддерживать **Нумедидеса** (см. *Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»*).

Конаджохара (Conajohara) — северная область *Западной Марки*. Конаджохара была узким клином, вбитым в дикую местность. Основанная в 1280 п.п.А., Конаджохара лежит между **Северными** и **Южными Ручьями**, примерно за девятнадцать лиг до того, где они впадают в р. **Черную** (западная граница). Север земли и юг Конаджохары представляет собой непроходимое болото; Форт **Тусцелан** охранял западную границу. На востоке, Конаджохара заканчивается фортом **Велитриум** на р. **Громоу**. Конаджохара была потеряна в ходе пиктского восстания в 1286 п.п.А.

Кормон (Kormon) — баронство в А. Король **Нумедидес**, назначил его повелителя, барона **Хасперуса Кормонского** губернатором **Чохирь**. **Хасперус** принял пост губернатора, но затем вернулся в свои собственные земли. В 1287 п.п.А. боролся на стороне **Конана** против **Нумедидеса**.

Куатен (Couthen) — графство, которым правит граф **Монарго**.

Лор (Lor) — баронство в А. Подробного описания нет.

Монара (Monara) — графство в А. Подробного описания нет.

Орискони, Орискония (Oriskonie) — самая северная точка провинции *Западная Марка*.

Оссар (Ossar) — река, на юге А., впадающая в **Хорот**. На слиянии р. **Оссар** и **Фури** находится город **Шикас**. (см. *Д.М.Робертс «Конан — негодяй»*, в рус.пер. «Города негодяев»).

Пеллия (Pellia) — провинция в А. Подробного описания нет.

Пуантен, Пойтайния (Poitain) — самая южная провинция А., граничит с **Офиром** и **Зингарой**. На севере она ограничена горами, на западе и юге р. **Алиманой**, и на востоке р. **Хоротом**. Пуантен — холмистая теплая местность, в которой много садов и даже растут пальмы. Граф **Троцери Пуантенский** один из приверженцев **Конана**. Несмотря на лояльность Пуантена большинство аквилонцев не доверяет южанам. Между А. и Пуантеном было немало гражданских войн.

Раман (Raman) — графство на границе *Гандерланда*.

Тайбор (Tybor) — река, по которой проходит граница между А. и *Офиром*.

Тандар (Thandar) — форт в *Западной Марке*, на р. **Боевого Скакуна**.

Тарантия (Tarantia) — столица А., большой, окруженный стенами город, на отменях р. **Хорот**. Тарантия знаменита не только как большой культурный и торговый центр, но и как место содержания аквилонских политзаключенных, которых на протяжении последней тысячи лет помещали в **Железную Башню**.

Тауран (Tauran) — область в северо-западной А., с севера ограничена р. **Ширкой**, с востока **Боссонскими Топлями**, с юга **Гандерландом**. Тауран — земля «просторных роц и залитых солнцем лугов», перемежающихся редколесьем. Большинство населенных пунктов Таурана расположено в лесах. Тауранцы считают себя защитниками державы, наподобие боссонцев и гандеров, несмотря на то, что не являются приграничной областью. Боссонцы презрительно называют тауранцев «бичеглазой деревенщиной, не знающей леса». В Тауране водится много диких животных, часто встречаются олени и лесные пантеры.

Торх (Torh) — баронство в А. Барон **Брокас Торхский** был направлен в *Западную Марку* в область **Конавага**. Барон поручил губернатору управлять от его имени и вернулся в родное поместье. Активно поддерживал **Конана** в борьбе против **Нумедидеса**.

Туна (Thune) — графство в А. Граф **Аскаланте Тунский** возглавлял **Бунт Четырех** в попытке убийства короля **Конана** в 1288 г. п.п.А. (см. *Р.Говард «Феникс на мече»*).

Тусцелан (Tuscelan) — форт, самая восточная точка **Конаджохары**. Располагается на берегу р. **Черной**, между **Северными** и **Южными Ручьями**.

Тхандара (Thandara) — область на границе *Западной Марки*. Тхандара была основана беженцами из разрушенной **Коджанахары**, стремящимися обрести свободу от феодального гнета (см. *Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»*).

Фури (Furie) — р. на юге А., впадающая в **Хорот**. На слиянии р. **Оссар** и **Фури** находится город **Шикас**. (см. *Д.М.Робертс «Конан — негодяй»*, в рус.пер. «Города негодяев»).

Хорот (Horot) — р. текущая с северо-востока А., на юг к **Тарантии**, затем на юго-запад к **Пуантену** и **Аргосу**.

Чондара (Schondara) — столица **Чохирь**.

Чохира, Шохир (Schohira) — самая маленькая область *Западной Марки* (см. *Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»*).

Шамар (Shomar) — графство на юго-востоке А. Граничит с *Аргосом, Кофом и Офиром*.

Шикас (Shikas) — город на юго-востоке А., находящийся между *Тарантией* и *Шамаром*. (см. *Д.М.Робертс «Конан — негодяй»*, в рус.пер. «Город негодяев»).

Флора и фауна. А. — сельскохозяйственная держава, имеющая тысячелетний опыт земледелия. В А. выращивают пшеницу, ячмень, овощные культуры. А. поля вспахиваются вручную или на быках, поскольку аквилонцы не знакомы с лошадиным хомутом и не используют лошадь для пахоты. Леса используются больше как естественные парки, что особенно распространено на востоке А. Хищные звери уничтожаются, а животные, пригодные для охотничьих забав: олени или кабаны, напротив, разводятся. В западных лесах еще встречаются дикие звери — пантеры, волки, медведи и рыси. Леса на Западе, особенно на границе с пиктами, практически не исследованы.

Экономика. Основное богатство А. составляют древесина, зерно и рогатый скот. Имеются небольшие залежи железной руды, олова и меди; изредка встречаются драгоценные металлы и камни. А. практически не производит собственных товаров, но благодаря оживленной торговле с другими странами на рынках А. избыток всевозможных товаров.

Карта магических областей. А. имеет нормальный уровень магической энергии в центральных районах, некоторые западные области обладают повышенным уровнем магической энергии, а северные провинции, например, *Гандерланд* — пониженным.

Общество. Аквилонцы выше среднего роста, астенического телосложения (худощавые, с длинными конечностями) и долихоцефальным (вытянутым) черепом. Антропометрия городских жителей несколько отличается, т.к. из-за малоподвижного образа жизни они часто бывают склонны к полноте. Цвет кожи изменяется в зависимости от провинции. Так, гандерландцы, в основной массе, имеют светло-каштановые волосы и серые глаза, и по сложению больше всего похожи на хайборийцев. Боссонцы среднего роста, широкоплечие, крепкого телосложения, эти признаки они получили в наследство от коренных боссонских племен, обитавших здесь еще до хайборийского вторжения.

Аквилонцы — типичная хайборийская культура, находящаяся под сильным влиянием митрианского фундаментализма. Это гордая, свободолюбивая, благородная нация. Города А. по архитектуре и устройству напоминают средневековые города юго-западной Европы. В них процветает свободная торговля, поощряемая государством. Однако представители любых промыслов, будь то ремесло или торговля, обязаны исправно платить налоги в казну местного нобиля.

Культура и традиции. Аквилонцы имеют простые нравы и не склонны чрезмерно преувеличивать собственные притязания и усложнять жизнь громоздкими правилами этикета. Возможно, это объясняется высоким уровнем прагматизма, но, тем не менее, способствует развитию определенной демократии. Так, низкорощенный крестьянин имеет право требовать правосудия у самого короля. Определение степени родства — унилатерально, т.е. определяется только по одной (мужской) линии. Старший сын, является будущим преемником главы рода, наследуя титул и земли. Если нобиль имеет только дочерей, то муж его старшей дочери становится наследником его титула и собственности. Если благородный нобиль умирает, не оставив после себя наследников, или его дочери не состоят в браке, то его братья, кузены и пр. тщательно исследуются на предмет передачи титула и наследства до тех пор, пока не отыщется подходящая кандидатура, которую утверждает сам король. Хотя дворянская кровь достаточное основание, чтобы унаследовать феодал, все же ее наличие не может служить достаточным основанием, чтобы вступить в право собственности. Так, нобиль осмелившийся выступить против короля, или попросту находящийся в опале рискует тем, что после его смерти (а порой и при жизни) все его поместья и земли будут конфискованы Короной. Хотя чаще всего такие меры могут быть проведены в жизнь только при помощи военного вмешательства. Поэтому может случиться так, что прямой наследник, по усмотрению монарха может быть заменен героем войны, крупным политическим деятелем или просто одним из дворцовых фаворитов. Монархи А. любят использовать родовые поместья и земли, как награду за хорошую службу или выполнение ответственного задания.

Государственная власть. Теоретически, король А. управляет страной единолично, а графы и бароны проводят его волеизъявление на местах. Так, например, каждый нобиль содержит собственные босвые отряды, которые он обязан передать монарху в случае войны. Правосудие между дворянами также вершит сюзерен. На практике, все обстоит гораздо сложнее. Размеры А. не позволяют королю вникать во все проблемы и напрямую контролировать нобилей на местах. Поэтому зачастую местные владыки игнорируют приказы из *Тарантии* и продолжают это делать до тех пор, пока король не вышлет войска для усмирения. Вражда между феодалами и государственной властью развивается быстро, и военные действия инот-

да делятся целые поколения. Отдаленные области А., видимо за счет своего месторасположения, постоянно провозглашают независимость и рассматривают себя как самостоятельные государства, не подчиняющиеся *Тарантии*. Так, стоит взойти на государственный трон (*Трон-Рубин, Рубиновый Трон*) достаточно мягкому сюзерену, как в *Дуантене, Гандерланде* и *Боссонии* сразу же усиливаются центробежные тенденции, которые нарастают до тех пор, пока к власти вновь не приходит более жестокий владыка и не наводит порядок на окраинах государства. Области *Западной Марки*, практически суверенны, хотя формально подчиняются А. и управляются губернаторами и *Земельными Советами*.

Право. В А. правосудие на местах вершат нобили. В каждой провинции действуют свои законы, но чаще всего решение на суде зависит от личного мнения феодала, нежели от правовых норм. В качестве свидетельства принимается все: донос, показания, полученные под пыткой и пр. Описаны случаи, когда подсудимый давал крупную взятку нобилу, чтобы он решил тяжбу в его пользу. Если подсудимый или осужденный преступник неудовлетворен решением суда, он может обращаться вверх по феодальной лестнице, подавая прошение в письменной форме. Несмотря на то, что вина или невиновность установлена судьей, решение о мере наказания может длиться бесконечно долго. Наказания сильно разнятся для разных сословий. Так, измена, призыв к бунту и убийство дворян карается обезглавливанием. Воровство у простолудина требует тройной выплаты стоимости украденного; но вору или браконьеру, принесшему ущерб благородному нобилу, могут отрубить руку или повесить. По гражданским делам чаще всего назначается восстановление ущерба и в редких случаях штрафы, в целом суровые наказания и пытки не характерны для правосудия А.

Религия. Подавляющая часть населения А. поклоняется *Митре*. Другие культы в А. практически не встречаются. Хотя имеются немногочисленные приверженцы восточных богов, в том числе вендийского *Асуры* и некоторых шемитских божеств. Часть религиозных культов запрещено в А. Так, приверженцы *Сета* изгоняются из страны. Древняя нагуальная вера пиктов, рассматривается как «демоническая». В истории А. не было королей, поклоняющихся другим богам, кроме *Митры*.

Вооруженные силы. А. обладает одной из самых лучших армий в мире. В ней есть все типы регулярных войск, включая конницу. А. армия славится хорошей подготовкой — многие воины имеют значительный ратный опыт, приобретенный в *Западной Марке* или на северо-западных границах. *Боссонские Топи* прославились своими стрелками, а *Гандерланд* — тяжелой пехотой.

Язык. А. язык относится к хайборийской семье. На западе имеются примеси зингарского, на северо-востоке: немедийского и офирского. Восточный аквилонец может свободно общаться в этих странах. Южане свободно говорят на зингарском и аргосском. Лишь западные земли ограничены в языковом влиянии.

Имена и названия. Большинство аквилонских имен напоминают романские: *Аммалус (Attalus), Бантус (Banthus), Бараккус (Baraccus), Вилер (Vilerus), Дексумеи (Dexitheus), Дион (Dion), Люциан (Lucian), Публий (Publius), Сервий (Servius), Тиберий (Thyberius), Тусцелан (Tuscelan), Флавий (Flavius), Хадратус (Hadrathus), Эмилиус (Emilius), Эпей (Epeus), Юния (Junia).* Пуантенские имена испытывают влияние зингарских традиций, и похожи на итальянские: *Гонзальвио (Gonzalvio), Просперо (Prospero), Троцери (Trozero),* и т.д. Фамилии встречаются редко, но есть люди, которые добавляют к имени прозвище: *Дион Толстый* или имя отца: *Эмилиус, сын Флавия.* *Боссонские* и *гандерландские* имена имеют свою специфику и напоминают германские. В западных районах имя не употребляется без имени отца (*Ион, Галстер-са сын, Голт, Хагарса сын, Отхо Корма сын* и пр.).

АНТИЛИЯ

А. — цепь о-вов в Западном Океане. Вероятно, эти о-ва остатки затонувшей Атлантиды. А. — замкнутая, локальная культура, полностью изолированная от Хайбории.

А. описана в романе Л. Спрэгга де Кампа «Конан-островитянин» (в рус. пер. «Тени Ужаса»). В других местах «Саги» она не встречается, хотя Атлантида и другие протокультуры упоминаются достаточно часто.

История. А. — последняя часть древнего о-ва атлантов, находившегося в Западном Океане неподалеку от древней Турании. Атлантида была мощной и высокоразвитой цивилизацией далеко превосходящей по уровню развития современную Хайборию. Она управлялась жрецами, исповедующими культ демонических существ Полной Ночи. Одна из жреческих фракций поклонялась Черному Ксотию (в рус. пер. Хотли) (Xotli), Владыке Ужаса, чьи жрецы приносили ему в жертву рабов, вывезенных с континента. За тысячи лет до рождения Конана, сейсмические толчки погрузили Атлантиду на дно Западного Океана, и, несмотря на то, что рельеф морского дна с того времени не раз изменялся — остров атлантов так и остался погребенным под толщей вод. Еще до катастрофы немало его жителей переселилось на

побережье **Турании**. Но малочисленные колонии не смогли сохранить культуру — находясь в постоянных сражениях с пиктами они постепенно дичили и скатывались к варварству. Священники **Холти** сбежали в А. на гигантских летающих судах. Кроме них уцелела еще одна группа атлантов, улетевших на загадочный континент **Майяпан**.

Прибыв на А., атланты столкнулись с автохтонами — разрозненными племенами маленьких темнокожих дикарей с раскосыми глазами. Поработив коренное население, атланты основали город **Птауакан** (Ptahuacan) (в рус. пер. **Птаукан**) и воскресили культ **Черного Холти**. Возрожденная жреческая власть позволила выходцам из Атлантиды сохранить остатки цивилизации. Служители **Холти** на тех же летающих лодках предприняли несколько экспедиций на континент, надеясь отыскать уцелевших соплеменников, но, вскоре вернулись, никого не обнаружив. **Атлантида** погрузилась в пучину вод, а **Турания** был слишком далеко, чтобы можно было рассчитывать найти там кого-то оставшихся в живых. У жрецов оставалась последняя надежда на милость демона **Холти**, которого они неустанно молили возродить их погибшую державу. Но воссоздать цивилизацию не удалось — слишком мало атлантских магов и мудрецов выжили после чудовищной катастрофы. Шли годы, бывшие технологические секреты постепенно забывались, страна неуклонно скатывалась к варварству. А чудовищное божество требовало все новых человеческих жертв и население А. уменьшилось на глазах. Чтобы отыскать новые места для охоты на людей, жрецы вызвали из пучин Хаоса **Красные Тени** — крылатые демонические существа, доставлявшие человеческие души в жертву **Черному Холти**, чтобы утолить его голод. Вскоре обитатели **Майяпана** поняли, что источник появления **Красных Теней** (**Теней Ужаса**) находится в **Западном Море**. Но они стояли на низкой стадии развития и не имели ни технологии, ни магии, чтобы противостоять как **Красным Теням**, так и кораблям антилийцев, совершавшим регулярные рейды в поисках жертв. Поэтому они спаслись бегством и откочевали в глубь континента, в дикие земли.

Текущие дела. Истощающиеся источники жертв заставили решиться жрецов **Холти** на отчаянные меры. На время, они успокоили аппетиты бога, отдав ему соплеменников. Но это сулило только временную отсрочку. Тогда священники вынесли на обсуждение Иера-раха новый план — послать корабли на восток, и, в поисках рабов-варваров, высадить десант на побережье континента. Эта мера встретила сопротивление со стороны **Верховного Жреца**, но т.к. он стар, то, вероятно, после его смерти преемник осуществит этот проект.

Враги и союзники. А. полностью изолирована от контактов с **Хайборией**. Она не имела ни врагов, ни союзников до первого столкновения с выходцами с континента. За время налетов **Теней Ужаса** она приобрела двух активных врагов — **Аквилошию** и **Аргос**.

География. А. представляет собой цепь, состоящую из семи больших о-вов, к юго-востоку от **Майяпана**. О-ва находятся приблизительно в 3 000 милях западнее аргосского побережья. **Антилийские о-ва** — коралловые рифы, поднявшиеся над поверхностью моря в результате тектонической активности земной коры. Поэтому на них нет полезных ископаемых, в частности, железной руды. Антилийцы изготавливают свое оружие, и доспехи из закаленного стекла. Такое оружие чрезвычайно остро, хотя и страдает повышенной хрупкостью.

Географический справочник.

Майяпан (Mayapan) — далекий западный континент, мельком упоминающийся в «**Сage**». Вероятно, так называется американский материк, где находится цивилизация **прото-маяя** и одичавшие остатки атлантов.

Птаукан (Ptahuacan) — единственный город в А.. Он представляет собой «...серию плоских наклонных ступеней-уровней...», крутые улицы, сбегające вниз, соединены между собой лестницами. Нижние ярусы занимают просторные долины, верхние — жречество. Архитектура **Птаукана** — атлантская. «... даже самые современные города <**Хайбории**> не могли сравниться с массивными очертаниями величественных храмов и с кропотливо обработанными мельчайшими деталями барельефов. Фантастический зиккурат на центральной площади, увенчанный великолепным храмом, не уступал по размерам пирамидам **Стигии** и вызывал в памяти зловещие контуры некоторых мрачных культовых построек **Шема**. Он, должно быть, возводился тысячами рабов многие века. Площадь ограничивали убегающие вдаль ряды скамей, они поднимались вверх, ступенька за ступенькой вокруг пирамиды и могли бы вместить тысячи зрителей...». Ранее численность населения **Птаукана** составляло сотни тысяч людей. Но ко времени визита **Конана** оно существенно сократилось из-за обильных жертв злему божеству.

Климат. Климат А. — тропический, влажный. Летом часты циклоны, приносящие урон о-вам. Зимы — теплые, без снега и льда.

Флора и фауна. В А. — листопадные и вечнозеленые тропические леса, которыми о-ва покрыты практически полностью. В А. обитают двуногие нелетающие птицы и большие динозавроподобные рептилии. Млекопитающие полностью отсутствуют. Моря вокруг А. изобилуют рыбой многих разновидностей и морскими членистоногими: омарами, крабами, лангустами. Антилийцы на маленьких судах занимаются промыслом устриц. Около побережья водятся гигантские акулы и осьминоги, которые часто нападают на пловцов. Но, несмотря на опасности, этот промысел процветает, т.к. морепродукты — основная пища для антилийцев.

Экономика. В А. — натуральное хозяйство. Торговля между А. и континентом отсутствует. Хотя не исключено, что со временем она станет возможной, т.к. жители А. имеют ряд товаров, имеющих большую ценность на континенте: стекло, оперение тропических птиц, жемчуга.

Карта магических областей. Большинство местностей А. имеют низкий уровень магической энергии. Он повышается только около **Большой Пирамиды в Птаукане**. На **Алтаре Полной Ночи** уровень магической энергии очень высок.

Общество. Основу антилийского этноса составляют потомки атлантов, смешавшиеся с низкорослым и темнокорым местным населением. Современные антилийцы среднего роста, худощавого телосложения, со смуглой кожей, черными волосами, узкими глазами, выпуклыми лбами и крючковатыми носами. Культура антилийцев обогатилась новыми чертами, заимствованными у иммигрантов. На протяжении 4 000 лет сложилась принципиально новая цивилизация, базой для которой стала культура атлантов. Ассимиляция произошла потому, что полное возрождение культуры атлантов невозможно, из-за отсутствия железа и других металлов. Жрецы до сих пор используют уцелевшие изделия атлантов, преимущественно те, что были изготовлены из загадочного сплава — **орихалка**, т.к. он, в отличие от большинства других металлов не подвержен коррозии. Многие технологии утеряны навсегда, хотя некоторые механизмы атлантов все еще доступны для производства. К их числу можно отнести т.н. **судно-призрак**; **шлем для дыхания под водой**; **огнеметы** и пр. А. управляется **Верховным Жрецом Холти** — **Иерархом**, ему подчиняются остальные священнослужители.

Традиции. Постоянная угроза быть принесенными в жертву **Холти** деморализует жителей А. и отражается на их психике, иницируя состояние апатии, безучастного отношения к окружающей действительности. На улицах **Птаукана** процветают грабежи и убийства. «... антилийцы казались ... людьми вялыми, униженно-покорными, с остекленевшими, ничего не выражающими глазами и испуганными лицами...». Жрецы подозревают, что **Черный Холти** подпитывается энергетикой местного населения, постепенно поглощая их жизненную силу.

Право. Закон в А. прост — те, кто не повинуются приказам жрецов, приносятся в жертву. В любом споре между священниками слово **Верховного Жреца** — **Иерарха** остается последним. Несмотря на то, что жрецы усиленно распускают слухи, что А. о-ва — единственная земля в **Мировом Океане**, в А. нередки случаи побега. Для того чтобы воспрепятствовать этому, вокруг побережья постоянно патрулируют корабли-драконы **Морской Охраны**. Попытки к бегству пресекаются успешно, но, несмотря на **Морскую Охрану**, некоторым

жителям все же удается бежать. Неизвестно, каков процент беженцев остается в живых и достигает **Майяны**, а, сколько из них погибает, пытаясь отыскать затонувшую Атлантиду.

Религия. Антилийцы поклоняются **Холти**, **Владыке Ужаса**, демону **Полной Ночи**. Другие религии в А. неизвестны.

Вооруженные силы. Большую часть антилийской армии составляет средняя пехота, а также **Вояны Огня**, вооруженные неким подобием современных огнеметов. Но, т.к. А. не имеет внешних врагов, то армейские части используются в качестве внутренних войск — для поддержания порядка. В святилищах имеется **Храмовая Охрана** — небольшие отряды тяжеловооруженной пехоты.

Язык. Язык А. — «**гортанный и свистящий**». Он произошел от языка атлантов, смешанного с примитивными местными наречиями. Исторически он взаимосвязан с хайборийской ветвью языков, его корневая система ближе всего соотносится с современным киммерийским. Письменность А. — иероглифична. Возможно, она заимствована из **Майяны**, поскольку атланты использовали идеографическое письмо.

Имена и названия. Названия А. напоминают протоамериканские (майя) или египетские: *Итира (Itzra)*, *Катлаксос (Catlaxos)*, *Метемфос (Metemphos)*, *Хатунеп (Hutunep)* и т.д. Эти названия, по-видимому, произошли в результате слияния атлантской культуры, чья номинативная система языка напоминала прото-египетскую с местной языковой средой, сильно зависящей от культуры **Майяны**.

АП

А. — разбойничья страна, живущая исключительно набегами на соседние народы, упоминается в романе **Г. Эйлата «Бич Пергала»**. Страна переживает эпоху так называемой военной демократии: классовое расслоение почти не прослеживается, союзными кланами правит выборный вождь или вожди (соправители), для которых успехи в грабительских походах — главный залог благополучного пребывания у власти.

История. В период становления **Когир** и **Нехрема** (приблизительно за два с половиной века до прихода **Конана** в эти страны) одно из племен южных гирканцев, кочевавших по необозримым просторам гирканских степей, поселилось в непосредственной близости от своих родичей — будущих нехремцев. Для них отпала необходимость перегонять стада в поисках новых пастбищ — разбойничьи

налеты на соседей позволяли кое-как сводить концы с концами. А с появлением **Великого Пути Шелка и Нефрита** выросла и добыча, и разбой стал бытовой нормой. Со временем сложилась религия и мораль, не только целиком оправдывающие, но и восхваляющие такой образ жизни, возник миф о богоизбранности правящего апийца-разбойника, о его превосходстве над всеми иноземцами.

Текущие дела. Соправители А., братья **Каи-Хан** и **Авал-Хан**, чуть ли не от рождения ненавидят друг друга, но дальше мелких пакостей заходить не смект — закон суров, и тот, кто прикончит своего соперника, будет жестоко наказан. Другое дело — опозорить недруга, подорвать его авторитет, — в таких случаях уже можно требовать его отстранения от власти. Вторжение в *Нехрем*, инспирированное королем *Агадеи*, для **Каи-Хана** заканчивается печально: он опозорен и искалечен. Дни его сочтены, поскольку брат ни за что не упустит своего шанса. Войско недовольно обоими правителями и склоняется к досрочным перевыборам. Царь *Нехрема* и подвассального ему *Когира Токтыгай* надеется раз и навсегда покончить с апийским бандитизмом, как только оправится от вторжения степняков и агадейской горной гвардии.

География. А. — длинная и узкая полоска солончаковой степи, лежащая субшироко севернее **Гимелийских гор** и граничащая на юге с *Нехремом* и *Когиром*, а на востоке с *Агадеей*. На западе и северо-западе страну окаймляет необитаемый хребет **Овечьи Гибель**. По территории А. совершенно произвольно разбросаны шесть нищих городков и полторы дюжины селений, непременно окруженных высокими и прочными стенами; столица **Кара-Ап** ничем не отличается от других апийских городов.

Климат. На всей территории А. климат **аридный** (засушливый), очень резки суточные перепады температур. С севера, из *гирканских* степей, часто приходят суховеи.

Экономика. Промышленность отсутствует, если не считать сезонной добычи соли на нескольких горько-соленых озерах на востоке страны. Это своего рода концессия, о которой не ведают соправители А. — один из племенных вождей тайком договорился с агадейцами напрямую, и теперь повозки с солью уходят в **Междурье**. Единственный источник доходов в казну — военная добыча, носящая трогательное название «**милостыня Иштар**». Вожди наиболее независимых племен (опять же тайно, вопреки правительственным и религиозным запретам) иногда берут выкуп за пленных или продают их в рабство за границу. Примечательна изобретательность малочисленных апийских ремесленников — не имея постоянных источников сырья, они вынуждены утилизировать всякий хлам, добытый в бою. Апийскому кузнецу ничего не стоит перековать орало на меч, шорнику — смастерить седло из кожаных подметок и т. п.

Карта магических областей. Местные колдуны имеют некоторый опыт обращения с магическим полем, довольно равномерно распределенным по стране, но слабым. Естественно, особым почетом пользуется **военная магия** — многие шаманы участвуют в походах, хотя им приходится сражаться наравне с другими воинами. На втором месте — **магия лечебная**, и надо заметить, апийские ведуньи знают толк в травах и минералах. Не в ходу колдовство, не носящее прикладного характера, считается, что апийцу следует больше полагаться на саблю и воинское искусство, чем на заклинания и талисманы.

Общество. Апийская нация неоднородна, — в разных кланах разные обычаи. Объединяет их только общая цель — пожива за счет соседей. Религия запрещает апийцам держать рабов, и эта роль закономерно достается женщинам. Детей мужского пола чуть ли не с рождения готовят к войнам, учат презирать человеческую жизнь — как чужую, так и свою.

Право. Попытки разных правителей создать действующие кодексы успехом не увенчались, зато оказались стойки стихийно возникшие законы: «**воинской чести**» (действуют в армии), «**суд Иштар**» (гражданский суд), и «**суд ножа**» (свод правил, регулирующих межклановые отношения, в том числе и закон кровной мести). Вожди нации избираются по принципу, заимствованному у стигийцев: претендент должен пройти выдержать испытания на физическую силу и боевую выучку; того, кто не сдаст «минимум правителя», жестоко казнят.

Вооруженные силы. Служба в армии — дело добровольное, но желающих всегда хоть отбавляй. Легкая апийская конница очень боеспособна, ни в чем не уступает грозным армиям *гирканских* наездников. В сражениях всюду использует маневр, от столкновений с тяжелой кавалерией, как правило, уклоняется. Когда опасность угрожает апийским городам, правители спешно создают ополчение, в том числе и пехотные войска.

Религия. *Иштар* апийцев — богиня войны и распри, в успешных набегах воины вспоминают о том, что она покровительствует и плотской любви. Ей приносятся человеческие жертвы, жрецы ее культа малочисленны, но влиятельны.

Язык. Апийцы говорят на *гирканском* языке с южным акцентом. Переход к оседлости очень обеднил их словарь — из него выпало множество понятий, а новых пришло мало.

Имена и названия. Напоминают монгольские и семитские: *Авал-Хан* (*Aval-Chan*), *Ияр* (*Iyar*), *Каи-Хан* (*Kai-Chan*), *Нулан* (*Nulan*).

(продолжение в следующем томе)

СОДЕРЖАНИЕ

Майкл Мэнсон

СЕРДЦЕ АРИМАНА

Глава 1. Талисман	8
Глава 2. Власть	15
Глава 3. Послы	35
Глава 4. Кофисц	53
Глава 5. Маги, грабители и послы.....	77
Глава 6. Шемят.....	98
Глава 7. Кхитаец.....	124
Глава 8. Жрец Асуры.....	145
Глава 9. Три камня.....	163
Глава 10. Демон.....	180
Глава 11. Стигиц.....	197
Глава 12. На рубеже Офира.....	213

Торн Сейшел Стюарт

ВЛЮБЛЕННЫЕ ИЗ ХОАРЕЗМА

Пролог.....	223
Глава 1. Ночной визит. Мишрак.....	226
Глава 2. Ночной разговор. Магриб.....	239
Глава 3. Ночной гость. Юлдуз.....	259
Глава 4. Ночные шорохи. Свиток.....	280
Глава 5. Ночная свадьба. Фейра.....	297
Глава 6. Ночной сговор. Бахрам.....	320
Глава 7. Ночной допрос. Мардуф.....	335
Глава 8. Ночной полет. Волшебный ковер.....	354

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер

ВОИНСТВО МЕРТВЕЦОВ

380

Леон Спрэг де Камп, Бьерн Ниберг

ЛЮДИ ТУМАННЫХ ГОР

403

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ: СТРАНЫ И НАРОДЫ

Агадея.....	425
Аквилония.....	429
Антилия.....	439
Ап.....	443

Литературно-художественное издание

Бьерн Ниберг
Леон Спрэг де Камп
Лин Картер
Майкл Мэнсон
Торн Сейшел Стюарт

КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА

Руководитель проекта: *Дмитрий Ивахнов*
Редактор: *Михаил Нахмансон*
Художник: *Андрей Апискин*
Технический редактор: *Сергей Арефьев*
Корректор: *Нина Натарова*

Издательство «Тролль».
410027, г. Саратов, ул. Одесская, 9

Лицензия № 010945 от 05.03.93 г.
Сдано в набор 10.08.96. Подписано в печать 26.08.96.
Формат 84 × 108 1/32. Гарнитура «Таймс». Тираж 36 000 экз.
Заказ № 6.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

„САГА О КОНАНЕ„

ПО АДРЕСУ:

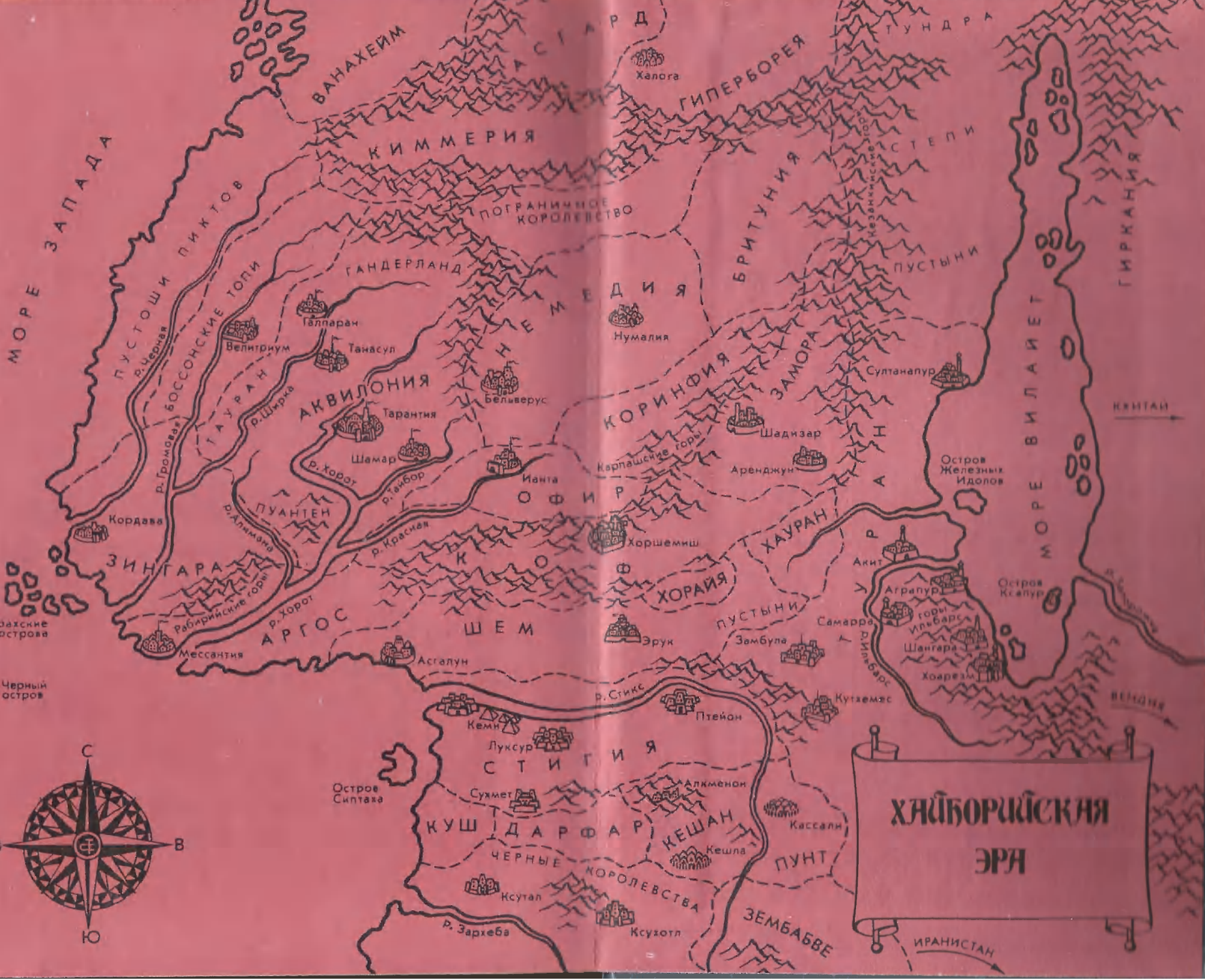
197110

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А/Я 171

или по электронной почте :

sevzap @ infopro. spb. su

Conan™

